ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА СТАРЫХ НИЖЕГОРОДЦЕВ

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1964 ГОДА,
В 2016 ГОДУ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Том 45

Нижний Новгород
2020

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ
НИЖНЕГО НОВГОРОДА

ОБЩЕСТВО СТАРЫХ НИЖЕГОРОДЦЕВ

Журнал
«ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ»
Том 45

«История, это не только то, что происходило 200 или 500 лет назад,
прошедший сегодняшний день тоже уходит в историю,
уходят в историю люди и их дела…
давайте же вместе ткать полотно истории родного края»

Л.С. Токсубаева

«Наш журнал должен стать коллективной копилкой богатств
знаний о нашем городе, об А.М. Горьком и его эпохе,
обо всем, что видело и пережило наше поколение»

из колонки «от редакции» первого номера журнала, 1964 г.

Нижний Новгород
2020 год

Главный редактор А. М. Цирульников
редактор- составитель М.В. Шайхутдинова

Редакционная коллегия:
М.А. Чириков, И.С. Богомолов, А.В. Попов

Фото на обложке: Б.С.Извеков
Компьютерная вёрстка: А.И. Мусихин

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность
нашим многолетним спонсорам, без которых выход в свет
45 тома Памятных записок был бы невозможен:

Генеральному директору ОАО НПЦ «ННИИРТ»
Григорию Алексеевичу Егорочкину

нач. отдела рекламно-выставочной деятельности ОАО НПЦ «ННИИРТ»
Виктору Николаевичу Ожерельеву

бизнесмену
Сергею Евгеньевичу Кочетову

СОДЕРЖАНИЕ

Цирульников А.М. От редактора 5

ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

Цирульников А.М. Гимн «Город доблести и славы» 7
Цирульников А.М. От стен Нижегородского Кремля начала боевой путь 322 дивизия 8
Цирульников А.М. Автозаводцы в годы войны. 11
Цирульников А.М. Должен и сын героем стать, если отец герой. 18
Галай Н.Н. Военные будни тыла 26
Шайхутдинова М.В., Шкуркин М.П. Бессмертный полк – фоторепортаж из села Леонтьево 36

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Дебихина Н.И. О первых фордах на нижегородской земле 43

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ИСТОРИЯ

Цирульников А.М. Про полуторку. 51
Цирульников А.М. Во кузнеце кузнецы… 55
Цирульников А.М. Вокруг Берии 83
Цирульников А.М. О Болдине… 106
Харламов В.А. Памяти достойного служения 121
Хроматов В.Е,,Семенова Т.Е. Великие нижегородцы в МЭИ. В.А. Голубцова 125

И ОСТАЛИСЬ ГОДЫ ЭТИ В УНИБРОМЕ, В БРОМПОРТРЕТЕ…

Новокрещенова Т.М. Деятельность художника А.А. Карелина в Туркменистане (1925-1928 гг.) 139
Цирульников А.М. Встреча, которая могла быть 147

К 800-ЛЕТИЮ Н.НОВГОРОДА

Михайлов М.М. Шайхутдинова М.В. Место, где возрождается духовность 165

К ДНЮ УЧИТЕЛЯ

Пигалицын Л.В. Учитель и космонавтика 173
Березина Т.Ю, Чириков М.А. Пусть говорит история 177
Квач Н.В. Школьные годы чудесные 182
Галай Н.Н. Мои учителя 187
Новокрещенова Т.М. «Воспитывала, как своих детей» 197

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

Михайлов М.М., Чириков М.А, Шайхутдинова М.В.
Бабушка нижегородского краеведения. Памяти Кессель А.В. 201
Толмачева Н.Н. О Вере Николаевне Андриановой 206
Шайхутдинова М.В. Владимир Валентинович Медведев 208

О БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКИХ МУЗЕЕВ

Богомолов И.С. – «Что мы могли узнать о музее нижегородской интеллигенции из прессы..– окончание 213
Чириков М.А. Тревожный год незабываемых встреч, тщетных надежд и уникальных пополнений. Литературный музей Е.Н. Чирикова в 2020 году 233
Шайхутдинова М.В. К 100-летию А.Д. Сахарова – Экскурсия по сахаровским местам 241
Галай Ю.Г. «Всю жизнь работал на других..» 252
Богомолов И.С. Нижегородский технический музей 257
Мальцева И.Г. От общественной до общедоступной. 260
Цирульников А.М. Три эпизода с участием С.Михалкова. 266
Луцкая И.Н Банковский музей на Большой Покровской. 270
Новосадов И.Л. История нижегородского музея «холодной войны» и истории города Горький в 1946–1991 гг. 275

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

Залесский Л.Б. Теплый остров 285

В ЛЕСАХ И НА ГОРАХ

Мининзон И.Л. Рассказы об усадьбах 297

ТВОРЧЕСКАЯ ГОСТИНАЯ

Галай Н.Н. Жизнь и хобби. К 75-летию со дня рождения Ю.Г. Галая 311

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Чириков М.А. Подарки к юбилею писателя Е.Н. Чирикова 317

ОТ РЕДАКТОРА

У этого нашего альманаха замечательное совпадение: его номер – 45 – соответствует дате нашей Великой Победе 45 году 20 века, 75-летие которой мы отмечали в 2020 году. Собственно, это событие и память о нем и стали главной темой нашего издания. Тем более, что наш город отныне носит высокое государственное звание «Город трудовой доблести». Но мы – то хорошо знаем, что и Боевой доблести у него тоже достаточно...И гордимся этим. Наши авторы, за малым исключением, люди уже в весьма солидном возрасте, так что они сами являются свидетелями событий, о которых пишут, вспоминают, рассказывают или воспроизводят их со слов непосредственных участников, с которыми были в родстве и близком знакомстве. Именно эта «короткая» память, близость авторов к тому, что служит им темой публикации и есть главная ценность «Памятных Записок старых нижегородцев».

Так уж случилось, что многие пустующие страницы пришлось занимать своими очерками мне. И это не от желания воспользоваться положением редактора, а следствие обстоятельств. К сожалению, для нас, старых нижегородцев, наступило тяжелое время потерь: уходят современники, товарищи по жизни и судьбе, авторы и соавторы нашего журнала, который мы хотим издавать и дальше. Чем дольше он будет выходить в свет, тем дальше будет жить наше рожденное в первое послевоенное время Общество. А это важно, потому что оно само является мемориальной достопримечательностью нашего 800-летнего города и документально подпитывает знания о нем и его людях у тех, кто сейчас считает себя нижегородцами и со временем и возрастом станет Старыми Нижегородцами и будет самой жизнью своей продолжать то, что перехватили мы у наших ветеранов и что они заимствуют у нас…

Я в этот раз избегу обзора новых публикаций, потому уверен – читать здесь надо все без предварительного нацеливания и рекламы. Примите мое уважение и почтение от Старых нижегородцев в год великого юбилея Нижнего Новгорода.

Цирульников А.М.

ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

- Цирульников А.М. Гимн «Город доблести и славы»
- Цирульников А.М. От стен Нижегородского кремля начала боевой путь 322-я дивизия
- Цирульников А.М. Автозаводцы в годы войны
- Цирульников А.М. «Должен и сын героем стать, если отец герой»
- Галай Н.Н. Военные будни тыла
- Шайхутдинова М.В. Фоторепортаж из д. Леонтьево Сосновского района Нижегородской области

Стихи А.М. Цирульникова
Музыка Е.Н. Петрова

ГИМН «ГОРОД ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ»

Мой Нижний Новгород родной,
ты был всегда и труженик и воин.
И доблести и славы наградной
ты всей своей историей достоин.
Ты числился, как город «тыловой»,
хотя три года ночи рвались в клочья.
Ты жил в огне, и славы боевой
Хотя б за фронт ночной достоин точно!
Нам не забыть тот сорок третий год,
когда бомбежки дом и цех крушили.
и из руин вставал автозавод
и слал на фронт и танки, и машины.
Ты поднимался, звал других: «Вставай!»,
в герои выходили твои люди.
И вся Россия в наш победный Май
салютовала из твоих орудий.
Мой Нижний Новгород родной,
вслед за тобою поднималась область.
И каждый городок соседний твой
являл Отчизне трудовую доблесть!
И, выполняя Родины приказ,
вставали рядом тесно и сурово
Дзержинск, и Балахна, и Арзамас,
и Павлово, и атомград Сарова.
Уходят ветераны в мир иной,
потомкам остается свет традиций.
Наградами Отчизны дорогой
нам навсегда завещано гордиться!

Об авторах:
Поэт Александр Маркович Цирульников – заслуженный работник культуры РСФСР, почетный гражданин Нижегородской области, член Союза писателей РФ и Союза журналистов РФ, кавалер орденов Дружбы и Почета.
Композитор Евгений Николаевич Петров – заслуженный артист РФ, почетный гражданин Нижегородской области, художественный руководитель и главный дирижер Нижегородского губернского оркестра.
Исполняет – **солист НГО Евгений Зубарев**.

Мы сознательно упомянули в тексте послевоенный Саров, потому что благодаря ему был создан ядерный паритет, сохранивший завоевания Великой Победы!

Александр Цирульников

ОТ СТЕН НИЖЕГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ НАЧАЛА БОЕВОЙ ПУТЬ 322-Я ДИВИЗИЯ

В январе 2020 года президент Украины Владимир Зеленский во время выступления в Польше на 75-летии освобождения узников Освенцима сообщил, что освободителями были бойцы Первого Украинского фронта из 322-й Житомирской дивизии. Создалось впечатление, что глава Украины считает, что фронт был сформирован из украинцев, а в дивизии воевали их земляки из Житомира. Вот и приходится довести до сведения господина Зеленского, что фронты в Красной Армии назывались по местам их боевых действий и меняли наименования по ходу движения к границам СССР. А потом сохраняли их уже на зарубежной вражеской территории. Что касается 322-й дивизии, то Житомирской она стала именоваться за то, что освободила от фашистов и их приспешников город Житомир. А воевали в ней в основном красноармейцы – горьковчане, потому что сформирована она была в Горьком и ушла на фронт с Советской площади от стен Нижегородского кремля. Так перед войной и в начале войны называлась площадь Минина и Пожарского. Имена русских патриотов она получила осенью 1943 года. Кстати, проводы 322-й дивизии на фронт сохранились на снимках выдающегося нижегородского фото-летописца Нисона Михайловича Капелюша. Это надо знать и помнить, когда речь заходит о тех, кто спас узников Освенцима 75 лет назад.

Получилось так, что 18 лет из двух десятилетий после войны Праздник Победы не был праздником, с 1 января 1947 года он стал обычным рабочим днем и отмечался разве только передовыми статьями в газетах. Никаких чествований участников войны, никаких встреч ветеранов. Тогда же ликвидировали еще один праздник – 3 сентября, День Победы над Японией. Его тоже сделали обычным рабочим днем. А ведь это – день окончания Второй Мировой войны! Что воины получили взамен за эти два бывших красных дня календаря? Два других красных дня – 1 и 2 января, Новогодние праздники.

И когда накануне 20-летия Великой Победы Девятое мая вернули, тогда сердца людей, долго хранившие обиду за равнодушно отнятый Праздник, возликовали и распахнулись ему навстречу. Я думаю, что никогда после 9 мая 1945 года ярче и сердечнее Праздник Победы не отмечался, чем 8 и 9 мая 1965 года, это был праздник выстраданной радости, которая тогда впервые вернулась в наш общий дом. Тогда у фронтовиков открылась потребность писать о себе и своих боевых товарищах, тогда с новой силой зазвучала великая песня

Алексея Фатьянова и Василия Соловьева-Седого «Где же вы, друзья однополчане?», тогда достали из заповедных ящичков письма погибших солдат и стали их перечитывать. Тогда стали писать на телевидение и радио в надежде, что они помогут кого-то отыскать из родных и близких, потерянных в военные годы, найти свидетелей подвига или гибели не вернувшихся с полей сражений родственников или друзей.

И были примеры таких замечательных открытий, осуществленных Сергеем Сергеевичем Смирновым в его еженедельных выступлениях на радио и телевидении с «Рассказами о героическом». Это благодаря общению со страной по радио он отыскал забытых и оболганных защитников Брестской крепости. Добился возвращения им доброго имени и вручения им самых больших государственных наград и званий. А потом уже с помощью телевидения Смирнов заставил по – новому ярко засиять подвиги Керчи и Севастополя, Лиепаи и Мурманска, Новороссийска и Тулы…

Конечно, у нас в Горьком, на областном телевидении, не могло быть такого размаха в осуществлении поисков и встреч, какой был у Центрального Телевидения. Но мы тоже старались делать все, чтобы солдатские письма с фронта и письма ветеранов – от друзей друзьям – звучали в наших программах. Получилось так, что именно наша редакция «Горьковских новостей» стала главным организатором встреч участников и инвалидов войны на площади Минина и Пожарского и на мемориальной площади у Вечного Огня в Нижегородском кремле. Эта была идея нашего замечательного главного редактора Льва Баринова. Это он позвал однажды меня в свой маленький кабинет, скорее кабинку в конце коридора, и поручил быть в эфире, как он выразился, связным. Два месяца с лишним почти ежедневно мне выделялось по пять минут в выпуске информационной программы, и я читал письма, которые шли потоком. Через наши передачи ветераны войны (хотя тогда их никто еще не называл ветеранами, этот термин вошел в обиход спустя десятилетие) договаривались, где и во сколько встречаются то или иное соединение. Мне выпала потрясающая миссия, задуманная и осуществленная по сути Львом Бариновым, миссия, которой я до сих пор горжусь: у меня был полный и точный список места и времени этих встреч. И я, примелькавшийся в эфире и потому легко узнаваемый, бегал по площадям встреч и расставлял полки и дивизии, артиллерийские батареи и отдельные батальоны, лыжные партизанские отряды особого назначения, авиаэскадрильи и танковые корпуса, оборонявшие Москву и Ленинград, освобождавшие Киев, Минск и Прагу, бравшие Берлин и Вену. Господи, какой это был день, какие они были еще молодые, солдаты Великой Отечественной, и как их было много!.. Помню, как во время интервью ветераны из 322-ой стрелковой дивизии, которая формировалась в Горьком, с горечью вспоминали

своего погибшего в последние дни войны товарища, Героя Советского Союза Ивана Никифоровича Чернова. И как что называется, на лоб полезли глаза моего собеседника майора в отставке Михаила Ефимовича Несселя, и он растерянно повторял «Ва-ня…Ва-ня», потому что к нам подходил тот самый Иван Никифорович Чернов с геройской Золотой Звездой на старой гимнастерке. Что было дальше, не описать словами… Между прочим, в разговоре тогда никто не вспомнил об освобождении Освенцима: просто это было одно из боевых событий на войне, в котором героически участвовали наши земляки…

Я потом много раз встречался с Иваном Никифоровичем Черновым. В одной из моих программ он рассказал, как был тяжело ранен за несколько дней до Победы и отправлен в дальний госпиталь. Выписался и вернулся домой в Кстово почти что через год. Однополчане тоже разъехались по домам и не знали, что он выжил и жив…О встрече на площади Минина и Пожарского узнал из моего выступления и пришел…

Сейчас одна из улиц Кстова носит имя Героя Советского Союза Ивана Чернова…

Александр Цирульников

АВТОЗАВОДЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

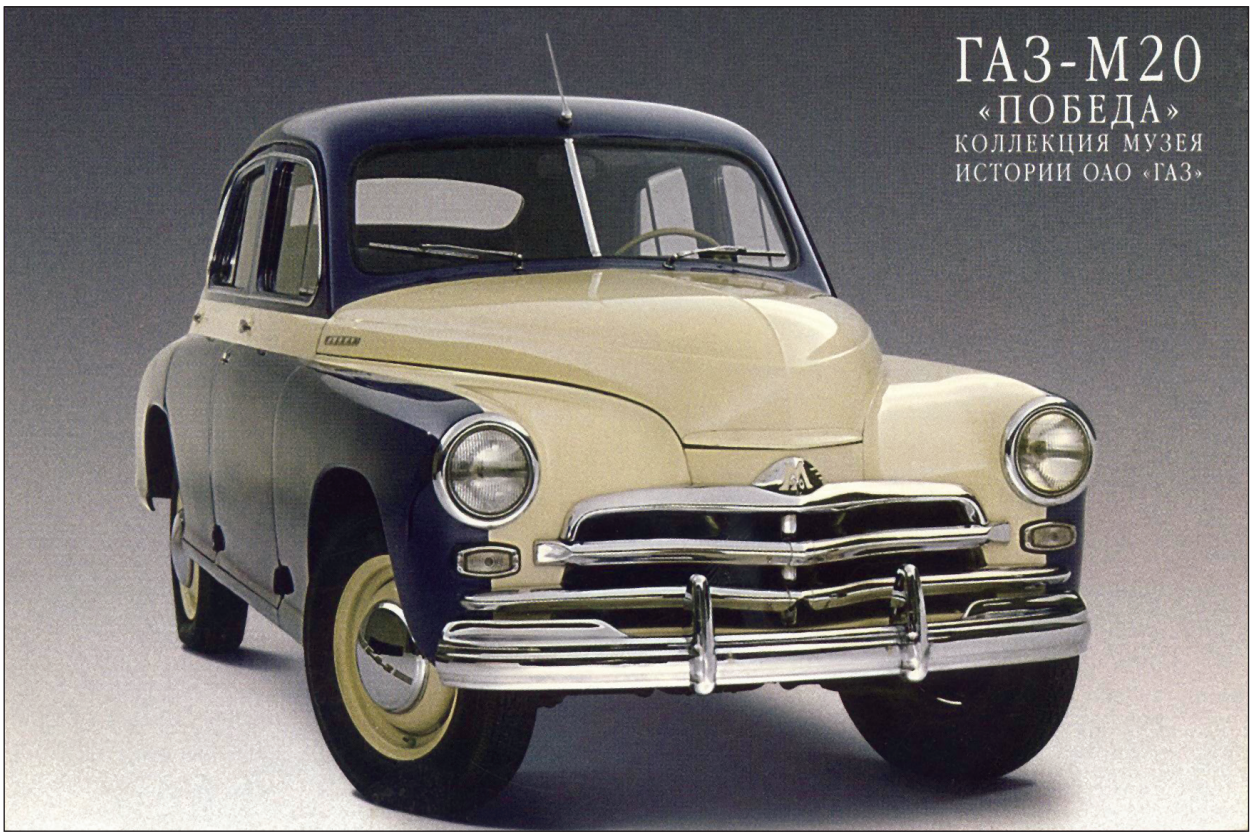
Иван Кузьмич Лоскутов – одна из самых ярких фигур в истории Горьковского автозавода и всей промышленности Горьковской (Нижегородской) области. Он приехал на автогигант в 1934 году по окончании Ленинградского политехнического института. Начинал рядовым конструктором. И быстро проявил себя как высококвалифицированный инженер и умелый организатор производства. Незадолго до войны Иван Кузьмич был назначен директором крупнейшего предприятия страны и с небольшим перерывом оставался на этом посту в военное лихолетье и в первые послевоенные годы.

Когда началась Великая Отечественная война, главной задачей стал скорейший перевод производства на выпуск военной продукции. А именно – легких танков, танковых моторов, броневиков минометов, боеприпасов.

21 октября 1941 года в 6 часов утра Лоскутов получил правительственную телеграмму, подписанную Сталиным, с заданием в ближайшие два-три дня резко увеличить выпуск танков Т-60. Они были необходимы защитникам Москвы. И задание Государственного Комитета Обороны было выполнено. Рабочие смены продолжались по 20-30 часов с перерывами на еду и короткий сон. Люди не покидали рабочие места сутками. В том числе директор и другие руководители предприятия. Ушедших на фронт заменили ветераны, которые были уже на заслуженном отдыхе, женщины и совсем юные кадры, учащиеся фабрично-заводских училищ – «фэзэушники». За первый год войны на завод были приняты одиннадцать с половиной тысяч новых работников.

19 марта 1942 года за успешное выполнение заданий Родины Горьковскому автозаводу был вручен орден Ленина. И. К. Лоскутов принял его из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина, который специально приехал для вручения награды.

В конце 1942 года руководство страны отозвало И.К. Лоскутова в Москву на ответственную работу в Наркомат электростанций. Нужно было срочно разработать программу по восстановлению разрушенных врагом крупнейших энергопроизводящих предприятий страны и начать работы на освобожденных от захватчиков территориях. Лоскутов с головой ушел в это новое для него дело.



Но в начале июня 1943 года в течение трех ночей гитлеровцы подвергли Горьковский автозавод бомбардировке и нанесли ему значительный ущерб. Погибли видные руководители производства, рабочие. Было повреждено 50 зданий и сооружений, более девяти километров конвейеров и транспортеров, 5900 единиц технологического оборудования, 8 цеховых подстанций, 28 мостовых кранов. Но даже в этих условиях завод продолжал жить и работать. Во главе коллектива снова встал вернувшийся из Москвы И.К. Лоскутов.

– Приказ о моем возвращении на завод пришел неожиданно, – рассказывал он. – Утром я сдал дела в Наркомате электростанций, а вечером того же дня прибыл в Горький. И хотя мне было приказано сразу же явиться в обком партии, душа не выдержала, и я заглянул на автозавод. Что я увидел? Пустые оконные пролеты, горелый кирпич, покореженные металлоконструкции. Но жизнь на автогиганте не замерла. То, что фашисты крушили ночью, люди восстанавливали днем…

Сто дней потребовалось, чтобы полностью вернуть к жизни цеха и начать работать на полную мощность. За досрочную ликвидацию последствий налетов вражеской авиации, за успешное выполнение заданий ГКО по освоению производства новых видов боевых машин и вооружения, за образцовое снабжение фронта военной продукцией 9 марта 1944 года автозавод был награжден вторым орденом – орденом Красного Знамени.

Третий орден на знамени предприятия – орден Отечественной войны 1 степени появился уже после Великой Победы – 16 сентября 1945 года.

В годы войны автозаводу 33 раза присуждалось переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. Оно оставлено предприятию на вечное хранение.

В разгар войны автомобилестроители уже думали о продукции мирного послевоенного времени и в 1944 году изготовили первые образцы легковой автомашины, которую потом назвали в честь победы.

Иван Кузьмич Лоскутов в 1980 году вспоминал, как перед новым 1945 годом привезли новую легковую автомашину М-20 в Москву и в Кремле на Ивановской площади показали ее И.В. Сталину. Директор завода попросил у него разрешения назвать ее «Победой». Сталин внимательно осмотрел автомобиль, а потом сказал:

– Конечно, советский народ и его великая Победы достойны лучшей машины, но, если нет другой, пусть будет эта!..

Председатель ГКО был явно не справедлив в своей оценке. Машин, подобных «Победе», в отечественном автомобилестроении до той поры не было. Впервые в мире был применен безрамный цельнометаллический несущий кузов, к которому крепятся шасси. «Победа» имела еще целый ряд преимуществ перед американскими машинами такого же класса – «Фордом» и «Шевроле». Справедливость все-таки восторжествовала, и в 1950 году И.В. Сталин наградил премией, носящей его имя, создателей «Победы».

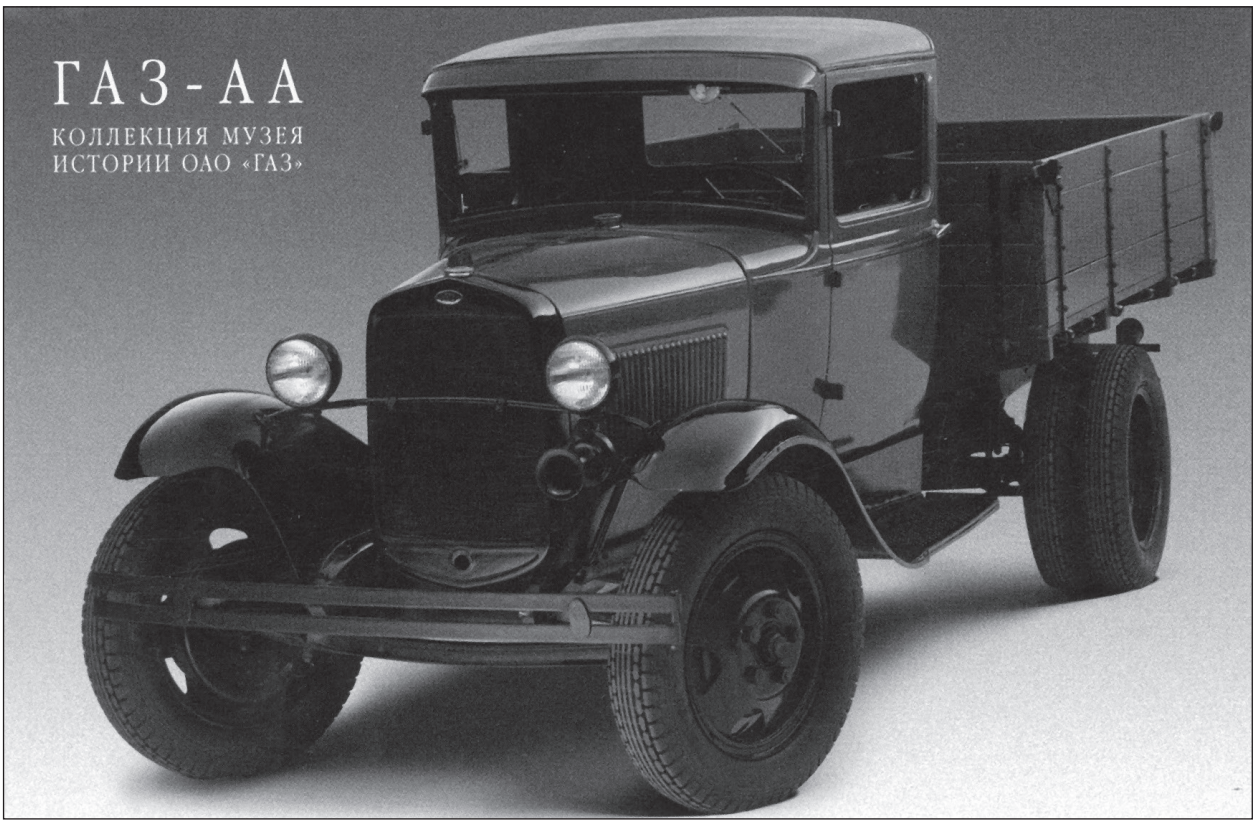
И это была безусловная победа Ивана Кузьмича Лоскутова, директора автозавода в самое трудное для нашей страны время.

Не могу не назвать и ближайшего соратника Ивана Кузьмича – поистине великого автомобильного конструктора Андрея Александровича Липгарта.

Можно совершенно решительно утверждать, что в отечественном и мировом автомобилестроении существует эпоха Липгарта, который 19 лет работал главным конструктором Горьковского автозавода.

В 1933 году выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана возглавил коллектив конструкторов ГАЗа. Под руководством и при непосредственном участии А.А. Липгарта на ГАЗе были сконструированы и пошли в массовое производство десятки новых моделей автомашин.

Назовем хотя бы некоторые из них, которые завоевали признание у нашего народа, среди легковых машин – знаменитая М-1 (Эмка, Эмочка) 1936 года рождения, ГАЗ-64 (1941 г.) и ГАЗ-67 (1943 г.) – легкие армейские командирские вездеходы. Их прозвали «пигмеями». Они стали родоначальниками целого семейства «газиков» и «уазиков» – ГАЗ-69, УАЗ-469.



Липгарт – это и ГАЗ-20 «Победа» (1946 г.), и ГАЗ-12 «ЗИМ» (1950 г.).

Талант Андрея Липгарта проявился в массовом выпуске различных модификаций грузовиков и автобусов на базе полуторки ГАЗ-АА (1932 г.). Благодаря Липгарту и его соратникам по конструкторскому делу на автозаводе был создан уникальный по длительности времени массового выпуска и эксплуатации в народном хозяйстве грузовик ГАЗ-51 (1946 г.), за которым последовали ГАЗ-63 (1948 г.), ГАЗ-53 (1962 г.), ГАЗ-66 (1964 г.).

В годы войны под руководством А.А. Липгарта были созданы модификации бронемашин, легких танков (Т-70).

Андрею Александровичу Липгарту за время работы на автозаводе пять раз присуждалась высшая творческая награда страны Сталинская (потом Государственная СССР) премия.

А. А. Липгарт создал на Горьковском автозаводе высокоэффективную систему конструкторской работы. Потом она была заимствована многими автомобильными заводами страны. А ученики Липгарта стали главными конструкторами на ведущих автомобильных заводах страны – в Москве, Минске, Ульяновске.

Расцвет таланта и деловой активности А.А. Липгарта пришелся на самый трудный период в жизни нашей страны – на Великую Отечественную войну. Будучи немцем по национальности, настоящим советским интернационалистом, А.А. Липгарт поистине героически трудился во имя победы над германским фашизмом.

Тем удивительнее было, когда без объяснения каких-либо причин А.А. Липгарт в 1952 году был снят с работы вместе с тогдашним директором автозавода Г.А. Веденяпиным и конструктором Л. В. Косткиным, который работал бок о бок с Липгартом над самыми известными и успешными проектами. Через пять лет после увольнения Г.А. Веденяпин возглавил только что созданный Совнархоз Волго – Вятского экономического района. Это у него стал заместителем Е. Э. Рубинчик.

Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор Андрей Александрович Липгарт последние годы жил и работал в Москве, готовил новые кадры для автомобильной промышленности страны.

В знаменательные даты приезжал на Горьковский автозавод. И тогда их снова видели вместе и рядом – «красного директора» Ивана Лоскутова и «красного конструктора» Андрея Липгарта. Помню, как-то вместе с ними приезжал из Москвы и другой «красный конструктор» Николай Астров.

В мае 1980 года он участвовал у меня телевизионной передаче и для представления его телезрителям я воспользовался сведениями из музея истории Горьковского автозавода.

Николай Александрович Астров (род. в 1906 г.) – конструктор бронетанковой техники, инженер-полковник, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1976 год), лауреат Сталинской премии 1942, 1943, 1951 годов, Государственной премии СССР 1967 года.

Николай Александрович говорил, что свой рабочий стаж на Горьковском автозаводе исчисляет с середины августа 1941 года. Он тогда приехал в Горький из Москвы, управляя танком Т-60, на броне которого были закреплены тросами две бочки с бензином. Автозаправок на шоссе между Москвой и Горьким тогда не было.

Астров с 1934 года работал главным конструктором московского завода, изготовлявшего танки. Но в августе 1941 года Государственный комитет обороны определил пять предприятий, которым поручался выпуск гусеничных бронемашин Т-60, головным заводом был назван ГАЗ. Ему поручалось изготавливать танковые силовые установки и поставлять их четырем своим партнерам. В ГКО Н. А. Астрову было сказано, чтобы он обосновывался в Горьком и развертывал там работу по производству танков Т-60.

В танкистском комбинезоне, держа шлемофон в руках, пришел Н.А. Астров в кабинет главного конструктора Горьковского автозавода А. А. Липгарта. И вручил Андрею Александровичу пакет, в котором был приказ о назначении

Н.А. Астрова заместителем главного конструктора Горьковского автозавода по танкам.

Они встретились как давние знакомые. Собственно, это так и было, потому что двигатели, изготовленные в моторном корпусе Горьковского автозавода, устанавливались на всех машинах, выпускавшихся в Москве, в том числе и на танках. Тут нужна была особая проработка, и сотрудничество с конструкторами и производственниками ГАЗа помогало решать самые сложные проблемы.

1 октября 1941 года первые танки Т-60, выпущенные на ГАЗе, ушли в испытательный двухсоткилометровый пробег. Машины были признаны пригодными для участия в боях и с испытаний были отправлены на фронт. Боевое крещение приняли в битве за Москву. А в конструкторско-экспериментальном отделе автозавода Липгарт и Астров уже разрабатывали новую бронемашину – легкий танк Т-70. Сроки были по-военному сжатые. И уже15 февраля 1942 года А.А. Липгарт и Н.А. Астров показывали Т-70 в московском Кремле И.В. Сталину. Председатель Государственного Комитета Обороны подписал постановление о массовом производстве нового танка и о принятие его на вооружение Красной Армии.

Между прочим, эта встреча с И.В. Сталиным была у Астрова не первой.

Во время интервью по случаю 35-летия Великой Победы Николай Александрович сказал, что с И. В. Сталиным ему пришлось общаться девять раз. И после самой первой встречи, которая состоялась осенью1933 года на демонстрации первого астровского плавающего танка ПТ-1, вождь, увидев Николая Александровича, всякий раз неизменно подчеркивал: «Товарищ Астров, я вас помню!» Н.А. Астров считал, что одно слово И. В. Сталина: «Продолжайте», сказанное 1933 году как напутствие для работы над дизельным танковым двигателем, спасло его от репрессий середины и конца 1930-х годов.

Хотя биография у конструктора была далеко не безукоризненной, начиная с того, что происходил он из семьи профессора Московского Высшего технического училища (которое при советской власти стало носить имя погибшего в 1905 году революционера Н.Э. Баумана). В 1919 году отцу и брату были предъявлены обвинения в участии в контрреволюционном заговоре, и они были расстреляны. Николая вместе с матерью выслали из Москвы. Но в 1929 году после окончания частного электротехнического института Николай Александрович все-таки угодил в «шарашку» при Бутырской тюрьме, где он проявил себя как перспективный ученый, конструктор, который мог принести большую пользу в оборонном оснащении Красной Армии. Именно благодаря ему она вскоре была вооружена малыми плавающими танками: тем же ПТ-1 (1933 год), затем Т-38 (1935 год) и Т-40 (1939 год).

Во время совещания в Кремле в конце декабря 1939 года, на котором обсуждалась проблема увеличения проходимости танков, Н.А. Астров со своим сообщением не уложился в отведенные ему три минуты, и председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов прервал его: «Хватит, садитесь!» Но тут со своего места поднялся И. В. Сталин подошел к трибуне, за которой стоял Астров, и тихо сказал: «Пусть говорит, пусть расскажет…». «Но только коротко!» – попытался исправить свою неловкость В.М. Молотов. Лучше бы он этого не делал. Сталин что называется прошил его острым взглядом своих рыжих зрачков и еще тише, почти шепотом повторил: «Пусть расскажет…Зачем – коротко?»

Н.А Астров говорил около получаса. Вождь задавал ему вопросы, из которых Н. А. Астров сделал вывод, что И.В. Сталин весьма эрудирован и способен на конструкторском уровне знаний обсуждать танковые проблемы.

А 1943 году на Горьковском автозаводе Н.А. Астровым был создан малый танк Т-80 и началось его массовое производство. Именно этот танк установлен на мемориальной площади с Вечным огнем в автозаводском районе Н. Новгорода.

После войны под руководством Н.А. Астрова были созданы гусеничные тягачи повышенной проходимости, а для их выпуска был образован специальный филиал ГАЗа – завод в городе Заволжье под Нижним Новгородом. А вообще Н.А. Астров является автором 26 типов гусеничных и колесных бронемашин.

Александр Цирульников

«ДОЛЖЕН И СЫН ГЕРОЕМ СТАТЬ, ЕСЛИ ОТЕЦ ГЕРОЙ»

Е.А. Рубинчик

Вечером 9 мая 2016 года из Германии позвонила Валя Рубинчик. Если полностью – Валентина Ефимовна Дьякова.

– Саша, когда сегодня утром парад Победы на Красной площади открыла сормовская Т-34-ка военных лет, я взяла два портрета – папы и брата – и поднесла их к экрану: «Смотрите, ваш танк идет у стен Кремля на виду у всего мира!» Папа строил эти танки для фронта, а брат воевал на таком танке, был командиром танковой роты…

Я хорошо знал Ефима Эммануиловича Рубинчика, который в годы войны и в первые послевоенные годы был директором завода «Красное Сормово» в Горьком. И организовал массовое производство этих замечательных машин на паровозостроительном и судостроительном заводе. Я не раз беседовал об этом с Ефимом Рубинчиком и у него в рабочем кабинете в здании управления материально-технического снабжения Волго-Вятского экономического района, который он много лет возглавлял в 1970 -1980 годы, и у меня в студии в телеэфире. Приведу несколько абзацев из своей книги «На расстоянии рукопожатия»:

В начале сентября 1942 года на завод поступила телеграмма за подписью И.В. Сталина: Государственный Комитет Обороны выражал уверенность, что сормовичи перевыполнят сентябрьскую программу на 50 танков Т-34, чтобы восполнить недодачу их Сталинградским тракторным заводом, на подступах к которому уже шли бои.

Ефим Эммануилович Рубинчик не раз был героем моих телепередач и рассказывал, как после получения этой телеграммы собрал у себя в кабинете руководящий актив завода. Некоторые начальники цехов выражали сомнения по поводу возможности собрать 50 танков сверх месячной программы, которая сама по себе была трудновыполнимой и требовала высочайшего напряжения. Их доводы казались убедительными. Но нельзя было отказаться от решения задачи, поставленной Москвой. И тогда директор, который уже постиг особый характерный для сормовичей дух лидерства, велел внести в кабинет знамя Государственного Комитета Обороны, которым коллектив был награжден за самоотверженный труд в первые месяцы войны. Между прочим, до самой По-

беды сормовичи не выпустили это знамя из своих рук, и оно осталось у них на вечное хранение. Знамя внес в кабинет один из ветеранов завода Иван Васильевич Макаров, который с довоенных лет был знаменосцем завода на всех торжествах, митингах, демонстрациях. Он оставался знаменосцем «Красного Сормова» и в послевоенные годы. Я помню, как он шел впереди сормовской колонны 1 Мая и 7 ноября в шестидесятые и семидесятые годы, будучи уже в преклонных годах.

А тогда директор завода предложил всем встать и поклясться у знамени, что как бы ни было трудно, но 50 танков сверх месячной программы будут собраны. Больше того, из директорского кабинета участники совещания со знаменосцем впереди пошли по цехам. И Рубинчик объяснял рабочим, что предстоит сделать. По сути, это был своеобразный крестный ход. Через много лет в разговоре со мной Рубинчик именно так определил это шествие, которое никого не могло оставить равнодушным.

А поздно ночью в кабинете директора зазвонил самый главный телефон, который стоял на отдельной тумбочке у письменного стола. Это была прямая связь с кабинетом Верховного Главнокомандующего. За всю войну Ефим Эммануилович по собственной инициативе ни разу не поднял белую трубку с рычажков. Но бессонными ночами все время искоса смотрел на этот магический аппарат: вдруг зазвонит. И вот тогда он зазвонил первый раз.

И директор завода услышал голос сталинского секретаря Поскребышева:

– Товарищ Рубинчик, с вами будет говорить товарищ Сталин…

Прошло несколько томительных секунд, но в трубке была тишина, а потом послышалось легкое покашливание и голос Сталина:

– Будут танки – будет Рубинчик, не будет танков – не будет Рубинчика…

И все. Тишина. Даже коротких гудков не было. Просто линия была отключена…

Второй звонок от Сталина прозвучал, когда задание правительства была выполнено, причем с небольшой, но очень важной поправкой: сверх плана был изготовлен 51 танк! В начале октября 1942 года Сталин поздравил Рубинчика и попросил передать благодарность Красной Армии всем работникам завода. Потом во время войны было еще четыре звонка из кабинета Сталина в кабинет Рубинчика. Верховный Главнокомандующий благодарил сормовичей и поздравлял их с государственными наградами.

Примеров, когда сормовичи под руководством Е.Э. Рубинчика решали на первый взгляд не имеющих решений задачи, можно приводить много.

10 марта 1945 года сормовичи выпустили десятитысячный танк Т– 34.

Каждая третья «Т-тридцатьчетверка» в войну была родом из «Красного Сормова».

Когда однажды во время беседы с Ефимом Эммануиловичем я привел эти цифры, Рубинчик сказал, что нужно еще учитывать тысячи танков, которые за время войны были после боев отремонтированы сормовичами непосредственно в мастерских при воинских соединениях, куда командировались летучие бригады, и на самом заводе, куда танки для ремонтов поступали с полей сражений…

Во время того телефонного разговора вечером 9 мая 2016 мая я попросил Валентину Ефимовну подробнее рассказать мне об Александре Рубинчике. Она сказала, что напишет о брате в письме.

Незадолго до Нового года пришло замечательное письмо. Я не меняю в нем ни слова и привожу его целиком.

«Начало войны застало нас в городе Коломна. Папа – директор паровозостроительного завода. Я и Шурик (брат) живем с папой. Мама в Москве, работает в Моссовете. Мне – 11 лет, Шурику – 16.

Он сразу отправил три письма маршалам – Ворошилову, Тимошенко и Буденному с просьбой призвать его в армию. Пришел вежливый ответ – надо еще подрасти. Шурик попросил папу помочь ему уйти на фронт.

В 1942 году зимой папу назначают директором Сормовского завода. (Оборонный № 112). Он определяет сына в сборочный цех, но он вскоре уезжает в Благовещенское танковое училище, где были краткие курсы подготовки танкистов. Брат прибавил себе два года к своим шестнадцати.

Настал день отправки на фронт. Фотография на память: мама, папа, между ними брат в танкистском шлеме. У родителей лица осунувшиеся, потемневшие. Танк Т-34 стоял у дома. Я пошла провожать брата. Залезла в танк, удивилась обилию проводов. А потом было Канавино, (станция Сталинская на перекрестке Московского и Сормовского шоссе – А.Ц.). На платформах танки – только что сформированная колонна « Горьковский комсомолец». Отец произносит напутственные слова – сын стоит в шеренге танкистов. Есть фото – совсем мальчик.

Начальник цеха Николай Николаевич Смеляков сказал папе: – Зачем ты Сашу отпускаешь, ведь он еще мал? А папа ему ответил: – Мальчик хочет защищать Родину! Почему должны защищать Родину дети других родителей?». И все.

Вскоре в «Правде» или в «Красной Звезде» читаем о награждении А.Е. Рубинчика орденом Красной Звезды. Это 1944 год. А когда наши взяли Кировоград, отцу на завод позвонил маршал бронетанковых войск Федоренко (после войны танковый маршал Яков Николаевич Федоренко работал зам. министра обороны СССР – А.Ц.) и поздравил его с тем, что сын представлен к званию Героя Советского Союза за взятие и удержание города Кировограда на Украине и освобождению тысячи советских граждан, которые уже были по-

гружены немцами в вагоны для отправки в Германию. Танковая рота под командованием брата ворвалась на станцию и отбила у фашистов этот эшелон. Брат писал мне об этом в письме. Из госпиталя, он был ранен. Его уже все поздравляли со званием Героя, но в последний момент дали только орден Ленина. После выписки из госпиталя брата пригласили в Кремль, и орден Ленина ему вручил Михаил Иванович Калинин. Михаил Иванович и папе вручал награды и заводу «Красное Сормово». Приезжал в Горький.

А.Е. Рубинчик

Когда в 1990-х годах улицу Калина в Сормове переименовали в улицу Рубинчика, брат сказал мне: «Папа в гробу перевернулся!», потому что они с Калининым уважали друг друга.

Помню, как Шурик вернулся после ранения в Сормово. Большая радость, а он переживает, что вместо Героя получил орден Ленина. Тем более, что шли к нему письма от фронтовых товарищей с надписями на конвертах «Герою Советского Союза». Он высказал папе причину своего недовольства. Я при сем присутствовала.

Папа стукнул по столу кулаком и закричал: «Мальчишка! Молокосос! Да я первый орден Ленина получил, когда вся моя голова была седая (всего их у него было четыре!), а тебе – в 19 лет – оказана высокая честь – вручена самая высокая награда страны!»

В семье больше этот вопрос не поднимался.

Брат окончил Бронетанковую академию имени Сталина, затем Академию Генштаба. Служил заместителем командующего Забайкальского военного округа в звании генерал-лейтенанта. Последнее место работы – Министерство обороны СССР – начальник общевойскового управления (вроде так) в Москве.

Выдержка из газеты «Забайкальский рабочий», г. Чита, за 25. 08. 99 г.

«Лично лейтенант Рубинчик на своем танке за период с 5 по 9 января 1944 года уничтожил орудий разного калибра – 6, танков Т-4 – 1, самоходных пушек – 1, солдат и офицеров противника до 150.

Освобождено мирных жителей, насильно угоняемых в Германию, – 1000.

За проявленную доблесть и мужество в боях с немецкими захватчиками лейтенант Рубинчик достоин звания Героя Советского Союза.

Подпись: Командир 1-го танкового батальона – капитан Малявин.

Командир 32-ой Знаменской танковой бригады Герой Советского Союза подполковник Ячник: «Согласен с этим предложением!».

Но вышестоящее начальство – командующий 5-ой гвардейской танковой армией гвардии генерал-полковник Ротмистров и член военного совета гвардии генерал-майор Гришин – остановились на ордене Ленина.

Говорят, не последнюю роль в этом решении сыграла командирская юность Александра Рубинчика. Фронтовой стаж 19-летнего танкиста исчислялся двумя месяцами, а он успел уже получить орден Красной Звезды. Начальство размышляло: «Не рано ли давать Героя?» Вот такая история. Горжусь своим братом. Он рассказывал, что ему три раза предлагали оформить документы на звание Героя России, но он отказывался. Язов уговаривал. Он отвечал – нет! Язов как-то сказал брату: «Черт меня дернул попасть в компанию ГКЧП!»

На похоронах братика Дмитрий Федорович Язов подошел ко мне, его глаза были влажными. О брате он говорил с большой теплотой, они долго вместе работали.

Теперь братик мой Саша лежит в Москве рядом с папой. О чем они беседуют – не слышно…

Я храню письмо брата, которое он мне прислал на указ от 12.03. 2001 года о присвоении звания Героя Советского союза. Он писал:

«Видишь, папа получил звание Героя (Социалистического Труда) посмертно, я же пока еще живой. Звезду по-фронтовому обмыли и прикрепили.

57 лет назад представили к званию – в августе 1944. Калинин вручил мне в Кремле орден Ленина № 2080, потом трижды представляли (я отказывался от Героя России, так как я воевал за Советский Союз. И, наконец, 12.03.01 – Указ. Не за наградами я ушел на фронт, ты помнишь мой уход. Но то, что участвовал в разгроме фашизма, освобождая Родину – в Великой Победе есть и моя – моя капля крови! А что касается Звезды, когда мою роту послали на Кировоград и мы взяли его и удержали – это мое высшее военное достижение, тогда я понял, что буду военным всю жизнь…

Обнимаю, целую, твой брат Шурик. 07.04 2001.»

Прощаюсь, извиняюсь, что отняла у вас много времени… Захотелось с Вами поделиться просто так. Пожалуйста, только не для печати!»

Вот такое письмо получил я в конце 2016 года от Валентины Ефимовны Дьяковой – Рубинчик из Германии, где сейчас живет ее семья.

Я только однажды виделся с Александром Ефимовичем – на открытии мемориальной доски на здании, где когда-то помещался Горьковский совнархоз, а потом управление материально-технического снабжения Волго-Вятского экономического района, где, как я уже писал, начальником был Ефим Рубинчик.

Александр Ефимович был в генеральском мундире, имел звание гвардии генерал-лейтенанта танковых войск. Видный статный седой человек. Я обратил его внимание на неточность текста на доске, где было сказано: «Герой Социа-

листического Труда СССР». В этом звании нет указания на принадлежность к стране. Так же не надо писать «СССР» в звании «Лауреат Сталинской премии». Александр Ефимович пообещал подумать, как избежать этих неточностей.

Считаю необходимым обратить внимание читателей, что звание Героя Социалистического Труда Ефиму Эммануиловичу Рубинчику и звание Героя Советского Союза Александру Ефимовичу Рубинчику отцу и сыну были присвоены уже после того, как СССР перестал существовать, и были утрачены присущие ему органы власти, которые имели право вручать советские государственные награды. Но действовал самопровозглашенный Постоянный Президиум Верховного Совета СССР во главе с председателем Сажи Умалатовой.

Именно она подписала оба Указа о присвоении геройских званий отцу и сыну Рубинчикам. К сожалению, они никакой юридической силы в Российской Федерации не имеют. Никаких льгот носителям этих высоких званий не предоставляют. Хотя надо признать, что удостоенные высоких наград Указами Сажи Умалатовой – люди, безусловно, их достойные но, к сожалению, обойденные ими в советские годы.

Я знаю, что Ефима Эммануиловича Рубинчика неоднократно представляли к званию Героя Социалистического Труда. Верховная власть присуждала ему очередной орден, но без геройской медали «Серп и Молот». Помню, в 1973 году Ефиму Эммануиловичу исполнялось 70 лет. Горьковские руководители снова выдвинули Рубинчика на звание Героя Соцтруда. В итоге, юбиляр был отмечен орденом Октябрьской революции. Вспоминаю, как свое недоумение по этому поводу сгоряча высказал мне в разговоре Николай Иванович Масленников, первый секретарь Горьковского обкома КПСС: – Сколько же нужно иметь высших наград страны, чтобы добавить к ним Золотую Звездочку!..

Напомню, у старшего Рубинчика было четыре ордена Ленина, орден Октябрьской революции, другие боевые и трудовые награды.

Жил в нашем городе выдающийся военный летчик Алексей Иванович Митусов, который воевал в Корее и сбил два или три американских истребителя и летающую крепость В-29. Тогда его фамилия писалась через два тире. На корейский лад. Представляли к званию Героя. Но обошлись другими наградами ниже рангом.

Сажи Умалатова преодолела эту несправедливость и вручила воздушному асу орден Ленина и медаль Золотая Звезда.

Помню, он пришел с этими и другими боевыми наградами на кителе 9 мая 1995 года на площадь Минина и Пожарского.

Мэр города Иван Петрович Скляров приветствовал его наряду с другими «законными» Героями и подарил, как и другим героям страны, автомобиль «Ока».

В интервью летчик-Герой сокрушался, что в преклонном возрасте он не имеет тех льгот и доплат к пенсии, преимуществ на лечение и отдых, которые положены Герою Советского Союза.

В таком же положении оказался и Александр Ефимович Рубинчик, но по праву гордился и радовался, что справедливость восстановилась даже таким образом.

Между прочим, одним Указом с Ефимом Эммануиловичем Рубинчиком звания Героя Социалистического Труда посмертно был удостоен великий судостроитель, гениальный конструктор нового флота на подводных крыльях и воздушной подушке Ростислав Евгеньевич Алексеев, что еще раз свидетельствует, что Постоянный Президиум Верховного Совета СССР отмечал действительно заслуженных и достойных людей.

Письмо, Валентины Ефимовны нуждается в нескольких пояснениях и комментариях.

Прежде всего, по поводу ее указания: «Только, пожалуйста, не для печати». После письма она звонила, спрашивала мое мнение. И я постарался убедить ее, что нужно, чтобы о подвиге и жизни Александра Рубинчика узнали его земляки в Сормове, ветераны войны и молодые люди в России. Спасибо Валентине Ефимовне за согласие на это повествование. И спасибо за вложенные в конверт письма фотографии отца и брата, которые мы публикуем.

В письме упоминается начальник цеха Николай Николаевич Смеляков. Именно он в 1950 году сменит Е. Э. Рубинчика в кабинете директора завода «Красное Сормово». Потом он будет работать первым секретарем Горьковского обкома КПСС, министром машиностроения СССР, заместителем министра торговли СССР.

Длительное время возглавлял «Амторг в Нью-Йорке». Написал известную в годы косыгинских реформ замечательную книгу «Деловая Америка».

В шестидесятые годы родилась и стала популярной песня на стихи Льва Ошанина с припевом – «должен и сын героем стать, если отец герой». Она и о замечательных сормовичах – нижегородцах – отце и сыне Рубинчиках.

Ефим Эммануилович Рубинчик с 1942по1949 год директор завода «Красное Сормово», кавалер четырех орденов Ленина, Герой Социалистического Труда, генерал-майор технических войск. Потом руководил УМТС Волго-Вятского экономического района.

Сын **Александр Ефимович Рубинчик** – в 19 лет кавалер орденов Красного Знамени и ордена Ленина, позже – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант бронетанковых войск. Орден Ленина получил за взятие города Кировограда на Украине и за освобождение из эшелона от угона в Германию 1000 советских людей. В последние годы жизни был начальником обще– войскового управления Министерства Обороны СССР…

Александр Цирульников

Парад

Прекрасная картина,
Когда за рядом ряд
Военные машины
Выходят на парад.
И властное движение,
Как в дни былых атак,
В парадном наступлении
Возглавил старый танк!
Навек известный в мире –
Наш Т-34!
Из заводских ворот
Он путь держал на фронт!
У сормовских героев
Семейным подвиг был:
Рубинчик танки строил,
А сын их в бой водил!
И не было отваге
Той краю и конца.
Сын подпись на рейхстаге
Поставил за отца!

И, соблюдя дистанцию,
Танк вводит за собой
«Армату»– гордость нации,
Не ведавшую бой!
На первый взгляд в движении
Они сейчас равны -
Прибывшие с учений,
С пришедшим с той войны!
За ним огонь и копоть,
Смерч фронтовых дорог.
Его военный опыт
До Одера пролег!
Навек известный в мире –
Наш – Т-34!
Из заводских ворот
Он путь держал на фронт.
У сормовских героев
Семейным подвиг был:
Рубинчик танки строил,
А сын их в бой водил.
И не было отваге
Той краю и конца.
Сын подпись на рейхстаге
Поставил за отца!

Н.Н. Галай

ВОЕННЫЕ БУДНИ ТЫЛА
(ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Н.Н. (Качкина)-Галай, 1957 г.

Моя мама, когда началась финская война, где моему отцу тоже довелось воевать, купила огромную, почти во всю стену карту СССР и Европы. Мы всегда отмечали на ней передвижение наших войск, и обводили красным карандашом города и населенные пункты, освобожденные нашими войсками. Эта карта долго жила в нашей семье, но с очередным переездом потерялась. Помню, как я плакала, обнаружив пропажу, а папа дал мне какой-то журнал, где в красно-серо-черных тонах была напечатана схема взятия Берлина. Это на меня тогда не произвело впечатления: мне нужна была карта, на которой мы с мамой всю войну ежедневно отмечали черным карандашом сданные и красным освобожденные города и населенные пункты нашей большой многонациональной страны.

Почти каждый вечер все соседки (а у них мужья тоже были на фронте) собирались у нас, заваривали морковно-свекольный или травяной чай, травы для которого собирали всё лето кто – на Откосе, а кто – за городом. Пили его с «яблочными» конфетами, которые делали осенью из жмыха моркови, свёклы и яблок некоторые запасливые соседки. Иногда на карточки давали конфеты «подушечки», но их берегли к особо торжественным праздникам – дням рождения нас, детей, освобождения городов… И обязательно откладывали «на Победу».

Тетя Лёля, мамина подруга, иногда приносила нам к чаю самодельные конфеты из моркови, свеклы и яблок или меда. Это было, как бы сейчас сказали, «нечто»!

Они даже вдохновили меня на первые рифмы.

Вставайте все!

Вставайте все!

Вставайте люди доброй воли!

И дайте, дайте книжку мне!

И еще конфету от тёти Лёли!

(Первые три строчки потом совпали с припевом известной песни.)

Приходили соседки. Кто-то из женщин играл на старой, почти черной, гитаре, и все пели грустные песни. Часто читали письма, сложенные треугольником. Случалось, кто-то из них плакал, и тогда другие, со словами «надо жить», «у тебя же дети», утешали, гладя рукой по спине или обнимая за плечи. Чаще всего они плакали все вместе. А ведь им было-то всего чуть больше тридцати лет!

Временами, когда нашей квартирантке Наташе Урюпиной выдавали часть зарплаты макаронным браком, наши мамы даже пекли пироги, а, чаще, плюшки-завитушки. Но вскоре Наташа получила известие, что ее жених погиб. Она окончила курсы радисток, обрезала свои роскошные длинные косы, и ушла добровольцем на фронт…

Я была в еде непривередлива, и за исключением помидор, сала и черной икры, которую мне врач «прописал» для поднятия гемоглобина, ела все. Моя мама, пережившая в молодости тяжелейшие 1932-1933 голодные годы, внушила мне с раннего детства бережное отношение к пище. Впрочем, мне кажется, что тогда все дети были приучены к этому, т.к. знали о блокаде Ленинграда.

Однажды мы услышали, что к кому-то из жителей соседних домов приехали ленинградские родственники, и мы, дети, естественно, захотели узнать от них «как там все?». Собрав кусочки хлеба, которые отрезали от своих скудных пайков, мы отправились знакомиться с ними. Однако наше знакомство не состоялось, так как нам сказали, что их всех положили в больницу «на восстановление». Что с ними стало, я не знаю, но, выбрасывая иногда остатки еды, до сих пор вспоминаю, что она могла бы кому-то спасти тогда в Ленинграде жизнь…

Годы войны тяжелым катком прошлись по нашему детству. Сколько нас, детей, погибло наивных и чистых, верящих в доброту всех взрослых… Вспоминается рассказ одной женщины – смоленчанки, работавшей в 70-е годы техником в лаборатории завода «Орбита». Кажется, ее звали Антонина, но я в этом не уверена. Заняв город, – рассказывала она, немцы стали обустраиваться там. Когда им понадобился известковый раствор для кладки кирпича, они согнали детей в сколоченный деревянный загон-яму, высыпали туда негашеную известь и со смехом стали добавлять к ней воду. Детей заставили босыми ногами месить эту жуткую смесь. Немцы думали, что дети будут плакать, но они, почему-то, месили известь, молча, без слез. Сначала немцы посмеивались и шутили. Потом замолкли, удивлено глядя на шипящую вокруг детских ног пену. А еще через какое-то время они не выдержали, и отпустили детей. Вот такое «цивилизованное» обращение было с местным населением. У женщины, которая мне это рассказала, следы этой «цивилизации» остались на ногах пожизненно.

Вот так нас пытались приобщить к новой жизни, которую нам хотела навязать цивилизованная нация, давшая миру Шиллера и Гете, Освенцим и Саласпилс, Бабий яр и Хатынь… И поставившая на колени всю Европу.

Однажды мама вошла в комнату с письмом в руке. Письмо было сложено не треугольником, а как пакет. Она вскрывает его «хлебным» ножом, и начинает читать. Молча. Несколько раз. Потом смотрит вроде бы на меня, но как-то мимо… Входит соседка.

– Наташа, говорят, ты письмо от Коли получила?.. Соседка не успела договорить, как мама вдруг сжала письмо в кулаке, и поднесла его ко рту. Ее плечи затряслись…

В то время не было ни одного дома, и, наверное, ни одной семьи, которую бы не опалила война. Если бы можно было собрать все слезы, которые выплакали женщины СССР в годы войны, мне кажется, получился бы водоем, в котором мог утонуть бы ни один, желающий развязать новую войну…

Мама получила тогда на папу (вторую!) похоронку, но мы «решили ей не верить», и снова ждали его. Очень ждали. И он к нам вернулся. С ранениями, с контузией… Но живой!

Однажды, в яркий солнечный весенний день мы с мамой пошли «в очередь». Народу, как всегда было много, и, по причине хорошей погоды, было много детей. Кто-то уже нарисовал «классики» и на одной ноге скакал, отдыхая в «раю». Кто-то взял с собой скакалку, и, весело считая, прыгал через неё. Мальчики играли на асфальте в морской бой и в «биту». На меня дети не обращали внимания, хотя с некоторыми из них я была уже давно знакома. Было обидно.

И вдруг, сама не знаю почему, я начала петь «Катюшу», которую накануне на листочке бумаги принесла маме соседка, и они с ней пели её весь вечер. Очередь затихла. Потом некоторые стали мне подпевать, и вскоре уже «Катюшу» пела почти вся очередь, а мама диктовала слова этой песни и люди записывали её химическим карандашом, которым обычно писали номер очередности у себя на ладони. Кто-то вспомнил, что песня была написана давно, еще до войны, но её почему-то не очень-то и пели, а вот сейчас она зазвучала по-новому и «текст песни сошелся со временем».

Я спела песню несколько раз, и случилось чудо: очередь единодушно решила пропустить нас «без очереди»! Правда, взяв с мамы слово, что она обязательно перепишет для них слова «Катюши».

Как-то, будучи уже студентками второго курса, мы с подругой Валей Ломакиной в 1962 году оказались в Тамани. На местном «морском» вокзале мы попросили сидящую рядом с нами женщину, присмотреть за нашими вещами. Она согласилась, и мы налегке отправились знакомиться с городом. Внима-

Семья Качкиных 1943 г.

тельно осмотрев великолепный памятник казаку Голате – основавшему Тамань по поручению Екатерины II, и побродив по улочкам этого, экзотичного для нас городка, мы решили, во что бы то ни стало, напроситься в одну из саклей, стоящих на берегу Керченского пролива. Ну не могли мы не посмотреть «исторические» места, описанные нашим любимым Лермонтовым!

В саклю мы, конечно же, попали… Её архитектура оказалась проста: входная дверь ведет в небольшое квадратное помещение с маленьким окном напротив двери. Из этого помещения можно было попасть в небольшие комнаты, которые располагались слева и справа. Стены глиняные, побеленные известью. Пол земляной, застланный «коврами из кошмы или войлока». Не знаю, что видел Лермонтов, но нам казалось, что мы побывали в тех временах…

Вернувшись, усталыми, но довольными в зал ожидания, мы стали оживленно обсуждать увиденное, сетуя, что не смогли дойти до Лермонтовского садика.

– А зря,– сказала одна из женщин, сидевших на длинной лавке возле наших вещей.

– Наверное, зря, но мы опасались опоздать на «Пион» (*один из катеров, курсировавших в 60-е годы между Таманью и Керчью – Н.Г.*), – ответила Валентина, – А что там интересного кроме памятника Лермонтову?

– Да там, смотря для кого. Вам про войну интересно?

– Интересно! – хором ответили мы, и приготовились слушать очередной рассказ о героических сражениях.

– Там есть памятник расстрелянным фашистами в годы войны, – грустно начала женщина, – расстреляли всех – женщин, подростков, стариков со старухами… Детей не пощадили, сволочи.

На ее глазах блеснули слезы. Смахнув их рукавом, как бы теперь сказали, «вышиванки», она продолжила свой рассказ.

– До сих пор у меня в глазах стоит соседка со своим сыночком на руках. Был он еще совсем маленький, наверное, еще и не двухлетка был. Светленький такой мальчоночка и кудрявенький,– она опять вытерла глаза, – бабочку деревянную от каталки в руках держал. И улыбался так спокойно, так солнечно. А эти звери начали сначала матерей подстреливать, а потом деток запинывать, чтобы матери, умирая, все это видели.

Мы слушали, боясь даже пошевелиться.

– Так вот, когда стали целиться в эту женщину, она прижала к себе сыночка-то, а как стрелять стали, так она его и выставила вперед, навстречу пулям-то. Упали они оба замертво в яму-то, что за спиной у них была, и я с ними.

В центре (сидят) Н. Качкина и артист ТЮЗа Панаев, 1957 г.

Их-то убили, а я от страха сознание потеряла. Моих-то тоже всех расстреляли. И мать, и дедулю и бабуленьку мою и братика. А я, вот, спаслась. Это они меня спасли. Царство им всем небесное! Вот вы думаете, сколько мне лет? Наверное, я для вас старая?

– Ну, что, вы! – не подумав, я решила сделать женщине ободряющий комплимент, – вам больше сорока пяти не дашь!

– Вот именно, а мне нет еще и тридцати…

В это время объявили посадку на «Пион», и женщина, чуть похрамывая, направилась к катеру. Взяв свои вещи, мы поспешили вслед.

– У вас нога болит, – озаботилось к ней моя подруга,– давайте, я донесу ваши сумки.

– Нога уже давно не болит. Это мне её немцы вилами, когда меня мама в стог спрятала …

Во дворе нашего дома было бомбоубежище, куда мы все быстро и дружно, помогая друг другу, бежали, едва услышав по радио песню «Любимый город». Обычно это происходило уже на словах «… можешь спать спокойно и видеть сны…», так как в это время из репродуктора уже звучало предупреждение о воздушной тревоге: «Внимание! Внимание! Воздушная тревога! …» В бомбоубежище набивалось много народу: туда спешили и жители соседних домов. Было тесно и душно, а поэтому дверь почти никогда не закрывалась. Мы слышали рокот самолетов, иногда – глухие взрывы… Довольно скоро почти все научились отличать звуки наших самолетов и окончания бомбежки.

Однажды на площади Минина появился сбитый фашистский самолет, который «привезли показать Чкалову». Эта площадь стала самым оживленным местом прогулок всего городского населения, а, особенно, детской ее части. Впрочем, наверняка приезжали погулять у сбитого «фрица» и из ближних районов области. Это была наша всеобщая большая надежда на будущую Победу в этой безумной войне.

Дом, в котором мы тогда жили, состоял из двухэтажного сруба, обшитого, как тогда говорили, тесом, а поэтому был теплым. На втором этаже была «огромная», метров 8-9 почти квадратная «передняя», куда снизу выскакивала деревянная лестница с резными столбиками, увенчанными отполированными перилами. В переднюю выходили двери всех наших «квартир». Там мы играли в течение всего года, если случалась плохая погода.

Удобства, как и в большинстве подобных домов, были во дворе. Стояли маленькие деревянные домики с двумя дверками – «М» и «Ж», сияющими своей известковой белизной. Несмотря на войну, белили их часто и также ча-

Слева направо Н.Качкина, Н. Дубиновская, артист ТЮЗа В. Соловьев, 1957 г

сто приезжали «золотари» с бочкой, укрепленной каким-то образом на телеге, которую тянула понурая лошадка. Рядом с этими домиками стоял большой деревянный ларь с крышкой на больших черных петлях для мусора также тщательно выбеленный известью. Отходов тогда почти не было: что можно было сжечь – сжигалось в печках. Стеклянную тару – бутылки, банки и разные пузырьки тщательно мыли и сдавали бутылки – в магазин в обмен на бутылку молока или кефира; пузырьки из-под лекарств и флаконы от духов – в пункты приема вторсырья, за что получали какие-то небольшие деньги. Некоторые даже консервные банки в сараях копили, чтобы сдать в пункты вторчермета. Жили в большинстве своем небогато, но ведра и лейки, чтобы сдать в утиль, у соседей не воровали!

Вообще, надо сказать, что за чистотой и порядком в городе в то время следили: бордюрный камень тротуаров был всегда побелен, скамейки были на Откосе, в парках и скверах. И не сломаны, не расписаны, как это бывает в наше «цивилизованное» время. Также в скверах, на площадях и во многих дворах росли цветы – забытая ныне резеда, ароматная алениум – «медуничка», душистый табак, орхидея нашей местности – львиный зев и что-то еще. В парках они, вместе с подстриженным кустарником акации, из стручков

которой мы в конце лета делали свистульки, создавали красивый цветущий бордюр.

Это скромное, но милое соцветие детства не давало тогда людям впасть в бесконечность уныния и дарило надежду, что «все будет хорошо» и мы обязательно победим.

Н.Н. Галай

ПЬЁМ ЗА ПОБЕДУ!

Была весна. Цвели цветы
И где-то пели соловьи…
И был последний день войны.
Мечтали деды и отцы,
Что долгие вели бои –
«Вот всех фашистов разобьем,
Домой с Победою придем.
Страну поднимем из руин
И заживем все, как один!
У нас прекрасная земля!
Нам все ты, Родина, дала.
Богатств твоих не перечесть –
Нужны лишь воля, труд да честь!
Отстроим мы наш общий дом
И заживем счастливо в нём!»

…ПРОШЛИ ГОДА. НЕТ ТОЙ СТРАНЫ.

Мечты другие и дела.
Но то, что сделали отцы
Мы не забудем никогда.
Пока мы живы, дети их,
Мы будем помнить молодых,
Пропахших порохом, отцов
И наших дедов, и юнцов,
Что встали к ним плечо к плечу,
Что б защитить свою страну,
Что б жизнь в ней счастлива была,
Чтобы земля ее цвела,
Что б все работали заводы,
По рекам плыли пароходы,
И колосились бы поля…
А, главное – что б жизнь не зря…
Всех помним, мертвых и живых,
Друзей далеких и родных…

И пусть не стало той страны,
Но есть Россия, и есть мы!
И в этот скорбный, светлый час
Мы пьем за Родину, за Вас!

1995/2013г.

МЫ УХОДИМ…

Мы уходим, уходим, уходим…
Ветераны Великой войны.
На рассвете неслышно уходим
Сквозь живущих свободой страны.
Под старинные звуки прощанья,
Под весеннюю зелень листвы,
И последних гвоздик увяданье
И под снежным покровом зимы.
Мы уходим, взлетая, как птицы,
Под прощальные вздохи друзей
И под ясного неба зарницы,
И под слёзы уж взрослых детей.
Нас Природа в безмолвном бессилье
Провожает в путь дальний, скорбя,
Мы уходим. Мы – дети России.
Что горели, себя не щадя!

Публикацию подготовила М.В. Шайхутдинова
Автор фотографий Михаил Петрович Шкуркин.

ФОТОРЕПОРТАЖ ИЗ Д. ЛЕОНТЬЕВО СОСНОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

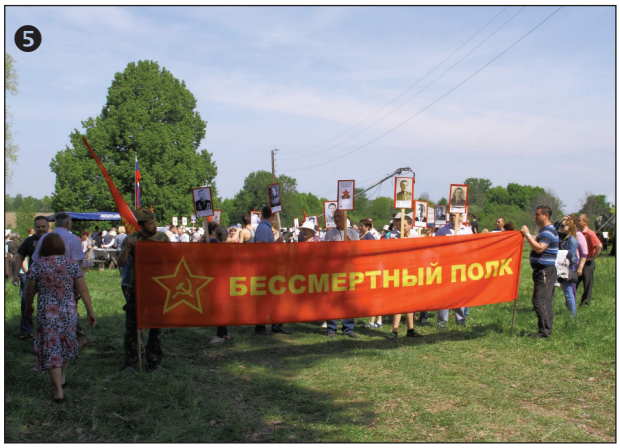
Про деревню Леонтьево Сосновского района Нижегородской области члены «Общества старых нижегородцев» наслышаны от одного из наших постоянных участников собраний и мероприятий общества Перевезенцева Василия Ивановича. Он является соавтором книги об истории этого села, которая так и называется «ЛЕОНТЬЕВО». Книга увидела свет в 2004 году.

Шествие Бессмертного полка в Леонтьево, 2015 г.

Васили Иванович родился в этой деревне в 1929 году. Окончил семилетку в селе Меледино, продолжил обучение в с.Панино, а 10 класс – в г. Павлове, поступил в Нижегородский Политехнический институт и закончил его в 1955 году. Трудился инженером в начале в г. Муром, а затем в НИИ ТОП (НИИ организации производства) в Н.Новгороде, который стал для него родным городом. Но память о родных местах и любовь к своей малой Родине всегда бережно хранил в сердце. По счастью, не только его неудержимо тянуло наведаться в Леонтьево. Оказалось, что многие леонтьевцы мечтали хоть ненадолго вернуться туда, где прошло детство и юность.

Инициатором организации таких встреч бывших односельчан стал двоюродный брат Василия Ивановича, Сергей Николаевич, тоже Перевезенцев. Он родился в Леонтьево в 1942 году, после завершения обучения в школе деревенский паренек успешно сдал экзамены в Нижегородский Политех, окончил его в 1967 году и до выхода на пенсию работал на автомобильном заводе в городе Тольятти.

1, 2 - ...Готовимся к исполнению Гимна села Леонтьево; 3, 4, 5, 6, 7 - Бессмертный полк.



Впервые встреча бывших односельчан на том самом месте, где была некогда деревня, состоялась в 1998 году. Приехали не только коренные леонтьевцы, уроженцы этих мест, но по большей части уже их дети и внуки.

В 2009 году была установлена Часовня в честь Святителя Николая. Когда-то здесь стояла часовня, освященная в его честь, и день почитания святого являлся престольным праздником. Вот и решили собираться каждый год в последнюю субботу мая, на «летнюю Николу».

Большинство мужчин этой деревни в годы Великой Отечественной войны ушли на фронт и не вернулись… Только из Леонтьево было мобилизовано более 70 человек. В живых осталось 36. Последний воин-фронтовик, участвовавший в боях – Иван Павлович Губанов, приезжал каждый год для встреч с односельчанами, вместе с другими вспоминал своих боевых товарищей, не вернувшихся с полей сражений.

Общая фотография

С 2013 года леонтьевцы приняли участие во всероссийской акции «Бессмертный полк». Были изготовлены штендеры с фотографиями, если таковые находились у родственников, или без фото, с указанием фамилий, имен и воинского подразделения, в котором воевал боец. К делу привлекли представителей современного подрастающего поколения. Школьники елизаровской школы, удостоились чести стоять в Почетном карауле у стендов со штендерами. Была сооружена небольшая сцена – подиум для проведения митингов, посвященных Памяти павших и Дню Победы. Рядом памятник-курган поэту-фронтовику из с Леонтьево Ивану Рогову.

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне акция на леонтьевской земле проходила уже третий раз. Фоторепортаж, представленный в этом журнале как раз с этого события.

1 - Армейский салют; 2 - Боевые 100 г. и солдатская каша; 3 - Памятный знак Ивану Рогову - поэту - воину; 4, 5 - Митинг начинает Перевезенцев С.Н.; 6 - на сцене творческий коллектив районного Дома культуры; 7 - Приветственное слово от главы районной администрации.

Удивительным казалось то, что в одной отдельно взятой деревне (даже в деревне, а на месте, где когда-то была деревня (!)) можно было видеть и митинг, посвященный Дню Победы, и армейский салют в честь фронтовых подвигов героев, и шествие в едином строю «Бессмертного полка» всех жителей населенного пункта от мала до велика, и молебен об упокоении невинно убиенных на поле боя, и незабываемую совместную трапезу «солдатской» каши, приготовленную в настоящей походной кухне. Кажется, что такой перечень событий больше напоминает сценарий кинофильма…

Кстати, именно в тот год нижегородские тележурналисты побывали в Леонтьево и сняли небольшой документальный фильм об этом событии, который прошел в эфире одного из нижегородских телеканалов (ГТРК). А наш фоторепортаж с комментариями был представлен вниманию членов ОСН в Музее А.Д. Сахарова в начале июня 2015 года и остался ждать своего часа в «портфеле» редакции «Памятных записок».

Сегодня в год 75-летия Победы, названный Годом Памяти и Славы, когда в условиях борьбы с пандемией своевременно не состоялся даже парад на Красной площади в Москве, и были отменены все шествия «Бессмертного полка», мы хотим вновь вернуться к событиям пятилетней давности на земле нижегородской глубинки и поделиться с нашими читателями знаниями о Прекрасных Людях, которые жили здесь, учились, трудились, любили, пели песни, писали стихи, растили своих детей, уходили на фронт в лихую годину, и сумели передать своим потомкам искреннюю любовь к родному краю, к своей большой и малой Родине.

Каждый участник мероприятия получил в подарок – георгиевскую ленточку и гостинец – маленькую баночку меда с пасеки местного пчеловода. Но главное, каждый получил ощущение тепла семейного праздника, общения с родными и по-настоящему близкими людьми, причастности к общему хорошему и благородному делу.

1 - Слева направо Дарьин А.В, Перевезенцев С.Н. Перевезенцев В.И., Шайхутдинова М.В.; 2 - Слово ветерану; 3 - Часовня в честь Св. Николая. Панихида об упокоении убиенных на поле боя; 4 - Со своими стихами выступает уроженка с. Леонтьево; 5 - Последний, оставшийся в живых из ушедших на фронт из села, участник боев в ВОВ

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

- Дебихина Н.И. Первые форды на нижегородской земле. Галерея руководителей

Н.И. Дебихина

ПЕРВЫЕ ФОРДЫ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ. ГАЛЕРЕЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Два года отделяют Горьковский автомобильный завод от большой юбилейной даты – 90-летия со дня основания автогиганта. И наш завод – Горьковский завод аппаратуры связи им. А.С. Попова – напрямую причастен к торжеству. Удивлены?

В феврале 2020 года исполнилось 90 лет выпущенным первым советским машинам фордовской модели на нижегородской земле. Вспомнить об этом периоде поможет история ГЗАСа, о которой можно прочесть в том числе и в журнале «Памятные записки ОСН», том 44 за 2019 год.

Завод «Гудок Октября» (1927-1929 годы) под руководством Соловьева С.А. продолжает выпуск сельскохозяйственного оборудования. Организовано конструкторско-испытательное бюро, внедрено 37 рацпредложений. Завод в числе лидеров по отрасли. Однако экономическая ситуация подталкивала к поиску новых решений.

Начинается реконструкция кузнечно-штамповочного производства. Литейный процесс передается таким же цехам «Двигателя революции» и «Красной Этны».

Накануне первой пятилетки (1929-1932 гг.) страна нуждалась в развитии авто-авиа– тракторостроения. По количеству автомобилей СССР занимал 35-е место в мире и 14-е по их производству. 4 марта 1929 года председатель ВСНХ СССР В.В. Куйбышев писал, что «правительство приняло решение построить собственными силами мощный автомобильный завод с выпуском 100 тыс. машин в год». 6 апреля того же года на заседании Президиума ВСНХ было определено место строительства автогиганта – Нижний Новгород. В этом же Приказе было обнародовано решение о создании автосборочных заводов. 4 июня 1929 года Президиум ВСНХ на основе выводов комиссии Главмашинстроя постановил: «Приспособить для этой цели помещения на заводе «Гудок Октября» в Нижнем Новгороде».

У деревни Монастырка еще только шли подготовительные работы по строительству автогиганта, а в Канавине на заводе «Гудок Октября» заканчивалась подготовка автосборочного цеха с монтажом в нем сборочного конвейера.

Уходит на строительство автозавода директор Соловьев С.А., все тяготы ложатся на плечи, правда, ненадолго на Метелкина П.Г.

В это время по договору с компанией Форда из США через Мурманск поступали в Нижний автомобильные узлы и детали. Завод «Красное Сормово»

подготовил автосборочному заводу 50 платформ для сборки грузовиков фордовской модели. Опытные мастера и квалифицированные рабочие учили молодых производственников работать на сборочном производстве.

Для развития и освоения нового дела требовались умелые и знающие руководители. Выбор «Автостроя» сделан в пользу Лебедева Алексея Федоровича. Благодаря помощи архивиста завода Калиненковой Людмилы Ивановны, мне удалось еще в 2010 году разыскать некоторые «Личные дела» руководителей того времени, в том числе и документы из дела Лебедева А.Ф. «Лебедев Алексей Федорович, 1887 года рождения, уроженец Тверской губернии. До 1914 года работал слесарем, шофером в гараже Жемличка в Москве, автомехаником во Владивостоке. С 1914-1917 гг. в Первую мировую войну – шофер в 5-ом Сибирском корпусе. С 1917 года до настоящего времени (1929 г.) – Ярославский автозавод, Завод СНарЖак, ВСНХ, 1-ый автосборочный завод – директор.

Выписка из трудового договора от 1 июля 1929 г. «Автострой».

1. Гр. Лебедев приглашается в Автострой на должность инженера для работы на автозавод, имеющем быть построенным в Нижнем Новгороде, как в случае соответствующего распоряжения Правительства, в другом месте.

2. До начала работы на заводе гр. Лебедев командируется в С.А.С.Ш. для изучения методов сборки автомобилей.

3. Гр. Лебедев обязан со всей возможной интенсивностью использовать время пребывания в С.А.С.Ш. для выполнения порученного ему задания, собрать и изучить исчерпывающие материалы и по приезде из командировки в установленный приказами ВСНХ СССР месячный срок представить подробный отчет об изученном им деле…

Из трудовой книжки:

25 июля 1929 года командирован Автостроем для изучения автопроизводства в Америку.

1 января 1930 года назначен директором 1-го Автосборочного завода г. Нижнего Новгорода (Канавино)

1 февраля наступил торжественный день. На митинг, посвященный выпуску первых грузовиков, собрались представители краевых организаций и делегации от нижегородских предприятий. На стенде музея в нашу бытность (1983г.-2010г.) работы на заводе так описывалось это событие:

От имени Канавинского райкома ВКП (б) т. Шиходыров приветствовал собравшихся: «Пуск первого автосборочного завода – одно из звеньев индустриализации страны, первый победный шаг к развитию автостроения в СССР».

В своей приветственной речи ответственный секретарь газеты «Нижегородская коммуна» Б.М. Волин, выступая от лица крайкома ВКП (б), сказал:

Первый советский «Форд», сошедший с конвейера автосборочного завода 1 февраля 1930 года

«…пуская этот завод, мы ставим нашу страну не только на рельсы индустриализации, но и на колеса индустриализации, что налагает на нас величайшую ответственность. Первый автосборочный должен быть лучшим, примерным заводом. Он должен быть в первых рядах в борьбе за дисциплину труда, за качественные показатели».

О новой странице в деле подъема народного хозяйства с пуском первого автосборочного завода говорили председатель крайисполкома Н.И. Пахомов, председатель крайсовпрофа А.С. Зашибаев. Начальник автосборочного цеха, он же директор, А.Ф. Лебедев рассказал о напряженном и ударном труде по подготовке и сборке машин.

Поперек конвейера перед буферами первой автомашины протянулась алая лента с лозунгом: «На социалистических колесах вперед – к социализму!». Ленту разрезали Н.И. Пахомов и Б.М. Волин.

Под звуки заводского гудка и гром духового оркестра автомобили вывезены на заводской двор. (Фото1). Лучшие производственники на новых грузовиках поехали к заводам – «Двигатель революции», «Красная Этна», «Красное Сормово», к фабрике «Красный Октябрь». С огромным интересом и радостью встречали всюду первые нижегородские автомобили.

Поздно вечером вернулись автомобили в сборочный завод, пройдя первые десятки километров. Испытание было выдержано с честью: ни одна машина, снятая с конвейера, не вышла из строя.

К концу февраля 1930 года на автосборочном заводе было выпущено 97 машин. Из первой партии автомашин 60 грузовиков переданы Зернотресту, 10 машин переданы строительству автозавода, по одной машине переданы предприятиям: «Красной Этне», «Двигателю революции», «Красному Сормово».

Задача, поставленная перед Лебедевым, была выполнена. 21 июля 1931 года он назначается на строительство механического цеха Автозавода.

Опять новые фамилии в руководстве завода: с 13 июля по октябрь 1931 года – Листровой, с октября 1931 г. по октябрь 1932 г. – Шабашев Иван Иванович.

С 1 января 1932 года ГАЗ вступил в строй. А Первый Автосборочный стал его подразделением и базой для подготовки и обучения кадров. С 1 ноября 1932 года на должность директора автобусного завода возвращается Соловьев Сергей Андреевич. С мая 1933 года Автосборочный завод вошел в состав Автозавода, как автобусный цех. За этот год выпущено 213 автобусов с заводским индексом ГАЗ-3.

Кадарьян М.Г.

В этот период создается первый конструкторский отдел, возглавить который поручается американскому специалисту. Имя его – Кадарьян Марк Трейкович.

Вот некоторые сведения из его Личного дела: Кадарьян Марк Трейкович, 1897 г. рождения, румын по национальности, родился в Югославии, приезжает из американского города Детройт и устраивается на Автозавод 1 августа 1931 года, с 1 января 1933 г. его назначают зав. экспериментальным отделом кузовостроения автобусного завода. С этого момента идут разработки новых моделей автобусов и доработки существующих конструкций.

В начале 1935 года Соловьева С.А. окончательно переводят в производственный отдел ГАЗа и его сменяет Авдотьин А. (янв. – окт. 1935 г).

По-прежнему, основной продукцией завода являются автобусы.

Страна и промышленность, в частности, остро нуждались в грамотных специалистах на всех местах. Еще в сентябре 1933 года с Автозавода им. Молотова, так именовался в то время ГАЗ, назначается зав. производством автобусного цеха – помощником начальника цеха Пудков Федор Михайлович. На основании приказа по Автозаводу от 28.10.1935 г. №198 ему нужно приступить к обязанностям начальника автобусного цеха 03.11.1935 г. И опять раскрыть образ Пудкова Ф М. поможет его Личное дело. Коренной ленинградец, в 1914 году призван на империалистическую войну рядовым солдатом. В 1918 году перешел на сторону Красной Армии в бронетанковый дивизион кузовщиком. В 1924 году по призыву души и совести и в ответ на смерть В.И.Ленина вступает в партию. По решению Бауманского райкома ВКП(б) г. Москвы направлен в Автострой.

Федор Михайлович, как и Алексей Федорович Лебедев, находился в командировке в С.А.С.Ш. (осень 1929 г.-авг.1930 г.) по изучению автодела на заводах Форда. Был директором Московского автосборочного завода «КИМ», откуда и прибыл в Нижний Новгород на Автозавод 8 января 1933 года.

Шрамом на его судьбе осталось испытание, когда без вины виноватых переламывали жернова сталинской мельницы. Чистка в рядах партии не минула и его. В 1933 году он переведен из членов ВКП (б) в кандидаты по причине политической неграмотности.

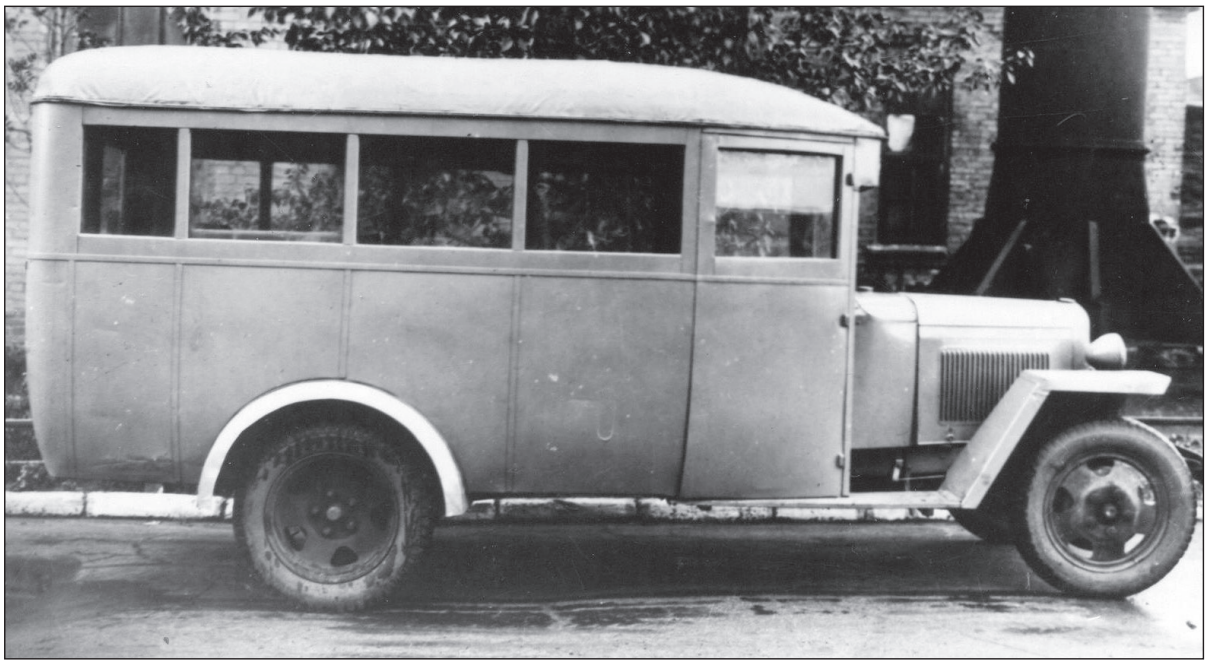
Наличие неоспоримого факта в его биографии и привело, как я полагаю, в Нижний Новгород, а позднее в Канавино.

Любое производство не обходилось без осложнений: плохая обеспеченность комплектующими деталями, текучесть рабочей силы. И наибольшая текучка отмечалась в автобусном цехе. Однако запал молодых строителей социализма, самоотверженность, энтузиазм перекрывали недостающие рабочие руки. На 1 мая 1938 года в автобусном цехе работали 176 стахановцев и 73 ударника. Основной продукцией были не только автобусы разных моделей, но и газогенераторные машины.

В мае 1937 года переводят Кадарьяна М.Т. зав экспериментально-конструкторским бюро на Автозавод.

В апреле 1938 года к управлению автобусным цехом назначается наш земляк, нижегородец Денисов Петр Павлович. И его биография заслуживает особого внимания. Обратимся вновь к архиву завода и Личному делу Денисова П.П.

Денисов Петр Павлович, 1893 г. рождения. С 1914 по 1917 гг. служил в Первую мировую войну в Кронштадте в 3-ем дивизионе Балтфлота мотористом. В 1918 году мотористом в прославленной Волжской военной флотилии.



Первый автобус Форд

Водная стихия была написана ему на роду: Волга, Балтика, Белое море, Северный Ледовитый океан. После излечения в 1919 году вступает в ряды РККА и назначается в автопарк Восточного фронта слесарем-бригадиром в Нижний Новгород. С этого момента моряк стал сухопутным на всю оставшуюся жизнь, лишь не изменил предмету своей страсти и любви – железному сердцу машины. В 1930 г из треста Мехтранспорта его направляют на курсы мастеров Автостроя, по окончании – на ГАЗ.

В 1934-1935 гг. с целью изучения сборки автомобилей его командируют в Америку, в город Детройт.

На автобусный завод Денисов П.П. пришел, имея за плечами большой опыт работы и солидный послужной список. Итогом работы коллектива в 1-ом квартале 1939 года является присуждение заводского переходящего Красного Знамени. В начале того же года рассматривается технический проект реконструкции автобусного цеха, однако по причинам, не зависящим от завода, ему уже не суждено было осуществиться. Цех считался филиалом ГАЗа, хотя он был самостоятельным подразделением. Несмотря на это в Личных делах руководителей значилось – начальник цеха-директор завода. Официальное отделение цеха и придание ему статуса завода-филиала произошло 1 января 1940 года. На этом же основании директором завода-филиала стал Денисов П.П.

Главной продукцией оставались автобусы. 4 января 1940 года завод должен был изготовить в качестве экспонатов ВСНХ – 1940 года самосвал-«опрокидку». Машина получила положительную оценку и включалась в план производства 1940 года.

В апреле 1940 года на заводе был издан приказ с пометкой «экстренно». Привожу его полностью:

«Приказ №60
по автобусному заводу филиал ГАЗ им Молотова
от 13 апреля 1940 г.
п.1
12 апреля с.г. после тяжелой болезни скончался начальник производства т. Лебедев Алексей Федорович, проработавший на заводе 10 лет
п.2
Для организации похорон т. Лебедева создать комиссию.
Директор завода: Денисов»

Благодаря усилиям вышеназванных руководителей, их организаторским способностям, думаю, что еще и стойкому и бойцовскому характеру, была выведена из прорыва автомобильная промышленность. И как свидетельство этому – наш нижегородский Автогигант.

Многим замыслам инженерного творения не удалось свершиться, с мирного пути пришлось переводить всю жизнь на военные рельсы. Но это уже другая история…

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ИСТОРИЯ

- Цирульников А.М. Поклон полуторке
- Цирульников А.М. «Во кузнице кузнецы…»
- Цирульников А.М. Вокруг Берии
- Цирульников А.М. О Болдине
- Харламов В.А. Памяти достойного служения
- Семенова Т.Е., Хроматов В.Е. Великие нижегородцы в МЭИ В.А. Голубцова

Первые советские форды были собраны на автосборочном заводе Канавине. Тогда еще автозавод строился, готовил кадры и учился делать автомашины. Главные события произошли 1 января 1932 г.

Продолжая тему.

Александр Цирульников

ПОКЛОН ПОЛУТОРКЕ

Перед главной проходной Горьковского автозавода, в небольшом скверике, на постаменте стоит грузовая машина. На табличках вместо номера значатся цифры – 1932, а на пьедестале выбито название автомобиля – ГАЗ-АА.

Сейчас Горьковскому автозаводу – 88 лет. А мой рассказ относится ко времени, когда ГАЗ готовился отметить золотой юбилей, то есть к концу 1981 года. В честь пятидесятилетия автозавода было решено соорудить монумент трудовой славы. Долго думали, обсуждали, как он должен выглядеть. И кто-то предложил, чтоб на постаменте стояла настоящая машина. Но какая? Конечно, грузовая – машина-труженица, машина– работяга. А кто из грузовиков достоин этой чести? Все сошлись на одном – полуторка! ГАЗ-АА был первым грузовым автомобилем завода, за бортом у него в полном смысле слова – дороги нашей истории: и первые пятилетки, и Великая Отечественная война,

и послевоенное строительство. Но где взять полуторку, чтобы поднять на пьедестал? Всего лишь несколько лет назад эти старые машины изредка можно было встретить на улицах, а сейчас они навсегда покинули их. Где искать? Как найти?

Автозаводцы обратились за помощью в разные организации, в том числе и на телевидение. И сейчас, когда мне приходится бывать на автозаводе, видеть на постаменте полуторку, я вспоминаю о том, как искали старую машину.

Горьковский автозавод начал работать в первый день нового 1932 года. Тогда еще город назывался Нижним Новгородом, завод – Нижегородским, а сокращенное название было не ГАЗ, как нынче, а НАЗ. И первые машины были не ГАЗами, «газиками», а НАЗами, «назиками». (Потом, когда городу в октябре 1990 года вернули историческое имя – Нижний Новгород, автозавод все равно остался Горьковским, потому что марка – ГАЗ – стала всемирно известной. Это было уже имя собственное, независимое от названия города).

29 января 1932 года в 19 часов 15 минут произошло историческое событие, о котором газета сообщила так: «Наступил торжественный момент. Включили конвейер, на нем поплыла первая рама грузовика, далее мотор, кабина…Поскольку от поставщиков пока не поступило листовой стали, кабину изготовили из фанеры…Под аплодисменты и крики «Ура!», под звуки заводской сирены сошел первый полуторатонный грузовой автомобиль НАЗ-АА».

31 января была изготовлена двадцать пятая такая машина. На следующий день полуторки впервые появились на улицах. Они ехали с автозавода в Нижегородский кремль, чтобы на них поглядели делегаты III краевой партийной

Н. Капелюш Н
Научимся делать советские форды

конференции. Десяток машин, сминая снежок, колонной двигались от главной проходной через весь город. Люди на обочинах и тротуарах останавливались, махали руками, мальчишки гурьбой бежали вслед за машинами, старухи крестились… Многие видели машины впервые в жизни. В кремле делегатам партконференции сообщили о прибытии «назиков», в зале разразилась овация. Досрочно был объявлен перерыв, и все заспешили на улицу. Шоферы и конструкторы давали пояснения, отвечали на многочисленные вопросы. Интерес и радость людей были понятны: есть первые автозаводские грузовики, в которых так нуждалась страна!

В тот же день другая партия машин на платформах по железной дороге была отправлена в Москву – на XVII партийную конференцию ВКП(б), чтобы их смогли осмотреть ее делегаты. Это было событие государственного значения. Пожалуй, ни одна новая машин потом не была встречена с таким общенародным радушием, как эти грузовые «назики».

Автозавод преодолевал трудности роста, вначале за день здесь собирали всего пять машин. За двадцать дней собрали сто тридцать шесть полуторок, за полгода была изготовлена лишь одна тысяча восемь машин. Выходило, что за день не более десяти. Это никуда не годилось. Газета «Правда», которая взяла сборку машин под свой контроль, опубликовала стихи Александра Ильича Безыменского, он был на автозаводе в составе выездной редакции этой центральной газеты:

…Каждый день прибавлять по машине,
Чтоб выпускать их по 200 в день!..

Конвейер постепенно набирал темп. В июле 1932 года полуторки выдержали серьезный экзамен: в испытательном пробеге уверенно преодолели расстояние в три тысячи двести километров по маршруту Н. Новгород–Москва–Псков–Витебск–Смоленск–Москва–Н. Новгород. Они вернулись домой в хорошем состоянии и снискали славу надежных машин. Впереди у них была сложная и прекрасная жизнь, дороги новостроек и бездорожье войны.

…Позвонил в ГАИ:

– Несколько лет назад по городу ездили две-три полуторки. Кому они принадлежат или принадлежали? Состоят ли они у вас на учете?

Оказывается, учет ведется по номерам, а не по маркам машин. Назови номер – и тебе тут же скажут, кому принадлежит автомобиль, а по марке номер узнать трудно.

Помню, по утрам, когда шел на работу, часто видел полуторку на Краснофлотской улице. В кузове у нее было что-то наподобие будочки, говорили, что обслуживает какой-то детский сад, возит хлеб, молоко, другие продукты. Управлял машиной пожилой шофер. Называли его дядей Яшей. Машина это

всегда обращала на себя внимание. И однажды один мой приятель рассказал мне, что слыхал, будто этот водитель на этой самой машине проехал через всю войну, доехал до Берлина и въехал в Берлин. И там узнал об этой с первого дня воевавшей полуторке сам маршал Жуков, вызвал дядю Яшу, поговорил с ним, а потом подарил ему эту машину, и на ней дядя Яша вернулся домой и по сей день работает.

– Вот о чем надо сделать передачу! – наставительно сказал мне приятель.

Действительно, замечательная история. Я собирался расспросить водителя машины при следующей встрече: просто остановить на улице и обо всем узнать. Но как назло машина перестала попадаться на глаза. И вот сейчас я по-настоящему пожалел об этой упущенной мной полуторке.

– На утреннем разводе инспекторов ГАИ, – сказал мне по телефону начальник отделения, – мы попросим их припомнить, какие были номера у полуторок, что дожили до наших дней. Память у инспекторов профессиональная – припомнят!..

Снова позвонил в ГАИ.

– Есть зацепка! – сказал знакомый уже голос. – Один из инспекторов сообщил, что две недели назад сдали номер одной старой полуторки, то есть ее списали. В каком она состоянии, не знаем. Но адрес гаража можем дать.

Гараж оказался на окраине города, окруженный корпусами нового микрорайона. Он словно до поры до времени затаился в нем. За металлическим забором с распахнутыми настежь воротами на пропахшем бензином и маслом снегу стояло несколько запорошенных машин. Небольшой трактор со скребком впереди расчищал дорогу, которая вела к солидному приземистому каменному боксу. Кабинет начальника был там.

– Хозяина нет на месте, уехал в управление! – невысокий плотный мужчина лет сорока в промасленной фуфайке вытирал на ходу руки ветошью и добродушно смотрел на нас:

– Что за чести мы удостоились, что к нам телевидение пожаловало? Или, может, провинились в чем?.. Чем могу помочь?

Узнав, что нас привело в гараж, рассмеялся:

– Так это вам «ракета» нужна? Мы эту полуторку «ракетой» зовем. Водитель на ней пожилой, но быстрый, уж больно ее любил и всегда говорил: «Да я на своей «ракете» мигом!» Так «ракета» – и пошло.

– А как звали водителя? Не дядя Яша?

– Да, дядя Яша!.. Только фамилию забыл, но это завгар скажет. А мы все привыкли – дядя Яша и дядя Яша…Он сейчас вроде в каком-то другом хозяйстве работает. Как «ракету» на прикол поставили, запчастей нет, так он от нас ушел. Кажется, на фургоне ГАЗ-52 сейчас ездит…

Мы вышли на улицу и в углу, у забора, увидели «ракету». Снег вокруг нее лежал нетронуто, и само она была вся в снегу. Стояла, покосившись на левый бок, с остатками засохшей грязи на крыльях. Краска облезла, фары, как виноватые глаза, смотрят вниз…

Видимо, разглядев, как мы удручены этим печальным зрелищем, наш провожатый решил скрасить впечатление:

– Вы не ужасайтесь, тут еще не так все плохо. Есть надежда, как говорят доктора… Дали бы нам указание и запчасти в придачу, мол, отремонтируйте и представьте в лучшем виде, все сделаем!..

Мы уже собирались уезжать, когда на «уазике» влетел во двор завгар, лихо развернулся почти на одном месте, прочертив по воздуху окружность сизоватым дымком из выхлопной трубы, быстро открыл дверцу, обитую изнутри войлоком, выпрыгнул из машины и направился к нам. Большой, грузный, но спорый в движеньях.

– Все знаю, мне из ГАИ звонили, будем помогать. Больше нигде и не ищите. Лучше нашей не найдете. Вы видели, какая она у нас красавица! Дунуть-плюнуть – завтра побежит!..

Он с трудом втиснулся в маленький свой кабинетик и уже отдавал распоряжения поспешавшему за нами механику:

– Завтра же отбуксировать в бокс, прогреть, промыть и чтоб послезавтра своим ходом пошла… Не беспокойтесь, товарищи, послезавтра поедем на ней, куда скажете. Номера нет – ничего: киносъемка уникальной машины. ГАИ все знает, сами звонили, просили вам помочь…

Но вскоре выяснилось, отчего он такой активный:

– И автозаводцам скажите, пусть не беспокоятся, мы для них постараемся, тут взаимный интерес: шутка сказать, наша «ракета» будет стоять на пьедестале! А надо-то нам от них – всего ничего. Сейчас запчастей днем с огнем не найти: вон стоят во дворе пятьдесят вторые, у одного задний мост полетел, другому нужен кардан, да еще бы пяток коленвалов, да что там пяток – десяток! Да и так по мелочи всего не хватает. А может, они за эту полуторку новенький грузовичок дадут, да можно и не новенький – главное, чтобы он весь укомплектован был по всем статьям!.. А мы все, что

Н.М. КАпелюш Пришли строить ГАЗ

нужно, сделаем, своим ходом до автозавода «ракета», а там – они ее сами доведут до кондиции…

Ну, что ж, его можно понять. Тем более что на автозаводе речь шла о том, что, может быть, придется пойти на взаимовыгодный обмен с хозяином полуторки.

Спросил о водителе.

– Дядя Яша? Найдем дядю Яшу. А без него ее и не отремонтировать! Ведь вот машина, на первый взгляд, неживое существо. А она все понимает, чувствует отношение к ней! Вот сядет в кабину кто другой: барахлит – не заводится – и все, или заведется и заглохнет. А как возьмется за руль дядя Яша, так слушает его безоговорочно.

– Сколько лет он на ней работал?

– Трудно сказать – много! Она ведь еще довоенного выпуска, в паспорте сказано: март 1941 года.

– А в войну он на ней не шоферил?

– Вот про это ничего не знаю, я здесь десятый год. Человек дядя Яша прекрасный. Водитель – просто золотой, а вот есть у него один недостаток: не говорун! Лишнего слова из него не вытянешь…

Когда через день мы снова приехали в гараж, «ракета» стояла на яме и возле нее хлопотал невысокий подвижный человек в длинном черном рабочем халате. Мы познакомились:

– Зовут меня Яковом Константиновичем, – представился он. – Если услышите – «дядя Яша», так это тоже я. Так даже привычнее…

Глубоко посаженные серо-зеленоватые глаза смотрели настороженно, в их словно металлические иголочки поблескивали. И в голосе слышалось раздражение:

Н.Капелюш
Первые грузовики ГАЗ-АА и легковые ГАЗ-А (форды)

– Говорил ведь, нельзя оставлять машину на улице… Все проржавело, прогнило, попробуй теперь восстанови…

Он соединил какие-то проводки, и вдруг в запыленных фарах загорелись лампочки.

Яков Константинович рукавом протер круглые стекла, и фары, прикрепленные к радиатору, словно уши Чебурашки, засветились чистым светом.

Яков Константинович колдовал в кабине, машина, казалось, прислушивалась к тому, что он делал. Потом шофер взял ручку, чтобы завести мотор. Боковые шторки с капота были сняты, и видно было, как при каждом повороте ручки все внутренности двигателя сотрясались, расшатано скрипела и стонала вся машина. Яков Константинович чертыхался, не обращая внимания на нас. И вдруг мотор фыркнул и мелко-мелко задрожал, фары удивленно зажглись, и раздался надтреснутый дребезжащий старушечий голос полуторки. «Ракета» ожила, и сразу потеплело лицо дяди Яши…

– Много в ней «родного»? – спросил я.

– Да почти все, только задний мост от ГАЗ-51, а все остальное хоть ветхое, но свое.

– Сколько вам на полуторке поработать пришлось?

– Да в общей сложности лет двадцать пять. Я шофером после войны стал, а в войну на полуторках ездил, правда, только в кузове. Воевал на Калининском фронте, в Белоруссии… И как она шла без дорог? Не вездеход же! А шла! И на себе возить ее приходилось. Это там, где она нас уже никак везти не могла… Ведь «катюши» были на ней установлены. И очень даже приятно было услышать, как запоет «катюша»… Перед такой машиной и шапку можно снять. Почти сорок лет я за рулем. Сразу после войны свою первую полуторку получил. Новенькую! Знаете, какая была радость для водителя получить такую машину. Работал я тогда три сезона на лесозаготовках. И я бы сказал, мы с ней работали! Возили! По четыре или по пять кубов дров по лесным дорогам, то есть без дорог. И проходимость была отличная. Одно у полуторки плохо. Нет у полуторки печки, нет отопителя в кабине. Мы зимой ездили в полушубках, в брюках ватных, в валенках, у шапок уши опущены, в стеганых штанах… Тяжело зимой приходилось… Это сейчас в кабинах – Ташкент, в одном пиджачке в мороз кати, не застудишься…

– А мне рассказывали, что вы с фронта на полуторке приехали, что вам ее маршал Жуков подарил…

Дядя Яша рассмеялся:

– Вот ведь, как сказки рождаются. Это я про одного шофера читал и ребятам рассказывал, давно это было. В журнале «За рулем» про него печатали… Про Жукова там, кажется, ничего не было, это потом придумали…

А в общем-то все могло быть: многие водители возвращались домой на машинах, что уцелели в боях. Может, из них кому и сам Жуков подарил… Может, вам про другой случай говорили… Но не про меня… Я на полуторке четыре года проработал после войны, потом пересел на другую машину. А потом опять свела меня шоферская судьба с ГАЗ-АА, и еще двадцать лет на ней колесил. Кстати, та машина – вторая моя полуторка, (эта-то уж третья, выходит) цела до сих пор и, как новенькая, катится… Вот бы ее поглядеть. На ней сейчас мой старинный дружок работает Мишка Левакин! Вернее, подрабатывает. Мы с ним в одном хозяйстве на пятьдесят вторых газах шоферили. А два раза в неделю он на полуторке обслуживает детские ясли-сад. Полуторка эта принадлежит пятнадцатым яслям, так что Михаил там на полставки трудится…

Это было уже совсем интересно. Оказывается, есть полуторка на ходу! Договорились с Яковом Константиновичем, что он познакомит нас со своим давним другом и напарником.

Подумалось, что это все может стать темой стоящей телевизионной передачи, посвященной машине, много поработавшей на благо народа, чтобы сказать «спасибо» старому заслуженному грузовику и людям, что его создали, и на нем работали.

Есть на Горьковском автозаводе управление конструкторско-экспериментальных работ. Это мозговой центр предприятия. Здесь разрабатываются новые грузовые и легковые машины марки «ГАЗ». И даже собираются тут же в разных пробных вариантах, подвергаются испытаниям и целиком, и по частям, то есть по отдельным узлам и группам узлов.

Много лет в УКЭР работал Николой Николаевич Добровольский. Он был не просто фотографом, а фотолетописцем автозавода! В середине тридцатых годов, когда ГАЗ делал только начальные шаги, первый директор предприятия Сергей Сергеевич Дьяконов вручил молодому репортеру многотиражной газеты «Автогигант» фотоаппарат и сказал: «Снимай все – людей, завод, машины: это все нужно для истории!» Это и определило всю жизнь Николая Николаевича. Он участвовал в испытательных автопробегах по Каракумам, по горам Кавказа, по болотам и бездорожью тундры, по снегам Якутии. И снимал, снимал, снимал. Он первым фотографировал новые марки машин. Были среди них и те, что потом так и остались в единичных экземплярах: по разным причинам не шли в серию.

Он любил и знал все машины Горьковского автозавода, потому что каждая из них создавалось на его глазах и дизайнеры часто обращались к нему за советом, зная его отменный вкус к технике. Он не мыслил жизни без участия в ней автомашин. Он их просто одушевлял на своих снимках, не представляя без них ни городской, ни сельский пейзаж. Грузовики и легковушки становились сред-

ни деревьям, облакам, горам, берегам рек и морей, мокрым от дождя улицам. Он был репортером и поэтом, воспевающим всеобщую автомобилизацию.

Я познакомился с Николаем Николаевичем, когда он был уже в годах, мы часто встречались на съемках, связанных с событиями в жизни автозавода. Невысокий, сухонький с редкими седыми волосами, отступившими на макушку, и хитроватым блеском в улыбчивых глазах, он шустро суетился, выискивая лучшую точку для съемки. Фотоаппарат в руках, фотоаппарат на груди, пиджак с левого плеча буквально сдергивает ремень от сумки со сменной оптикой и аккумулятором для лампы-вспышки. Я видел его на верхотуре пожарной лестницы под самой крышей корпуса, когда он в полном смысле слова висел на лестничном пруте, зажав его в локтевом сгибе: ему нужно было снять с верхней точки общий план митинга. Ради неожиданного ракурса, оригинального кадра он был готов, позабыв про возраст, лезть, что называется, в огонь и воду. И лез.

Я условился с Николаем Николаевичем о встрече. Он обещал показать мне свою коллекцию фотографий полуторок разных модификаций. Вот почему и я поехал к нему на завод. И застал его на испытательном стенде. Он снимал экзамен, которому подвергался автомобиль ГАЗ-4509, грузовик, предназначавшийся для сельскохозяйственного автопоезда, который, кстати, не пошел в серию.

Автомобиль на стенде подвергается просто-таки мучительному обследованию. Он обут не в обычные покрышки, а в плотные шины из цельно-литой резины, прикрепленные к механическим шатунам, которые торчат из «ямы», словно руки по локоть, и раскачивают машину, моделируя движение по дорогам разной сложности. Все несущие части, и узлы, и механизмы подвергаются настоящей проверке на разрыв. Ритм движения резко меняется, направление перегрузок агрессивно и разнообразно. Слышно, как машина вся сотрясается, даже стонет от напряжения. Программа испытаний задана с помощью электронно-вычислительной техники, тонкие шланги и проводки тянутся от датчиков, установленных в разных точках подопытного грузовика, а на экраны дисплеев фиксируется поступающая от них информация.

Н.Капелюш Парад Газиков

– Тут фотография бессильна, нужно кино! – сокрушается Николай Николаевич. Сни-

мок запечатлеет всего лишь статичный кадр и не передаст «мучений», которые переживает машина…

Мы прошли в фотолабораторию. Добровольский стал показывать снимки полуторок разных модификаций. Вот первые полуторки в летнюю страду загружаются в совхозе «Доскино» выращенными в парниках овощами. На фотографии дата –1936 год.

На другом снимке полуторка с угловатыми передними крыльями из кровельного железа, деревянной кабиной с парусиновым верхом, с деревянной подножкой, нет бампера впереди, и только одна фара – над левым передним колесом. Так выглядела машина в военную пору. Не хватало металла, экономили на всем и везде, где можно было его заменить. В таком виде полуторки поступали в действующую армию, на фронт. Выпускались в те годы и грузовики ГАЗ-ААА. Дополнительная буква «А» означала, что у этой автомашины для лучшей проходимости сзади добавлена еще одна колесная ось, так что под кузовом с каждой стороны было по два колеса.

Для экономии бензина освоили производство газогенераторных полуторок. Из дальнего военных времен детства мне вспоминаются эти машины с высоким узким черным баком возле кабины, который прикреплялся к подножке и передним доскам кузова. Наверху бака была труба, из которой во время движения шел дым. Он вился над кабиной, его ветром задувало в кузов, и в горле поэтому горчило. Бензина этим машинам требовалось немного, только для запуска двигателя, а потом мотор питался газом, что вырабатывался в черном баке – печке. Шофер время от времени заправлял его деревянными чурочками. Эти машины, как правило, обслуживали тыловые предприятия.

На базе полуторки выпускались продолговатые узкие автобусики с выпуклой крышей – санитарные машины ГАЗ-55 и небольшие шестнадцатиместные рейсовые автобусы, выехавшие на первые регулярные маршруты в городах и между городами и селами, – ГАЗ-03-30.

На этот снимок Добровольского нельзя смотреть без волнения. Полуторки собирают под открытым небом. Лето 1943 года. Фашистские бомбы разрушили главный конвейер. Было много убитых и раненых. Враг думал, что окончательно вывел предприятие из строя. Но всего сорок два дня потребовалось, чтобы восстановить и пустить конвейер, наладить выпуск машин. Еще не были полностью отремонтированы стены, еще не было над головой крыши, но полуторки, прокричав «спасибо» своими хрипловатыми голосами и помигав единственной фарой сборщикам, одна за другой скатывались с конвейера.

Смотришь на фотографии – и невольно задаешься вопросом: как сложилась судьба вот этой машины или вон той, где она работала, кого возила. Кадры военной кинохроники навсегда сохранили колонну полуторок, двигавшуюся по льду Ладоги к осажденному Ленинграду. Эти легкие и подвижные машины были незаменимы на «дороге жизни». А помните, тоже из кино, закамуфлированные в пятнистую окраску, забрызганные грязью бездорожья полуторки катятся мимо груд искореженного металла, оставшегося от фашистских «тигров» и «пантер». Курская дуга! Полуторка была со страной и в горе, и в радости. И в ликовании всенародном она тоже участвовала. Как хорошо, что кинохроника запечатлела и это: катит полуторка вдоль увешанного красными полотнищами рейхстага, стены которого расписаны русскими буквами, а в ее кузове – на полном ходу – пляшут, обнявшись, три бойца, радуются Победе!..

У каждого автомобиля, как и у человека, есть свой паспорт. Паспорт этой полуторки свидетельствует, что родилась она 10 июня 1940 года. И в то же лето приступила к работе. Обслуживала Горьковскую областную станцию переливания крови. Потом, когда началась война, стала санитарной машиной в эвакогоспитале. После войны одно время работала на городских стройках, затем снова по медицинской части – в детской поликлинике. Сколько самых разных грузов она перевезла, сколько дорог прошла, сколько людей были ее пассажирами!

А сейчас она, можно сказать, на пенсии. Но продолжает работать в детских яслях № 15 Нижегородского района…

Когда Михаил Федорович Левакин открыл ворота деревянного сарая и задним ходом вывел оттуда полуторку, чистенькую, свежеокрашенную в зеленый цвет, оставалось нам удивляться, как это она такой сохранилась.

Левакин вылез из кабины и ходил вокруг машины в долгом коричневом тулупе, в мохнатой шапке, большой, с крупными чертами лица и рыжими щетинистыми бровями. И, посмеиваясь, хлопал себя длинными руками по бокам, как Дед Мороз:

– Вы знаете, как ее детишки называют? «Квакушкой», то ли потому, что зеленая, то ли потому, что сигнал у нее поквакивающий.

Крупными хлопьями падал медленный чистейший снег. Он, влажно подтаивая, устилал улицу, ровно припорашивая все следы. Как по белому полотну, катила полуторка, припечатывая на нем две белые рубчатые дорожки. И это были самые первые следы на этом снегу, как тогда в январе 1932 года…

Снежинки прилипали на плоское прямостоящее ветровое стекло, таяли и быстрыми ртутными струйками текли по разогретому радиатору. Левакин

большими ватными рукавицами крутил тонкую черную окружность баранки. До этого в последний раз в кабине полуторки я ездил в дальнем детстве, но до сих пор помню и тот легкий запах бензина, и парок над пробкой радиатора, и само ощущение движения, езды и близости пробегающей внизу под кабиной дороги, которая бесконечной суровой ниткой была видна в щели зыбкого пола.

Как все внутри просто: две стрелки приборов, два рычага – все!

Мы первыми ехали сейчас по свежайшей снежной целине. Поток машин шел за нами. Словно отдавая почести старой уважаемой машине. Порой иной нетерпеливый, а, может, любопытный шофер слева догонял нас, шел вровень, а потом, повинуясь какому-то общему чувству, пропускал вперед. Люди во встречных трамваях и автобусах прилипали к окнам. Полуторку это не удивляло: с рождения она привыкла удивлять сама!

Как когда-то, на площади перед Нижегородским кремлем полуторку обступили люди. Просто шли куда-то и подходили, заглядывали в кабину, просили показать двигатель. Вспоминали, обсуждали, спорили. Яков Константинович и Михаил Федорович ощущали себя именинниками.

– Как же вам удалось сохранить полуторку в таком виде? – спрашиваю Левакина.

– Ее мне Яков Константинович передал в добром здравии в 1965 году. И с тех самых пор на ней работаю, ремонтирую как могу. Запчастей-то совсем нет!

– Чего захотел – запчастей для полуторки?! – удивлялись люди. – Где их взять через столько лет!

– А что делать? Приходится по старым гаражам рыскать, искать то, что не успели еще на свалку отвезти… Глядите! Это же редкостная машина!..

А она словно прислушивалась к тому, что о ней говорят.

Проезжал шофер на КАМАЗе, подъехал вплотную к полуторке, остановился, вышел из машины. Стал потрясенно рассматривать кабину:

– А как же она едет? Тут же ничего нет!.. Дали бы мне полуторку, пришлось бы идти переучиваться…

Они стояли рядом – огромный могучий ярко-красный КАМАЗ и маленькая худенькая старушонка-полуторка.

И тут вихрем налетела ребятня – третий класс. То ли дети были на прогулке, то ли шли по какому-то делу все вместе. Только на КАМАЗ – ноль внимания. А полуторку облепили. Их было человек двадцать, они набились в кабину, в кузов. Вертели баранку, сигналили. Лица пунцовые, глаза горящие…

Один паренек очень точно сказал: «Эта машина приехала к нам из кино!» А другой спросил всерьез: «А она настоящая?..»

Она была для них большая игрушка.

Они лазили по ней, а она стояла тихая, как добрая покорная лошадь, и всем своим машинным нутром была рада им.

Два пожилых водителя были закиданы ребячьими вопросами, словно снежками. А какой-то человек средних лет, погладив крыло над передним колесом и собрав горстку свежего липкого снега, выдохнул:

– Это же наша история! Такие машины нельзя списывать, их надо отдавать детям в школы или ставить на пьедесталы!..

– Никогда не думал, что старая машина-полуторка – вызовет столько чувств у самых разных людей! – удивлялся Яков Константинович. – Думал, мне она дорога, потому что я на ней и вяз, и мерз, и на себе вез, и шоферил. А тут вроде посторонние люди, а как к человеку к ней относятся. Думал уж и не прикасаться к моей «ракете», раз «квакушка» отыскалась, но, видно, что-то придется делать, раз она этим мальцам нужна… Пусть одна стоит на пьедестале, а другая послужит школе какой или ПТУ!..

Вот какая история вспоминается мне, когда бываю на автозаводе и вижу у главной проходной на постаменте полуторку. И цветы – у подножия монумента, на радиаторе, на крыльях у передних колес. Из ворот завода одна за другой выходят новенькие, только что с конвейера, грузовые и легковые автомобили и в свой первый путь от проходной до двора отдела сбыта едут мимо нее.

А рассказ о том шофере, что всю войну на полуторке проехал и с фронта на ней вернулся, обернулся былью. И зовут его Иваном Васильевичем Кулагиным. Жил он в городе Сызрани, а полуторка его там стоит на пьедестале. Прочитал я о нем в газете «Известия». Из Сызрани он на этой машине уехал на фронт, воевал под Сталинградом, возил разведчиков на задания. Они уйдут, а он замаскирует машину ветками и вместе с ней ждет, пока они вернутся… Подвозил снаряды на передовую. Интересно, что и у этой полуторки было свое имя. Иван Васильевич называл ее Полундрой. Вероятно, из-за песни, где были такие слова:

Эх, Полундра, моя ГАЗ!
По колено в грязь увяз,
И с товарищем вдвоем
Мы в два голоса поем:
– Эх, раз взяли!
Еще раз взяли!

Так до Берлина они вдвоем и добрались, думали, что тут закончилась их боевая дорога. Но пришлось еще спешить на выручку Праге. Оттуда через Львов вернулись на родину – в Сызрань. И чуть ли не сорок лет еще работали вместе – человек и машина. Человеку дали медаль «Ветеран труда», и светится она рядом с фронтовыми наградами. А машина своим ходом въехала на пьедестал. Рассказал Иван Васильевич Кулагин такой факт: узнали про его машину на Горьковском автозаводе и стали просить передать ее музею предприятия, но сызранцы не отдали: самим дорога!

И автозаводцы не обиделись: это ведь и им награда. Какую машину сделали!..

P.S. Перечитал свой очерк 1980-х годов и решил ничего не править и ничего не переписывать. Так тогда жили и чувствовали. «Другая жизнь и берег дальний». Но это всегда с нами!

А.М. Цирульников

«ВО КУЗНИЦЕ КУЗНЕЦЫ…»

(Записки 35-летней давности с нынешними выводами после прочтения)

Когда подходишь к этому цеху, ещё издали слышишь доносящуюся оттуда канонаду. Это ухают тяжёлые паровые молоты. А войдёшь и почувствуешь, как от этих ударов сотрясаются стены и подрагивает пол под ногами.

Построен цех в начале 30-х годов XX века. Он ровесник автозавода. Его широкие и высокие оконные проёмы как будто страницы школьной тетради «в клеточку»: состоят из сетки небольших стеклянных прямоугольников, многие из которых совершенно закопчены за долгие годы. В ясный день пробившиеся через них ровные и светлые солнечные полосы лучами прожекторов плывут в плотном голубоватом воздухе цеха.

Сухое, подсвеченное красным марево зыбко поднимается от раскалённых печей, от жарких, уложенных штабелями только что выкованных деталей. Кажется, лежат в поленнице тлеющие, догорающие дрова с пробегающими по ним сизыми огоньками. Мостовые краны, дребезжащие и позванивающие, как старые трамваи, поднимают и несут эти поленницы в места складирования, и снизу видно, как мерцают в воздухе пунктиры багровых строчек.

Кузнечное производство на Горьковском автозавода всегда относилось к категории основных. В цехе тяжёлых паровых молотов изготовляются детали, без которых собрать автомобиль невозможно – балки передних осей, коленчатые валы, ступицы колёс…

И люди, работающие здесь, без сомнения, сознают значительность и важность своего труда. В них самих ощущается уверенность и сила, достоинство и самоуважение как следствие уважения к делу, которым они заняты.

А дело это, если наблюдать со стороны, очень красивое, потому что это прямое, без посредников, общение человека с огнём и металлом. Но именно поэтому труд кузнецов тяжёл, он требует огромных физических затрат, потому что за смену через их руки проходят десятки тонн металла.

С древних времён в русской поэзии кузнец всегда был символом трудолюбца, борца. Можно сказать, что первыми рабочими людьми на Руси были именно кузнецы: они ковали оружие, орудия труда, гвозди, подковывали лошадей. Почти в каждой деревне была своя кузница и был свой кузнец. И, как правило, занятие это передавалось по наследству. Вот почему Кузнецовы, пожалуй, самая распространённая фамилия в наших городах и сёлах.

И сколько бы ни прошло лет, а без труда кузнеца до сих пор обойтись невозможно. Многие кузнечные операции выполняются сейчас машинами. Здесь

же, на автозаводе, есть прессовая кузница, где детали штампуют прессовые установки, но ведь детали деталям – рознь. Иные из них без непосредственного участия человека, без его физических затрат изготовить не удаётся.

Есть такие виды работ, которые полной механизации и автоматизации не подвластны.

Какие бы совершенные машины ни получило бы сельское хозяйство, никогда не обойдётся оно без того, чтобы человек не трогал землю руками, не копался в ней, не ухаживал за домашними животными. Никакой автомат не сварит такого вкусного супа, не испечёт такого сочного пирога, как обливающийся потом у жаркой печи повар или кулинар. И сталевар готовит металл высшей марки, словно повар: берёт пробы из мартена, как повар из котла, и сдабривает плавку нужными компонентами. Тут нужна интуиция, особое ощущение материала, с которым человек работает. У хорошего опытного кузнеца есть «чувство металла». Нужно без всяких приборов почувствовать температуру нагрева, готовность металла откликнуться на контакт с человеком, соизмерить силу и точность удара молотом. И ощущать эту восьмитонную дышащую паром кувалду каждой своей клеточкой, частью самого себя.

И «почерк» у кузнецов свой. За ним – темперамент, даже, если хотите, – характер человека.

Цех со времен первых советских пятилеток, когда здесь отковал себе славу на горне ставший при жизни легендарным Александр Харитонович Бусыгин,– всегда на виду. В конце 60-х – начале 70-х годов взошла тут звезда Арефия Ивановича Огнёва. Весь он – именем, отчеством и фамилией, ростом и статью – соответствовал своей работе. Бывалый солдат, пришедший с войны с двумя орденами Славы, Арефий Иванович у молота работал спокойно, без суеты, с точным прицелом, какой выработался у него, когда он был ещё миномётным наводчиком. Помню, меня удивило, что молот у него не громыхает так громко, как у других, а ложится на деталь мягко и лепит из раскалённой заготовки всё, что нужно. Когда сказал об этом моём наблюдении Арефию Ивановичу, он, как мне показалось, даже обрадовался:

– Заметили, значит? Выходит, глаз у нас наметали… Когда после армии я пришёл в кузницу, то думал, что работа здесь такая – бей молотом посильней и всё получится! Потом пригляделся, а дело, оказывается, не столько в силе, сколько в расчёте, в том, чтобы почувствовать, когда металл готов принять удар, и, если всё сделал в срок, он прямо-таки послушным становится. Был у нас такой кузнец Виктор Губернаторов. Мягко, как кошка, работал. Вот я и постарался перенять у него манеру. Очень мне нравился его стиль, часами можно было глядеть: вроде никакой натужности, всё легко и просто. Большой мастер был…

Наверное, такая работа была в самом характере Огнёва, человека уравновешенного, рационального, с лукавинкой в глазах. Всегда он был одет строго по рабочей форме – в кожаном фартуке, в больших рукавицах с кожаными раструбами до локтей, лицо забрано прозрачным пластиковым щитком, в котором переливается отражение огня, на ушах плотно пригнанные защитные наушники. Говорит негромко, чем отличается от других кузнецов. Значит, слышит хорошо.

Дмитрий Гаврилович Карцев, если начальства рядом нет, так без наушников работает.

Спросил его, зачем он слух себе портит. Он улыбнулся и прокричал:

– Уже не испорчу: пятнадцать лет, как тиканья часов не слышу!..

Карцев любит «постучать». Молоту него падает на заготовку сильно и стремительно, как ястреб на добычу. Невысокий, сухощавый, с тёмными горячими глазами, он весь в стихии работы. Умеет задать быстрый ритм и заставить всю бригаду работать на одном дыхании. Другой бы уже сам измотался и товарищей измотал, здесь нет – все втянутся и жмут, словно состав идёт: ничто не остановит! Только кто бы знал, как ночами приходится нянчить руки, перекладывать их с места на место, чтобы меньше болели…

Или вот другой бригадир – Нестеров Борис Николаевич. Невысокий, приземистый, с улыбчивыми вопрошающими глазами на широком лице. Какой-то он, на первый взгляд, стеснительный, неловкий в славе, когда она пришла к нему вместе с Государственной премией СССР. Не говорун, слова подбирает трудно. И тут кто-то из молодых подручных, чтобы бригадир смог показать себя перед корреспондентами во всём мастерстве предложил:

– А ты закрой-ка, Николаич, молотом спичечный коробок, пусть поглядят…

Нестеров стал отнекиваться: давно уже такого не проделывал. И смотрел улыбчиво и растерянно, мол, сделать разве, так сделаю. Только надо ли?

– Надо! – кричат напарники.

– Надо! – просим мы. – Снимать будем!

– Ну да ладно…

Приоткрыли спичечный коробок, поставили его «на попа» под молот, а он весь дрожит, словно боится нависшей над ним громады. И вот Нестеров спокойно так, не давая этой махине рухнуть вниз, стал опускать её, поддерживая на весу. Нежно прикоснулся молотом к выдвинутому вверх коробку со спичками и плавно вогнал его в футлярчик закрышки по кромку. А затем резко бросил молот вверх и застопорил его.

– Пожалуйста, прикуривайте, цел коробок! – радовался парень, который предложил этот аттракцион.

Нестеров был смущён, но осмелел и стал шутить:

– Может, у кого из вас есть часы карманные с откидной крышкой, клади под молот, закроем!..

Кузнецы уходят на пенсию в пятьдесят. Борис Николаевич был уверен в себе:

– Как только «полтинник» стукнет, ни дня больше не работаю, уеду в деревню, устроюсь в колхоз, там поживу и потружусь на природе…

И действительно – уехал. Месяца три-четыре не было о нём слуху, а потом вернулся:

– Пока силы есть, буду работать в кузнечном! Ни за ради денег, а жить без своего цеха, без огня и шуму этого – сиротливо. Тут мне дела хватит. И сам постучу, и молодых подучу…

В начале 70-х годов в цехе тяжёлых паровых молотов вновь, как когда-то в годы первых пятилеток и военных вахт, один за другим пошли рабочие рекорды. К тому времени сменились все довоенные и послевоенные поколения грузовых и легковых автомобилей. На смену полуторкам и ГАЗ-51 пришли более мощные и грузоподъёмные ГАЗ– 53, ГАЗ –52, ГАЗ-66. Коленчатые валы, балки, ступицы для них стали более металлоёмкими и массивными. И в соответствии с этим производственные нормы были пересмотрены. За смену стали изготавливать из того же количества металла меньше изделий. Бусыгинские рекорды – более тысячи коленчатых валов за смену для полуторок – были теперь далеко-далеко… Ведь коленвал для нового грузовика стал раза в три мощнее и тяжелее прежнего. Поэтому, когда Арефий Иванович Огнёв вместо 670 по норме отковал вместе со своей бригадой 730 коленчатых валов, то этот результат был провозглашён в качестве нового рабочего рекорда кузнецов. И тут началось. Бригада Карцева делает 750 валов. Огнёв и его товарищи доводят счёт до 780. В цехе появлялись одна за другой «Молнии» с сообщениями о новых достижениях. Карцев переваливает за 800 и захватывает лидерство всерьёз и надолго. Азарт был такой, что журналистам даже пришлось перейти на язык спортивного репортажа. Именно тогда я и спросил Карцева, зачем всё это ему нужно, к чему вообще рекорды, когда есть плановое производство. Ведь оттого, что будет изготовлено двести лишних валов, двести новых машин не появятся…

Мы сидели с Дмитрием Гавриловичем в красном уголке цеха на третьем этаже. И сюда приглушённо доходили удары молотов. Карцев немного наклонил голову к левому плечу и сосредоточенно посмотрел на меня своими коричневыми глазами. Они у него очень выразительные. Взгляд может быть и быстрым с озорными искорками, и медленным, заполненным глубиной торфяного цвета. И тогда глаза кажутся печальными.

Герои автозаводской кузницы А.И. Огнев и А.Х. Бусыгин

– Как бы тут точнее сказать? – стал размышлять он вслух. – Вот, допустим, сегодня пришёл я на работу. Молотом стучу. Завтра пришёл на работу. Молотом стучу, стучу…Послезавтра пришёл. Опять стучу, стучу, стучу… И так каждый день…

Он опёрся тяжёлой ладонью на стол, как бы утверждая этим жестом бесспорность того, что собирался высказать:

– Так вот! Осточертела бы мне эта работа, если бы не было бы в ней азарта, соревнования. Конкуренции по-ихнему, по-западному. Японцы, говорят, изучили организацию у нас соцсоревнования и у себя внедрили. Допускаю, что у них это лучше нашего получилось. Стимулы они выгодные обозначили. У нас стимулы тоже есть, но они больше моральные, чем материальные. Но когда есть азарт, работать интереснее. И еще: если мы сумеем поднять выработку и сделать повседневный результат пусть не на уровне рекорда, но выше принятых норм, то дефицитные наши детали станут более доступными для обычных покупателей в автомагазинах, на базах Сельхозтехники. Ведь кроме, как у нас, их нигде больше не выпускают. Перепроизводство любым автозапчастям не грозит. Так что если двухсот сверхплановых новых машин не будет, не беда, а вот то, что двести старых машин переоснастятся и поедут, – это здорово!..

Шло время с ним «подрастал» рекорд. Карцев не спешил. И приурочивал новые достижения к праздникам и знаменательным датам. Он вырвался вперёд, и соперников у его бригады вроде не было. К тому сроку мы уже с ним были в самых добрых отношениях, перешли на «ты». И он заранее предупреждал меня, когда собирается установить новый результат, чтобы я с кинооператором приехал и засвидетельствовал рекорд на плёнке, рассказал по телевидению. Это ему нравилось. И было заслуженно. А показатели уже перевалили

за девятьсот валов. И речь шла, что не за горами тысяча изделий. Выходило, что как раз к Октябрьским праздникам…

Как-то я сказал Дмитрию, что он напоминает мне одного известного в ту пору тяжёлоатлета, рекордсмена мира по поднятию штанги. Не видя рядом равных себе по силе соперников, он небольшими дозами прибавлял штанге вес, чтобы устраивать один за другим праздники побития рекордов. Во всяком случае, так это выглядело. Казалось, что он уходит с помоста, не выложившись, оставив лучший результат, на который был способен, про запас.

Карцев не стал спорить и оправдываться, а только ответил:

– К сожалению, не ты один так думаешь…Я уже слышал эти упрёки… Мол, я прибавляю в час по чайной ложке вместо того, чтобы сразу дать тысячу. А я отвечаю: пусть кто сможет, даст. А нам ещё рано – не вытащим. Да и никто не вытащит!

А до тысячи оставалось всего лишь двадцать валов!

И тут, как гром среди ясного неба, известие о том, что бригада молодых кузнецов Марка Семёнова за смену отковала 1015 валов. На следующий день, когда на чествовании Карцев поздравлял их, глаза его были грустными, хотя он старался выглядеть неунывающим.

– Слушай, Дима, – допытывался я, – как же они смогли? Ведь перекрыли свой же прошлый результат сразу почти на две сотни!

– Вот этого я тоже не могу понять! – ответил Карцев. – В субботу работаем во вторую смену будем бить их рекорд. Трудно, но будем!..

И вот настала суббота. В три часа дня началась вечерняя смена. Карцев больше обычного времени проводил у молота. Дело в том, что кузнец и его напарник почти поровну делят нагрузку, сменяя друг друга через каждые 100–120 поковок. В ту пору Владимир Пичушкин только набирался умения и опыта. Он был новичком, сменившим постоянного подручного, который вышел на пенсию. Вспоминается, как даже самые близкие товарищи Карцева, узнав, что он берёт себе в напарники только что вернувшегося после армейской службы молодого паренька, недоумевали: «Гаврилыч, что ты делаешь, ты же на Золотую Звезду идёшь, а с таким неподготовленным сменщиком бригада обязательств не выполнит!..» Но Карцев что называется прикипел душой к Пичушкину и верил, что из него выйдет классный кузнец. И надо сказать не ошибся. Но ведь как тогда получалось: Карцев делает 120 поковок за сорок минут, а Володя – за час двадцать. Это значит, Карцев сорок минут работает и час двадцать отдыхает, а Пичушкин час двадцать работает и сорок минут отдыхает. Вот почему основной кузнец на этот раз брал на себя большую нагрузку: отковывал без отдыха 150 деталей, предоставляя возможность сменщику делать их меньше ста. И в таком ритме и темпе шли к новому достижению.

Карцев сам считал изготовленные коленвалы. И, когда счёт достиг 1018 штук он, поздравив товарищей с новым рекордом, объявил: баста! Часы показывали без пятнадцати минут одиннадцать. Четверть часа было ещё в запасе, и за это время можно было до конца смены «отбить» в заданном темпе еще по меньшей мере два десятка деталей. Но, как думал Карцев, дело сделано – хватит! Сам он и товарищи по бригаде вымотались до предела, но глаза горели радостью: наша взяла!

И тут случилось непредвиденное: при контрольном пересчёте валов оказалось 1013! На пять меньше, чем насчитал Карцев и на два меньше рекорда, который собирались побить! Как выяснилось, Дмитрий Гаврилович просто ошибся, когда ковал и считал.

Сняв защитный шлем, он ходил по пролёту, низко опустив голову с потными перепутанными волосами. Мерцающие красные огоньки остывающих поковок водянисты расплывались в глазах. Так, наверное, чувствует себя футболист, не забивший одиннадцатиметровый на последней минуте игры, который мог бы спасти команду от поражения… Карцев винил себя за то, что обсчитался, за то, что остановил молот, когда ещё можно было работать. Поникшие ребята из бригады молча стояли у остывающего молота, а бригадир ходил по пролёту и сам судил за самоуверенность и опрометчивость…

Через несколько дней, когда мы встретились, Дмитрий избегал разговоров о рекорде и рекордах.

Приближался день открытия XXУ съезда КПСС. Карцев был избран его делегатом. К съезду бригада досрочно выполнила квартальный план. В Москву Дмитрий Гаврилович уезжал в хорошем настроении. Тем более, что в парткоме сказали, что в дни работы съезда будет подписан Указ о присвоении Д.Г. Карцеву звания Героя Социалистического Труда, так что домой он вернётся с золотой медалью «Серп и Молот» и орденом Ленина.

– Ну, а как же всё – таки с рекордом? – подступал к нему я.

– А никак! – вдруг ответил он, изобразив беззаботную улыбку. – Хватит! Пусть молодые ставят рекорды и бьют их! С меня хватит! Мы с ребятами знаем, что можем осилить рекорд, но рекорд – не самоцель. Планы будем выполнять досрочно. А с рекордами пусть сражаются молодые, а то мы им, глядишь, ничего не оставим…

И были у него при этом грустные глаза, а в голосе какая-то злобинка слышалась. Что-то было не так, а что, я не знал. И решил больше не донимать бригадира вопросами.

Потом была Москва. XXУ съезд КПСС. Почти ежедневно заседания начинались в 10 утра и с полуторачасовым перерывом продолжались до шести вечера, до половины седьмого. К этому времени на Карцева наваливалась

Маршал авиации А.И. Покрышкин и кузнец ГАЗа Д. Карцев 24 съезд 1976 г

усталость, как после смены. Причём усталость физическая: он уставал сидеть! Оказалось, что это труднее, чем стоять, во всяком случае – для него, привыкшего работать стоя. За все семь рабочих часов в цехе он никогда не садился. Даже во время технологических перерывов, когда, отштамповав положенное количество деталей, он уступал место у молота сменщику, Карцев ходил по пролёту, что называется, отдыхал на ходу.

В короткие перерывы, что на пятнадцать минут разрывали течение пленарного заседания через каждые полтора-два часа работы, делегаты выходили из зала в главное фойе Дворца съездов. И здесь происходили запомнившиеся на всю жизнь встречи и знакомства. Никогда в жизни не собирал автографов, а тут по примеру других делегатов увлёкся этим. И они остались у него в блокноте как документальные свидетельства от общения с замечательными людьми – трижды Герой Социалистического Труда академик Келдыш, трижды Герой Советского Союза боевой лётчик Покрышкин, маршал Советского Союза Якубовский, писатель Константин Симонов, артист Михаил Ульянов, космонавт Алексей Леонов, московский строитель Николай Злобин, шахтер Егор Дроздецкий, народный академик-полевод Терентий Мальцев…

Было приятно, когда его узнавали:

– Вы Карцев? Кузнец из Горького? Мы вас видели в программе «Время»!

Съезд заканчивал свою работу, а обещанной награды не было. Карцев не скрывал, что это его гнетёт:

– Лучше бы не говорили об этом вообще, а то всё время ловлю сочувствующие взгляды у наших горьковских делегатов…

Долгожданный Указ был опубликован больше чем через месяц после возвращения из Москвы. А вручение состоялось перед майскими праздниками. Карцев принёс золотую звёздочку в цех, и прямо у молота после смены наливали в фужеры шампанское, и в каждый бокал её окунали: «За нашу бригаду!»

– Мы все вместе эту награду заслужили! – говорил Карцев товарищам. – Это наша Звезда!

8 мая 1976 года он устроил застолье у себя дома на улице Дружаева. Опять же были все члены бригады, начальство цеха, представители заводского и партийного руководства. Среди приглашённых были два человека «из города» – я и народный артист России чтец Александр Познанский. Но посторонним Саша не был, потому уже несколько лет носил звание почётного члена бригады Дмитрия Карцева и гордился этим, часто приглашал «своих» кузнецов на концерты, бывал у них в цехе, читал стихи и прозу во время обеденных перерывов…

… Шли годы. Один за другим уходили от молота кузнецы-ветераны. Давно уже отработал свою последнюю смену Арефий Иванович Огнёв. Зазвучали новые имена в кузнечном: Марк Семёнов, Иван Кузьменко, Александр Воронцов, Николай Кустарев. Продолжал работать Карцев. Правда, в бригаде произошли большие перемены. Многие стали пенсионерами, кое-кто перешёл на другую работу. Из прежнего состава остались только Карцев и Пичушкин. Как-то встретились с Дмитрием Гавриловичем. Спрашиваю:

– С кем же ты сейчас работаешь?

– Понимаешь, набрал молодых ребят, совсем молодых. Они мне в дети годятся. Называют меня то по имени-отчеству, а то «дядь Дима», Гаврилычем по старой памяти только один Пичушкин зовёт, а он сам для них уже «отчество». Есть среди них – кто только из армии пришёл, кто с другой работы переустроился. У иных уже семья – жена, маленький ребёнок, а у кузнецов заработки, если на совесть работаешь, всегда неплохие, да и квартиры дают раньше, чем в других цехах. На этот счёт есть специальный приказ генерального директора завода. Так что и по этим соображениям идут молодые парни в кузницу. Важно – чтоб они быстрее освоились и трудились как следует…Случайный человек ведь у нас не задержится, такая работа: все на виду!..

При каждой новой встрече рассказывал мне Карцев о своих «детях». Они ему положительно нравились. И по его рассказам я ясно представлял себе и красивого высокого с ямочками на щеках Володю Перцева, и весёлого компанейского Олега Чайку, и обстоятельного Колю Гусева, и расторопного деятельного Сашу Сметанина.

– Как-нибудь я тебе позвоню, – говорил Карцев, – и мы найдём повод, чтобы показать моих ребят по телевидению. Это их здорово поддержит и подбодрит…

Ещё во время «первой бригады» Дмитрий Гаврилович не раз просил меня приехать в цех, снять и показать по телевидению его коллектив. И объяснял это желание просто и убедительно:

– Вот сам посуди: установили мы рекорд или досрочно выполнили обязательства, мне – почёт и уважение. В газетах портреты. Приглашают в президиум, награждают, а они вроде в стороне остаются. Получается, как в цирке: все, кто в массовом аттракционе участвуют, зовутся одной фамилией – руководителя этого номера: Ивановы, Сидоровы, Петровы. Так и тут – бригада Карцева! А ведь все они имеют свои имена, отчества и фамилии, и без них я ничего не сделаю. И всем им тоже хочется и славы, и уважения, и почёта. Ведь всё это они заслужили, заработали. Так вот почему ты мне иногда очень нужен в цехе: покажешь бригаду по телевидению – и всех видно. Дома увидят, соседи, знакомые. Это же человеку – как награда! А как они после этого работают!..

…Но не позвонил.

Вдруг в областной газете я прочитал: «Новый рекорд кузнецов бригады Д.Г. Карцева. За смену Дмитрий Карцев и его товарищи отковали 1050 коленчатых валов для грузовых машин». Вечером стал названивать к нему домой. Жена Шура сказала, что Дима эту неделю работает во вторую смену, вернётся в половине двенадцатого ночи. Я сказал, что буду ждать его звонка.

Я уже не раз говорил, что так бывает в журналистской и писательской работе – люди, о которых пишешь, рассказываешь, часто становятся для тебя близкими, причастными к твоей жизни и судьбе. И невольно следишь за их делами, переживаешь, радуешься, огорчаешься за них. Таким человеком стал для меня Карцев.

Около двенадцати ночи зазвонил телефон.

Карцев говорил так громко и возбуждённо, что я держал трубку на отдалении и она звучала в комнате, как репродуктор:

– Это произошло две ночи назад! Было здорово! Мои «дети» и я с ними – были после этой работы счастливы! Ты знаешь, честно скажу, я Золотой Звезде не был так рад, как этому рекорду!..

Мы проговорили больше часа. Сейчас я постараюсь вспомнить и передать подробности того ночного телефонного разговора.

– Как быстро идёт время, – сожалел Карцев на том конце провода, – с тех пор, что мы с тобой знакомы, много воды утекло, да и сами мы поседели! А в цехе из ветеранов, пожалуй, только двое нас у молотов остались – я да Нестеров. Как стукнет полсотни, буду уходить тоже: руки болят, спать не дают. Только хочется, чтобы «детишек» из бригады до ухода в люди вывести. В цехе полно новичков. Идёшь по пролёту: кажется, про годы свои забыл, кажется всё, как было когда-то. Те же молоты ухают. Помнишь, кто за каким стоит.

А подходишь ближе, смотришь – а там другие люди! И вот приходит молодёжь в цех, знакомится с его историей, для неё всё, что было раньше, то ли сказка, то ли легенда. Как-то допекли меня мои «дети»: «Дядь Дима! А был ли на самом деле рекорд Бусыгина? Говорят, что всё подготовлено заранее было и работал он не смену, а больше? А почему сейчас нет никаких рекордов?..» Меня аж в пот ударило, чуть не сорвался, не обозвал молокососами. Да взял себя в руки, говорю: «Что же, выходит, рекорды – липа? Их газетчики придумали? И я тоже липовые рекорды ставил? А вы про Повеликина слышали? Или это тоже, по-вашему, липа? Я его ещё застал. Он двадцать семь лет у молота работал. Его называют кузнецом-миллионером. Больше его никто поковок не изготовил и дольше его никто у нас кузнецом не был. Вот если я до своих пятидесяти доработаю, то у меня тоже двадцать семь лет будут…» Я же понимаю, сам молодым был, молодым всегда свойственно сомневаться, искать, критически относиться к делам старших. И обижаться за это не надо. Просто надо, чтобы «дети» всё проверили на собственном опыте.

– Ну, а что ты им сказал, почему в цехе сейчас нет новых рекордов, почему сам охладел к рекордам?

– А сказал правду. Помнишь, после того рекорда молодёжной бригады ты всё время допытывался, буду ли я его бить и почему я его не бью? А я отвечал: рано, не готовы мы ещё, у меня Пичушкин только-только силёнок набирался. Отбило у меня тогда охоту к рекордам.

Я слушал его по телефону, но мельчайших подробностей, кажется, видел его самого. Представлял его чуть-чуть вскинутую вверх голову с острым напористым подбородком, с посветлевшими от горячего разговора глазами, с бьющейся под скулой напряжённой жилкой. Свободной рукой он рубит сверху вниз воздух, поправляет падающие на лоб жёсткие непослушные волосы.

– Слушай, я сказал своим «детям», что любой вызов приму и на рекорд согласен, если он будет поставлен в рамках рабочего времени смены: ни минутой больше! Я ведь тогда за что себя казнил, не за то, что обсчитался на пять валов, а за то, что за пятнадцать минут до конца смены объявил – «баста!», хотел показать, что рекорд можно поставить даже за неполную смену, что, мол, ещё в запасе время осталось…

… Рабочий ритм задаёт кузнец у молота. Он в центре и, как шатун, крутит всё колесо, всю круговерть, которая вокруг него образуется. Нужно, чтобы нагревальщик довёл печь до оптимальной температуры и выдавал вовремя разогретые податливые заготовки, чтобы без промедления подсобники эстафетой передавали их под молот, чтобы молот, не прилипая, не привариваясь к раскалённой, а потому липкой, как глина, заготовке, отштамповал заданную деталь,

чтобы другие подручные, не мешкая, сняли её и отправили на обрезку. Тут важно, чтобы все работали в одном темпе, чтобы одно движение продолжало другое.

Чтобы «слепить» из заготовки коленвал, нужно по ней девять раз ударить молотом, подставляя под него разные её стороны, переворачивая её клещами, словно картофелину в золе, чтобы лучше пропеклась.

– Технология есть технология. Меньше девяти ударов не сделаешь, – рассуждал Карцев, рассчитывая дома варианты, которые позволили бы достичь рекордной выработки, – но их можно делать за меньшее время, быстрее переворачивать деталь, не теряя при этом точности в её расположением под молотом, экономить время на каждом движении…

Выходило, ему нужно пройти сотню валов за 25-27 минут, сменщику Владимиру Пичушкину такую же сотню за 29-30 минут, потом снова Карцев – 25–27, опять Пичушкин – за 29–30 минут. С такой скоростью ещё никто и никогда в цехе не работал. В Пичушкине Карцев не сомневался, а смогут ли выдержать такой ритм «дети», ведь если у кого-то из них произойдёт сбой, время будет потеряно и всё пропало. Такая интенсивная работа в большей мере, чем от физической силы, зависит от общего настроя в бригаде, от согласованности, единодушия в работе.

Колебался, сказать или не сказать о своих расчётах и намерениях ребятам. Решил не говорить. Просто надо начать так работать, дело само и покажет. Только Пичушкину показал свои выкладки. Володя недавно пришёл после «больничного», позволит ли ему здоровье сейчас выдержать такое напряжение. Пичушкин сам всё перепроверил: «Вступаю, Гаврилыч, с тобой в заговор!..»

Пичушкин ростом выше Карцева, тонкий, худой. Посмотришь – никогда не скажешь, что кузнец. Вроде и мускулов нет. Мальчишеская вытянутая шея и лицо мальчишеское с пушком над верхней губой. Разве что руки: крупные, с сильными продолговатыми пальцами.

– Характер у него – кузнецкий! – как-то сказал мне о Пичушкине Карцев. – Надёжный человек, добросовестный, реакция хорошая, глаз точный и не занимать выносливости. Люди, на вид здоровые, могучие, часто на самом деле слабосильными оказываются. То есть у них сила-то есть, мускулы рубаху распарывают. Только силы этой хватает на раз –двухпудовиком пяток минут поиграть, а чтоб смену за сменой у молота стоять, да поворочать с наше тонны железа – тут они быстро выдохнутся!..

Решили первую попытку сделать в ближайший понедельник: выходили во вторую смену с трёх часов дня. Карцев отдаёт предпочтение именно этой смене. Как он сам говорит, меньше отвлекающих моментов: начальство уходит

домой, в партком или профком не вызовут, никаких тебе делегаций и гостей, так что работай в своё удовольствие, только бы печь грела, металл поступал в достатке, короче, дело делалось!..

В понедельник попытка сорвалась: металл шёл с перебоями, еле-еле сменную норму выполнили. Переглянулись с Пичушкиным и поняли друг друга без слов: хорошо, что ребята не догадывались об их намерениях, только было бы одно расстройство.

Во вторник – снова. Карцев задал темп. Чувствует, ребята за ним успевают трудно. Ничего им не говорил, только всё время поворачивал голову влево, мол, чего вы тянете, быстрее давайте заготовку. Нагревальщик и подсобники, конечно, не видели его глаз: видели только отсветы огня на пластиковым щитке, закрывающем лицо кузнеца, но поняли, что бригадир торопит. Вскоре Карцев почувствовал, что в работе настал лад, заготовки поступали вовремя, в ом ритме, в каком он работал. И спешки никакой не было.

– Молодцы, «дети»! Ай да, молодцы! – радовался Карцев. Первые сто двадцать валов были выкованы за 38 минут. Надо бы, конечно, минут на 5-7 поменьше, но сказалась несогласованность в работе вначале.

После каждых ста двадцати валов наступает технологический перерыв: надо, чтобы печь, потратившая своё тепло на разогрев заготовок, опять достигла нужной температуры. Тут получается занимательная математика: чем быстрее работают кузнецы, тем скорее они освобождают печь от заготовок, и те 15 минут, которые нужны ей для нового набора температуры, могут отдыхать. А если работают медленно, то печь начинает набирать температуру, ещё не будучи опорожненной. Выходит, не успевают кузнецы прежние заготовки использовать, а тут уже новые подоспели, разогрелись. На отдых времени мало или совсем нет. При такой медленной и безостановочной работе выматываешься так, что и норму не выполнишь. Какой уж тут рекорд. Получается, чем быстрее работаешь, тем больше отдыхаешь, меньше устаёшь. Это Карцев имел в виду, ещё когда выкладки составлял.

– Ну и задал ты, дядь Дима, гонку! – струйки пота текли по лицу Володи Перцева, а глаза весёлые, даже озорные.

– Может и догадывается о чём-то? – подумал Карцев, но ответил: – А это я специально, чтобы времени на отдых больше оставалось…

К молоту встал Володя Пичушкин. На 120 валов на этот раз ушло 39 минут. Для Пичушкина просто отлично!

…До конца смены оставалось два часа. 780 валов было готово. Если исключить технологические перерывы, то в «чистое» время как минимум 220–230 валов ещё добавятся. Значит, дело идёт к рекорду. И надо же такому случится, тут сломался клык обрезки. Пришлось заняться ремонтом…

– Сорвалось, а было совсем близко…Не зря говорится, бог троицу любит! Завтра -третья попытка! – сказал Карцев Пичушкину.

В среду всё шло как по маслу. К обеденному перерву было изготовлено 440 валов, к концу смены – 1010! Ребята, разобравшись что к чему, были обескуражены:

– Это же больше, чем тогда у Бусыгина, а наш вал в три раза тяжелее!…

Никак не расходились по домам. Снова считали, пересчитывали.

– Вот теперь я поверю, что можно ставить рекорды! Вот это да! – волновался Олег Чайка. – Ребята, качать бригадира!…

В четверг они отковали 1050 валов. Сознательно шли на рекорд – всей бригадой.

…Слушай, Дима, я сейчас тебе опять задам мой всегдашний вопрос – зачем нужны рекорды? Что ты мне ответишь?

– А ничего не отвечу. Ты об этом у моих ребят спроси. Мы послезавтра после дневной смены в заводской музей собираемся. Бусыгина пригласили. Для меня они – дети, а для него – внуки! Приезжай…

Бусыгин… Ему уже далеко за семьдесят. Крепкого телосложения, с лёгкой раскачкой в походке, глаза лучистые с запрятанным юморком. На прокалённом у горна лице всегда красноватый загар.

Он не утратившей силу рукой здоровается с молодыми кузнецами. Поздравляет с рекордом.

– Ах, хороши ребята! Сбросить бы мне лет сорок с удовольствием с вами бы потягался!

Они просят его вспомнить, как он установил свой рекорд.

Александр Харитонович смеётся:

– А чего тут вспоминать? Чтобы вспоминать, надо забыть, а мне забыть не дают, скоро полвека будет, как об этом рассказываю… Я на строительство автозавода из ветлужских лесов пришёл. Молодой был, сильный и дремучий, как медведь. Строили мы завод и себя строили вместе с ним. Очень нам хотелось скорее начать делать свои отечественные автомашины. Вот и торопились: «Дадим в семнадцать месяцев республике завод!» И дали. А кому на нём работать? Кто имеет опыт делать машины? Со стройки пришли и стали учиться. Кузнецы были нужны. Пошёл в кузнецы. Не хватало кузнецов. Приходилось мне одному на трёх молотах смену стоять. На одном – ступицу ковал, на другом – коронку, а после трёх часов работы переходил на коленчатый вал. А потом вышло так, что я на всю кузницу один остался: кто-то уволился, кто-то приболел, а Степан Фаустов был в отпуске. Валы срочно понадобились. Я за смену 400 валов дал. А старший мастер Александр Матвеич Лапин говорит: «Вот ещё бы 25 валов,

то как раз бы ты норму сделал, какая дана для освоения производства…» А мы с подручным на другой день отковали 600. Лапин прикинул и говорит: «Дай, Сашок, ещё 25 валов, и это будет американская расчётная техническая норма. Больше они не делают…»

На третий день мы 901 вал отбили. Лапин подходит, смотрит на пресс, а там счётчик. Я ему: «Матвеич, сколько и куда ещё не хватает?» А он смеётся: «А ну тебя к чёрту, медведь!» Махнул рукой и побежал. А потом стало – 1001 вал, 1010 и больше, больше…

В Москву меня пригласили на совещание ударников. Сталин и Серго Орджоникидзе стали расспрашивать: что мешает ещё лучше работать? Я говорю: печь нагрева не даёт… Приехал домой, гляжу, а печи нет, вся разобрана: реконструкция! Через неделю печь пустили – тридцать шесть метров длиной, тридцать шесть форсунок вместо двенадцати. Вот эта печь грела так грела. У старой печи расчёт был американский, станешь быстрее работать, металл идёт холодный. Двадцать два удара я клал на вал. Валы-то мои легче ваших, но вам надо девять ударов положить, а мне – двадцать два. Так что тут ещё посчитать нужно, кто из нас быстрее управляется. Вот когда печь переделали, тогда и я стал в девять ударов работать. Эта технология сохранилась по сегодняшний день. А как в девять ударов дело пошло, так началась у нас с Фаустовым схватка настоящая. Оба молодые были, никто уступать не хотел. Эх, и поработал бы я с вами, ребята, – на вашей печи, на вашем молоте да на ваших валах! Чтоб разом покончить все разговоры – кому трудней, да кому легче! Да всякому овощу – своё время, силы уже не те… А за рекорд ваш – спасибо!..

1983 г.

Перечитал я сейчас то, что было написано 20 лет тому назад, и решил оставить всё, как есть. Как ни крути, это уже документ того времени, в котором мы жили. Не знаю, чтобы делал Карцев сейчас, работай он на частном предприятии, вписался ли бы в эту новую «капиталистическую» жизнь. Тогда он говорил: «Мой автозавод! Наш автозавод!» Конечно, хозяином положения он не был, но чувствовал себя работником важным и ответственным, от которого многое зависит и который о многом имеет право спросить с начальства. И спрашивал! Мог ли бы сейчас он быть просто тихим исполнителем? Добросовестно делать порученное дело от сих и до сих – без огня, без вдохновения? Говоря его же словами, не осточертела бы ему такая работа? К сожалению, ему эти вопросы уже не задашь. Умер он неожиданно, отправился к себе на садовый участок, вышел из дома, дошёл до трамвайной остановки, сел на скамейку. И всё!.. Где сейчас его «дети», не знаю. Все они – уже люди в серьёзном возрасте. Знаю, что Пичушкин из кузнецов ушёл…

В августе 2002 года генеральным директором на ГАЗе стал Алексей Георгиевич Баранцев. До этого был генеральным директором на алюминиевых комбинатах в Красноярске и Братске, заслуженный металлург России. У него было много неотложных дел. И среди них – встреча с ветеранами завода. Просил их о помощи и поддержке. И им обещал заботу и внимание. Карцеву это пришлось бы по душе. И Бусыгину – тоже. Про него тоже нужно кое-что от себя добавить.

Мне имя Бусыгина было известно со школьной скамьи наряду с именами героев первых пятилеток и войны – Стаханова, Чкалова, Папанина, Гастелло, Матросова, Кожедуба, Покрышкина… Во втором классе я участвовал в смотре детской художественной самодеятельности, читал стихотворение Виктора Гусева «Слава». Прошёл на районный смотр, а с районного – на городской. Выступал на сцене театра драмы имени Максима Горького. Получил за это свою первую в жизни награду – Грамоту, подписанную председателем Горьковского горисполкома Шульпиным и секретарём горисполкома Снегирёвым. В том концерте в программке вслед за мной значился юный певец Володя Бусыгин. Там за кулисами мы с ним и познакомились. Я спросил его: «Ты сын кузнеца Бусыгина?» Он ответил: «Да!» Прошло много лет, мы встретились с ним, когда я уже работал на студии телевидения и приехал домой Александру Харитоновичу писать с ним интервью. Володя Бусыгин уже был солистом Горьковского театра оперы и балета имени А.С.Пушкина. Мы вспомнили то давнее знакомство за кулисами театра драмы. Сейчас Владимир Бусыгин – заслуженный артист России – с большим успехом выступает в оперных спектаклях, в концертах. У него сильный и красивый голос, к тому же он очень обаятельный человек.

С самим же Александром Харитоновичем у меня вышла одна история, о которой мы изредка вспоминали при общении, причём инициатива при этом исходила от него. В 1966 году я придумал провести передачу по книге замечательного нижегородского писателя Николая Ивановича Кочина «Парни». Она о строителях Горьковского автозавода, ребятах из деревень, которые пришли возводить автогигант на берегу Оки. Два бригадира были выведены под своими настоящими фамилиями – Сорокин и Переходников. Виктора Петровича Сорокина я к тому времени уже хорошо знал, а Григорий Абрамович Переходников, ставший во время войны боевым лётчиком, в середине 60-х годов был директором военного санатория под Москвой. Передачу решили вести из квартиры Николая Ивановича Кочина, который жил в центре города, у театра драмы. И тему сформулировали так: герои романа в гостях у автора. Вот тогда пришла мне мысль и Бусыгина пригласить. Пусть его фамилии нет в книге, но он явно соответствовал её персонажам. Я думал, что позвоню в

партком, в завком ГАЗа и узнаю, как найти Бусыгина. Оказалось же, что ни там, ни в дирекции никто не знал ни адреса, ни телефона прославленного в прошлом кузнеца. Пришли новые люди, которые очень смутно представляли, что было три десятка лет тому назад. Больше того, один из инструкторов парткома завода на мой вопрос, как отыскать Бусыгина, пожурил меня, мол, как же я не знаю, что Бусыгин давно умер и в память о нём назван в соцгороде Бусыгинский квартал. Я как мог объяснял своему телефонному собеседнику, что Бусыгинским квартал назван не в память о человеке, а в память об его трудовом подвиге. Когда я высказал своё удивление Виктору Петровичу Сорокину, то от него узнал адрес Александра Харитоновича, который жил в одном из домов квартала, который носил его имя. А вот телефона домашнего у заслуженного ветерана не было. И Сорокин мне дал телефон домоуправления, кажется, шестого, которое располагалось на первом этаже в подъезде, где жил Бусыгин. Я и позвонил туда и попросил пригласить мне для разговора Александра Харитоновича. Так мы с ним по телефону и познакомились. Я рассказал об этом Лёве Баринову, и мой главный редактор посоветовал снять репортаж о Бусыгине, не дожидаясь передачи про «Парней». Так я и сделал. Правда, Бусыгина в этом материале я только показывал, а рассказывал о нём сам в студии, потому что тогда у нас ещё не было репортажной звуковой кинокамеры. Сам на передачу он приехать не смог, потому что приболел. Из-за болезни он не смог участвовать и в программе про «Парней» из квартиры Николая Ивановича Кочина. Но из больницы ему пришлось на один день выйти – 13 января 1967 года. В этот день Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев вручал во Дворце спорта Горьковской области орден Ленина. И перед отъездом в Горький, когда с генсеком оговаривалось торжественное мероприятие и встречи, с ним связанные, он поинтересовался, будут ли приглашены на собрание герои первых пятилеток. Ответ ему был дан безусловно положительный. И у меня в «Горьковских новостях» раздался телефонный звонок из парткома автозавода. Звонил мой давний собеседник, который тогда считал Бусыгина умершим, а на этот раз спрашивал, как его отыскать, потому что видел его у меня в передаче: « – Нужно срочно передать Александру Харитоновичу пригласительный билет во Дворец спорта на вручение области ордена Ленина…» Бусыгина нашли в больнице и привезли во Дворец спорта. Но билет у него был не президиум, а на боковую трибуну, на верхний ряд. Ни о какой встрече с Брежневым и речи не было. Генсек, видимо, забыл про вопрос, который сам задал в Москве перед отъездом в Горький. А местные руководители пригласили Бусыгина на всякий случай: если Леонид Ильич вспомнит, то ветерана первых пятилеток подведут к нему. А он не вспомнил. Так Александр Харитонович и просидел на верхотуре, где

здорово сквозило. И вдобавок ко всем своим хворям получил ещё и воспаление лёгких.

Правда, в 1975 году, когда отмечалось 40-летие Стахановского движения, о Бусыгине вспомнили на всех властных уровнях и, наконец, «награда нашла героя»: ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда…

Александр Цирульников

ВОКРУГ БЕРИИ

В последнее время стала вызывать активный интерес личность Лаврентия Павловича Берия. Сталкиваются самые разные мнения о нем: от врага народа, справедливо осужденного на расстрел, до выдающегося организатора науки и промышленности, под руководством которого был осуществлен Атомный проект СССР, видного политического реформатора, оклеветанного и уничтоженного соперниками и завистниками в высших кабинетах власти…

Например, лишь сейчас вспомнили и заново опубликовали документы об учреждении звания «Почетный гражданин СССР» и присвоении его 29 декабря 1949 года всего двум лауреатам – Лаврентию Павловичу Берии и Игорю Васильевичу Курчатову за выдающийся вклад в укрепление обороноспособности СССР, понятно, что речь идет о создании и успешном испытании отечественной атомной бомбы. Больше никогда и никому это звание не присваивалось. Ради этой, как сказано в Указе Президиума Верховного Совета «другой центральной работы» за четыре года до этого Л.П. Берия был освобожден от должности наркома внутренних дел. И именно в эти короткие сроки было обеспечено осуществление «Атомного проекта СССР»…

Случилось так, что от разных людей я узнал некоторые эпизоды, так или иначе связанные с Берией. И решил объединить их в общее небольшое повествование.

Алло, это Берия говорит…

Этот завод в Великую Отечественную войну имел номер 92 и носил имя И.В. Сталина. Он один дал стране свыше ста тысяч пушек и зениток марки «ЗиС» в то время, как вся фашистская Германия со всеми своими европейскими сателлитами произвела за то же время сто четыре тысячи орудий.

В газетах военного времени его именовали по номеру, после войны чаще называли заводом имени Сталина. Иногда в скобках указывая номер 92.

Потом, когда имя Сталина оказалось под запретом, предприятие назвали просто «Машиностроительный завод» без указания города. И даже когда его работникам присваивались высокие звания Героев Социалистического Труда и Лауреатов Государственной и Ленинской премий, то Указы и Постановления о награждениях вообще не публиковались в открытой печати.

Просто на каком-нибудь торжественном собрании или сессии областного или городского советов можно было встретить знакомого директора, главного

инженера, начальника цеха или бригадира с геройской звездочкой или лауреатской медалью на лацкане.

Об этих людях можно было писать и делать передачи, не называя предприятия, где они трудятся, или в лучшем случае о нем можно было сказать, что это «механический завод». Этих «механических заводов» в нашей области была прорва! Собственно говоря, эта игра в недосказанность только несла информацию тем, от кого ее скрывали.

Помню, я допрашивал цензора, куда в Горьком делся завод имени Сталина или завод номер 92, о котором рассказывает раздел в Краеведческом музее?

– У меня в списках горьковских предприятий такого завода нет! – отвечал мне цензор.

Случилось так, что в Горький приехал Л.И.Брежнев и посетил этот самый Машиностроительный завод. О чем мы в «Новостях» получаем сообщение ТАСС. И цензор дает разрешение на публикацию этого сообщения в эфире, поясняя мне, что у него есть пункт, позволяющий давать разовые разрешения на информацию о закрытых объектах в экстренных случаях. Визит генерального секретаря и есть такое событие.

– А завтра, когда Брежнев уедет из Горького? – задаю вопрос я.

– Если не будет чего-то чрезвычайного, – снова нельзя!

– Но ведь сегодня из сообщения ТАСС все узнают, что такой завод в Горьком есть! А завтра, выходит, он куда-то исчезнет…

И тут цензор взмолился: – Ну, что ты ко мне пристал, не я эти правила придумал! Мне приказано по этим правилам играть, я по ним и играю…

Мне не один раз пришлось бывать на заводе, который теперь является Открытым акционерным обществом, снимать в цехах, где собирают новейшее вооружение – комплексы «эСы – 300 или 400», корабельные пушки. На базе небольших атомных реакторов, используя их сборочные технологии, выпускали очень перспективные миникотельные, которые могут обогреть небольшой поселок или даже один большом дом или подъезд этого дома, располагаясь на крыше этого здания….

Однажды я записывал интервью с генеральным директором Александром Григорьевичем Блохом и спросил его, так ли выглядела его кабинет во время войны, когда здесь командовал Амо Сергеевич Елян. Блох ответил, что никаких существенных изменений после Еляна в кабинете не произошло – те же стены в дубовых панелях, те же двери, те же габариты помещения.

– А почему это вас интересует? – спросил Александр Григорьевич, – неужели во времена Еляна вам приходилось здесь бывать?

– Мне нет, но я помню рассказ отца, как он приходил сюда к Амо Сергеевичу.

Цирульников Марк Иосифович

Это скорее всего было в конце 1943 или в начале 1944 года, когда отец уже после фронта и госпиталя работал начальником цеха механических переделов на заводе «Вторчермет». Там перерабатывался металлолом, как правило, то, что приходило с полей сражений – разбитые танки, пушки, автомашины, большие металлические детали, обрушившиеся и пришедшие в негодность металлоконструкции. Все это после первичной переработки в виде металлических кусков, слитков, пресс – пакетов, грузилось на платформы и отправлялось на металлургические заводы или в сталелитейные цехи предприятий, где все это переплавлялось и шло на новые танки, пушки, автомашины. Естественно, все это на заводе в отцовском цехе сортировалось по качеству, по химическому составу. У отца всегда в кармане был небольшой магнитик, который он прикладывал к куску металла, определяя, что он собой представляет.

На работу отец уходил к семи утра, приходил домой не раньше восьми – девяти вечера. И лишь потом начинались вечерние и ночные звонки, самыми популярными словами были «прибытие», «чугун», «легированная сталь», «тоннаж», «сортамент», «металлический бой» и тому подобные термины. Но самым главным словом было – «отгрузка», и вторым по значимости – «подача». Без «подачи» не может быть никакой «отгрузки». Это я понимал в свои шесть лет железно. Потому что «отгрузка» – это переработанный для мартенов металл, готовая продукция завода, а «подача» – это железнодорожные вагоны и платформы, куда этот «товар» надо грузить. И с этой «подачей» всегда была проблема, у железнодорожников не было нужного для завода количества свободных вагонов. Из-за этого задерживалась «отгрузка», а без металла, как без хлеба, голодали металлургические цехи и заводы, а следом за ними оборонные предприятия.

На «Вторчермете» все время вынуждены были принимать соломоновы решения, кому сегодня отправить составы с металлом, а кому завтра, и куда – на Урал или в Выксу, в металлолитейный цех завода имени И. В. Сталина в Горьком или в мартеновский на «Красное Сормово».

Случилось так, что для завода имени И.В. Сталина номер 92 несколько

Елян Амо Сергеевич

дней не было подходящей «пушечной стали». И директор Амо Сергеевич Елян по телефону высказал свое неудовольствие директору «Вторчермета» Михаилу Исаевичу Виноградскому. Тот вызвал отца и велел ехать к Еляну, поговорить с ним, как теперь говорят, снять напряжение и пообещать, что при первой же возможности артиллерийский завод получит все, что ему нужно.

Елян принял отца, напоил чаем с сушками и убеждал, что из-за нехватки металла может быть не выполнено указание Верховного Главнокомандующего о сверхплановом выпуске пушек для фронта.

В это время зазвонил телефон, который стол рядом с рабочим столом директора на отдельном столике. Елян буквально выскочил из-за большого стола в центре кабинета, где пил чай с отцом, и, несмотря на всю громоздкость своей фигуры с легкостью необыкновенной пропорхнул через весь кабинет к столику с телефоном и сорвал с рычагов трубку:

– Елян слушает!.. Здравствуете, Лаврентий Павлович!..

Отец невольно поднялся со своего места и стоял почти по стойке «смирно», как будто Берия его видит. Елян докладывал о количестве произведенных пушек, оправдывался по поводу каких-то нареканий, которые предъявляла Ставка. И, между прочим, пожаловался на нехватку необходимого количества легированной стали и лома черных металлов:

– Вот как раз сейчас у меня начальник цеха завода «Вторчермет» товарищ Цирульников, и мы с ним обсуждаем эту проблему. Он обещает помочь, но от них такой же металл ждет Златоуст… Сейчас дам ему трубку… Товарищ Цирульников с вами хочет поговорить Лаврентий Павлович Берия…

На ватных ногах отец подошел и взял из большой руки Эляна разогретую телефонную трубку:

– Алло…

– Здравствуй, Цирульников! Это Берия говорит. У меня к тебе большая просьба срочно помочь Еляну. Как фамилия директора твоего завода?

– Виноградский…

– И ему передай мою просьбу. Отдайте Еляну все, что у вас есть, Златоуст подождет… Ты меня понял.

– Так точно! – по-военному отрапортовал отец.

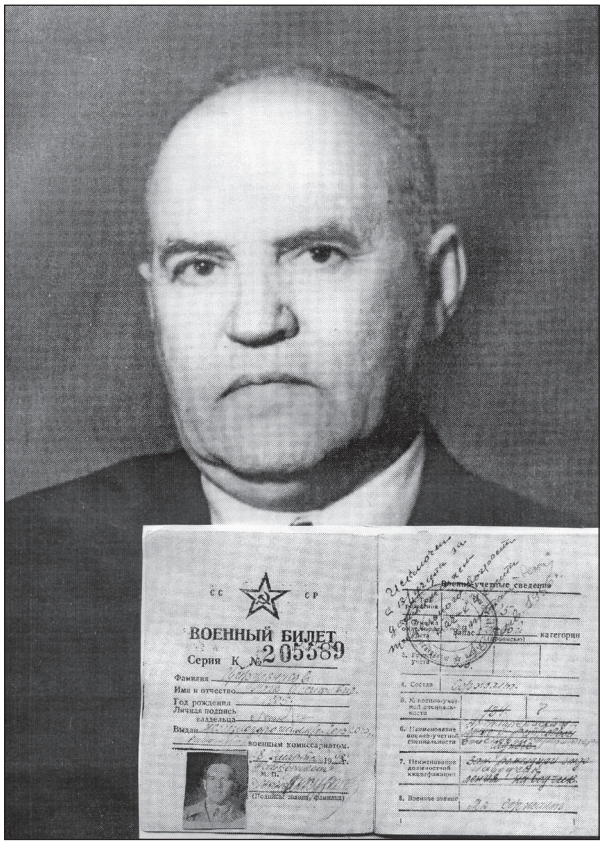
– Ну, вот и хорошо. Я и товарищу Сталину скажу, что мы с тобой догово-

рились дать больше металла заводу, который носит его имя…До свидания!.. Желаю успехов! Передай трубку Еляну.

Елян еще о чем-то говорил с Берией, но отец уже не воспринимал этот разговор. Он был весь переполнен этой короткой беседой, к которой никак не был готов, когда он вдруг оказался в чрезвычайной и даже суровой и опасной близости с человеком, который может так просто сказать, что расскажет обо всем Сталину. Конечно, Берия в разговоре с отцом в какой-то мере блефовал, чувствуя себя удавом, гипнотизирующим добычу на том конце провода. Но власть-то у него была реальная. И просьба, хоть и прозвучала без всякой угрозы, все равно таила ее в себе, потому что исходила от Берии. И директор «Вторчермета» Виноградский, которому отец позвонил сразу же из кабинета Еляна, это почувствовал, вовсе не расспрашивая отца, обещал ли Берия какие-либо кары за невыполнение его просьбы. Кары подразумевались. И поэтому весь завод был поднят на ноги, и вагоны были отправлены по указанному Берией адресу без промедления. И, когда через день или два позвонил Златоуст и жаловался на нехватку металла, Виноградский сочувственно внимал тамошнему директору, кивал головой, обещал содействие сразу после того, как выполнит важное поручение Ставки Верховного Главнокомандующего…

Вот этот эпизод мне припомнился, когда я через пятьдесят три года после отца оказался в том же кабинете, правда, у другого директора того же завода…

Между прочим, славная директорская и замминистровская карьера Амо Сергеевича Еляна оборвалась вскоре после того, как Берия был убит и объявлен врагом народа. Судя, по современным сведениям, именно в такой последовательности все происходило 26 июня 1953 года и в последующие дни.



Военный билет М.И. Цирульникова

Елян был снят с должности зам. министра оборонной промышленности, ходила молва, за то, что он родственник Берии: их жены – сестры. Никаких обвинений Амо Сергеевичу предъявлено не было, он просто был лишен доверия власть придержащих, а точнее Никиты Сергеевича Хрущева. Говорили, что он уехал на какую-то малозначащую работу в Прибалтику.

Стоит лишь добавить, что единичный эпизод с участием моего отца сви-

детельствует о том, что «внутренними делами» для грозного сталинского наркома в годы войны было все, что касалось работы предприятий и производства боевой техники для фронта и всей войны.

Пластилиновый кактус

Расскажу историю одного из моих хороших знакомых, который имел несчастье пострадать из-за «дела Берии». Звали его Сергей Дмитриевич Келлер. Когда мы с ним впервые встретились в конце 1960-х годов, ему было то ли около семидесяти, то ли чуть-чуть за семьдесят. Сергей Дмитриевич вдруг стал известен в интеллигентской среде в Горьком своими масками. Делал он их по своей технологии, которая не имела аналогов. Скупал в «Детском мире» пластилин, из него лепил маски и затем покрывал их горячим расплавом эпоксидной смолы. Были там и еще какие-то тонкости, которых я и не ведаю. По городу прокатилась волна выставок масок Келлера. Они развертывались в Доме ученых, Доме учителя, демонстрировались в зеркальных витринах магазинов. Он лепил литературных героев, улавливая их характерные особенности, прописанные авторами книг, и добавлял свое к ним несколько ироничное отношение. У меня сохранились две подаренные им маски – Дон Кихот и Санчо Панса. У моего Дон Кихота шлема на голове нет, а на другом портрете этого литературного персонажа шлем был выполнен из старой консервной банки, зато у моего Санча Пансы на голове кусок старой фетровой шляпы, срезанное донышко. Это я к тому, что Келлер часто использовал подручные средства и очень точно ими пользовался.

Не помню, на маске какого актера к шее была прикреплена настоящая черная галстук-бабочка. Пластилин был, естественно, цветным, и маски тоже выходили цветными, точнее цветовыми, передавая оттенки кожи, губ, глаз, волос. Келлер стал очень популярен, и на него посыпались заказы от заезжих гастролеров, актеров нижегородских театров. Человек очень активный, а точнее настырный, он сам пропагандировал свое искусство, выполнял те или иные портреты, а потом предлагал их приобрести тем, кто служил натурой. Справедливости ради надо сказать, что многие свои работы Сергей Дмитриевич дарил налево и направо и рад был, когда они поселялись в домах его друзей. Но, тем не менее, маски стали приносить кой-какой приварок к пенсии и оказались выгодным делом. Пластилин приобретался уже не в «Детском мире», а в больших количествах на какой-то базе, с начальством которой у Келлера установился, как тогда говорили, блат. О, чудо! Это слово, которое тогда олицетворяло, казалось бы, непреходящее явление, теперь практически исчезло из повседневного лексикона! В пору дефицита блат правил миром. Помню, как Келлер сокрушался, когда однажды пластилин вдруг исчез из продажи.

– Даже по блату не могу его достать! – сетовал Сергей Дмитриевич. Кстати, слово «достать» из того же времени и из тех же обстоятельств, когда нельзя было просто зайти в магазин и купить то, что нужно…

Что я помню из келлеровских масок – это целое семейство гоголевских помещиков из «Мертвых душ», персонажи Ильфа и Петрова, Василий Теркин Твардовского. А из актеров – Муслим Магомаев с характерной белой манжетой рубашки из короткого рукава пиджака на фрагменте руки, касающейся подбородка, любимые горьковчанами мастера сцены – земляки Владислав Соколовский, Василий Разумов. Помню, как Келлер сетовал, что Левкоев не хочет позировать и давать своих фотографий, говоря: «Как вы кого-нибудь из моих друзей – стариков вылепите, так человек сразу умирает! И Соколовский, и Разумов тому примеры…» – «Зато какая память остается!» – доказывал Келлер. Он все-таки уговорил Левкоева то ли попозировать для зарисовки, то ли дать свои снимки. Вылепил несколько масок Николая Александровича. И тот вскоре умер…

Конечно же, это было простое стечение обстоятельств, а не какая-то черная магия келлеровских масок. Кстати, они, безусловно, укоротили жизнь их автору. Когда производство было поставлено на поток и дышать в доме от паров горячей эпоксидки было уже нечем, жена Сергея Дмитриевича Екатерина Сергеевна запротестовала против таких занятий в квартире. И пробивной Келлер добился в Канавинском райисполкоме, чтобы ему выделили в цоколе дома, где размещался детский клуб, закуток для того, чтобы обучать ребят своему масочному искусству. Там он соорудил вентиляцию и поздними вечерами, а иногда ночи напролет, когда его ученики спали по домам, творил. До поры до времени, пока не отравился парами химикатов, которых использовал в производстве. К тому же работать приходилось стоя, а сосуды ног были уже натруженными. Короче говоря, Келлер надолго слег, а когда кое-как выкарабкался из хвори, сил для прежней активной деятельности уже не хватало. Это отравление в итоге подорвало его здоровье и укоротило ему жизнь.

Когда он болел, я изредка навещал его. Он был удивительным собеседником, хотя бы потому, что ему было что порассказать. Я настаивал, чтобы он бросил к чертовой матери свои маски, а занялся мемуарами, но так и не смог его уговорить, а потом уже и сил у него на это не было. Вот и приходится мне сейчас восстанавливать в памяти его рассказы.

Маски вообще-то для него новым делом не были. Еще до войны он занимался лепкой. И, в частности, был такой забавный случай. У его соседа был любимый кактус. Очень большой, сильный, с крупными колючками на листьях. Сосед души в нем не чаял, сам за ним ухаживал, поливал, не дозволяя жене прикасаться к цветку, боялся, что она что-то не так сделает. Сосед был

каким-то начальником. И однажды уехал в ответственную командировку на неделю. Перед отъездом провел с женой инструктаж, как нужно бережно относиться к кактусу. Та несколько дней все соблюдала тютелька в тютельку. Но пришло желание вымыть окно, на подоконнике которого проживал диковинный цветок. И тут случилась беда. Женщина хотела перенести горшок с кактусом на время уборки в другое место, но при этом споткнулась, упала, выронив драгоценную ношу. Кактус разбился вдребезги. Женщина в ужасе прибежала к Келлеру домой – что делать, через три дня возвращается муж!..

И тогда Сергей Дмитриевич после долгих размышлений совершил подвиг: он вылепил кактус из пластилина, используя для шипов, кажется, рыбные косточки. Он создал точную копию того погибшего кактуса по памяти и по подсказкам испуганной соседки. И свершилось чудо. Муж приехал и не заметил подделки. Он поливал кактус, издалека любовался им. И обнаружил имитацию только тогда, когда взялся протереть пыль с листьев. Соседка успела сбегать за Келлером, чтобы он смягчил силу гнева ее мужа. Но тот был настолько ошарашен, узнав, что несколько дней ухаживал за пластилиновым растением, что просто потерял дар речи. А когда он его обрел, то с помощью Келлера трагедия уже превратилась в фарс…

Именно с той поры Сергей Дмитриевич сам увлекся кактусами. И все подоконники в квартире были заняты этими причудливыми цветками.

Я встретил и запомнил Келлера с седыми редкими волосами на голове, со слегка отвислыми белыми усами под крупным, чуть-чуть крючковатым носом. А глаза были ясные и молодые, живо реагирующие на все ситуации. Правда, говорил он несколько сбивчиво, частил, спешил высказать то, что его волновало. А жил он всеми событиями, что вершились, случались, происходили за рубежом, в стране, в области, городе, на его улице. И готов был по возможности в них участвовать.

И эта активность сохранилась у него смолоду, когда он был частью водоворота московской жизни. Отец его был крупным хозяйственным руководителем с первых лет советской власти. А сам Сергей Дмитриевич был отправлен учиться в Сорбонну. И стал председателем Союза советских студентов за рубежом. Во Франции познакомился с Эренбургом, Алексеем Толстым, тогда еще эмигрантом, готовящимся вернуться домой, встречался со многими деятелями русской культуры. По примеру Эренбурга собрал коллекцию курительных трубок, которая потом в Москве соперничала с коллекциями самого Ильи Григорьевича и Демьяна Бедного. Демьяну Бедному Келлер свою коллекцию и проиграл, когда они заключили пари по какому-то поводу, а результат оказался не в пользу Келлера.

Был знаком с Маяковским, ходил с ним на его выступления, удостоившись чести носить чемоданчик с концертными туфлями поэта, ухаживал за младшей сестрой Сергея Есенина, учился в школе с Вероникой Полонской, а когда она стала женой Михаила Яншина, был желанным гостем в их доме. На его глазах происходил разлад в этой семье из-за увлечения Вероники Маяковским. Сергей Дмитриевич утешал плачущего Яншина, узнавшего из посмертного письма Маяковского, что тот числит Полонскую членом своей семьи… Был на похоронах Маяковского… Иначе говоря, был активным членом тогдашнего московского литературного, театрального и художественного бомонда. И пронес через всю жизнь эту свою всепричастность, так что на старости лет в Горьком посещал все вернисажи, театральные премьеры, концерты заезжих гастролеров, собирал вокруг себя юных читателей соседней библиотеки и вел литературный кружок за тем, чтобы в первую очередь получать для прочтения книги из новых поступлений…

В 30-х годах был приглашен директором московского автозавода Иваном Алексеевичем Лихачевым для работы на «ЗиСе» в качестве личного референта, секретаря, переводчика. Случалось выполнять и функции водителя. Вместе с Лихачевым Келлер объездил все автомобильные фирмы Европы, изучали и приобретали зарубежные технологии. У Ивана Алексеевича был свой метод определения возможности фирмы и критерий, стоит ли с ней иметь дело. Приезжая на предприятие, он сразу шел в туалеты в цехах. И если вид туалета его радовал, он приступал к переговорам. Если же нужник был ниже требований Лихачева, он говорил Сергею Дмитриевичу: «Тут нам делать нечего! Поехали, Серега, отсюда!». Со временем западные фирмачи поняли, чем можно взять российского гостя и спешно ремонтировали туалеты в цехах к его приезду. Был совершенно анекдотичный случай в Германии, когда потрясенный комфортом «мужской комнаты» на одной автофирме, Иван Алексеевич сказал: «Серега, это то, что нам надо. Будем заключать контракт!..» К тому же, переговорщики с германской стороны согласились на выгодные для «ЗиСа» условия… Соглашение подписали. И каково же было удивление Лихачева, когда через три месяца после этого фирма рухнула от бедности.

Иван Алексеевич мрачно изрек: «Видно, все, что у них было денег, они в туалеты ухайдакали, чтобы нас обмануть…»

Вообще Лихачев был трудоголиком, нерабочего времени у него практически не было. Людей он ценил по делам. Ненавидел очковтирательство и любую ложь, даже самую безобидную. Но вел себя, на первый взгляд странно, когда что-то делалось не так, как он считал нужным. По одному и тому же поводу одного провинившегося мог нещадно ругать, допуская ненормативную лексику самых высоких этажей, а с другим говорить спокойно, даже

улыбаясь. И тот и другой делали для себя после этого весьма определенные выводы. Тот, кто получил кромешную выволочку, мог быть спокоен, он Лихачеву нужен, тот, кому он делал сдержанные замечания и даже улыбался, понимал, что сразу сейчас, или чуть-чуть попозже придется искать другую работу: Лихачев в нем разуверился, он ему не нужен и гнева на него тратить вовсе не хочет.

Сергею Дмитриевичу от Лихачева доставалось по самому большому счету. Но зато, когда в 1939 году Иван Алексеевич был назначен наркомом машиностроения СССР, Лихачев предложил Сергея Келлера на должность начальника Глававтоприцепстроя, в то время как отец – Дмитрий Келлер – возглавлял Главтракторострой.

Так что два главка в наркомате оказались под руководством отца и сына Келлеров. Однажды из-за этого случился казус. Уже под утро, когда Сергей Дмитриевич вернулся из своего главка домой, раздался звонок из Кремля и его вызвали к Сталину: «Приезжайте срочно, машина за вами вышла, пропуск выписан…»

Сергей Дмитриевич недоумевал, зачем он понадобился Сталину. Но раздумывать было некогда. Поскребышев уточнил его имя и отчество, записал в дневник посещений и пригласил войти в кабинет вождя. Там были Сталин и Молотов. Вопросы стал задавать Вячеслав Михайлович. Сергей Дмитриевич понял, что они к нему никакого отношения не имеют, потому что речь идет о производстве тракторов. Он сказал об этом вождям:

– Я руковожу Глававтоприцепстроем, а Главтракторостроем руководит другой Келлер, мой отец…

Сталин с упреком посмотрел на Молотова: «Не того пригласили! Зовите того!..»

Келлер уехал домой, уже на выезде из Кремля встретился с машиной, в которой ехал отец.

– Наверное, после этого случая одного из вас перевели на другую работу? – спросил я.

– Нет, – ответил Сергей Дмитриевич. – И отец, и я остались на своих местах.

В июне 1940 года Сергею Дмитриевичу позвонили с Лубянки: «Сегодня в двадцать один час пятнадцать минут вас приглашает Лаврентий Павлович!» В кабинете у Берии состоялось совещание по развитию подводного флота, были руководители наркомата обороны, директора судостроительных заводов, ученые, конструкторы.

– Причем тут я со своими автоприцепами? – думал Келлер и не находил ответа.

Он узнал, зачем его вызывали, когда Берия блеснул своим пенсне в его сторону: – А вам, товарищ Келлер, мы поручаем освоить производство новых стабилизаторов для торпед…

– Позвольте, у меня же автоприцепы, мы торпедами никогда не занима…

Берия не дал ему договорить:

– Вы думаете, что я не знаю, чем вы занимаетесь? Знаю! Но будете делать и автоприцепы, и стабилизаторы для торпед. Тут есть заинтересованные люди, после совещания обсудите с ними ваши и их проблемы. Дело срочное, даю вам полгода. До декабря…

Со следующего дня начали с азов новое непривычное дело, нужно было достать, установить, освоить необходимое оборудование, переналадить то, что было на предприятиях главка.

Следующая встреча с Берией была в августе. Ночь стояла душная, ни ветерка. Сергей Дмитриевич отпустил водителя за два квартала до дома и шел по площади Восстания пешком. Был второй час наступивших суток. И вдруг на том конце площади, на подходе к Спиридоновке, появилась группа людей, за которыми медленно, соблюдая интервал, в 15-20 метров ехали стопервые «ЗиСы». Люди были в белых гимнастерках. Они громко разговаривали и смеялись. В центре группы шел Берия. Белую воинскую фуражку он нес в опущенной левой руке, а правой утирал пот белым платком с лысины и шеи.

Тоже идет домой после работы в сопровождении своих соратников! – подумал Келлер. Он знал, что Берия живет на Малой Никитской в бывшем особняке Саввы Морозова. Сергей Дмитриевич, пользуясь тем, что между ними пролегает вся ширина площади и Берия видел его всего лишь однажды, решил никак не реагировать на идущих на той стороне и даже не смотреть в их сторону. Как вдруг оттуда раздалось:

– Келлер, здравствуй!

Поспешно и сверхгромко ответил:

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович…

– Я желаю тебе всего хорошего, Келлер. Успехов в работе и личной жизни!

– Спасибо, Лаврентий Павлович! Я вам тоже желаю здоровья и успехов!

Сергей Дмитриевич остановился. И продолжал стоять, пока вся группа в сопровождении ползущих «ЗиСов» не свернула на Малую Никитскую и не удалилась в глубь этой улицы. После этого пошел домой…

Самое удивительное, что Глававтоприцепстрой действительно к концу ноября освоил выпуск и начал производить стабилизаторы для торпед подводных лодок. В декабре прошли испытания. И в главк поступила благодарственная телеграмма от Берии.

А дальше было вот что. Шел 12-й час ночи 31 декабря 1940 года. До начала 1941 года оставалось 20 минут, когда в квартире Келлера раздался резкий звонок. Гости все уже были в сборе, больше никого не ждали. И требовательность этого звонка в дверь у всех вызвало тревогу. Открывать пошел сам хозяин. На пороге стоял лейтенант – чекист с малиновыми петлицами на вороте шинели, а позади него два сержанта в такой же форме.

– Келлер Сергей Дмитриевич здесь проживает?…

– Да, это я!…

– Будьте добры, предъявите документы личности…

Келлер сделал шаг назад и достал из внутреннего кармана пальто, висевшего рядом на вешалке, удостоверение начальника Глававтоприцепстроя. Лейтенант внимательно прочитал его, сверил фотографию с подлинником, и попросил, а точнее приказал:

– Еще раз громко назовите себя!

– Келлер Сергей Дмитриевич…

– Келлер Сергей Дмитриевич! – так же громко словно эхо прочитал лейтенант из удостоверения. И обратился к сопровождающему: «Это он! Несите!»

Только тут Сергей Дмитриевич обратил внимание, что двери лифта открыты, потому что в лифте что-то есть. Двое младших по чину и званию бросились к дверям лифта и каждый поднял на руки по ящику – в одном серебрились фольгой головки бутылок шампанского, а в другом отсвечивали рубином бутылки коньяка.

– Уважаемый Сергей Дмитриевич! Мы выполняем поручение народного комиссара Лаврентия Павловича Берии, он просил поздравить вас с наступающим новым 1941-м годом, и поблагодарить за выполнение правительственного задания и передать к вашему столу его подарки…

В самом начале года Сергей Дмитриевич Келлер был награжден орденом «Знак Почета» по представлению Л.П. Берии.

Во время войны Сергей Дмитриевич размещал в среднеазиатских степях эвакуированные с оккупированной врагом территории нашей страны предприятия. Строил новые производственные корпуса, практически переквалифицировался в строители. Именно он принимал в Казахстане переехавшие из Москвы КБ Туполева. Организовывал его работу на новом месте.

Летом 1955 года его вызвали в комиссию по расследованию преступлений врага народа Л.П. Берии. С ним беседовали так, как будто он был по меньшей мере хорошим знакомым бывшего руководителя НКВД – МГБ.

Потом выдали предписание, что он, Келлер, обязан вернуть государству орден «Знак Почета», так как представил его к этой награде ВРАГ народа Л.П. Берия…

– И вы вернули? – удивился я.

– Да!

– Почему? Вы же выполнили важнейшее задание для обороны страны! Ваши торпеды громили фашистские суда и подводные лодки!…

– А это уже никого из моих собеседников не интересовало, важно было, что меня наградили по представлению Берии. И скажу вам искренно, был рад отдать этот орден, чтобы ко мне больше не приставали. Потому что было много случаев, когда по делу Берии загребали большое количество людей, не имевших к нему никакого отношения или имевших, но чисто косвенное, как я. Тогда же мне «посоветовали» переехать из Москвы в город Горький и предложили работу в Волговятскстрое.

Два потрясения для Берии

Ю.Б.Харитон

Памятная встреча с Юлием Борисовичем Харитоном в Арзамасе-16 произошла 30 августа 1994 года. По телефону он пригласил меня и съемочную группу на 17 часов к себе домой, приедет с работы и ответит на все вопросы. Честно говоря, само время меня смутило: конец трудового дня, в 90 лет уже можно устать, чтобы давать интервью телевидению. Не лучше ли это сделать пораньше, например, с утра. Оказалось, каждый час уже расписан. Поделился своей тревогой с первым замом Харитона академиком Юрием Алексеевичем Трутневым:

– Да бросьте вы об этом думать, – сказал он мне. – И вечером все будет нормально. Он привык к большим нагрузкам. И память его не подводит. Только вот плохо с глазами. Это создает впечатление физической слабости, когда наблюдаешь его со стороны. Но он сильный человек.

И Трутнев оказался прав.

К коттеджу Харитона мы приехали без десяти пять. Его еще не было. Открыли калитку, нам навстречу вышла миловидная женщина лет сорока, то ли внучка, то ли племянница, в общем, близкая родственница. Снимать мы решили на улице перед домом, принесли из прихожей кресла. Установили на штатив камеру. Ровно в пять подъехала служебная «Волга»: Харитон сидел рядом с водителем. Сразу без репетиций и лишних разговоров начали снимать.

Юлий Борисович вспоминал тот день 29 августа 1949 года, когда на Семипалатинском полигоне было взорвано первое в СССР атомное устройство.

Съемочная группа в гостях у академика Ю.Б. Харитона в Сарове в августе 1994 года.

Харитон несколько раз подчеркивал, что так называть изделие правильнее, чем бомба. Потому что его невозможно было подвесить к самолету и оно было установлено на тридцатиметровой металлической вышке. Подрыв осуществлялся с пульта, который сейчас выставлен в Музее ядерного оружия.

Курчатов, Харитон, другие разработчики и руководители «атомного проекта» во главе с Берией находились в бетонном каземате в десяти километрах от эпицентра.

– Дверь была полуоткрыта, – рассказывает нам Юлий Борисович, – и мы видели, что все холмы, находившиеся позади, озарились ярким-ярким светом. До прихода ударной волны оставалось тридцать секунд. Надо было успеть закрыть дверь…

Но тут случился казус. Потрясенный увиденным, Берия бросился к Харитону и всей своей массой повис на нем, охватив в объятия и норовя поцеловать. Надо было проявить и силу и ловкость, чтобы успеть вырваться из этой «мертвой хватки» и закрыть злополучную дверь. Ударная волна была уже на подходе.

– Страшно было?

– Честно скажу, мне тогда не было страшно, потому что знал, у американцев такой заряд сработал. Ну, так он должен и у нас сработать!

Прошу вас обратить внимание, что ответ Харитона, на первый взгляд, не соответствует тому смыслу, который я вкладывал в вопрос. Я имел в виду чисто человеческое восприятие взрыва.

У Харитона, Курчатова и других разработчиков был совсем другой страх: вдруг не получится или получится не так, как планировалось в расчетах. Слишком много зависело от этого взрыва в их личной судьбе.

Знали, что у Берии было заготовлено два списка. В каждом одни и те же фамилии. Только один на награды – в случае успеха. А другой – расстрельный: за срыв важнейшего правительственного задания. Сами понимаете, Харитон и Курчатов были и в том, и в другом.

Тогда же в бункере Лаврентий Павлович пережил еще одно не меньшее, чем атомный взрыв, потрясение. Когда он по прямому проводу отсюда позвонил Сталину и восторженно доложил о выдающемся успехе. Тот весьма равнодушно выслушал его и спокойно сказал:

– Спасибо, я уже знаю. Ты опоздал, Лаврентий.

Берия обескуражено положил трубку на рычаг, оглядел всех присутствующих и спросил сам себя:

– Кто ему мог сказать об этом раньше меня?..

…Скорее всего, вождь блефовал. Но зачем?..

Главный стул в деревянной столовой

Белугин В.А.

В мае 1991 года съемочная группа горьковского корпункта программы «Время» первой среди телевизионщиков страны (и мира) получила разрешение пересечь границу закрытого города Арзамас – 16 и прибыла на съемки в этот секретный центр атомщиков. Поводом послужило 70-летие со дня рождения академика А.Д. Сахарова, которому была посвящена представительная научная конференция. Но съемки были связаны не только с ней. Нас принимали в своих кабинетах директор ВНИИЭФ Владимир Александрович Белугин, научный руководитель – трижды Герой Социалистического Труда академик Юлий Борисович Харитон, который познакомил нас со своими коллегами – академиками и Героями страны, создателями ядерного щита СССР Трутневым, Павловским, Негиным и другими. Мы снимали на разных закрытых объектах, которые были специально слегка приоткрыты для нас троих – меня, кинооператора Юрия Печинкина и его помощника Юрия Сахарова.

А в последний третий день наших съемок уже после того, как мы сняли последние метры кинопленки, Владимир Александрович Белугин пригласил нашу троицу отобедать с ним на втором этаже Деревянной столовой. Она рядом с Домом ученых, где есть своя столовая. Но у Деревянной особые традиции, и к ней особое отношение. Если бы было принято отмечать мемориальными

досками всех тех, кто почтил это заведение своим присутствием, то, наверное, на стенах этого терема свободного места не осталось бы.

Мы поднялись на второй этаж в большой длинный деревянный зал, посреди которого параллельно боковым деревянным стенам вытянулся длинный деревянный стол с широкой столешницей и высокими спинками стульев, с заправленными под столешницу сиденьями. Во главе стола сел, естественно, Владимир Александрович, а мы расположились по его правую руку: я, Юрий Печинкин, Юрий Сахаров.

И тут Белугин улыбнулся и, обращаясь ко мне, сказал:

– У меня к вам большая просьба: встаньте, пожалуйста, обойдите меня и сядьте вот на этот ближний ко мне стул по мою левую руку.

Я пожал плечами.

– А мне и здесь хорошо, все нормально…

– А вы все-таки уважьте мою просьбу.

Я встал, обошел сидящего в торце стола Белугина, выдвинул большой тяжелый стул, такой же, как все другие, и уселся на него.

– Хорошо сели? Плотно сели? – поинтересовался Белугин.

– Да!

– И что вы чувствуете, сидя на этом стуле?

– То же самое, что чувствовал на том, – удобно сидеть!

Белугин рассмеялся: «А что вы почувствуете, когда я расскажу вам, что в Деревянной столовой такая традиция: на моем месте всегда сидел директор Института, а на вашем – самый главный гость. Хотя гостем его можно было назвать с большой натяжкой, на том стуле сидел Лаврентий Павлович (я про себя продолжил – Берия), Авраамий Павлович (Завенягин – расшифровывал я про себя), Ефим Павлович (понятное дело, Славский. Однако уже три Павловича), Борис Львович (Ванников – нарком, нашедший место для строительства Атомограда), Игорь Васильевич (Курчатов был руководителем Атомного проекта), Андрей Дмитриевич, когда уехал от нас работать в Москву, а потом стал приезжать по делам.

Между прочим, Сталин сначала поручил курировать атомный проект Вячеславу Михайловичу Молотову, но у того дело не пошло: он не был сильным хозяйственником, как бы теперь сказали менеджером, к тому же был очень занят международными вопросами. А тут надо было объединять для общего дела разные научные и промышленные организации, целые отрасли – от поисковиков-геологов и добытчиков полезных ископаемых, то есть урана, до создания спецсталей и сплавов для ракет и самолетов, многое другое…, включая спецслужбы и разведку… Нужен был сильный и властный куратор.

– Кого вы видите в этом качестве? – спросил Сталин Курчатова и Харитона у себя в кабинете.

Они назвали Берию.

Через несколько дней в печати появилась информация о том, что заместитель Председателя Совета министров СССР Л. П. Берия освобожден от должности министра внутренних дел в связи с новым назначением. Каким – сказано не было… Просто: «переходом на другую центральную работу»…

– Ну, и как вам сидится после всего того, что я рассказал? – улыбнулся Белугин. – У нас, кстати, это место можно занимать только по приглашению директора, в данном случае моему…

– Спасибо за оказанную честь! Придется обживать столь важный стул. А когда я буду рассказывать о своих впечатлениях от поездки в Арзамас-16, то одним из главных будет то, что я пережил в Деревянной столовой благодаря вам…

Забегая вперед скажу, что когда в предпоследний день зимы – 28 февраля високосного 1996 года – Арзамас-16 посетил Президент России Борис Николаевич Ельцин, его кормили обедом в Деревянной столовой. Понятно, где он сидел.

Летом 1996 года, когда в Арзамасс-16 во ВНИИЭФ отмечали пятидесятилетие начала работы над Атомным проектом и поздравить юбиляров приехал глава Правительства Виктор Степанович Черномырдин, его тоже повели в Деревянную столовую и, безусловно, усадили на тот же стул!

Внук наркома

Ирина Федоровна Шаляпина. 1970 г.

С Ириной Фёдоровной Шаляпиной я познакомился летом 1964 года. Тогда, в 28-ю годовщину со дня смерти Алексея Максимовича Горького, на его родину на ежегодные «Горьковские чтения» приехали Екатерина Павловна Пешкова, Ирина Фёдоровна, литературовед Борис Бялик, кто-то ещё из тех, кто лично общался с великим писателем. Мне довелось снимать для телевизионного выпуска «Горьковских новостей» возложение цветов к памятнику Алексею Максимовичу на площади его имени. Сюда пришли московские гости, руководители области, местные писатели Николай Иванович Кочин, Нил Григорьевич Бирюков, Михаил Васильевич Шестериков, Алексей Иванович Елисеев… Все они тоже в свое время общались с Алек-

сеем Максимовичем. Кочина, можно сказать, он благословил в большую литературу. А Алексей Иванович Елисеев, который был первым директором литературного музея А.М.Горького в Горьком на улице Минина, рассказывал в интервью, как в августе 1935 года в музее ждали Алексея Максимовича, приехавшего в родной город вместе с внучками Марфой и Дарьей. Но, когда вышли к подъехавшей «Эмке», то встретили только двух девочек, которых дед послал познакомиться с экспозицией. Сам же по природной скромности воздержался от посещения…

Помню короткий в две стихотворные строки экспромт – комментарий Лазаря Шерешевского, который он прочитал мне, когда к монументу выстроилась длинная очередь с букетами цветов:

К памятнику веники
Носят современники…

Е.П. Пешкова

Екатерина Павловна и Ирина Фёдоровна положили свои цветы первыми и стояли в стороне справа от памятника на заасфальтированной дорожке. А по зеленому травяному газону бегал мальчик лет девяти, а может на год-два постарше, который во время возложения шел рядом с Екатериной Павловной, держа её за локоть правой руки. У мальчика были темные волосы, с ровно подстриженной чёлочкой на лбу, чуть – чуть вздёрнутый носик. Я сказал Екатерине Павловне, что он внешне напоминает Алёшу Пешкова из фильма Марка Донского по повести «Детство»:

– Так это же наш с Алексеем Максимовичем правнук Серёжа! – громко сообщила Екатерина Павловна. – Это сын нашей внучки Марфы Максимовны. Если ещё не знаете, то вы никогда не догадаетесь, как его фамилия…

Я признался, что не знаю. Но тут к нам подошли руководящие товарищи из обкома КПСС и облисполкома, писатели. И разговор сам собой прервался.

Вечером обе пожилые женщины в сопровождении директора Литературного музея А.М. Горького Николая Алексеевича Забурдаева приехали ко мне на телевидение для интервью в информационном выпуске «Горьковских новостей». До начала передачи оставалось около получаса, и мы вчетвером обсуждали, как скоро может воплотиться в жизнь план Забурдаева создать в доме Киршбаума, где была последняя нижегородская квартира Алексея Максимовича и Екатерины Павловны Пешковых, мемориальный дом-музей, куда можно было перевезти из Москвы, а точнее вернуть на привычные места вещи и мебель, сохраненные Екатериной Павловной.

– Там у отца была своя комната, в которой он останавливался, когда приезжал в Нижний Новгород, – заметила Ирина Фёдоровна. – Есть вещи, которые тогда были при нём, их можно было бы в этом музее показывать…

– Конечно, мы организовали бы там постоянно действующую экспозицию – комната Шаляпина, – согласился Забурдаев. – Надо, чтобы городские власти пошли нам навстречу и выделили квартиры под расселение живущих в доме семей. Его надо как можно скорее освободить от жильцов, чтобы хотя бы к столетию Алексея Максимовича, через четыре года, там был уже музей из одних подлинных экспонатов уровня пушкинского дома на Мойке, 12 в Ленинграде, толстовской Ясной Поляны…

Собственно, об этом и был потом разговор в эфире.

Кстати, музей в доме Киршбаума открылся только в 1971, когда отмечалось 750-летие со времени основания Нижнего Новгорода… Екатерине Павловне побывать там уже не довелось, она умерла в марте 1965 года. Но летом 1964 года, на следующий день после телепередачи, вместе с Забурдаевым приходила в этот заселённый чужими людьми перестроенный за долгие годы дом, ходила по нему, показывала и рисовала на тетрадной бумаге в клеточку, где какая комната была тут в 1902-1904 годах, какое она имела назначение, и кто ней жил или останавливался на время…

Музей действительно получился совершенно удивительный. Не в обиду Екатерины Павловны будет сказано, а в почтение и благодарность ей за то, что она оказалась великой барахольщицей. И благодаря этому за шесть с лишним бурных десятилетий сберегла всё до мелочей, вплоть до ночных тапочек, каких-то салфеток, серебряных чайных ложек и той самой надтреснутой фарфоровой чашки, из которой пил кофе Шаляпин… Более двух тысяч предметов, которые жили рядом и вместе с семьёй Алексея Максимовича в доме на бывшей Мартыновской улице в начале XX века, вернулись сюда и стали экспонатами музея… Они были переданы внучками Марфой и Дарьей Максимовнами и их матерью Надеждой Алексеевной во исполнение завещания Екатерины Павловны в год столетия со дня рождения А.М. Горького и три года обитали в разных хранилищах, пока не обрели постоянного места в экспозиции.

Ирина Федоровна Шаляпина в комнате Ф. И. Шаляпина в Музее –квартире Горького

По истине подвигом Николая Алексеевича Забурдаева

Ирина Федоровна Шаляпина у меня в передаче на Горьковском телевидении

было то, что он привез в Горький тот самый рояль, на котором в гостях у Алексея Максимовича Исай Добровейн играл в присутствии Владимира Ильича Ленина бетховенскую сонату «Аппассионату». На инструмент претендовали другие музеи и видные музыкальные вузы и учреждения, но пока они выясняли отношения и приоритеты, Забурдаев организовал экспедицию в Москву и вернулся оттуда с роялем. И с той самой лампой под потолком, которая светила музыканту и его слушателям…

В марте 1968 года мне довелось вести пятиминутную передачу от стен дома Киршбаума на всю страну – прямое включение в программу «Эстафета новостей». Мы установили наши телекамеры в разных точках рядом и недалеко от дома. Тогда возле него росли высоченные раскидистые тополя, которые в тот весенний день только-только стряхнули с себя зимний снег. Эти тополя наравне с домом и были героями нашего репортажа, потому что помнили тех, кто тут жил и, словно на магнитофонный диск, записывали прошлое на свои годовые кольца. Я показал тогда на телекамеру, сделанную в 1903 году Максимом Петровичем Дмитриевым фотографию, на которой, между прочим, запечатлена и его лошадка в упряжке. Видимо, фотомастер приехал со своей массивной треногой и большим фотоаппаратом в деревянном корпусе в семью Горького, чтобы сделать снимки на память, а заодно заснял и дом, и всё, что было возле него на перекрёстке. Когда эта фотография однажды попалась мне на глаза, первое, что меня поразило, были деревья – молоденькие, робкие, тоненькие, стволы которых можно было зажать в горсти. И вот они в марте 1968-го – в несколько обхватов, вынесшие крону выше крыши двухэтажного

здания. Они олицетворяли, а точнее овеществляли само прошедшее время, и говорили о прожитых семи десятилетиях XX века нагляднее и естественнее, чем что-либо другое. Особенно впечатляющим был тополь на фасадном углу дома, выходившем на Мартыновскую улицу. К сожалению, именно этого дерева нет сейчас в живых: в начале девяностых годов оно заболело, и из-за опасности обрушения его пришлось спилить… Помню, как тогда в марте 1968 года я рассуждал под его кроной о том, каким близким кажется давнее прошлое, когда до него можно просто дотянутся рукой и ощутить пальцами шершавую кору самой жизни. И, вдруг, из дома вышел не предусмотренным никаким сценарием седой старик в синем речном кителе со стоячим воротником, чёрных брюках и войлочных чувяках на ногах. Увидел из окна, что ведется телепередача, и вышел. Опираясь на палку, перешагивал через лужи. Это был один из тех жильцов, которые ждали расселения. Между прочим, мы с ним были давно знакомы. Его фамилия была Калмаков, и он возглавлял совет ветеранов Волжской военной флотилии времён Гражданской войны. Подойдя ко мне, он стал говорить, как ему пришлось в 1907 году по заданию городского комитета РСДРП на пристани встречать и провожать приезжавшего на день на родину в Нижний Новгород Германа Александровича Лопатина, друга Карла Маркса и Фридриха Энгельса, первого переводчика «Капитала» на русский язык. И хоть это воспоминание не имело никакого отношения к отмечаемому тогда столетию со дня рождения А.М. Горького, оно было уместно по самой сути разговора, потому что в квартире писателя часто собирались нижегородские «седые» и «серые» – социал-демократы и социалисты-революционеры. А «Капитал» в переводе Германа Лопатина, конечно же, был среди книг у Алексея Максимовича

Вообще-то я слишком далеко ушёл от того с чего начал этот рассказ. А тогда, в июне 1964 года, меня по-настоящему заинтриговали слова Екатерины Павловны Пешковой по поводу настоящей фамилии её правнука Серёжи. И после передачи в студии телевидения, когда Николай Алексеевич Забурдаев продолжал обсуждать с Екатериной Павловной проблемы создаваемого мемориального музея, а мы с Ириной Федоровной Шаляпиной на короткое время остались вдвоём, я почти шепотом спросил её, что же такое имела в виду Екатерина Павловна. И Ирина Федоровна, поднеся ко рту ладонь, словно кто-то мог по движению её губ понять, о чём она говорит, тоже почти шепотом поведала мне, что мальчик Серёжа является внуком расстрелянного врага народа Лаврентия Берия, так как женой его сына Серго является старшая внучка Пешковой Марфа. Серго Берия – крупный инженер в области ракетостроения, секретный учёный. После ареста и казни его отца он был выслан на Урал, в тамошний «почтовый ящик» под Свердловском с документами на имя Серго Гегечкори.

Такую фамилию носит его мать. Екатерина Павловна попросила Никиту Сергеевича Хрущева принять её по семейным обстоятельствам, и аудиенция назначена на послезавтра. Екатерина Павловна собирается просить Никиту Сергеевича во имя сохранения семьи разрешить Серго вернуться в Москву, все – таки уже больше десяти лет прошло, как он в ссылке…

Марфа Пешкова с сыном

Чем закончилась встреча Екатерины Павловны Пешковой с Никитой Сергеевичем Хрущёвым и состоялась ли она вообще, не знаю. Сам Серго Берия в книге своих воспоминаний пишет, что после ссылки на Урал он много лет работал на закрытом оборонном предприятии в Киеве…

Через много лет в нашем Музее я спросил Марфу Максимовну, бывал ли ее сын Сережа на родине прадеда – А.М. Горького. Она ответила: «Нет, не бывал!» Пришлось возразить и рассказать о мальчике, который ходил по площади у памятника Алексею Максимовичу, держась за руку прабабушки – Екатерины Павловны Пешковой.

Вообще с Марфой и Дарьей Максимовными я познакомился в начале 1960 годов, когда они часто приезжали на родину деда по разным юбилейным и другим делам. Не помню сейчас, когда, скорее уже в семидесятых годах, когда мы уже общались как старые знакомые, спросил Марфу Максимовну про ее свекра –Берию. Как она относится к тому, что говорят, что его убили прямо в доме или возле дома тогда же 26 июня 1953 года, и не было никакого ареста, суда и расстрела в декабре того же года.

Она отошла от меня на шаг или два шага в сторону, осмотрелась вокруг и оттуда, как бы никому и ни по какому-то поводу тихо сказала: – Серго придерживается этой версии…

Больше этой темы мы никогда не касались.

Но хочу вспомнить то, что услышал от моего давнего товарища поэта Фелиса Чуева, с которым познакомился в 1963 году на Четвертом Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве, после чего он приезжал ко мне на передачу вместе женой поэтессой Татьяной Кузовлевой и композитором Янном Френкелем, представляя коллег с Радиостанции «Юность».

В конце 1989 или в начале 1990 года, точно не помню Феликс приехал от Союза писателей России на открытие мемориальной доски на доме где, вернувшись из сибирской ссылки, жили на Большой Печерской в Нижнем Новгороде декабрист Анненков и его жена француженка Полина Геббль.

После короткого торжества мы пошли с Чуевым в Нижегородский кремль к губернаторскому дому. И я сказал, что здесь начинали свои политические и государственные биографии Микоян, Молотов, три брата Кагановичей, Жданов, Щербаков, Шахурин, Родионов. И послевоенные руководители Горьковской области, тоже ставшие московскими начальниками – Игнатов, два Ефремовых, Катушев, Масленников…

– Только бы не заколотили этот дворец мемориальными досками! – обеспокоился Феликс. И тогда я спросил его, насколько интересны его встречи с Молотовым?

– Феноменальный мужик с фантастической памятью на факты, даты, на цифры, на документы под номерами и параграфами. А в таких беседах самое важное – мелочи, детали. Вот, например, спросил Вячеслава Михайловича:

– Сталина убил Берия? Он ответил:

– Судите сами: 1 мая 1953 года на трибуне мавзолея приветствуем демонстрантов, он оборачивается ко мне и говорит так, чтобы Маленков с Хрущевым слышали: «Если бы не я, этого уже никогда бы не увидели ни вы, ни они!» Я сделал вид, что в праздничном гуле его не расслышал. А они наверняка услышали, и потом было 26 июня…»

А.М. Цирульников

О БОЛДИНЕ

Золотая рыбка

В одном из писем, отправленных сразу же по приезде в родовое поместье, Пушкин коротко выдохнул: «Я рад, что добрался до Болдина…» И это почти что телеграфное – неведомое для того времени – признание вместило в себя столько чувств, мыслей, надежд, предвкушений и выводов, что может служить эпиграфом для всего, что прожито, пережито и создано Александром Сергеевичем в этой российской глубинке. В этих словах всё – и сиюминутная усталость от дальней дороги с ночевками и заменой упряжек на ямских станциях, хирадость свидания с краем своих предков, и вера в животворное вдохновение и писательское прилежание в труде, магически даруемые ему самой этой землей, и, если хотите, заранее предсказанное чудо, которое станет зваться в мировой литературе Болдинской осенью, а точнее Болдинскими осенями, ибо каждая из них по – своему удивительна…

Пушкин не только уместил в эти шесть слов всё, что его переполняло, он даровал их нам, чтобы через века мы – каждый – могли так же просто и ясно сказать о себе – «Я рад, что добрался до Болдина…» И вложить в эту фразу свои сокровенные чувства и переживания…

Давайте зададимся простым вопросом: а хотел ли Пушкин осенью 1830 года ехать в Болдино? Оставить в Москве уже нареченную невесту, многочисленных друзей и знакомых и отправиться на перекладных на окраину Нижегородской губернии? Из того, что он узнал о Болдине и его окрестностях от отца Сергея Львовича и дяди – поэта Василия Львовича, сомнений, какая эта была беспросветная глушь у тридцатиоднолетнего литератора не было. Думается, что на вопрос – хотел ли?– ответ однозначный: нет!

Но эта поездка была жизненно необходима, иначе, если не оформить все положенные документы на владение полученным от отца сельцом Кистеневым и потом не заложить его вместе с 200 крепостными, просто не будет денег на существование молодой семьи после свадьбы. Конечно же, столичный молодой человек представлял, какие скучные занятия ему предстоят во всех тогдашних бюрократических конторах, чтобы выправить необходимые бумаги. Но что делать – это было необходимо пережить, чтобы жить дальше!

Александр Сергеевич вряд ли знал, что в Болдине есть сельский писарь Петр Александрович Киреев, крепостной крестьянин, который разбирается во многих бюрократических заковыках и возьмет на себе исполнение существен-

ной части дел, освободив от них «молодого барина». Будет ездить вместо него по разным инстанциям и привозить готовые документы.

Мы через многие десятилетия должны сейчас поклонится в ноги крепостному писарю и сказать ему спасибо за то, что он наделил Пушкина свободным временем, который тот тратил здесь на главное дело всей жизни – писал стихи и прозу!

Конечно, когда Александр Сергеевич в последний день августа 1830 года (по старому стилю) уезжал из Первопрестольной в Болдино, то надеялся, что ему выпадет возможность заняться там литературным творчеством. Пушкин взял с собой рукописи начатых и незавершенных работ, наброски стихов, списки давних и недавних тем, которые могли обрести самые неожиданные решения...

Среди написанных в Болдине сказок самой волшебной и поучительной я бы назвал «Сказку о Золотой рыбке». Образно говоря, Болдино стало для Пушкина этой самой Золотой рыбкой, которая выполнила все его желания. Подарила ему возможность необыкновенного творческого вдохновения и высочайшей трудоспособности. Случилось волшебство, которому нет аналогов в мировой литературе, а есть название сродни званию – Болдинская осень!

Человек, хоть однажды в жизни побывавший в Большом Болдине, совсем иначе воспринимает всё, что написано тут Александром Сергеевичем Пушкиным, чем тот читатель, который ни разу не наведывался в «здешнюю деревню». И это объяснимо: родовое поместье стало для автора не просто местом жительства в осенние месяцы 1830-го, 1833-го и 1834-го годов, а местом действия его стихов и прозы. Сюда в «незримом рое гостей» приходили к Пушкину его герои и навсегда поселялись здесь в стенах старого барского дома, обживали аллеи парка, скакали верхом в Малое Болдино или в березняк – Лучинник, пили воду из тамошнего родника, влюблялись в барышень-крестьянок...

Приезжая сейчас в Болдино, мы ощущаем себя людьми из того же «роя гостей» Александра Сергевича, и чувство короткого соседства с ним остается в нас навсегда… У каждого из нас оно свое...

В первый раз в Большое Болдино я приехал в начале июня 1967 года. И был – не боюсь в этом признаться – просто потрясен и очарован всем пушкинским в природе и в людях, сохранившим здесь 19-й век. Возникло какое-то необъяснимое притяжение: меня стало тянуть в Болдино. И при первой же возможности я ехал туда один и вместе с любимой девушкой, а потом женой Раей, а позже и с сыном – еще дошкольником и уже школьником.

Раньше дорога из Горького до Большого Болдина была гораздо дальше, чем сейчас туда же из Нижнего Новгорода. И это не игра слов, а реальность, потому что она насчитывала 250 весьма некомфортабельных километров через Богоявленье, Арзамас, Шатки, Лукоянов, Ужовку. Теперь добираться короче,

быстрее и лучше по трассе, построенной в 1999 году и отходящей от Казанского шоссе в сторону Большого Мурашкина, а дальше через Бутурлино, Гагино и до Большого Болдина…

Когда ты в длительном пути, многое вспоминается, причем и такое, что, казалось бы, не имеет прямого касательства к тому, куда и зачем ты едешь. Ты обдумываешь возникшие из глубин души и памяти явления, делишься своими раздумьями с попутчиками. И только потом понимаешь, что пришло все это на ум не зря, а благодаря внутренней не видимой на первый взгляд связи.

Книга, которая у меня сложилась, это своеобразная болдинская подорожная, в которой, между прочим, есть главы, в которых вроде бы не все про Болдино, а по сути – про Болдино, если воспринимать это место как явление российской жизни, культуры, литературы, искусства на все времена после Александра Сергеевича Пушкина. Оно и сейчас – Золотая рыбка!

Болдино многомерно и разнообразно. Оно способствует общению. Им можно делиться с близкими и неблизкими людьми, как праздником.

Я привозил в Болдино своих коллег и друзей – нижегородцев: Юрия Адрианова, Рогнеду Шабарову, Юрия Беспалова, Георгия Молокина… Беспалова я уговорил снять телефильм «На Пушкинском дворе» о сельском старожиле Иване Васильевиче Кирееве, а потом родилась кинодилогия «Болдинское притяжение» и «Болдинская бессонница», где главным действующим лицом стал приглашенный и привезенный нами в Болдино Иннокентий Михайлович Смоктуновский.

Когда снимали «На пушкинском дворе», то с нами в качестве ассистента режиссера у Беспалова был недавно пришедший на горьковское телевидение студент-заочник университетского истфила Саша Сокуров, ставший сейчас кинорежиссером с мировым именем…

…Шли годы, мой болдинский и вокруг-болдинский архив пополнялся разными материалами – мои статьи и заметки в газетах и журналах, киносценарии, тексты к теле– и радиорепортажам, фотографии. Но многие впечатления сохранила только память. Их нужно было изложить на бумаге… Я понимал, что и таким образом мне надо «вернуться» в Болдино… И вот теперь можно перевести дыхание. И сказать: – «Я рад, что добрался до Болдина…»

Будьте вместе со мной…

Болдинские певуньи

Сейчас, когда враз стали популярны исполнительницы народных песен из села Буранова в Удмуртии, получившие второе место на музыкальном конкурсе Интервидения-2012 в Баку, мне вспоминаются болдинские бабушки из хора, который был тут в 1960-80-х годах. Они, по-моему, не только ни в чем не уступали нынешним старушкам из Буранова, но были, если можно так выразиться,

более значительны, самостоятельны и самобытны. Конечно, барановских исполнительниц я знаю только благодаря телевидению, а оно рисует их несколько игрушечный образ. Вот они и смотрятся этакими ожившими матрешками.

Про болдинских хористок этого никак сказать нельзя было.

Здешние певуньи надевали кофты и сарафаны своих бабушек и прабабушек, которые впервые примеряли на себя в далекой молодости будучи еще незамужними девушками, и носили их сейчас так, как будто всю жизнь ходили в них. И не было никакого ощущения «ряжености». И так же в пору были им и песни – лирические, обрядовые, хороводные, шуточные, игровые, те, что слушал и записывал у крестьянских девушек «молодой барин» Александр Сергеевич. Особым авторитетом пользовалась в хоре Алена Спиридоновна Козлова, восьмидесятидвухлетняя старуха с точным слухом и глубоко музыкальной душой, с ясной памятью, хранившей десятки старинных мелодий и текстов. Она была запевалой, хотя и не отличалась сильным голосом. Но ее руководящая роль была очевидной. Алена Спиридоновна стояла в центре – невысокая, с пухлыми румяными щечками на круглом дряблом лице, в цветастом платочке, скупая на жесты, но щедрая на взгляды. Взглядами она и дирижировала хором. Во взглядах были и команды, кому когда вступать, и ободрение тому, кто солирует, и осуждение тому, кто сбился и как-то нарушил общий строй песни.

Пели женщины очень охотно, для них любое выступление перед слушателями было праздником. И они сами искали возможность, чтобы собраться и спеть. Причем их меньше всего интересовало, сколько человек будет их слушать: много, конечно, хорошо, но если всего двое-трое – тоже пожалуйста! Главное – было бы для кого петь!

Стоило бабушкам заслышать, что в Болдино приехали какие-то гости, тут же бежали к директору музея, главной своей покровительнице Юдифи Израилевне Левиной:

– Израильна, кто там приехал, может нам спеть?

И как девчонки, бегали друг к дружке, наряжались, собирались, отодвигая на потом всегдашние домашние дела ради этого нечаянного торжества. Для них эти «концерты» были самым светлым моментом в старости, когда вдруг они почувствовали свою нужность и неподдельный интерес к тому, что они умеют делать.

С годами болдинский хор приобрел известность. Побывавшие в Болдине писатели, ученые, артисты, возвратясь домой, рассказывали об этом уникальном коллективе. Фольклористы ездили в Болдино записывать старинные песни. Звуковую пластинку, посвященную хору болдинских женщин, поместил журнал «Кругозор». Исполнительниц пригласили на телевидение в Горьком. Многие из них тогда впервые так далеко уехали из Болдина, впервые посетили

большой город. И после выступления по телевидению осмелевшие хористки стали упрашивать Левину:

– Израильна, свози нас в Москву, поглядим Москву, а потом уже и помирать можно.

В Москву бабушки поехали по приглашению «Комсомольской правды». Выступали в редакции, в музее А.С. Пушкина. Когда в старинных нарядах появились на улице и замешкались на переходе, милиционер остановил все движение. Вообще-то по Москве ездили на выделенном редакцией «Комсомолки» автобусе, но как же можно было не побывать в метро? Помню, тогда после возвращения в Большое Болдино Александра Васильевна Алексеева рассказывала про метро:

– Идет там вниз мягкая железная полоса, которая превращается в лестницу. Никак я не могла на нее ступить. А потом глаза закрыла и шагнула, а рукой за перилку схватилась. Поехала. А одна-то у нас упала…

Александра Василеьвна сделала паузу, видимо, хотела сказать – кто, но раздумала, не выдала товарку…

– …И поехала вниз – ноги впереди. Все остановилось: лестницу выключили. Хто смеется, хто удивляется: что тут за компания приехала?

До той поездки в столицу односельчане в Болдине, особенно люди пожилые, относились к хористкам, как бы это сказать, без почтения. Не ругали, но и не уважали. Иной раз говорили: «Вот безделку нашли себе старухи и маятся!» Крестьяне помоложе посмеивались: «Пусть поют, кому они мешают, даже интересно…» А как съездили бабушки в Москву, сразу они, что называется, заставили себя уважать в Болдине. Соседи стали приглашать из дома в дом – рассказать о поездке. Старушки размолодились.

– Мы теперь – дилигация! – гордо говорила тетя Таня по прозвищу Громиха, обладательница сильного басовитого голоса. – Пришли мы на Красную площадь, хотим в Мавзолей зайти к Ленину. А тут очередь – километра три. Когда уж тут? Если занять, на выступление опоздаем. Юрий Николаевич подошел к милиционеру и все про нас рассказал. Тут же городьбу железную раздвинули и пустили нас. А тут кричат: «Чтой-то вы их пущаете? Мы, мол, ждем вот с каких часов, сэстоль стоим!» А милиционер, знаете, что им ответил: «Это дилигация!»

И стали бабушки снова просить Юдифь Израилевну:

– Свози ты нас, Израильна, в Ленинград, а уж потом помирить будем…

Приглашение из Всесоюзного музея А.С. Пушкина пришлось на начало марта. И тут начались сомнения: у кого-то отелилась корова, кто-то прихворнул, у кого-то еще что-то. Но все-таки желание побывать в Ленинграде побороло, собрались, поехали.

– Маша Курушина взяла чемодан – вот со стол большушчый, а Лексей Дмитрич, что встретил нас на вокзале, смеется: «Это, – говорит, – исторический чемодан!» А мы смеемся: «Это же старый яшчык!»

Самое большое впечатление на болдинских бабушек произвел Эрмитаж.

– …Как пришли мы – ой! – все аж застонали, заохали. Что ни комната, то декорация! Так все красиво! Лестница широкая, перилки золоченые. А Таня наша Сковородова запыхалась вся, убежит от нас в одну комнату, прибежит назад и к экскурсоводу:

– А хто в этой комнате жил?

А та ей так степенно:

– Царь жил…

– А вон в той комнате кто жил?

– Царь, семья царская…

– А вон за этой комнатой есть еще зала, хто в ней жил?

– Тоже царская семья.

– Это здесь везде цари жили? – приступала Таня к экскурсоводу.

– Да, – очень серьезно поясняет та, – везде здесь цари жили.

– Во всех, во всех комнатах?

– Да, во всех комнатах…

Подумала, подумала Таня, что-то прикинула и говорит:

– Как же это цари одни в таком большом доме жили?.. Почему же они квартирантов не пушчали?..

А уж сколько картинок всяких мы там нагляделись: и цари, и Петр Первый! Люди разные – и с бородами, и нагишом лежат. И этот самый, что барина нашего мучыл. Нам про него объяснили… Имя-то вот позабыла…

Александра Васильевна напряженно вспоминала:

– И что только его портрет держат в Эрмитаже?..

– Дантес? – нерешительно подсказал я.

– Нет, Дантес – это убийца, а это мучытель!.. Сановатый такой…

– Может, Бенкендорф?

– Во-во, он самый – Бенкендорф… Как мы из зала уходили, я ему кулаком погрозила: «У, гад, чтоб тебя!..» Мне говорят, мол, он давно умер. Но он же над нашим Пушкиным измывался, разве ему можно простить такое?..

Лицо у нее стало серьезным, губы сжаты, а в глазах опять сухой блеск негодования. Пусть так, но она тоже по-своему отомстила за Пушкина. Причем, когда она говорила, что Бенкендорф «над нашим Пушкиным измывался», то слово «наш» в этом случае имело совершенно точный синоним – «болдинский», землячка заступилась за земляка, односельчанина, близкого ей человека.

Я попросил Александру Васильевичу напомнить, как принимали болдинских гостей в Царском Селе, во Всесоюзном музее Пушкина в бывшем Екатерининском дворце.

– А чего тут припоминать-то? Я ничего не позабыла. Да разве такое можно запамятовать?.. К нашему приходу кипятили два большущих медных самовара: нас угошчать! Один самовар по одну сторону зала кипит, другой – по другую. Попросили нас надеть старинные сарафаны. А зал большой, и столов там, наверное, с десяток – вот так углом они установлены. И нас, значит, за самый первый стол, потому как мы – первые гости… В аккурат Восьмое марта было. Поздравил нас один мужчына. Говорит, я между вами замешкался. А потом после чаю нас попросили спеть. И мы уж спели!..

Под сводами Екатерининского дворца выступали болдинские крестьянки. Они отражались в зеркальной глади пола, в зеркальных панелях стен и, казалось, что их здесь очень много. Пожалуй, никогда еще эти стены не слышали таких песен. Чистые и сильные напевы поднимались к высокому расписному плафону потолка, струились в другие залы и таяли вдали за анфиладами комнат. А бабушки пели и плясали так, как будто всю жизнь давали концерты в царских дворцах.

Жаворонушки!
Прилетите к нам да принесите нам, –
Жаворонушки!
Нам весну красну да красно летеце!
Жаворонушки!..

Однажды известный нижегородский фотокорреспондент Нисон Михайлович Капелюш попросил бабушек-хористок собраться для съемки на мостике через пруд в центре заповедного парка. Все они были в привычных нарядах, в которых выступали. Капелюш выстраивал их и так и так, снимал в разных вариантах, но чувствовал, что что-то не то, чего-то не хватает. Бабушки это тоже поняли. И, вопросительно поглядев на Алену Спиридоновну, запели, приплясывая, свою коронную «На Пушкинском на дворе».

Песня эта была сочинена в Болдине еще до приездов сюда Александра Сергеевича, и неизвестный автор ее, скорее всего кто-то из крепостных крестьян, придумав: «На Пушкинском на дворе…», имел в виду просто помещиков, носивших эту фамилию и их двор, а не великого поэта. Александр Сергеевич, кстати, услышал ее впервые тут от девушек в хороводе в 1830 году. Ее не просто пели, ее играли, да еще, как бы теперь сказали, с пританцовкой. :

На пушкинском на дворе,
На пушкинском на дворе
Разыгрался сивый конь,
Разыгрался сивый конь.
Копытою землю бьет,
Копытою землю бьет.
Белый камень выбиват,
Эх, белый камень выбиват.
В белом камне воды нет,
Эх, в белом камне воды нет…

После каждого двустишия следует обязательный припев:
Блюдо, блюдо, блюдо но…
Блюдо ново – старо дно.

Припев этот вроде не имел никакого отношения к тому, что пелось перед ним в запеве. Но это наше сегодняшнее «восприятие глазами» по тексту, связь лежала в мелодике. И в том, что у «нового блюда» «старо дно», тоже нет никакого парадокса, потому что «дно» здесь что-то вроде опоры, старой надежной, на которой уверенней чувствует себя все, что ново.

Бабушки так увлеклись своим «концертным номером», что забыли о фотографе, пели, приплясывали, не обращая на него никакого внимания. А он снимал в свое удовольствие, пока не уверовал в то, что необходимый кадр у него есть. Да не один. И крикнул бабушкам: «Все! Спасибо! Хватит! Отдыхайте...»

А те и не переставали петь, а продолжали с прежним азартом. И допели песню до конца. А когда допели пояснили фотографу, уже уложившему свои причандалы в кожаный кофр: «Мил человек, разве можно песню останавливать или прерывать: ей же обидно и больно будет!..»

Еще про Александру Васильевну

Александра Васильевна Алексеева в хоре была много моложе других. Рослая, чуть-чуть сутулая, с продолговатым лицом, на котором всегда был отсвет улыбки, она слыла и певуньей, и говоруньей, и умела просто и с достоинством общаться с людьми разных начальственных рангов и уровней культуры. Она помнила множество народных сказок и мастерски рассказывала их. Глаза добрые, улыбчивые. А голос – веселый, звонкий. Есть люди, которых интересно слушать, о чем бы они не говорили: привлекательна сама их речь, они красивы в слове.

Помню, мы приехали в Болдино в начале марта 1072 года – снимать праздник масленицы. Сама природа подготовилась к киносъемкам. Зима напосле-

док застелила свежим снегом аллеи парка, положила белые хлопья на крыши домов и ветки деревьев. А солнце подсветило и заставило искриться каждую снежинку.

Праздник проходил на площади перед музеем, на берегу замерзшего внешнего пруда, где в пушкинские времена шумел базар, на котором Александр Сергеевич встретил, наверное, многих персонажей своих произведений: «Повестей Белкина», стихов, сказок. А уж «Поп – толоконный лоб» и «работник его Балда» непременно познакомились на этом базаре в присутствии Пушкина. Поп и Балда, Старик и Старуха из «Сказки о золотой рыбке», царь Салтан и баба Бабариха, князь Гвидон и Царевна-лебедь, Маша и Дубровский, старая графиня и Германн, Дуня и Самсон Вырин оказались в этот день в Болдине. Театрализованное представление вместе с работниками музея подготовили самодеятельные артисты из дома культуры. По улице двигался санный поезд: лошади украшены лентами, дуги разрисованы цветами, а на санях, словно на сцене, воспроизводились живыми картинками эпизоды пушкинских сочинений. Запруженная народом площадь весело и громко комментировала весь этот парад. Узнавали не только героев сказок, повестей, романов и поэм, но и тех, кто их изображал: соседских парней и девчат, молодых учителей, музейных сотрудников. Болдинцы от мала до велика были здесь. После парада начались катания на тройках, на льду пруда закружилась карусель. Только мелькали жаркие лица ребятишек. И, как всегда в таких случаях – смех, визг, крик.

Кинооператор Володя Красиков уместился с камерой на одни карусельные санки-ледянки и так на полной скорости снимал эту круговерть – мелькание льда, яркие сбившиеся платки, веселые глаза, летящие взгляды…

Потом на берегу с треском и желтым пламенем горело соломенное чучело. А хор болдинских бабушек в старинных народных костюмах, несмотря на мороз и возрастные хвори поснимавших плисовые жакеты, шубейки, пальто, звонко на голоса пел и играл давнишнюю обрядовую песню «Жаворонушки»:

Жаворонушки!
Прилетите к нам да принесите нам –
Жаворонушки! –
Нам весну красну да красно летеце.
Жаворонушки!
Нам-то зима надоела, много хлебушка поела.
Жаворонушки!
А воды-то попила да три колодезя.
Жаворонушки!
Всю куделю перепряли, на мотушки намотали.

Жаворонушки!
За копейки продавали, детям хлеба покупали.
Жаворонушки!..

А когда потерявший за день свежесть и потемневший снег разлиновали длинные синие тени деревьев и стало знобко то ли оттого, что к вечеру зима нагоняла морозу, пришли мы в теплую избу к Александре Васильевне и сразу сгрудились все у доброй русской печи, негромко напевая только что слышанное:

Жаворонушки!
Прилетите к нам да принесите нам, –
Жаворонушки! –
Нам весну красну да красно летеце,
Жаворонушки!..

А наша хозяйка, приглашая гостей к столу и рассаживая их, рассказывала:

– Девчонками ешчо наделаем в эту пору из теста жаворонков, возьмем их и залезем куда повыше – на сарай, на крышу, мальчишки на деревья. Руку поднимешь – ее ветром студит, а в ней, словно колобок горячий, печеный жаворонок. И кричим весну!..

Муж Александры Васильевны – Иван Васильевич – человек немногословный, спокойный. Сразу он кажется суровым, а на поверку – после нескольких минут знакомства – вышло, что он просто добрый, тихий и усталый от навалившихся с годами болезней. Александра Васильевна рассказывает нам о нем, а он слушает и улыбается одними глазами.

– Вот вы городские, а мой Иван Васильевич – тоже городской… Был… Он к нам с заводу на коллективизацию приехал – двадцатипятитысячник! Сначала он у нас за двигатели мясо заготавливал. Портфиль носил парусиновый. А плясал больно хорошо, чечетку выбивал… Приглянулась я, видать, Ивану-то. Мне 21 год было. Высокая, стройная, тоненькая, носик пряменький, Шура-Шурочка. А ведь как оно с годами получается: где молодая – там старая, где высокая и стройная – там долгая и сутулая, где носик пряменький – там он аж в рот заглядывает, где Шурочка – там тетя Шура, Александра Васильевна… Детей мы с милым троих приобрели. Старший сын – главврач в санатории, второй еще студент, а дочь – между ними – так она в Горьком на станкозаводе… На фронт милой добровольцем ушел, провожали их всем Болдином – первых шестерых добровольцев на третий день войны. А вообще из села много народу на войну подалось, остались одни женщины. Я – с тремя ребятишками…. Иван, да скажи ты сам людям, где воевал, кем воевал…

Он провел тяжелой ладонью от бровей вверх по лбу, по бритой голове и вздохнул:

– Тут рассказывать долго, а я не умею. Ушел солдатом – пришел капитаном, дошел до Кенигсберга. В Болдино вернулся один из тех шестерых. После войны еще почти тридцать лет работал. Годы идут, а кажется мне, что та война ко мне все ближе и ближе подступает, ночами сны – как кино, все, как было, и только жаль, что никак не приснится День Победы тогда, в Кенигсберге…

– Только войны бы больше не было! – тихо и как-то жалостливо, словно просила кого-то об этом, – сказала Александра Васильевна. И было в этой простой просьбе что-то такое невысказанное глубокое, что таится в сердце только у женщины-солдатки, растившей в войну детей.

– Когда мы в Москве с бабами из хора были, – продолжала Александра Васильевна, – то ходили к Могиле Неизвестного Солдата, положили цветы. А я все стою и думаю, а кто же тут лежит, может, кто наш – болдинский, а, может, откуда издалека, и не русский вовсе, а все одно – наш! Знать бы, кто? Дома-то думают: пропал без вести. А он – в Москве! Неизвестный – это уже навсегда!.. Видели мы немцев из Западной Германии – улыбчивые такие, вежливые, обходительные. В Загорске видели… Приспело время обеда, и Юрий Николаевич – из «Комсомольской правды», который нас в Загорск на экскурсию возил – повел в ресторан, а он закрыт. Юрий Николаевич куда-то сходил, договорился. Открывают и пускают нас, ровно мы какие-то высокие гости. Мы взошли, а дверь опять заперли. А там, оказывается, немцы эти самые обедали. Уже дообедовали… Нас, значит, сажают за два стола. Фициянтки спрашивают: «Вы откуда?» –«Из Болдина, песни поем…» – «Ну!? Вы уж нам спойте!» А нам-то что? Нас же петь в Москву пригласили, мы и по дороге в Загорск все восемьдесят километров в автобусе пели. Гром гремит, молнии, дождь, а мы даем песни, даем песни!.. Значит, грянули в ресторане песню, все фициянтки сбежались. А эти немцы – ну, нас фотографировать, а фициянтки им не дают. А один – хитрый – вниз как-то опустил аппарат и шчолкнул!.. Суетятся, улыбаются, хлопают. А я гляжу – хоть и в коротеньких штанишках, а мужики седые! Да и женщины, хоть и крашеные, но тоже в годах!.. Неужто они все позабыли? Может, и про нас думают, что мы все забыли? В гости пусть едут, но ничего мы про них не забыли. В мире надо жить, но память терять нельзя!..

И в глазах ее появился сухой блеск, губы тонко сжались, ничего не осталось от просьбы, что сквозила во взгляде минуту назад…

– Ба, заговорились мы тут, заговорились, а все остыло! – Александра Васильевна снова стала прежней хлебосольной и приветливой хозяйкой. – Ты нам, Иван Васильевич, в гранененькие-то подлей, хоть по капельке выпьем, чтобы весна была доброй и теплой!.. А потом уж я вам спою и сказки скажу…

– Петь-то вы когда начали?

– Сызмальства! И в девках была – пела. Нас дружилось по десять девок. Летом вечером на бревнах сидим, а зимой престь надо. Я с мамой жила. Девчонки ходили к нам. Часов у нас сроду не было. Вот я за свово милова выходила замуж, а на часах время не знала… Бывало, сидишь, прядешь, а который час – не известно. Мать мне: «Ну-ка, погляди в окно, у тетки Акулины есть что ли огонь?» – «Есть!» – «Ну раз у тетки Акулины есть огонь, мы еще посидим…» Ну, и сидим, пока опять не посмотрим: «Нет уже огня у нее, давайте и мы спать…»

У тетки Акулины взрослые девушки снимали дом на зиму под келью. Она была бедной вдовой. Девушки у нее пряли и ночевали. Изо дня в день всю зиму.

– А у нее домишко-то такой, что и не видать. Как-то поп ходил перед праздником с молебном. У соседей-то побыл, а ее дом мимо прошел, думал никто в этой избушке-рассыпушке не живет. А тетка Акулина выходит и кричит: «Эй, батюшк! А батюшк! Ты цто меня прошел? Разве не видишь – торцит!» А поп: «Чего, чего?» – «Труба торцит!» Это, мол, значит, раз труба выведена, так здесь живут. Она вот слово скажет – а нам смешно. У нее все «це», «цо», «ца». Мы слушали да смеялись, девки были, где ума взять-то! У нее дочь Анкой звали. Купила она ей ботинки и говорит: «Анк, наряжайся, я тебе полусапожки купила, и иди к обедне…» Анка надела и ушла незаметно. Тетка Акулина хватилась, а Анки нет. И выбегла: «Анк, Анк! Ты не ходи порядком, а иди через дыру в городьбе! Так ближе и меньше износишь…»

Говор тетки Акулины вызывал у девушек смешки, потому что разговаривала она не «по-болдински», видимо, перебралась в Болдино по молодости из другого села, где «цокают». А в Болдино все шипящие произносят твердо, и вместо звука «ща», который всегда смягчен, говорят «шча» – «женшчына», «шчы», слово «кто» звучит здесь «хто», а «хоровод» – «коровод». Конечно, так говорят пожилые люди, но и у молодых порой встречаются шипящие, звучащие твердо.

– А как стали постарше, девушки уже пришли с подружками к тетке Акулине рядиться: «Пустишь нас в келью?» – «Не знай, девки, не знай, больно уж надоели…» – «Ну, пусти! Хто нас больше пустит в келью-то?» Недолго ломалась тетка Акулина, она и сама жила с кельи-то: «Ну, ладно, пусцу! Только, девки, с каждой за это по пуду ржи, по мере картошки и керосин ваш, да мне еще по тальке напресть…» – «Ну, что ты, тетка, уж больно дорого!» – «Иначе не пусцу!..» Ну, домой придешь, скажешь полпуда, а не пуд. Полпуда-то отец даст, а ешчо полпуда мать у себя же наворует в тайне от отца: пожалеет дочку. Ну, а меру картошки не жалели… Спрашиваем: «Тетка Акулина, а из чьей

кудели престь-то?» – «Из вашей!» – «Ой, как дорого!» Кудели-то ведь надо достать, кудели не хватало, а тут налог она какой положила – по тальке пряжи ей намотать!..

Чтобы не прерывать Александру Васильевну лишними расспросами, я не стал выяснять тогда, что такое талька пряжи, как велик этот «налог» тетки Акулины. И уже потом прочитал в словаре у В.И. Даля: «Талька (ткалька?) – ручное мотовило для крестьянской пряжи… (или) …моток ниток, известной меры, снятый с тальки…» Оказывается, в разных краях этот моток ниток – талька – имел свое измерение. Например, на ярославской земле сорок оборотов нитки вокруг «ручного мотовила» или веретена составляли пучок, а двадцать пучков – тальку… В.И. Даль поясняет и слово «келья» в том смысле, в каком употребляет его Александра Васильевна: «…одинокая избенка нетяглового крестьянина; однодомник, одиночная изба…»

– Но вот все уговорились, приносим в келью постели: матрасы самотканные красные, одеяла, подушки, а на подушках обязательно наволочки с цветами. И мы десять девок ребром десять подушек на полатях поставим – красиво, ой, красиво!.. С сентября вяжем чулки, варежки, носки. Матеря нам шерсть прядут, а мы вяжем. А уж после Михайлова дня, 8 ноября по старому стилю, мы уже и сами престь начинаем. Сидим, все рядом десять девок – красиво глядеть…

От Ивана Васильевича Киреева я знал, что Михайлов день в Болдине был праздником. Если крестьянин решал женить сына или выдать замуж дочь, то свадьбу нужно было обязательно устроить в Михайлов день. Если же к Михайлову дню свадьба не поспеет и не состоится, то придется ожидать будущего Михайлова дня, через год. И только в советское время этот обычай умер.

– …И вот сидим, прядем, и приходят к нам ребята. Если свои ребята пришли, ближние, мы не суетимся, только переглядываемся с подружками и говорим: «Ну, ребята, дайте нам уж попресть, уж посидите…» Ну, они сидят, сопят, потом просят: «Девки, сыграйте!..» – «Да, ну вас, дайте нам попресть, ребята…» У всех у нас, у девок гармони, мы умеем играть, а они ровно телята, – ни петь, ни играть, ни плясать. И вот они просят, а мы – ничего, потому как это наши ребята – из Пушкинской вотчины, а как придут из Зыбинской барщины… Эх, девки вскочат, скорехонько прялки – под лавки: «Ребята, ребята, проходите, садитесь!» Они, значит, проходят, а свои говорят: «У-у! Про нас-то не играли, а пришли с той барщины, так они престь забыли…» Девка-гармонист выходит, ремень на плечо. Заводит «краковяк». Две-три пары пляшут. Потом «польку», потом «березку», частушки под «сормовского». Пляшут-то девки, а парни сидят: не умеют. Если больно понравится парень – так обязательно «русского» с приговором: «Ко мне миленький не ходит…» Милой-то мой немного келью

застал, на убыль она уже шла. Потом, как мы поженились, девки еще год-другой походили в келью и бросили. Стали в клуб ходить! Кино смотреть. Сперва немое. Читать-то надписи не успевали, ничего не понятно. Садишься поближе к грамотным, просишь громче читать. Я до сих пор помню, глядела картину про Пушкина. Там Пушкин полозил по полу и двое кудрявеньких ребятишек сидели у него на спине. Жаль, этого фильма от тех лет нет. Кино это немое было. Кино немое. И мы немые сидим: мы же неграмотные.

Другая жизнь тогда только начиналась.

– Да, когда я была совсем молоденькой. к нам первый трактор приехал… Ой, шуму было!.. Ведь какая в Болдине была тишина! И-и-и…

Как она точно подметила: «Какая в Болдине была тишина!» Каждая эпоха, каждое время имеет свой звуковой фон. Что было в Болдине самым шумным до прихода первого трактора? Самым шумным! Разве что лошадь разгонишь, и она, громыхая пустой телегой, проедет по деревянному мосту. Бык разорется, или зальются лаем собаки. Стук топора да визг пилы. А чему еще было шуметь? Ухо человеческое, весь организм были настроены на тишину. И послушайте, что наделал, как нашумел в тогдашнем Болдине первый трактор – слабосильный по нынешним временам «Фордзон».

– …И вот, значит, мы сидим с подружкой, а где-то шумит, шумит, шумит, все ближе и ближе… Я говорю: «Нюр, чтой-то за шум? И все ближе он и ближе». Он у нас прямо в ушах, в голове… И мы с ней убежали в сенницу. Там обмолотки, снопы, и в них спрятались от шума… А потом, когда вышли на улицу, глядим – народу полно. Все кричат, шумят, дивятся на машину с трубой. Говорят – трактор! А помню ещчо, как велосипед первый прикатил. Ну! Что было! Ведь вот скажи, как у нас далеко глаза видели! Увидели, как он ешчо от Лучинника с горы спускался. И хто увидал, все кричат: «На самокате! На самокате!» И все выстроились вдоль улиц: дети, девки, парни, бабы, мужики. И проезжал один на велосипеде. И нам так было интересно, как это он сидит и не падат!? Чудо да и только! Как-то нам сказали, что вот-вот прилетит в Болдино самолет. Было воскресенье. Я уже замужем была, ходила «в положении», с первеньким. И вот значит – бегут, бегут все. Народу! У нас тут есть пойма, называется клином. К этой пойме все и бегут. Из Малого Казаринова пять километров, из Большого Казаринова – километр. А все бегут на клин. А самолета пока нету… А я подумала, что нет, не пойду на клин, а буду через речку глядеть. Вот иду, а он – слышно – где-то далеко шумит. Чтобы сесть, ему видать, надо было разворот сделать. А тут две лошади едят траву у речки Азанки. Самолет как даст понизу ветром. Лошади как метнутся, да прямо ко мне. А я испугалась: куда мне?.. И самолет снижается, и лошади того гляди сомнут. Они самолета боятся и у меня вроде защиты ищут, а я боюсь их. А он уже отлетел маленько, лошади

остановились. Я дыхание не поймаю, руки-ноги дрожат, на него уж и глядеть неохота. Он тарахтит, а все зазевали, заорали…

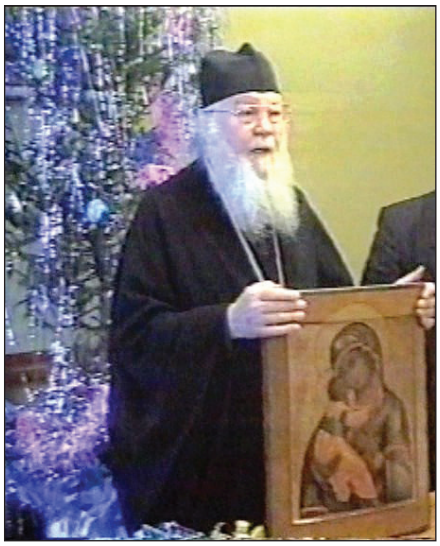
На самолете я ни разу в жизни не летала. И, наверное, не полечу: боюсь. Хоть к нам сейчас сюда большие ходят… Марки Ил-14, Ан-24...

Необходимый комментарий: Этот разговор был в 1972 году. С тех пор Болдино во многом изменилось к лучшему, появились асфальтированные улицы, которых можно и проспектами назвать, новые современные здания культурного центра, гостиницы, восстановлена и действует церковь Успения Божией матери... Но есть и утраты: большие самолеты с пассажирами сюда и отсюда не летают, и небольшие тоже. На заросшем травой поле стоят два легких самолета сельхозавиации, которые весной с неба подкармливают удобрениями посевы в округе...

В.А. Харламов
архивариус, советник генерального директора НГИАМЗ.

ПАМЯТИ ДОСТОЙНОГО СЛУЖЕНИЯ

«Пусть милость Божия хранит Вас…»



Эти сокровенные слова владыки Николая сопровождают по жизни тысячи современников, живущих и творящих нелегкие свои труды по возрождению доблести и славы Российского Отечества. Как символ великой Веры, Любви к человеку, пример выдающегося служения России.

Возглавив Нижегородскую (Горьковскую) епархию в 1977 году, владыка Николай воистину стал здесь Отцом православного люда. Митрополит Нижегородский и Арзамасский, он двадцать четыре года управлял нашей епархией. С его благословением – год за годом – количество действующих приходов с 46 возросло десятикратно, и к началу XXI века Нижегородская епархия заняла видное место в религиозном сообществе России. Смог он помочь и другим традиционным религиям России в нашем регионе.

Родившийся 4 октября 1924 года в крестьянской семье с православными традициями, в миру – Николай Васильевич Кутепов прожил и в полной мере осмысленно прочувствовал судьбу верного сына Отечества. С детства впитывалась в семье вера в Бога.

Окончив школу, он был призван в армию. По окончании Тульского пулеметного училища, в октябре 1942 года ушел на фронт. Воевал рядовым-пулеметчиком под Сталинградом, у г. Калача, в 1-й гвардейской армии под командованием К.К. Рокоссовского, наводчиком ПТР (противотанкового ружья). Был дважды ранен, получил обморожение ног и – вследствие этого – ампутацию части ступней. За личную храбрость и мужество награжден орденом Отечественной войны II-й степени и медалью «За боевые заслуги».

Демобилизованный Н.В.Кутепов поступил в Тульский механический институт. В то же время он всегда помышлял о службе в церкви, и вскоре представилась возможность прислуживать в качестве помощника дьякона в архиерейских богослужениях. Служба в церкви становилась определяющей в его жизни. В 1950 году Николай Кутепов принимает решение поступать в Московскую духовную семинарию, а затем – в Ленинградскую духовную академию. С успешным ее окончанием, в статусе кандидата богословия в октябре 1959

года Николай Кутепов был рукоположен в сан священника, а в декабре того же года в Киево-Печерской Лавре отец Николай был пострижен в монашество.

Приезд Митрополита Николая в Архив, встречает В.А. Харламов

Послужная биография молодого епископа ротационно складывалась от Сибири до западной Украины. Решениями Святейшего Патриарха и Священного Синода он в 1961 году был назначен епископом Мукачевским и Ужгородским, в 1963 – Омским и Тюменским, в 1969 – Ростовским и Новочеркасским, в 1970 – Владимирским и Суздальским – до 1975 года (в 1972 г. временно управлял делами Рязанской епархии).

В этот период – в сентябре 1972 года он был возведен в сан архиепископа «Во внимание к усердному служению Церкви Божией».

В 1975 г. владыку перевели в Калужскую епархию, а 11 июня 1977 года началась служба архиепископа Николая на Горьковской – ныне Нижегородской кафедре с титулом Архиепископ Горьковский и Арзамасский, позднее – митрополит Нижегородский и Арзамасский.

Деятельность Владыки Николая оставила заметный след в истории Нижегородской общественности. Во славу Божию, честью и правдой прослужил он на Нижегородской земле почти четверть века и навсегда остался в памяти нижегородцев.

С его именем, прежде всего, связано возрождение Нижегородской епархии, превращение нашего края в один из основных духовных центров России. Началось деятельное восстановление и открытие сотен храмов, монастырей, состоялось открытие Нижегородской духовной семинарии и женского Епархиального училища, первых православных просветительских центров и воскресных школ.

По службе и по душе, митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай активно участвовал в жизни города, области, страны. Сопереживая жертвам трагедии, произошедшей в Арзамасе (взрыв в 1988 году), владыка деятельно помогал несчастным, молился за них. Воистину событием всероссийского и мирового масштаба явилось второе обретение мощей Преподобного Серафима Саровского, в котором приняли участие все силы епархии.

С его участием решались многие социальные и духовные вопросы нижегородцев. По воспоминаниям современников, в его присутствии проблемы разрешались более терпимо. В уже перестроечное время властные структуры области и города непременно приглашали митрополита на все значимые собы-

тия. Владыка Николай участвовал в конференциях, проводившихся совместно учеными и Церковью. Его негромкий голос звучал в Фонде мира, на открытии федеральных и областных конгрессов, форумов, выставок.

В книге отзывов на фотодокументальную юбилейную выставку, подготовленную архивистами в феврале 1994 года в Государственной филармонии, владыка записал:

«*Осмотрев часть выставки, посвященной 280-летию учреждения Нижегородской губернии, невольно задумываешься: сколько же мы потеряли и рассорили несметного богатства и физического, и духовного.*

Пусть же она послужит своеобразным стимулом к воскрешению утерянных ценностей. Да поможет в этом здравый смысл с Божьей помощью.

Николай, митрополит Нижегородский и Арзамасский».

Без участия православной службы не проходило ни одно серьезное мероприятие в регионе. Митрополит внес заметный вклад в развитие культуры, на его искренний призыв откликались благотворители. Особо значимым во все времена является патриотическое воспитание нижегородцев, наследников славы Минина и Пожарского. Именно Владыка Николай ввел традицию 9 мая служить панихиду у Вечного огня в Кремле в присутствии руководства города и области.

Владыка Николай с любовью делал все для нравственного крепления нижегородцев, сохранения традиций предков. Он принял активное участие в становлении в России нового государственного праздника – Дня народного единства.

Посетив первым из церковнослужителей музейное хранилище НГИАМЗ, владыка мудро заметил: «Церковь сейчас еще не готова принять свои бывшие сокровища, да это вряд ли и нужно. У нас нет ни специалистов, ни опыта работы с подобными раритетами, ни условий для их хранения. Их место в музее». Вспоминая о лучших традициях духовенства 100-летней давности, Николай подарил в коллекцию музея – в знак уважения и благодарности – мужской головной убор конца XIX века.

Митрополит Николай в Архиве

Значимыми были посещения митрополитом центрального архива Нижегородской области, его встречи в читальном зале с коллективом учреждения. С особым пристрастием знакомился Нико-

лай с фондом рукописных и старопечатных книг, уникальным и особо ценным наследием нижегородцев. Буквально за полгода до своей кончины владыка осуществил свое давнее намерение – передал на государственное хранение в областной архив Ставленую грамоту первого нижегородского митрополита Филарета 1672 года.

Труд митрополита на благо Отечества отмечен многими церковными и государственными наградами, в т.ч. золотой медалью Советского фонда мира. Владыка Николай удостоен звания Почетного Гражданина Нижнего Новгорода.

Гражданский и духовный подвиг участника Великой Отечественной войны, митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Н.В. Кутепова) побудил нижегородцев увековечить его незабываемый образ и в скульптурном изваянии в пространстве любимого города, в памятном историческом месте, у здания Нижегородской духовной семинарии.

Владыка как бы встречает нас, напутствуя на добрые дела, достойную жизнь, верное служение Отечеству.

Памятник мирополиту Николаю, скульптор Алексей Щитов

Т.Е. Семенова, главный редактор газеты «Энергетик»
(НИУ «Московский Энергетический институт», Москва)
В.Е. Хроматов, к.т.н., профессор
(НИУ «Московский Энергетический институт», Москва)

ВЕЛИКИЕ НИЖЕГОРОДЦЫ В МЭИ

В.А. Голубцова

Валерию Алексеевну Голубцову называют великим ректором МЭИ. После инициатора создания МЭИ профессора К.А. Круга, на втором месте по значимости, по весомости всей её ежедневной работы стоит В.А. Голубцова. В воспоминаниях современников она при этом была и выдающейся женщиной. Помимо необычайных организаторских способностей она отличалась самым горячим персональным участием в заботе о студентах и сотрудниках, была красивой женщиной, матерью троих детей и любящей женой, разделившей судьбу мужа, самоотверженно последовав за ним в ссылку.

Валерия Голубцова родилась 15 мая 1901 в г. Нижнем Новгороде в семье преподавателя Кадетского корпуса – статского советника Алексея Александровича Голубцова и Ольги Павловны Невзоровой. Отец – Алексей Александрович Голубцов происходил из старинного священнического рода. Её мать Ольга Павловна Невзорова принадлежала к старинному дворянскому роду. У Алексея Александровича и Ольги Павловны было пятеро детей. Людмила – химик, Вячеслав – энергетик, работал в МЭИ, Елена – врач, Роман энергетик, Валерия – энергетик, училась и работала в МЭИ. Старшие сёстры матери были известными «сёстрами Невзоровыми» (Зинаида, Софья и Августина) – соратницами Ленина по марксистским кружкам ещё в 1890-е годы. Зинаида Невзорова была женой Г.М. Кржижановского, в 1920-е годы возглавившего комиссию ГОЭЛРО. В Нижнем Новгороде по ул. Горького, д.127 сохранился «Дом сестер Невзоровых», на котором установлена мемориальная доска о посещении этого дома В.И.Лениным. Позже в этом доме был музей Нижегородской интеллигенции.

В 1917 году Валерия окончила гимназию (знала французский и немецкий языки) и затем библиотечные курсы. С 1920 года, во время Гражданской войны, работала библиотекарем на Туркестанском фронте, в агитпоезде кавалерийской бригады, комиссаром которой был Георгий Максимилианович Маленков (также дворянского происхождения). В 1920 году вышла за него замуж (без официальной регистрации до конца жизни и с сохранением девичьей фамилии) и вступила в РКП(б).

После переезда в Москву в 1921 году Валерия Голубцова устраивается на работу в Орготдел ЦК. Муж поступает в МВТУ им.Н.Э. Баумана (супруги решили поочередно закончить институт). С 1928 по 1930 год работала на Московском заводе металлоламп.

В 1930 году по направлению партийной организации В.А. Голубцова поступила в Московский энергетический институт, где ещё студенткой заняла пост секретаря институтской организации ВКП(б). После окончания института (1934) работала инженером на заводе «Динамо», одновременно училась в аспирантуре МЭИ (с 1936 г.).

В 1938 г., она возобновляет работу в МЭИ ассистентом на кафедре кабельной техники.

В начале войны Валерия Алексеевна эвакуируется с детьми (к этому времени в семье уже было 3-е детей) в Куйбышев, там становится инструктором обкома партии, ответственным за авиационную и электротехническую промышленность. За эту работу В.А. Голубцову наградили орденом Трудового Красного Знамени. В 1942 году она возвратилась в Москву.

В начале 1943 г. МЭИ возвращают из эвакуации, и 3 июня руководство МЭИ было поручено ассистенту кафедры кабельной техники В.А. Голубцовой. Объяснить её назначение можно тем, что в годы студенчества, аспирантуры и преподавательской деятельности Валерия Алексеевна многократно избиралась в партийные органы института. Таким образом, она знала и профессорско-преподавательский состав, и партийный, комсомольский и профсоюзный активы тех лет, и сотрудников, традиции коллектива. Знала Валерия Алексеевна и материальное обеспечение института, его ограниченные возможности в то время. Возможно на её назначение повлияло и то, что её муж, Георгий Максимилианович Маленков – советский государственный и партийный деятель, был ближайшим соратником Сталина.

Голубцов Алексей и О.П. Невзорова-Голубцова

С 1943 по 1952 год Валерия Алексеевна Голубцова – директор Московского Энергетического института.

О.П. Невзорова-Голубцова - мать В.А. Голубцовой

В момент назначения на должность директора МЭИ она приняла всю ответственность на себя, организовала, в пределах возможного, нормальное возвращение из эвакуации и затем продолжение учебной деятельности института на новом месте.

Необходимо было заново разместить институт, обеспечить питанием студентов и персонал. Быстро налаживалась работа лабораторий и служб, были перестроены учебные программы, обеспечен прием в ВУЗ новых студентов, среди них было много фронтовиков, в том числе и инвалидов. Их директор знала лично и опекала.(!) Прим редакции ПЗ: «знать и опекать фронтовиков и инвалидов» в кон. 1940-х-нач 1950-х годов, совсем не то, что в 2020)

Одевалась Голубцова скромно и со вкусом, вела себя властно, но без чванства, обладала чувством юмора, находчивостью. В короткое время она добилась необходимых средств и материалов для строительства главного учебного корпуса МЭИ – дома № 17 по Красноказарменной улице. Силами строительного батальона при активном участии студентов и сотрудников были построены корпуса дома № 17, ряд корпусов на территории студенческого общежития, все красные кирпичные дома по Энергетической улице. В условиях военных действий такое строительство было практически невозможным, т.к. каждый строитель был на счету, но Валерии Алексеевне это всё же удалось. Именно она смогла решить вопрос о передаче МЭИ двух зданий: громадного 8-этажного дома № 13, по Красноказарменной ул., построенного еще до войны по проекту знаменитого французского архитектора Ле Корбюзье, и дома № 14. В постановлении ГКО от 17.2.1944 было принято «В целях обеспечения аудиториями, учебными кабинетами и лабораториями вновь организованной специальности радиолокации, а также радиотехнического и энерго-машиностроительного факультетов в Московском энергетическом институте им. В.М.Молотова, Государственный Комитет Обороны постановляет: Передать Московскому Энергетическому институту имени В.М. Молотова здание на Красноказарменной улице дом № 14, поручив т. Воронову Н.Н. перевести в двухнедельный срок из этого здания в другие помещения курсов ПВО и пункт комплектования ГУГМЧ».

При её руководстве в 1943-1951 гг. были созданы новые факультеты – энергомашиностроительный, гидроэнергетический, электрофизический, электрификации промышленности и транспорта, Специальное Особое Конструктор-

ское Бюро (ОКБ МЭИ) по ракетно-космической технике которое располается до сих пор в этом же здании. Более десяти новых специальностей и кафедр.

Голубцова лично курирует отдел научно-исследовательских работ, управление капитального строительства, студенческий городок, учебное управление. Она отбирает у наркомов, по её словам, «нахвативших в Германии трофейного оборудования», то, что нужно для МЭИ!

По воспоминаниям академика Б.Е. Чертока, после войны В.А. Голубцова проявила на посту директора исключительную активность по строительству новых учебных корпусов, опытного завода, расширению лабораторно-исследовательской базы, строительству Дворца культуры, общежития и жилых домов для профессуры и преподавателей. Во многом благодаря её энергии, соединённой с близостью к высшей власти страны, в районе Красноказарменной улицы вырос целый городок Московского энергетического института. Построены базы отдыха в Крыму под Алуштой и под Москвой. Бог щедро наделил её организаторским талантом. Свойственная женщинам чуткость помогла ей с минимумом противоречий соединять усилия всех учёных института. Во всяком случае, солидная профессура МЭИ поддерживала директора во всех её деяниях.

В.А. Голубцова была одной из самых влиятельных женщин в послевоенной Москве. Даже трамвайные линии по её указанию подвели к самому учебному корпусу.

При участии и помощи Валерии Алексеевны в МЭИ была построена единственная в СССР учебно-экспериментальная теплоэлектроцентраль – ТЭЦ МЭИ мощностью 6 МВт, которая в настоящее время проходит реконструкцию, а выработавшая свой срок турбина установлена на постаменте перед главным входом в учебный корпус на Красноказарменной улице. В.А. Голубцова много помогала сотрудникам в тяжёлые момен-

Дом Ольги Голубцовой на Большой Печерской

Мем. доска на доме №47 по ул. Б. Печерская, фото В. Е. Хроматова, 2019 г.

ты их жизни: для многих «выбила» рабочие карточки, путёвки в санаторий. Будущего крупнейшего ракетчика, Б.Е. Чертока,в последующем заместителя Главного конструктора С.П. Королева, не отчислила из МЭИ за задолженность, а будущего выдающегося радиофизика академика В.А. Котельникова прикрыла от министра госбезопасности В.С. Абакумова. Среди личных выдвиженцев Голубцовой – выпускники МЭИ академики АН СССР А.Ф. Богомолов, В.А. Кириллин, В.А. Котельников, Б.Е. Черток, А.Е. Шейндлин, десятки профессоров. Портреты А.Ф.Богомолова, В.А. Кириллина, В.А.Котельникова Б.Е.Чертока представлены в галерее выдающихся ученых МЭИ, в литературной серии «Выдающиеся деятели МЭИ».

В 1945 году за работу по восстановлению института в военное время Валерия Алексеевна была награждена орденом Красной Звезды. В 1948 году Валерия Алексеевна защитила кандидатскую диссертацию. В 1952 г. после тяжёлого заболевания была вынуждена оставить пост директора МЭИ и передала руководство институтом своему ученику и преемнику профессору Михаилу Григорьевичу Чиликину, который успешно руководил МЭИ около 25 лет. После непродолжительного перерыва В.А. Голубцова была назначена заместителем директора Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1956 году она защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук «История и перспективы развития электроизолирующих материалов электрических машин, аппаратов, проводов и кабелей» на специализированном совете МЭИ. Тогда же ей было присвоено ученое звание профессора по кафедре общей электротехники. Валерия Алексеевна начала вести преподавательскую работу в МЭИ по совместительству на кафедре общей электротехники.

После смещения мужа Г.М. Маленкова со всех партийно-государственных постов в 1958 году, Валерия Алексеевна уезжает с ним в Казахстан, где Г.М. Маленков работал директором Усть-Каменогорской ГЭС, затем Экибастузской ТЭЦ до 1968 года. В.А. Голубцова последовала за ним. Через несколько месяцев Усть-Каменогорская ГЭС становится передовой в отрасли. После этого Маленкова с супругой переводят в пыльный степной поселок Экибастуз, назначают директором местной ТЭЦ, «по статистике, самой плохой в стране». Через год Экибастузская ТЭЦ становится образцовой. Тогда Г.М. Маленкова исключают из партии «за утерю партбилета», явно похищенного.

В 1968 г. Г.М. Маленкову разрешили вернуться с семьей в Москву. После возвращения, Валерия Алексеевна посвятила себя воспитанию внуков, продолжая живо интересоваться делами института. Сначала они жили в посёлке Удельная в Подмосковье. Затем купили квартиру на 2-й Синичкиной улице, в ЖСК МЭИ. Вступить в него помог бывший студент В.А. Голубцовой, ставший председателем Госкомитета по изобретениям и открытиям. Он не побоял-

ся открыто поддержать опальную семью. В 1971 году В.А. Голубцовой была назначена персональная пенсия союзного значения. В 1980 году по распоряжению Ю.В. Андропова семье была предоставлена квартира на Фрунзенской набережной, где супруги провели последние годы своей жизни. У Валерии Алексеевны и Георгия Максимилиановича родились трое детей. Воля Георгиевна Маленкова (1924-2010) окончила Московский архитектурный институт. Автор проекта Храма Святого Георгия, построенного в селе Семеновское Московской области. Роспись храма была выполнена художниками П.А. Степановым и А.П. Степановым – внуком и правнуком В.А. Голубцовой и Г.М. Маленкова. Экспозиция по этой работе была отмечена на международной выставке ярмарке в Нижнем Новгороде весной 2001 года 15 мая в день столетия В.А. Голубцовой.

Андрей Георгиевич Маленков, 1937 года рождения, окончил МГУ им. Ломоносова, доктор биологических наук, академик РАЕН. Георгий Георгиевич Маленков, 1938 года рождения, окончил МГУ им. Ломоносова, доктор химических наук. В библиотеке НИУ «МЭИ» в 2016 году к 115-летию со дня рождения В.А. Голубцовой была организована выставка, посвященная научной, административной и общественной деятельности директора МЭИ В.А. Голубцовой. Эту выставку посетили дети, внуки, правнуки, члены многочисленной семьи Голубцовых. Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей и благотворительный фонд «Евразия» организовали выставку «Георгий Маленков – третий вождь страны Советов», которая была представлена в 2017 году в г. Оренбург и г. Экибастуз. Жители Экибастуза и по сей день помнят о работе и семье Г.М. Маленкова.

Нельзя не упомянуть и еще об одном члене семьи Голубцовых, брате Валерии Алексеевны, также родившемся в Нижнем Новгороде – Вячеславе Алексеевиче Голубцове (1893-1974). В.А. Голубцов – докт. техн. наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии. Окончил Петроградский политехнический институт, участвовал в разработке плана ГОЭЛРО. В 1947 году организовал в МЭИ кафедру технологии воды и топлива, которой заведовал до 1964 года. Портрет В.А. Голубцова представлен в галерее выдающихся ученых МЭИ.

В.А. Голубцова и Г.М. Маленков прожили в счастливом браке 67 лет. Она умерла 1 октября 1987 г., он – 14 января 1988 года. Похоронены в г. Москве на Новокунцевском кладбище.

Список литературы

1. Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. – М.: Вече, 2013. – 320 с.: ил. – (Великие исторические персоны).

2. Валерия Алексеевна Голубцова: Сборник воспоминаний/ Составители Р.Г. Романов, Б.С. Белосельский, Л.Т. Васильева. – М.: Издательство МЭИ, 2002. – 166 с.: (Серия «Выдающиеся деятели МЭИ»).

3. Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. – М.: ИРИЦ «Фермер». 1992. – 120 с.

4. МЭИ: история, люди, годы: сборник воспоминаний. В 3-х томах под общ. ред. С.В. Серебрянникова. – М.: Издательский дом МЭИ, 2010. (Серия «Выдающиеся деятели МЭИ).

5. Хроматов В.Е., Попов Л.Г., Груздева Л.А. Нижегородцы в Московском Энергетическом институте // Сборник докладов Международной научной конференции XLII Добролюбовские чтения «Ценностные приоритеты и гражданская активность, рефлексии и реализация в науке, литературе и искусстве – от эпохи Н.А. Добролюбова до современности». Нижний Новгород, 14-15 февраля 2018 г. С.221-229.

6. Черток Б.Е. Ракеты и люди.– М.: Машиностроение.-1995.

От редактора:

В дополнение к тому, о чем вы, уважаемые читали, только что узнали расскажу об одном моем знакомстве с человеком, который хорошо знал тех, о ком вы только что прочитали.

В апреле 1968 года в Москве на улице Чернышевского в старом семиэтажном доме я встретился с Борисом Николаевичем Берсеневым. Собственно, я к нему и приехал, чтобы узнать о его старшем брате Сергее…

Вообще-то Берсеневы – старинная нижегородская семья. Отец – Николай Иванович – преподавал в кадетском корпусе литературу и русский язык. Его старший сын – Владимир – был врачом и колесил по России, ездил на эпидемии оспы, чумы, холеры, тифа. Позже, в империалистическую войну на фронте, он заразился сыпняком, исцеляя других, и умер. Второй сын – Сергей – молодым ушел из дома в самостоятельную жизнь, выучился на фельдшера и стал работать в инфекционной барачной больнице на окраине города.

(Нынешний центр имени академика медицины И.Н. Блохиной, который отлично проявил себя во время пандемии короновируса).

Познакомился с революционно настроенными молодыми людьми, вступил социал-демократическую рабочую партию, распространял нелегальную литературу, которую хранил у себя в комнатке больничного фельдшера. Боясь заразиться, жандармы обходили ее стороной. Сергей часто навещал родитель-

скую квартиру, где после скоропостижной смерти матери на попечении отца остались два брата – погодка Борис и Лева, которые готовились к поступлению в гимназию, и совсем маленькие сестры Таня и Оля. Отец не женился вторично, детей воспитывал сам, призывая себе в союзники классиков мировой педагогики. Сергей в 1902-04 годах руководил в Нижнем Новгороде подпольной группой совсем юных гимназистов – парней и девушек, которые потом активно проявили себя в революционных событиях 1905 года в Сормове, на Красной Пресне, в Севастополе. Последовали аресты, ссылки, эмиграция и снова борьба. Собственно, вначале меня интересовал именно Сергей Берсенев, о котором по архивным материалам Нижегородского жандармского управления и Нижегородского охранного отделения я сделал телепередачу. И сразу после нее один из старых нижегородцев позвонил на студию и дал мне московский адрес Бориса Николаевича Берсенева. Я поехал к нему. К сожалению, о Сергее он знал очень мало из-за разницы в возрасте в 15 лет. Борис Николаевич вспомнил, что в 1913-14 годах, когда он был уже студентом первого курса Московского университета, старший брат Сергей издавал в Муроме газету «Муромский край». Она отстаивала интересы рабочих железнодорожных мастерских, а когда началась империалистическая война, была закрыта «за отсутствием патриотического направления».

Тогда в 1914 году в Муроме, летом на каникулах, Борис последний раз виделся с Сергеем. В 1920 году 37 лет от роду Сергей Николаевич умер от туберкулеза в Царицыне, будучи ответственными работником губздравотдела.

Допоздна просидел я в тот день у Бориса Николаевича.

– Между прочим, моя покойная жена Елена Алексеевна была дочерью нижегородцев – Голубцова и Ольги Павловны Невзоровой, – сказал Борис Николаевич. – Это у них на квартире Владимир Ильич Ленин останавливался, когда в июне 1894 года приезжал в Нижний Новгород.

– А хозяева об этом не знали!

Берсенев рассмеялся:

– Так нужно было. Хозяева уехали на дачу, а в их пустую квартиру

Зинаида Павловна Невзорова и поселила Владимира Ильича.

Борис Николаевич хорошо знал Зинаиду Павловну и ее мужа Глеба Максимилиановича Кржижановского. Уже после революции с женой, которая приходилась им племянницей, неоднократно бывал у них дома. Часто виделись там с Надеждой Константиновной Крупской. Однажды Надежда Константиновна весьма нелицеприятно высказалась о каком-то человеке, назвав его «хозяином». Когда она ушла, Борис Николаевич поинтересовался у Кржижановского, кого она имела в виду. И тот спокойно ответил: «Сталина…». И добавил: «Мы с Надеждой Константиновной любим его одинаково…»

В своей тетради, которую Борис Николаевич потом прислал мне, есть любопытная запись, сделанная 31 марта 1959 года: «У*мер Глеб Максимилианович… Я простился с его прахом, присутствовал при кремации. Познакомился я с Глебом Максимилиановичем в 1916 году… Относился к нему с огромным уважением. Глеб Максимилианович был хорош со мной, и, когда у меня назрело решение вступить в партию, он дал мне свою рекомендацию*».

Так как Кржижановский был членом ЦК, а членам ЦК было предписано воздерживаться от партийного поручительства, Борису Николаевичу пришлось брать другую рекомендацию, а этот документ он сохранил на память.

На бланке Председателя Государственной Плановой Комиссии Совета Труда и Обороны написано:

«Настоящим подтверждаю, что я в течение ряда лет знаю Б.Н. Берсенева и охотно поддерживаю его ходатайство о вступлении в ряды ВКП(б). Мотивы:

1. Тов. Берсенев ходатайствует о своем включении в ряды партии на основе зрело продуманного решения, коим он только подводит итог своей лояльной работы на ответственнейших участках нашего социалистического строительства.

2. Он вдумчивый и высококвалифицированный техник, бесстрашный самоотверженный работник.

3. Добрый товарищ!

Г. Кржижановский, стаж с 1893 года. Партбилет № 0002507».

Борис Николаевич говорил о себе: «В героях я никогда не ходил, но выдающихся событиях участвовал». В той же тетради читаю:

«В 1916 году с пятого курса естественного отделения физико-математического факультета Московского университета я был призван на военную службу.

В мае 1917 года после окончания школы прапорщиков получил назначение в Третий Резервный стрелковый полк в Царское село. Здесь мне пришлось некоторое время быть караульным начальником арестованного Николая Романова и его семейства. Мне было 23 года. С большим интересом взирал я на подчиненного мне царя. По-моему, он ничего не понял из того, что произошло. Надоедал мне расспросами, что будет подано на завтрак, обед, ужин, да просился гулять по парку возле Александровского дворца.

Летом 1917 года я возглавил делегацию солдат полка, которая выехала на фронт для того, чтобы рассказать в действующей армии о событиях в Петрограде. В конце августа 1917 года я командо-

вал двумя ротами, выступившими на защиту Петрограда со стороны Гатчинского шоссе от генерала Корнилова.

В дни Октябрьской революции, а именно 27 октября, был политическим комиссаром отряда красногвардейцев, выступившего против войск Краснова. Виделся с Красновым в ночь на 28 октября и предложил ему не проливать братской крови. В ответ на это предложение меня и еще двух красногвардейцев арестовали. Но охранявшие нас солдаты замешкались, и под покровом ночи нам удалось бежать…»

Осенью 1919 года Борис Николаевич был откомандирован с фронта учиться в Советскую высшую электротехническую школу комсостава, которая вскоре была преобразована в Военную Электротехническую Академию и переведена из Сергиева-Посада в Петроград. Берсенева привлекла возможность применения радиотехники в авиации. Этой теме была посвящена его дипломная работа. С февраля 1925 года он стал сотрудником электро-радио-отдела научно-исследовательского института ВВС. Ему приходилось участвовать в испытаниях новейшей авиационной радиотехники, проводить пробные полеты вместе с молодыми тогда летчиками Громовым, Чкаловым, Байдуковым, Юмашевым.

Когда началась Великая Отечественная война, Борис Николаевич вместе с группой сотрудников института, в котором работал, создавал меры защиты столицы от вражеской авиации, был одним из авторов первого отечественного самолетного радиолокатора и сам испытывал его в боевых условиях в Сталинграде.

Еще в годы войны решением Секретариата ЦК ВКП(б) Б.Н. Берсенев был направлен на работу в только что созданный Комитет по радиолокации при Государственном Комитете Обороны. И в должности заместителя начальника военного отдела проработал до 1949 года. В этом году его как опытнейшего работника, автора научных трудов по радиолокации назначили начальником радиофакультета Военно – Воздушной Инженерной Академии имени Н.Е. Жуковского.

В домашнем архиве Бориса Николаевича сохранились копии двух командировочных удостоверений на бланках Центрального Комитета ВКП(б).

Одно датировано 29 августа 1944 года.

«Инженер-полковник Берсенев Б.Н. командируется на 1-й Белорусский, 1-й, 2-й и 3-й Украинские фронты для выявления и отбора трофейной специальной радиоаппаратуры и отправки ее в Москву. Срок командировки 35 дней.

Секретарь ЦК ВКП(б) – МАЛЕНКОВ.»

Второе – тоже за подписью Г.М. Маленкова. Он выписано 27 июля 1946 года.

«Инженер-полковник Берсенев Б.Н. командируется в Германию для инспектирования работы лабораторно-конструкторского бюро Министерства промышленности средств связи. Срок командировки 45 дней.»

По этим двум удостоверениям можно судить, каким большим специалистом был Борис Николаевич и на каком высоком уровне принимались решения, связанные с его научной и практической деятельностью.

Между прочим, с Георгием Максимилиановичем Маленковым Берсенев был в родстве через жену – Елену Алексеевну, жена Маленкова Валерия была ее родной сестрой. Но родственные связи в то время подчеркивать было не принято, а порой и рискованно.

Бересенев рассказал мне, как однажды остался без пригласительного билета на военно-воздушный парад в Тушине и поздно вечером накануне Дня авиации решился позвонить Маленкову с просьбой, чтобы тот помог попасть на праздник. Секретарь ЦК ВКП(б) прислал ему билет с нарочным на работу в Комитет по радиолокации. На следующий день, прибыв в Тушино, инженер-полковник Берсенев предъявил приглашение. Ему откозыряли посоветовали пройти дальше, там он снова предъявил билет и услышал: «Вам дальше!» Так дежурные по эстафете передавали его друг другу, ничего не поясняя, а только, отдавая честь, коротко указывали: «Вам дальше!» В спешке Борис Николаевич не задумывался, в чем дело, и тревога появилась только тогда, когда его попросили подняться вверх по лестнице и он оказался на главной правительственной трибуне, где были Сталин, Молотов, Маленков, Берия, министры, маршалы, генералы с большими звездами. Первая мысль была – уйти, но подоспела вторая – это невозможно, возникнет вопрос, как и зачем ты сюда проник. В общем, праздник был не в праздник, он прятался за начальственными спинами, чтобы случайно не быть заснятым на фото – или кинопленку и не увидеть себя на правительственной трибуне в завтрашней газете или в киножурнале «Новости дня». Ведь тогда только и начнется разборка, кто этот человек.

Когда Маленков узнал о треволнениях Берсенева, то развел руками: «Ты же попросил меня помочь, а у меня других билетов не было, только такие…»

– Сейчас я, как говорится, персональный пенсионер союзного значения, – завершил рассказ о себе в день нашего знакомства Борис Николаевич и добавил: – Вся моя биография на двух страничках уместится, а вот о братьях моих можно книги писать…

Достал с полки книгу и протянул мне: – Конечно, читали?

– И читал, и, как говорят школьники, «проходил».

Это была «Как закалялась сталь». На титульном листе надпись: «Борису Берсеневу от Н. Островского. 1935 год».

– Вы были знакомы с Николаем Алексеевичем?

– Да, и с ним был знаком, и с матушкой его. И сейчас, бывает, приглашают в музей Островского поделиться воспоминаниями. Все это благодаря брату, кончено. Брат был его близким другом.

– Какой брат?

– Лева, самый младший из моих братьев. О нем даже в этой книге написано.

Так неожиданно я узнал про Льва Берсенева.

– Начало Первой мировой войны застало нас под Нижним, в Растяпине (сейчас там город химиков Дзержинск), – поясняет Борис Николаевич. – Август. Каникулы. Лев тогда решительно заявил отцу, что уйдет добровольцем на фронт. Отец уговаривал его сначала окончить последний восьмой класс гимназии. Но ничего не подействовало. И осенью 1914 года брат отправился рядовым на войну. Воевал недолго, служил в команде конных разведчиков, был награжден Георгиевским крестом. Его тяжело ранило, и к 1915 году он оказался в госпитале в Петрограде, а затем был перевезен в госпиталь в Нижний. После ранения в легкое и левую руку, Лева получил «белый билет». И вернулся в гимназию. С Георгиевским крестом на груди пришел в 8 класс. Окончил его в 1916 году и хотел поступать на юридический факультет Московского университета. Но увлекся политическими событиями. На фронте у него установилась связь с большевиками, которые вели в окопах агитацию среди солдат. Поэтому, когда произошла Октябрьская революция и началась Гражданская война, Лев стал членом партии большевиков и добровольно ушел в Красную Армию…

Я спросил Бориса Николаевича, кто имеется в виду в книге, когда говорится, что Лев увидел в Павле Корчагине «брата, потерянного много лет назад».

– Я думаю, что речь идет о Сергее. Сережа оказал большое влияние на Леву, особенно после того, как тот вернулся с фронта…

Борис Николаевич вынул из семейного альбома несколько фотографий, где Николай Островский и Лев Берсенев запечатлены вместе.

На кушетке лежит Островский, а Берсенев рядом с ним – играет на гитаре. А вот они в обнимку. У Островского на груди орден Ленина. А это сам момент вручения награды писателю Григорием Ивановичем Петровским. Еще снимок – Николай Островский в воинской шинели и буденновском шлеме. Я видел его много раз в различных изданиях, но этот был особенный – на обратной стороне рукой Льва Берсенева написано:

«Николай Алексеевич Островский снят мной 9.ХП. 1935 года в Сочи в день отъезда в Москву в форме шефствующего над ним пограничного отряда РККА. Берсенев».

Оказывается, очень многие фотографии Островского выполнены Львом Николаевичем…

Очерк о Л.Н. Берсеневе опубликован в наших «Памятных записках», посвященных событиям Первой мировой войны. (ПЗ – 41, 2015 г.) –А.Ц.

И ОСТАЛИСЬ ГОДЫ ЭТИ В УНИБРОМЕ, В БРОМПОРТРЕТЕ…

- Новокрещенова Т.М. Деятельность художника А.А. Карелина в Туркменистане (1925-1928 гг.)
- Цирульников А.М. Встреча, которая могла быть …

От редакции:

«И остались годы эти/ в униброме, в бромпортрете,/ в фотографиях на память, /для Отчизны дорогой…» – эта строчка из известной песни Юрия Визбора дала название нашему новому разделу, в котором мы планируем знакомить читателей с людьми, посвятившими себя миру фотоискусства.

Татьяна Михайловна Новокрещенова,
доцент Института экономики и предпринимательства
НГУ им. Н.И. Лобачевского

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУДОЖНИКА А.А. КАРЕЛИНА В ТУРКМЕНИСТАНЕ (1925-1928 ГГ.)

Академик Андрей Андреевич Карелин (1866-1928) приехал в Туркменскую ССР зрелым мастером, успешным и уважаемым в своей профессиональной среде организатором культурной жизни (художник, инициатор создания и основатель музеев в разных городах страны, автор более 60 трудов по вопросам искусства, коллекционер, реставратор памятников старины, меценат, ученый, педагог, публицист, участник и организатор художественных выставок).

Он – сын известнейшего нижегородского фотохудожника Андрея Осиповича Карелина (1837-1906), которого по праву называют основоположником жанра художественной фотографии. Первыми учителями будущего художника были отец А. О. Карелин и художник К.Е. Маковский. Художественное образование получил в Петербургской, Берлинской и Венецианской академиях художеств. В возрасте 26 лет А.А. Карелин удостоен звания почетного вольного общника Российской Академии художеств за картину «Заморский шут» и занесен в список членов Академии (1892г.). Это звание давалось за особые художественные заслуги уже известным академикам и крупнейшим иностранным художникам [Выдающиеся люди…, 2002].

Портрет А.А. Карелина с женой

За монументальное историческое полотно (более 10 метров), изображающее воцарение Михаила Федоровича Романова, А. А. Карелин получил от Николая II личное дворянство. Когда в 1917 году в дом художника на Черной речке пришли революционные матросы, им в глаза бросилась висевшая на стене большая цветная олеография с этой картины. Автора тут же хотели арестовать, но матросов сумели убедить, будто бы смысл полотна заключается в том, что главный герой картины – это народ, который меняет своих правителей. Действительно, первый план холста занимало изображение людской

толпы в национальных костюмах XVII века, того самого русского народа, непосредственного участника исторических событий. Автора не арестовали.

Он работал для царской семьи, получая заказы от министерства Императорского двора. Принимал участие в создании внутренней отделки «правительственных» храмов – Воскресения Христова в Петербурге, Александра Невского в Варшаве и там же церкви лейб-гвардии Уланского полка. Им были выполнены эскизы мозаик для интерьеров храма Спаса на Крови (всего по эскизам А. А. Карелина было выполнено десять мозаик интерьера «Притча о бедном Лазаре после смерти» и 9 мозаик святых, мучеников, апостолов и преподобных на пилястрах) [Нижегородский музей, 2006, с. 37].

Академик А. А. Карелин – основатель и участник создания 17 музеев в разных городах страны. Он вел активные переговоры и переписку с художниками и меценатами, организуя комплектование музейных коллекций [Нижегородский музей, 2007]. Сам щедро передавал свои произведения и коллекции. Его картины есть в Эрмитаже, Русском музее, Нижегородском и Днепропетровском художественных музеях, большая коллекция А. А. Карелина – в запасниках Туркменского музея изобразительных искусств.

В мае 1909 г. Духовный Собор Александро-Невской Лавры обратился в Академию художеств с просьбой оказать помощь «историко-архивными знаниями» создаваемому в Лавре музею. Устроительный комитет Всероссийского съезда художников уполномочил для этого дела академика Андрея Андреевича Карелина. Художник обследовал древлехранилище Лавры, в котором было сосредоточено немалое количество древних икон, старинных рукописей, святых мощей, драгоценных митр, лампад, шапка князя Александра Невского, личные вещи великокняжеских, царствующих и императорских особ. Академик изучил хранилище, привел его в порядок и представил краткий эскиз описи его ценностей. Духовный Собор Лавры принял решение наградить А.А. Карелина за труд, который оценили в полторы тысячи рублей. Тогда же были заказаны и сделаны им портреты императора Николая II в преображенской форме, императрицы в большом уборе и наследника престола в матросской форме, которые Карелин принес в дар музею [Соколова Л.И.].

Митрополит Петербургский и Ладожский Антоний позирует для портрета А.А.Карелину

При всей близости своих убеждений к монархическим, А. А. Карелин никогда не состоял ни в каких партиях и публично не выступал по поли-

тическим вопросам [Нижегородский музей,2006, № 11-12, с. 35].

Фотохудожник А.О. Карелин с сыном Андреем

А.А. Карелин – основатель и первый председатель правления Общества художников исторической живописи, написал более 150 картин на исторические и религиозные темы, большое количество портретных работ, икон. Расписывал павильон XVI Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Активно участвуя в ее организации и проведении, А. А. Карелин не мог не ознакомиться с экспонатами, выставленными на ней военным управлением Закаспийской области. Позднее эта выставочная коллекция стала частью Ашхабадского краеведческого музея, на становление и развитие которого художник положил много сил.

Исследующие творчество и жизненные вехи А.А. Карелина, единодушно считают, что с пребыванием в Туркменистане связан совершенно особый период его жизни, чрезвычайно интересный и драматический, требующий отдельного рассказа [Нижегородский музей, 2006, № 11-12, с.38, 2007, №14, с.36].

В 1925 г. А.А. Карелин приехал по приглашению в Туркменскую ССР. Дело в том, что вскоре после похорон В. И. Ленина Президиумом Исполкома Советов ТССР была создана государственная комиссия по сооружению памятника вождю. Комиссия обратилась в Ленинградскую Академию художеств с просьбой помочь молодой республике в создании памятника. По этой просьбе в Ашхабад приехал Андрей Андреевич Карелин [Ашхабад, 1976, с. 137]. Первый проект Карелина был совсем не похож на тот памятник, который позднее был создан, но он вполне отвечал заданию, полученному художником, и был утвержден. Пока решался вопрос с ассигнованием средств на строительство, А.А. Карелин знакомился с краем.

Свою работу здесь Андрей Андреевич рассматривал как высокую и ответственную миссию, связанную с «восстановлением искусства Востока» [ЦГА Туркменистана, ф.1332, оп.1,д.9,л.3]. Он понимал, что его знания и опыт нужны молодой республике [Выдающиеся люди…, с.135]. В Центральном государственном архиве Туркменистана имеется небольшой личный фонд академика А. А. Карелина. Дневник и документы переписки, отложившиеся в архиве, позволяют утверждать, что ему полюбилась знойная Туркмения, столь непохожая на дождливый туманный Ленинград, неповторимый восточный колорит, ее своеобразная красота [ЦГА Туркменистана, л.7]. В письме к жене он восторженно писал: «Имеется дивный городской сад, полный разнообразных

деревьев, начиная с хвои и кончая пирамидальными тополями и деревьями, увитыми зарослями плюща. Сбоку видны горы, со снегом на вершинах. Вид и цвет гор меняется несколько раз в день» [Выдающиеся люди…, с.135].

Из дневниковых записей узнаем, что первое время 59-летний художник испытывал немало бытовых неудобств (так первые недели в Туркмении он спал в небольшой комнате на полу вместе шестью жильцами) [ЦГА Туркменистана, л.9]. Однако, в дневнике этого периода больше вдохновенных заметок художника: «На базаре иногда с восторгом слушаю пение корана дервишами. Дивная музыка, полная фанатичной настойчивости и тончайших модуляций. Дервиши молодые – очень «неотмирно» красивы» [ЦГА Туркменистана, л.8].

Туркменский период в жизни художника краток – немногим более трех лет. Но этот уже немолодой и больной человек спешил, не жалея себя. В одном из писем жене он писал: «… время летит для меня мгновенно. Надо массу сделать, впереди еще море дела!» И далее: «…хочется, чтобы остался художественный след моего кипения в 55-градусной жаре!» [ЦГА Туркменистана, л.11]. И действительно, как много он успел!

Человек большой художественной культуры, тонкий ценитель искусства А. А. Карелин внес большой вклад в художественную культуру туркменского народа. Да, это было трудно, очень трудно, пожилому больному человеку совершать поездки в раскаленные пески, к гибнущим мечетям, по бездорожью, без современного транспорта и воды! [Выдающиеся люди…,136]. Кроме этого, поездки по республике в 20-е годы были сопряжены с риском, требовали личного мужества. О криминальной обстановке в эти годы и случаях нападений сообщает этнограф С. М. Демидов [Вестник Евразии, 2001, №3, с. 51]. Несмотря на это, Карелин много ездил по далеким аулам, собирая национальные костюмы, ткани, утварь, орнаменты для пополнения экспонатов музея в Ашхабаде. Он писал: «Побывал в аулах, видел быт туркмен. Масса крайне интересного» [ЦГА Туркменистана, л.12].

Этот неутомимый энтузиаст и подвижник собрал огромный и ценный художественный музейный фонд, ставший предтечей будущего музея изобразительных искусств Туркменистана, который сегодня – один из крупнейших музеев Центральной Азии.

Карелиным А. А. были собраны и воспроизведены на бумаге орнаменты и чертежи археологических памятников Туркменистана – мечети Анау и мавзолея султана Санджара. О мечети Анау А. А. Карелин писал: «Художественное значение рисунка портала огромно, как единственного в мире типа рисунка мозаики. Краски мозаики портала мечети Анау неизменно цветистее и глубже мечети Самарканда». И далее: «Панель-нишка внутри мечети, алебастровые барельефные надписи и прочее, извлеченные из гибнущей мечети, с результатами

будущих научных экспедиций, как и все фотографии, обмеры и чертежи составят драгоценнейший вклад мирового значения в будущий историко-археологический и художественный музей Ашгабата» [Выдающиеся люди…, с. 137].

В 1927г. по инициативе А. А. Карелина при краеведческом музее был открыт художественный отдел, где были экспонированы образцы орнаментальной мозаики знаменитой Анауской мечети. Художник подарил туркменскому художественному отделу музея свою личную коллекцию – более 300 произведений западно-европейской и русской живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства.

В 1925-1926 гг. А. А. Карелин – главный художник Туркменгосиздата. Его работа в этом качестве неоднократно отмечалась в центральной прессе. При оформлении книг он использовал туркменские национальные мотивы. Например, очень удачной оказалась обложка букваря для взрослых, которая по свидетельству одного из друзей художника, произвела «целый фурор» [Выдающиеся люди..., 2002, с.137].

В 10-ю годовщину Октябрьской революции, в Ашхабаде был открыт памятник В. И. Ленину. Автором этой необычной работы был Андрей Андреевич Карелин. В ней художник воплотил смелый и уникальный замысел. Высоко ценивший национальное искусство туркмен, Карелин предложил облицевать постамент памятника знаменитыми туркменскими коврами, «сотканными» из высокохудожественной майоликовой мозаики, по образцу мечети в Анау. Секрет изготовления этой мозаики был утрачен более 400 лет назад и вновь открыт во время сооружения памятника, благодаря энтузиазму художника. По инициативе А. А. Карелина была создана мозаично-керамическая мастерская, где

Памятник В.И. Ленину

Копия открытки с картины Заморский шут

ремесленным способом налажено производство удивительной по красоте мозаики эпохи средних веков. В помощь А.А. Карелину был приглашен из Ленинграда специалист по керамике химик Н.И. Назаров. На задворках стекольного завода в Ашхабаде было построено пять небольших печурок, в которых производился обжиг. Обработка сырья производилась частью во дворе, частью в одной комнатке, которой только и располагали и которая носила громкое название «мозаичной мастерской». Несмотря на эти обстоятельства, скромная мастерская не только решила задачу возрождения древнего искусства…но и упростила технику… производства, применив это частично при облицовке памятника. [Ашхабад, 1976, с.139-140]. Энтузиасты нашли и местные строительные материалы, и способ превращения их в мозаичные плиты для ковровых панно, бордюров, панелей памятника, стали изготовлять более простой облицовочный материал. Сегодня зрители видят с учетом величественных размеров сооружения памятника настоящие ковровые полотнища с орнаментами, характерными для ковровых изделий разных племен туркмен. Внутри постамента располагался музей. Двери, ведущие в музей, также обрамлены ковровыми полотнищами. На изготовление самой скульптуры (скульптор Е.Р. Трипольская), решеток, светильников использовали бронзу пушек из бывшего царского имения Байрам-Али. Всему литью придали зеленоватый оттенок, характерный для бронзы античной поры [Ашхабад, с. 141]. Торжественное открытие памятника состоялось 7 ноября 1927г., но отделка постамента продолжалась до мая 1929 г. В октябре 1948 г. в Ашхабаде произошла трагедия – сильнейшее землетрясение практически разрушило город. Но памятник выстоял. Пожалуй, сегодня это единственный уникальный памятник вождю, сохраняемый в Азии.

А. А. Карелину принадлежит также идея производства посуды в национальном стиле, которая была воплощена в жизнь.

В 1926 г. комиссия по разработке государственной символики утвердила первый герб Туркменской ССР (до этого времени пользовались гербом СССР), флаг республики и первый Орден Трудового Красного Знамени, разработанные по эскизу автора А. А. Карелина.

Только три года жизни было отпущено художнику в Туркмении. Республиканская газета «Туркменская искра» за 1928 г. извещала, что: «25 июля в 23.00. умер от паралича сердца академик Андрей Андреевич Карелин» [1928, №167].

К сожалению, почти все творческие материалы этого художника погибли в блокадном Ленинграде. Погибла прекрасная библиотека, обширная переписка, дневники, коллекции и чертежи. Осталось очень немногое, что дочерям художника – Нине Андреевне и Марии Андреевне, обессиленным, умирающим от голода в блокадном Ленинграде, удалось взять с собой на память об отце. И это немногое, относившееся к туркменскому периоду его жизни и творческой деятельности, они сумели сохранить. Они – участницы Великой Отечественной войны, с боями в составе 1 Белорусского фронта дошли до Берлина [Выдающиеся люди…, с. 138].

В фондах Центрального архива Нижегородской области сохранились документы переписки А.А. Карелина с художниками, меценатами, писателями по различным вопросам культуры и искусства, опубликованные в журнале «Нижегородский музей» [2007, №14]. Как правило, эти письма завершаются следующими словами художника: «Имею честь быть слугой музея», «Имею честь быть готовым послужить дорогому мне музею», «Весь Ваш, слуга Ваш, А.А. Карелин».

PS. К большому сожалению, к сказанному можно добавить, что в настоящее время местонахождение могилы А.А. Карелина неизвестно, утеряно.

Список литературы

1. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Туркменистана), ф. 1332, оп. 1, д. 9,л.3, 7, 9.

2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО) , ф. 569, оп. 1779, д.6, л. 48-54.

3. Туркменская искра, 1928, № 167, 27 июля.

4. Алты Бяшимов. Дела музейные //Хроника Туркменистана. Издания Туркменской инициативы по Правам Человека. 20 мая 2013. URL: http// blog. chrono-tm.org/2013/05/blog-post_9036.htmi (дата обращения: 12.12.2015).

5. Демидов С.М. И.Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана// журнал «Вестник Евразии», 2001, №3, с.51.

6. Дурды Клыч. Памятник Владимиру Ильичу Ленину //Ашхабад, издательство «Туркменистан», Ашхабад, 1976, с.134-143.

7. Ковалева Т.И. Архив рассказывает… (письма, записки, проекты А.А. Карелина). //«Нижегородский музей», ННГУ, 2007, с.4– 13.

8. Меликов Г.Г. Подвиг художника. //Туркменистан: Выдающиеся люди XX века, Посольство Российской Федерации в Туркменистане. Ашгабат, 2002, с.135-138.

9. Миронова И.В. Карелин А.А.: личность и творчество// «Нижегородский музей», ННГУ, 2006, № 11-12, с. 34-38.

10. Соколова Л.И. О воссоздании музея в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре.URL: http://www. lavra.spb.ru/subdivision/museum/888 (дата обращения: 09.12.2015).

11. Яковлева Т.А. Роль А. А. Карелина в создании древнехранилища Александро-Невской лавры и проблема сохранения культурного наследия // Русь православная. История и современность. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, Издатель: Государственная публичная историческая библиотека России. 2000.с. 30-35.

А.М. Цирульников

ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ МОГЛА БЫТЬ …

Темин В.А. 1983 год

Так случилось, что в начале 1970-х годов в Горьком я познакомился с Виктором Антоновичем Теминым, легендарным фотолетописцем предвоенных и военных событий, Победы и ее последствий. Он своей карманной «лейкой», подаренной ему А.М. Горьким, снимал разгром квантунских армий на Халхин-голе и озере Хасан, первые подбитые немецкие «тигры» на Курской Дуге, Знамя Победы над рейхстагом, подписание Акта о безоговорочной капитуляции в Карлхорсте в ночь на 9 мая 1945 года, и еще одно подписание капитуляции – Японией перед вооруженными силами Союзников на борту линкора «Миссури» 2 сентября 1945 года, после чего 3-е сентября было объявлено в нашей стране Днем Победы над Японией.

Большая интересная замечательная жизнь, отраженная в исторических фотодокументах.

После первой передачи в эфире Горьковской студии телевидения были и другие встречи в Горьком и в Москве дома у Темина на улице Молодогвардейской. Возникали новые интересные подробности, иллюстрированные фотоснимками и негативами.

Об этом нашем общении, перешедшим в дружбу, я писал в очерках «Знамя Победы», «В конце концов», «Старуха», опубликованных в моих книгах.

Но был еще один эпизод, о котором я умолчал, просто потому, что о нем тяжело было рассказывать… Больно и обидно, когда что-то важное не случается.

Как-то Темин по телефону сказал мне, что завтра или послезавтра едет в Подмосковье на дачу к Георгию Константиновичу Жукову. Они были знакомы еще со времени боев на Халхин-голе, а потом встречались на фронтах Великой Отечественной, в поверженном Берлине и Карлхорсте. Во время того разговора Виктор Антонович вдруг задал мне вопрос – «А вы сами хотели бы встретиться с Георгием Константиновичем?» Я ответил, что конечно, но даже не решаюсь заговорить об этом…

Я, естественно, не видел лица Темина, но почувствовал улыбку в его голосе – «Саша, вся моя жизнь в журналистике учит, что нет ничего не возможного… Тем более, что как-то я рассказал маршалу о нашей телепередаче в Горьком, когда я вспоминал, как обманом угнал из Берлина в Москву самолет с его личным пилотом, чтобы успеть доставить в газету «Правда» негативы со Зна-

менем Победы нал рейхстагом. И успел. 3 мая эти снимки были в «Правде» и из «Правды» их перепечатали многие зарубежные агентства и печатные издания. Я привез в Берлин сто номеров «Правды» и занес в кабинет рассерженному Жукову несколько экземпляров. Не глядя на меня, он перелистал газету, посмотрел на фотографии поверженного Берлина, потеплел глазами и сказал мне – «По сути, ты совершил подвиг и достоин Золотой звездочки, но за то, что обманом угнал мой самолет…» Он открыл ящик левой тумбы стола, запустил туда руку, что-то нащупал и протянул мне – «Получай эмалевую!» Можешь сразу надеть, позже зайди в наградной отдел и получи удостоверение на «Красную Звезду»!..»

Тогда, кажется, я называл ему вас как соучастника этого проникновения в мою память через много лет после события…

Темин пообещал, что поговорит с маршалом о нашей возможной встрече и сообщит мне о результате этого разговора…

Самое интересное, что долго ждать не пришлось – в срединных числах июля (кажется, 1973 года) Виктор Антонович позвонил мне домой – «Только что говорил с Машей, младшей дочерью Георгия Константиновича. Встреча назначена на завтра. Вечером кати поездом в Москву. Завтра утром с Курского вокзала звони мне о прибытии. И езжай ко мне домой на Молодогвардейскую. Маша пришлет туда за нами машину, которая нас отвезет к Георгию Константиновичу…

Вся изложенная Теминым программа мной была безупречно выполнена. На метро, а потом на троллейбусе добрался до его дома. Вошел в подъезд поднялся лифтом на седьмой или девятый этаж. И позвонил в его квартиру. Дверь открыл Темин, у которого … просто не было лица, какое-то опухшее сизое пятно вместо лица, рядом стояла заплаканная жена – Тамара Сергеевна.

У меня вырвалась только одна короткая фраза – вопрос – «Что, умер?»

– Нет, инфаркт или инсульт, ночью Маша вызвала «скорую помощь». Он в больнице…

Повода для беседы с Жуковым у меня, сами понимаете, больше не было… Он умер 18 июня 1974 года… Темина не стало в 1987 году.

23 августа 2020. Рекшино.

В конце концов

«В конце концов» – так назвал свою книгу о Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками Борис Полевой. Приезжая к Виктору Антоновичу домой на Молодогвардейскую улицу Москвы, я видел ее с автографом Бориса Николаевича: «Величайшему фитильщику советской прессы…» На журналистском языке это значит, что Темин «вставлял фитиль»,

то есть опережал коллег и первым доставлял и публиковал наиболее ценные, как теперь бы сказали, эксклюзивные материалы. Пожалуй, самый сенсационный «фитиль» Темина как раз и приходится на время работы его в качестве фотокорреспондента «Правды» на Нюрнбергском процессе.

Все началось с казуса, как охарактеризовал это происшествие сам Виктор Антонович. Из Москвы в Нюрнберг вылетели два самолет. Один вел летчик Дмитриев, надежный, уверенный в себе пилот, действовавший по принципу «семь раз отмерь – один раз отрежь», второй – старый, опытный Малиновский, бывший полярный летчик. До Берлина Темин летел с Малиновским, потому что сдавал в секретариат редакции срочный материал и к вылету Дмитриева не успевал. Малиновский должен был отправиться позднее на полчаса, и это Темина устраивало. Не устраивало другое: в Берлине Малиновский должен был на какое-то время задержаться, и поэтому Темину предстояло там пересесть на самолет Дмитриева, которым, кстати, летела вся журналистская братия, что должна была освещать работу международного трибунала.

В Берлин оба самолета прибыли одновременно. Узнав, что до вылета в Нюрнберг самолета Дмитриева есть еще около часа, Темин решил воспользоваться этой паузой и поснимать Берлин.

– Смотри, не опаздывай! – предупредил его Лев Шейнин. – Ждать не будем.

Короче говоря, Темин увлекся съемкой. И когда на попутной полуторке подъехал к аэродрому, то увидел, как у самолета убирают трап. Темин бежал, кричал, махал сумкой с аппаратурой. Он видел, что коллеги наблюдают за ним, прильнув к иллюминаторам, а Шейнин даже открыл боковую дверь:

– Ты почему опоздал? – Шейнин старался перекричать гул самолета, а потому перешел на визг.

Темина это рассердило:

– Ты что хочешь, чтобы я стал тебе все объяснять вот так, на бегу?! Так знай – ни за что! – огрызнулся Виктор Антонович. Он бежал рядом с медленно катящимся самолетом.

– Ну, так мы из-за тебя задерживаться не будем. В следующий раз будешь дисциплинированным! – прокричал Шейнин.

– Учтите, если вы меня бросите, я буду в Нюрнберге раньше вас! – пригрозил Темин.

– Тогда встречай нас!.. Там!.. – Шейнин захлопнул дверцу. Винты начали вращаться быстрее, и самолет побежал по взлетной полосе.

Как потом рассказал Темину народный художник СССР Крылов – один из Кукрыниксов, которые тоже летели на трибунал, в самолете долго шутили над тем, что самый оперативный фоторепортер опоздал. Смеялись над его угрозой прилететь в Нюрнберг первым. Даже стали заключать пари по этому поводу.

Лев Шейнин отмалчивался, слушая шутки, прогнозы, споры, а потом вдруг сказал:

– И очень может быть, что он прилетит раньше нас. Надо знать Темина!

Поэтому, когда самолет Дмитриева приземлился в Нюрнберге и встречавшие подошли к нему, то прилетевшие, еще не ступив на аэродромный бетон, закричали в настежь открытую дверь салона:

– Виктор Темин здесь?

– Нет… – прозвучало в ответ. И тогда прибывшие возликовали:

– Так ему и надо, совсем обнахалился…

– Вы нас не дослушали, – сказали встречающие, – Темина тут уже нет… Он уже все снял на первом дне процесса и улетел в Москву.

Этот ответ вызвал хохот и аплодисменты. Громче всех смеялся Шейнин:

– Я вам это предсказал! Темин – это Темин!..

Дальше пусть рассказывает сам Темин, так сказать, от первого лица.

– Все улетели, я остался один и побрел к самолету Малиновского: «Ты тут надолго застрянешь?!» – «Да, нет, пришел новый приказ – сейчас вылетаю» – «Куда?» – «Как и намечено было – в Нюрнберг!» Я полетел с Малиновским. Провели в воздухе минут сорок и получили сообщение, что резко меняется погода, нам навстречу надвигается грозовой фронт. Малиновский принял решение по возможности уходить вверх, «подмять» грозу под себя. И прорвался сквозь облака. Сказался полярный опыт. Дмитриев же решил не рисковать и вернулся в Берлин. Так я оказался в Нюрнберге раньше Шейнина. Но эти подробности я узнал уже позже, в зале суда, от Всеволода Вишневского, который тоже представлял тут газету «Правда» и ждал моего прибытия.

В Нюрнберге, который находился в американской зоне оккупации Германии, знали, что из Берлина летят два самолета с представителями советской прессы. Когда Малиновский посадил свою воздушную машину и Темин – один – спустился по трапу на поле аэродрома, то встречавшие внизу американский генерал и его адъютант никак не могли взять в толк, почему больше никто не выходит из самолета. От них Темин узнал, что никакой другой самолет с советскими журналистами не садился.

Американский генерал и его адъютант повезли Темина в Гранд-отель, закрепили за ним номер-люкс. Все-таки они встретили очень важную особу, которой был предоставлен персональный самолет. Откуда им было знать, что Малиновский летел в Нюрнберг не для того, чтобы доставить туда Темина, а для того, чтобы забрать оттуда в Москву ряд ответственных лиц после первого дня работы Международного трибунала. Американцы привезли Темина во Дворец юстиции. Темин отметил, что, так как он шел рядом с американским

генералом, несшие внутреннюю охрану здания солдаты армии США пропусков нигде не спрашивали.

Генерал предложил Виктору Антоновичу сразу пройти в зал, где в это время шло первое заседание Международного военного трибунала. Но Темин отрицательно покачал головой и показал, что ему нужно подняться наверх, где будет обзор зала. Генерал понял, что от него хочет этот русский с фотоаппаратами. И повел Темина какими-то лестницами и коридорами и вывел в итоге на прекрасную для съемки точку, где открывалась внушительная панорама зала. Темин начал безостановочно снимать общий план зала, скамью подсудимых, адвокатов, судей, обвинителей, представителей прессы. Это был стиль Темина – как можно быстрее набрать разнообразные кадры. Благодаря его снайперскому таланту и умению видеть в самом обыденном мгновении жизненный факт и художественный образ, фоторепортажи Темина были интересны сиюминутно и обогащались исторической ценностью со временем, представляя собой остановленное мгновение эпохи. И на этот раз съемка продолжалась меньше десяти минут. Пленка была «выстрелена». Нужно было спешить в Москву, в редакцию.

– «До аэродрома меня проводил Сева Вишневский, – вспоминал потом Виктор Антонович, – расставались мы ненадолго. На другой день мне предстояло вернуться в Нюрнберг для продолжения съемок после того, как «Правда» первой из советских газет опубликует мои снимки о первом дне работы Суда Народов. Так оно и было…»

Когда пришел час возмездия, присутствовать на приведении в исполнение приговора было разрешено двум корреспондентам от каждой страны-победительницы. На месте казни, таким образом, было всего восемь журналистов. От СССР – Виктор Темин («Правда») и Борис Афанасьев (ТАСС). Снимать не разрешалось.

– Так для чего же там нужен был Темин, – спросил я Виктора Антоновича, – если нельзя снимать. Неужели так ни разу и не щелкнули? А, между прочим, ходили какие-то слухи, что у Темина там разрядили аппарат и засветили пленку…

– О, вы слишком много знаете! – рассмеялся мой собеседник. – Отвечу по существу и начну с конца: нигде и никогда еще у Темина пленку не засвечивали! Такое просто невозможно, потому что невозможно. А что касается запрещения снимать, так оно действительно было и относилось ко всем без исключения фотокорреспондентам. А вы, наверное, в процессе нашего знакомства смогли убедиться, что я человек дисциплинированный, законопослушный и не позволяющий какой бы то ни было отсебятины. Но совершенно правильно задали вы свой первый вопрос насчет того, зачем там нужен был Темин, если у

него нет возможности снимать. Очень правильная постановка вопроса! Считайте, что в ней содержится ответ. Пока я вам больше ничего сказать не могу… Это дело времени.

После казни нас, восемь корреспондентов, вновь повели в здание Дворца юстиции. Мы шли по главному коридору, и я с удивлением заметил, что раздвижные металлические двери от боковых коридоров, обычно открытые, на этот раз тщательно закрыты. И за решетками толкутся наши коллеги. Один из зарубежных корреспондентов буквально впился глазами в нашу группу.

– Хелло! Хелло! – кричал он, пытаясь привлечь внимание корреспондента агентства Рейтер. Тот, проходя мимо и мельком взглянув на кричавшего, вдруг вынул из кармана платок, взмахнул им и вытер нос. Это был явно условный сигнал, так как тот, что кричал из-за решетки, стал быстро выбираться из толпы и стремительно убежал куда-то. Все эти манипуляции остались незамеченными другими, но их скрытый смысл я понял только спустя несколько часов.

Нас, восьмерых, проводили в отдельную комнату и попросили не покидать ее до особого распоряжения. Мы недоумевали, зачем все это. Не теряя времени, я достал блокнот и стал писать репортаж о казни. Кто-то нервно ходил из угла в угол, кто-то пытался закурить, кто-то тоже нервно писал. Закончив писать, я посмотрел на часы и понял, что если немедленно не передам репортаж, то в номер он уже не попадет. Как выбраться? Я подошел к охранявшему нас американцу и попросил выпустить меня проветриться. Он подозвал другого часового званием пониже и приказал ему занять пост, а сам вызвался меня сопровождать. Должен сказать вам, что, еще отправляясь из гостиницы во Дворец юстиции, я надел на себя специально сшитые широченные штаны с множеством карманов разных размеров. Так, на всякий случай. И загрузил эти карманы тем, что мне могло понадобиться, кстати, и для того, что вы имели в виду в своем вопросе, зачем там был нужен Темин без права на фотосъемку… За дверью из одного кармана я вынул бутылку водки и протянул ее американцу. Он улыбнулся, поблагодарил и, махнув рукой, дал понять – иди, куда хочешь. Я помчался в комнату советской делегации и вызвал Москву. Трубку снял редактор «Правды» Поспелов:

– Где же ваша оперативность, – набросился он на меня. – Агентство Рейтер уже передало репортаж о казни. Их информация уже в наборе. Вы опоздали.

– Этого не может быть. Все корреспонденты сидят в одной общей комнате, из которой никого не выпускают. Вырвался только я… Прочтите мне информацию…

– Слушайте… Первым на эшафот поднимается Герман Геринг… – читает Поспелов. Я прерываю его: – Это вранье! – И взволнованно кричу: – Геринга не казнили, он успел отравиться…

И в этот момент связь прерывается. Я напрасно пытаюсь дозвониться. Аппарат отключен… Но у меня есть запасной вариант. Только была бы на месте сегодня эта американская телефонистка Сьюзи, у которой мать русская, из эмигрантов белого движения. Сьюзи хорошо понимает русскую речь, но говорит, мешая русские и английские слова. Главное, она нам симпатизирует. И я не раз угощал девушку настоящим московским шоколадом, конфетами фабрики «Рот Фронт», фотографировал ее с нашими журналистами. Сьюзи – моя последняя надежда. И чудо свершается: сегодня ее смена. Она набирает мне Москву.

– Срочно стенографистку… – кричу я в трубку. – Буду диктовать. Пот льет с меня градом, но я диктую и диктую без отдыха.

Закончив передачу материала, пошел в комнату советской делегации. Чувствую, как от волнения и напряжения у меня дрожат руки и подкашиваются ноги. Войдя, буквально упал на стул, утирая потное лицо.

В комнате уже был Борис Афанасьев. Он передавал в ТАСС информацию о казни. Я понял, что корреспондентов выпустили и разрешили выполнять свои профессиональные обязанности. Здесь же находился и наш юрист Аркадий Полторак. Было пять часов утра 16 октября 1946 года…

Темин рассказывал, что возмездие над главными военными преступниками совершил один человек – главный экзекутор американской армии Джон Мальта. Это был профессионал своего дела и перед казнью он сконструировал особый эшафот с двумя виселицами, которые должны были выдержать вес осужденных к повешению нацистов. С Мальтой Темин познакомился еще до приведения приговора в исполнение. Это был веселый, сильный и очень общительный человек, который не скрывал, что добровольно вызвался расправиться с ненавистными ему гитлеровцами.

– Веревка – слишком гуманная смерть для этих подонков! Им бы самим испытать удушье в газовых камерах и живьем ощутить пламя печей Освенцима! – говорил он Темину за рюмкой русской водки и признавался, что навещает в камерах своих будущих «клиентов», потому что ему было интересно, что они делают в последние дни на этом свете. Он советовал им быть ему благодарным за то, что он все сделает быстро и безошибочно.

Когда Геринг однажды вспылил по поводу очередного посещения его Джоном, Мальта спокойно ответил:

– Вы должны радоваться, что провожать вас в преисподнюю буду я! И это станет для вас последней радостью…

Но совершить справедливый суд над Герингом Джону Мальте не довелось. И он очень сожалел об этом. Между прочим, кроме десяти главных военных преступников, Суд Народов приговорил к повешению еще около пятидесяти

важных нацистов, но рангом пониже. Джон Мальта заявил, что обойдется без помощников и дублеров. И сам всех их повесил…

– Мне выпала честь отомстить им за всех, кого они убили, я сделал эту работу и могу спать спокойно! – не раз повторял Джон Мальта на вопросы журналистов о его самочувствии…

И все-таки меня донимал вопрос, существуют ли в действительности кадры казни главных германских военных преступников, снятые Теминым…

Виктор Антонович покачал головой – «Саша, мы с вами так давно знакомы, и меня сильно удивляет, как вы можете такое у меня снова и снова спрашивать! Я на все ваши вопросы уже ответил…»

Когда кончаются войны.

История в фотообъективе Виктора Темина.

2 сентября 1945 года подписанием акта о безоговорочной капитуляции Японии перед войсками союзников закончилась Вторая Мировая война. Она продолжалась шесть лет и один день – с 1 сентября 1939 года. В этот день гитлеровская Германия вторглась на территорию Польши. Безусловно, важнейшей составляющей Второй мировой была Великая Отечественная война Советского Союза с фашистской Германией, которая продолжалась с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945-го – 1418 дней и ночей. 2 сентября 1945 года фотокорреспондент газеты «Правда» Виктор Антонович Темин на борту американского линкора «Миссури» сделал свой последний кадр Второй Мировой войны: генерал-лейтенант Кузьма Деревянко от имени СССР принимает капитуляцию Японии.

В декабре 1970 года я познакомился с Виктором Теминым, фото-репортером, об удали и оперативности которого в журналистской среде ходили легенды. В Горький Темин приехал тогда по приглашению общества «Знание» и местного отделения Союза журналистов СССР для встреч с коллегами, студентами, преподавателями школ и вузов. Вместе с ним была жена – Тамара Сергеевна, сотрудница издательства «Молодая гвардия».

Невысокий, крепкий, с очень живыми и отзывчивыми на любую реплику глазами, быстрый в движениях Темин никак не соответствовал своим годам – за шестьдесят. У нас в редакции он вытащил из кармана пид¬жака свою знаменитую «лейку» и стал нас, кто тут был из телевизион¬щиков, фотографиро-

вать, легко запрыгнув на стул, а оттуда поднявшись на письменный стол для более «просторного кадра в этой унылой узкой комнате».

Тамара Сергеевна смотрела на него с мягкой улыбкой, как смотрит мать на отчаянного пострела-сынишку, и жаловалась нам:

– Никак не угомонится, я ему говорю: «Хватит снимать, пора заняться архивом!» Пожаловалась на него в ЦК партии, его вызвали, сказали: «Ваш архив принадлежит истории СССР! Считайте партийным поручением и заданием на ближайшие два года разобраться со всеми пленками, расписать негативы – что, кто, где и когда снято?» А он – «через месяц займусь!» Проходит месяц, два, три…

– Ну, что ты, мамочка, пристаешь, – слегка огрызается Темин, спускаясь из-под потолка на пол, – мне только шестьдесят два, когда перестану прыгать, тогда по-стариковски займусь пленками и бумагами… Вы знаете историю этой «лейки», которой снято всё, чем я горжусь? С этим аппаратом я никогда не расстаюсь. Между прочим, это подарок Алексея Максимовича Горького. А дело было так…

1 августа 1929 года Горький должен был выступать на антивоенном митинге в Зеленом театре Парка культуры и отдыха. Темин тогда работал фотокорреспондентом газеты «Советская Татария» в Москве, и ему нужно было сфотографировать Алексея Максимовича для казанской газеты. У Темина был тяжелый, громоздкий деревянный фотоаппарат на треноге. Сделать им «репортажный» снимок выступающего на трибуне Горького было невозможно. Поэтому Темин решил поступить иначе… Собственно, вот его дословный рассказ:

– Я занял позицию на аллее, по которой Горький должен был, по-моему, обязательно пройти, и стал поджидать его. Интуиция меня не подвела. По правде говоря, у него другого пути и не было. Горького сопровождала охрана из ГПУ. Я боялся, что меня просто прогонят, но Алексей Максимович, увидев мою фото-громадину посреди аллеи, сам направился ко мне: «Не Максим ли Петрович Дмитриев из Нижнего Новгорода вас снарядил? У него на Осыпной я видел нечто подобное…» Я сказал, что снимаю для Казани. Он: «Тоже родной мне город. Не могу отказать!»

Скамеек рядом не было, и Алексей Максимович сел на пенек. И я принялся его мучить, потому что мой аппарат не имел коротких выдержек. Надо было довольно долго сидеть, не двигаясь, не мигая, не дыша. С дублями съемка продолжалась больше получаса. Люди, сопровождавшие Горького, выказывали нетерпение, я нервничал, волновался, а Алексей Максимович был совсем спокоен и меня утешал. У меня даже возникло ощущение, что он был рад наблюдать, как злятся люди, которым поручено командовать его распорядком дня, а по сути дела и им самим.

Когда все мучения были позади, Алексей Максимович осмотрел мой деревянный ящик и спросил: «У тебя что же, другого аппарата нет? Этим, небось, еще Ноев ковчег снимали!..»

Когда я напечатал снимки, то принес их Горькому. Ему они понравились. Он достал блокнот и что-то написал на листке, а потом вырвал его и передал мне: «Вот, дорогой, отправляйся по этому адресу, получишь самый новый фотоаппарат. С ним из тебя большой толк будет. Это я уже вижу». Так по записке Горького я получил этот отличный немецкий фотоаппарат и первым делом поспешил с этой «леечкой» к Горькому, запечатлел Алексея Максимовича уже на узкой фотопленке. С этого кадра начался, в полном смысле слова, боевой путь моей «лейки»…

…Из большого, как баул, кофра Темин вынул папки и конверты с фотографиями разных лет и разложил у меня на столе. Это было нечто. Поистине фотолетопись времени!

…Москва встречает челюскинцев. Тысячи листовок над улицей Горького…

…Чкалов, Байдуков, Беляков на острове Уд возле самолета. А вот и сам «АНТ-25», широко раскинувший свои огромные крылья на берегу морского залива… Снимок сделан сверху, такое впечатление, что не через иллюминатор, а с крыла другого самолета…

И снова Москва встречает героев. На этот раз чкаловский экипаж. За перелет на остров Уд Чкалов, Байдуков и Беляков были удостоены звания Героев Советского Союза. Кстати, за легендарный маршрут в Америку, проложенный ими через Северный полюс, летчикам вручили ордена Ленина.

1938 год. Четверка папанинцев с высоко поднятым флагом на станции Северный полюс-1. А вот и сам Иван Дмитриевич Папанин в полушубке и унтах выше колен позирует у кинокамеры, как будто ищет объект для съемки…

– Позвольте, позвольте, а кто тут пятый слева от Папанина утонул в овчинном тулупе? Похоже, это вы, Виктор Антонович!

– Ну, а кто же еще? Присмотритесь, у меня на ногах ботинки, я еще не успел напялить унты.

На Северном полюсе Темин оказался случайно. Узнал от знакомого летчика, что тот летит к папанинцам, и как был в плаще и ботинках, погрузился в самолет. Не было времени не только для того, чтобы переодеться, но и сообщить в редакцию «Правды», почему он не появился в тот день на работе. Времена, сами понимаете, тогда были строгие. Темин тут же был уволен за прогул.

Но узнал он об этом во время боев у озера Хасан. Туда он тоже попал по собственной инициативе. Показал маршалу Блюхеру удостоверение корреспондента «Правды» и сказал, что у него задание запечатлеть взятие сопки Заозерной. С оказией отправлял пленки в Москву, и «Правда» печатала сним-

ки своего уволенного фотокорреспондента. Навсегда гордостью Темина стало то, что он снял водружение красного флага на вершине сопки Заозерной. Сам он говорил, что это было первое знамя Победы, которое он снял. Всего он числил на своем фотосчету пять победных знамен. Второе пришлось на реку Халхин-Гол, где в 1939 году разгорелись бои с японскими агрессорами. Здесь Темин впервые встретился с комкором Георгием Жуковым и сделал первые снимки будущего маршала…

– Мы и сейчас с ним дружим, я навещаю его на даче. Жаль, что Георгий Константинович последнее время болеет, но бодрится.

Когда бои на Халхин-Голе были победно завершены, в редакции «Правды» принимали группу новых Героев Советского Союза и орденоносцев. Редактор объявил благодарность Виктору Темину за оперативную работу. И тут Виктор Антонович сообщил ему, что не может принять благодарность, так как приказ редактора для него не указ. У Поспелова от такого нахальства фотокорреспондента перехватило дыхание и запотели очки.

– Я уже два года как уволен за прогул, зарплату не получаю, а только гонорары за снимки по мере их появления в газете, – объяснился Темин с редактором, который давно забыл о своем суровом решении.

– Будем считать, что у нас всех было слишком много работы, чтобы тратить время на уточнение взаимоотношений, – улыбнулся Поспелов. – Сейчас спокойно разберемся, тем более что тот приказ умер сам собой…

И посмотрел далеко в конец зала, отыскивая взглядом главного бухгалтера редакции. И когда отыскал, снял очки и сказал:

– Надо сегодня же выплатить Темину зарплату за два года, всю сразу…

– Чего же вы терпели два года? Почему раньше не потребовали восстановить вас на работе, снимки же все равно печатали в «Правде», а не в какой-то другой газете? – спросил я Темина.

Он улыбнулся:

До сих пор считаю, что поступал очень правильно… Тут, знаете ли, действовал инстинкт самосохранения…

И, заметив мое полное недоумение, пояснил:

– Вспомните, какие это были годы – 37-й и 38-й… Я старался быть подальше от Москвы и сам выбирал для себя, где безопаснее… Именно там, где стреляли, где была война, пусть небольшая. Может быть, поэтому и живу!.. Между прочим, мы говорили как-то об этом с Георгием Константиновичем у него на даче, за чаем. Так вот, он знал, что под него копают и могут арестовать. И спасло его то, что уехал на Халхин-Гол. Заметьте, это было уже в 1939-м, когда репрессии шли на спад. Он вернулся в Москву с «Золотой Звездой» Героя. Можно сказать, Халхин-Гол спас Жукова для Великой Отечественной… И мне

после Халхин-Гола было уже безопаснее напомнить о своем неопределенном статусе…

Впрочем, в 1940 году Темин уже снимал «на той войне незнаменитой», как писал Александр Трифонович Твардовский, имея в виду войну с Финляндией на Карельском перешейке. Там он снял свое третье Знамя Победы над взорванными дотами «линии Маннергейма».

Начало Великой Отечественной войны застало Виктора Антоновича на Украине. 21 июня он сделал фотографию немецкого коммуниста, который перебежал границу с вестью – завтра война! Он, между прочим, в 1970 году был жив, Темин разыскал его в ГДР. 22 июня 1941 года Виктор Антонович снял сбитый под Киевом вражеский самолет. Оборона Москвы, декабрь 1941-го… Писатель Илья Эренбург беседует с командирами в дни разгрома фашистов под Москвой. Каждая статья Эренбурга была событием – газету передавали из рук в руки – «прочти и передай товарищу». На всех фронтах действовал негласный закон: то, что написано Эренбургом, на раскурку не пускать, даже если не из чего свинтить цигарку.

Поэты Константин Симонов и Алексей Сурков – на фронте под Смоленском. Тогда родились строки «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины…» Оборона Севастополя… Блокада Ленинграда… Сталинград в огне в августе 1942 года.

Лето 1943. Курская дуга. Фашисты распустили легенду, что их новый танк «Тигр» подбить невозможно. Этот «зверь» наводил страх на наших бойцов. По приказу командования началась охота на «тигра». А Темин получил задание снять подбитый танк. И вот он – убитый «тигр». Так рухнула легенда о его неуязвимости. На следующий день снимок появился в «Правде», а еще через день во всех московских и фронтовых газетах. Замполиты раздавали его бойцам – «посмотри и передай товарищу».

Темину часто приходилось снимать в разгаре боя. Быть в атаке рядом с бойцами, а иногда и впереди их. Вот, например, объектив встречает первую шеренгу атакующих танков и пехоты, идущей за ними.

– Откуда вы снимали, Виктор Антонович?

– С танка, который выделил мне комполка. Я сидел на броне за башней, мы были впереди других танков и пехоты метров на тридцать-сорок. Я попросил моих танкистов не стрелять, иначе меня сбросит на землю. У меня же обе руки заняты съемкой, мне нечем держаться. Нас прикрывали танки, идущие позади, они стреляли, и снаряды летели справа, слева и надо мной. Когда я «отстрелял» всю кассету, а мне на это было дано ровно три минуты после первого выстрела со стороны наших танков, «мой» экипаж притормозил, и я спрыгнул вниз. Атакующие обтекали меня. Я, оглохший, шел по вспаханному танками

полю назад, к опушке перелеска, где был наблюдательный пункт и где меня ждали… В тот же день кассета улетела в Москву.

В конце февраля 1945 года Темин получил задание из «Правды» – разработать и предложить план проведения съемок водружения Знамени Победы над рейхстагом в Берлине и оперативной доставки снимков в Москву. 1 марта 1945 года Темин направил главному редактору Поспелову свои предложения. Подробно, как они были выполнены, рассказано в главе о былях и небылицах, связанных со Знаменем Победы…

В ночь на 9 мая 1945 года Виктор Антонович запечатлел подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Без приключений тут тоже не обошлось.

– Нас, корреспондентов, – рассказывал мне Темин, – не пускали близко к столу, а с того места, где я находился, хороший снимок сделать было невозможно. Но я все-таки снимал, на всякий случай. И тут в самый ответственный момент один из американских фотографов бросился вперед, его не задержали. Фельдмаршал Кейтель вот-вот подпишет документ, а я могу опоздать сделать снимок. Я делаю отчаянную попытку прорваться, но американцы из охраны меня возвращают. Тогда я опираюсь руками о плечи стоящих рядом моих товарищей Кости Симонова и Бори Горбатова, подтягиваюсь и прыгаю на стол. Кто-то хватает меня за ногу, но я даже не оглядываюсь. Не до того. Устремляюсь вперед, шагая пыльными кирзовыми сапогами по зеленому сукну стола. И снимаю, как склонившийся над бумагой Кейтель ставит свою подпись. Краем глаза вижу, как прорвалась к столу вся наша ватага корреспондентов. Как упал на пол сбитый с ног американец…

Памятная встреча с Жуковым у Темина была уже в Москве за несколько дней до Парада Победы. Узнав, что на торжества в столицу прибывают все командующие фронтами в последний период войны, а это – десять высших военачальников, Виктор Антонович вознамерился их сфотографировать всех вместе. Это оказалось делом чрезвычайно нелегким, потому что дел у них у всех было невпроворот, а времени в обрез. К тому же вместе они никак «не совпадали». Вот Темин и обратился к Жукову с просьбой помочь сделать исторический снимок. Жукову идея понравилась, он рассказал об этом Рокоссовскому. И они решили, так сказать, использовать свое служебное положение – принимающий Парад Победы и командующий Парадом Победы пригласили командующих фронтами в кабинет Жукова, чтобы обсудить детали участия фронтов в праздничном действии. А после короткого разговора Жуков предложил собравшимся сфотографироваться на память и позвал в кабинет Темина. Отодвинули от стола пять стульев поближе к отделанной дубовыми панелями стене напротив окна и разместились в каком-то только им понятном порядке.

Жуков сел в центре, справа от него сели Василевский и Конев, а по левую руку – Рокоссовский и Мерецков. Позади сидящих слева направо встали Толбухин, Малиновский, Говоров, Еременко и Баграмян. У Темина была буквально одна минута на съемку. Как только раздался щелчок, военачальников словно ветром выдуло из кабинета Жукова, разбежались по делам.

На следующий день снимок был опубликован в «Правде». А днем в кабинете редактора газеты Поспелова зазвонил самый главный кремлевский телефон, и знакомый голос, медленно расставляя слова, спросил:

– Скажите, товарищ Поспелов, а что, в этой войне Верховного главнокомандующего не было?..

Что сказал, как оправдывался Поспелов, Темину было неведомо.

Во всяком случае, многие в «Правде» считали, что стул под редактором зашатался. Но все-таки не развалился. Видимо, потому что Верховный в эти дни был добрым и не ставил целью кого-то наказывать за промахи, а только предупреждающе указывал на них.

Судя по тому, что вы сейчас узнали о Викторе Темине, сами понимаете, что подписание капитуляции Японии не могло обойтись без его участия. Это понимали и в Москве, в «Правде»: наверняка на борту линкора «Миссури» мог сработать только такой проверенный во многих делах фотокорреспондент.

…2 сентября 1945 года на борт американского линкора «Миссури», бросившего якоря в Токийском заливе, прибыло около 300 фотокорреспондентов и кинооператоров из различных стран. Для представителей американских СМИ, разумеется, создали самые благоприятные условия рядом с местом подписания документов. Советских же журналистов разместили в метрах 70 от него. У Темина не было телеобъектива, а это означало, что на снимке, сделанном из такой дали, ничего не разглядишь. Виктор Антонович видел, как, взявшись за руки, три цепи американских военных не церемонились с фотокорреспондентами и силой отбрасывали их прочь. Темин решил прибегнуть к уже не раз испытанному в общении с американцами средству. Он заранее запасся тремя баночками черной икры и тремя поллитровками водки. Он вынул из кофра две баночки черной икры и две бутылки водки и предложил американцам обмен: я вам русские сувениры, а вы меня пустите в цепь. Хитрость сработала, для охраны он стал своим, но ненадолго. Вдруг вырвал свои руки из рук «оцепеневших» новых друзей, взбежал на трап и по нему стал быстро подниматься к площадке, где хозяйничали звезды американской прессы.

Там Виктор Антонович вынул из кофра остатки икры и водки и пообещал коллегам, что угостит их после совместной работы. Американские журналисты было уже согласились потесниться для русского друга, но появились офицеры линкора «Миссури», которые пригрозили Тёмину выбросить его за борт,

если он сейчас же не покинет не предназначенную ему площадку для съемки. Темину ничего не оставалось, как броситься к представителю советского военного главного командования генерал-лейтенанту Кузьме Николаевичу Деревянко, который как раз вместе с американским генералом Дугласом Макартуром и главами других союзных делегаций шел к месту подписания последних актов Второй Мировой войны. Поняв, что Темину нужна помощь, Деревянко шепнул ему: «Будь рядом!» И повернулся к Макартуру: «Это мой боевой товарищ и личный фотограф Сталина! Помоги ему!»

Макартур среагировал тут же: «Откуда хотите фотографировать?». Темин показал на площадку, откуда его минуту назад изгнали. Макартур поручил одному из сопровождавших его американских офицеров обеспечить личному фотографу Сталина хорошие условия для съемки. По указанию посланца Макартура американских корреспондентов сдвинули с лучшей съемочной точки и предоставили ее Темину те же офицеры линкора «Миссури», которые грозили выбросить его за борт. Фотокору «Правды», единственному из всех советских журналистов, удалось заснять подписание процедуры капитуляции Японии. Для Темина это был последний снимок военного времени, который обошел весь мир.

С Кузьмой Николаевичем Деревянко Темин был знаком с начала Великой Отечественной войны, бывал у него на фронтах. На мой вопрос, почему именно Деревянко было поручено работать в штабе генерала Макартура, готовить к подписанию и подписывать важнейшие документы об окончании Второй Мировой войны, Виктор Антонович ответил вопросом: «А что, разве в Красной Армии были и другие военачальники, которые владели японским и английским языками, имели опыт работы в разведке и умели спокойно вести штабную работу, не демонстрируя своих амбиций? Думаю, что генерал Деревянко был уникальным человеком и его ценили за эти его достоинства.

– Кстати, по просьбе Сталина Кузьма Николаевич несколько раз побывал в Хиросиме и Нагасаки: изучал последствия американской атомной бомбардировки этих городов в августе 1945 года, потом докладывал свои впечатления Сталину. Считается, что Деревянко способствовал созданию советской атомной бомбы. Но последствия визитов в Хиросиму и Нагасаки стали для Кузьмы Николаевича убийственными: он подхватил там лучевую болезнь и умер от рака в декабре 1953 года, похоронен на Новодевичьем кладбище».

Из различных изданий я узнал некоторые биографические подробности о К.Н. Деревянко, которые свидетельствуют о незаурядности этого человека. Кузьма Николаевич Деревянко (14.11.1904 – 30.12.1954) – боевой генерал – прошел путь от курсанта военной школы до начальника штаба армии и дипломата государственного значения. Учился в Уманской гимназии, потом закон-

чил Харьковскую школу красных старшин, а в 1936 г. – специальное отделение Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Во второй половине 30-х годов организовывал активную помощь китайскому народу в его борьбе с японскими агрессорами. Операция по доставке оружия китайским патриотам через Тянь-Шань и Гоби в 1936 – 1938 годах осуществлялась за завесой полной секретности. За выполнение этого задания капитан Деревянко был награжден орденом Ленина.

Во время Великой Отечественной войны как начальник штаба нескольких армий сражался в составе Северо-Западного, Степного, 2-го и 3-го Украинских фронтов; принимал непосредственное участие в боях на Валдае, в ликвидации Демьянского котла, потом в Курской, Белгородско-Харьковской, Корсунь–Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишиневской, Будапештской, Балатонской и Венской операциях. Его имя не один десяток раз звучало по радио в приказах Верховного Главнокомандующего в связи с присвоением ему высоких званий и почетных наград.

Генерал-лейтенант К. Н. Деревянко выполнял важные дипломатические миссии: представитель СССР в союзническом Совете по Австрии (1945 г.); представитель Главного Командования Советских войск на Дальнем Востоке (1945 г.); Член Союзного Совета для Японии от СССР (1946 – 1950 гг.).

Его заслуги в Великую Отечественную войну были отмечены тремя полководческими орденами– Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого. Генерал Деревянко был удостоен и наград зарубежных стран. Друзья и родственники вспоминают о нем как о человеке с яркими чувствами и пристрастиями, мужеством и выдержкой. Определил в разведку, а затем в училище своего пятнадцатилетнего сына, дважды успешно сбегавшего на фронт из глубокого тыла, каким был Челябинск. Любил музыку. В ещё не полностью освобожденной Вене поручил сыну найти могилы великих композиторов, а когда тот нашел кладбище, где похоронены Штраус, Шуберт, то дал денег и поручил купить большие букеты живых цветов и возложить их на эти могилы. Очень сожалел, что могила Моцарта неизвестна…

Летом 1972 года я побывал у Темина в Москве. Он жил на улице Молодогвардейской в трехкомнатной квартире.

Тогда за чаем Темин спросил меня:

-Знаете, как я переехал из моей двенадцатиметровки на эту жилплощадь? Благодаря Рэндолфу Херсту – самому богатому американскому полиграфическому и газетному магнату. В конце сороковых годов он приехал в Советский Союз, чтобы встретиться со мной и познакомиться с моим архивом. Были разные проволочки со стороны компетентных органов, но потом мне позвонили из ЦК и велели принять зарубежного гостя. Я отказался: представляете, как

я буду выглядеть в его глазах, когда он появится в моей коммуналке?.. В ЦК всполошились, действительно, что подумает босс о жизни наших журналистов с мировыми именами. За неделю мне подыскали эту квартиру, обставили добротной мебелью. И здесь я принимал и угощал по-русски американского гостя. Правда, ушел он от меня не довольным: свой архив продать ему я отказался, хотя речь шла о громадных суммах в долларах, и на предложение уехать вместе с ним в США, естественно, прихватив архив, я тоже ответил – нет…

Виктор Антонович Темин скончался в 1987 году, прожив 79 лет..

К 800-ЛЕТИЮ Н.НОВГОРОДА

- Михайлов М.М., Шайхутдинова М.В. «Место, где возрождается духовность»
-

М.М. Михайлов,
учитель истории и краеведения школы №44 г. Н.Новгород,
М.В. Шайхутдинова,

«МЕСТО, ГДЕ ВОЗРОЖДАЕТСЯ ДУХОВНОСТЬ»
(Храм Пророка Божьего Ильи. Новейшая история)

К 515– летию создания Храма Пророка Божия Илии
и 25-летию с начала восстановления

В преддверии 800-летия Нижнего Новгорода мы почти ежедневно слышим о новых проектах и идеях, призванных «принарядить» наш город к юбилею, сделать его более современным, комфортным и привлекательным для туристов со всего белого света, которых в наш век всеобщей информированности, вообще-то, нелегко чем-либо удивить.

Но по нашим наблюдениям, сегодня по-настоящему удивляет, не столько тот факт, что довелось, наконец, увидеть своими глазами какой-то уникальный объект культурного наследия, о котором мы когда-то только в книгах читали, но гораздо больше поражает то обстоятельство, что «чудо света» оказывается давным-давно уже находится в двух шагах от нас, а мы про это и не знали! Вот уж по истине, очевидное – невероятное! То, что видели ежедневно очи, оказывается имеет невероятную историю, только скрытую от нас до поры-до времени.

К таким замечательным открытиям можно отнести историю храма Пророка Божьего Ильи, что уютно притулился на склоне Ильинской горы, почти

у самого подножья Кремля. Если смотреть издали, то возникает ощущение, что и сама церковь, чуть ли не чудом зацепилась за край обрыва, как когда-то пушечное ядро разрушило шатёр мурзы ногайского и поразило его.

К сожалению, немногие нижегородцы расскажут вам где находится этот храм, а уж об истории его создания и подавно. Между тем, это одна из древнейших церквей нашего города, с ней связано красивое историческое повествование, которое нам впервые мастерски пересказал известный писатель П.И. Мельников (Андрей Печерский).

Замечено, что во время прогулки по исторической части города, вниманием экскурсантов любого возраста неизменно завладевает такое начало экскурсии:

«…В далеком 1505 году на Нижний Новгород напали казанцы и ногайцы. Они разорили окрестности Нижнего и окружили нижегородский Кремль, который тогда не имел еще каменных укреплений. Воевода Хабар Симский не имел в своем распоряжении достаточно войска для обороны города, по численности силы были слишком неравными. Он вынужден был просить подмоги у Москвы, и к Нижнему отправились отряды дружинников. Но и враг отступать был не намерен, татары и ногайцы готовились штурмовать город со дня на день…

Спасительное провидение осенило воеводу – если нельзя победить числом, можно победить «военной хитростью». У нижегородцев имелись пушки, захваченные в боях с литовцами, но стрелять из этого нового оружия русские в те времена еще не научились. А городском остроге томились пленные литовцы, как их тогда называли «огненные стрельцы». Хабар Симский предложил им помочь нижегородцам в обороне города, в обмен на свободу из плена и награду. Пленный литовец Федя Литвич метким выстрелом из пушки попал в шатер Мурзы ногайского, шурина казанского предводителя Мехмед-Эмина. Ядро, попавшее прямо в грудь, сразило его в одночасье. Ногайцы, убежденные, что русские стрелять не умеют, посчитали, что это казанцы взорвали порох. И «началась сеча ногае с ордынцами, аки «вороная стая»

Ильинский храм до разрушения

и много у града паде с обеих сторон». Оставшиеся в живых захватчики в панике отступили от стен Нижнего и город был спасен.

Воевода Иван Васильевич по прозванию Хабар Симский, сдержал свое слово и, щедро наградив литовцев, отпустил их на свободу. Многие из них вернулись на родину, а тем, кто пожелал остаться, были выделены для обустройства участки земли в районе современной улицы Верхне-Волжская набережная, там образовалась панская слобода».

Среди первых публикаций перестроечного времени широкой популярностью у гостей города и нижегородцев пользовался краткий путеводитель по старому городу Л. М. Смирновой и Т.П. Званцевой «Церкви Нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие» (Н.Новгород, 1991). На страницах 68 – 69 читаем: «Остановившись около больницы водников, вы увидите невдалеке с левой стороны с трудом узнаваемое здание обезглавленной церкви. Здесь пекарня. Вместо маковок торчат грязные уродливые трубы, колокольня уничтожена. Это была одна из самых почитаемых в Нижнем церковь святого Пророка Ильи. По ее имени называлась и длинная, богатой застройки улица. Храм Божий поставили здесь в 1506 году на историческом месте. Здесь, среди осаждавших Нижний татар, был убит наповал их военачальник, шурин хана Мехмед–Амина. …В 1655 году священник Стефан построил вместо деревянного каменное здание храма, опоганенные остатки которого вы и видите. <…> Поражает, что церковь Ильи Пророка никогда не блистала великолепием внутренней отделки и богатством утвари, – напротив, была «тесна и не богата, сравнительно с прочими храмами Нижнего Новгорода» Это была святыня воистину духовная и любимая. Нельзя не ужаснуться, глядя на нее сейчас».

О наступлении лучших времен для этого нижегородского храма, прежде всего можно было догадаться уже о факте выхода в свет подобного издания.

Постепенно стали культивироваться и идеи воспитания у порастающего поколения бережного и уважительного отношения к историческому наследию своей страны, а также к истории родного края.

Хлебозавод №6 слева, южный фасад храма, 1995 г.-справа

Старинное повествование, которое довел до нас известный писатель и один из первых нижегородских краеведов, уже несколько веков волнует сердца все новых поколений горожан.

С особым чувством волнения вспоминают сегодня бывшие выпускники школы №54 Советского района о том, как узнали о подвиге легендарного Феди Литвича от своего учителя истории М. М. Михайлова, который еще в годы студенчества, работая над дипломной работой, посвященной жизни и творческой деятельности П.И. Мельникова-Печерского, навсегда проникся любовью к краеведению и с вдохновением стал развивать эти чувства у своих учеников.

По их воспоминаниям, начинающий тогда педагог сумел увлечь своими знаниями юных краеведов, и ребята с большим энтузиазмом взялись «поведать миру» о нижегородских былях и легендах в школьных спектаклях. Одной из самых удачных и запоминающихся музыкально-литературных композиций стала постановка «Жолнеряне, спасшие Нижний Новгород в 1505 году». Как в настоящем театре в подготовку была вовлечена чуть ли не вся школа; дело нашлось каждому – мальчики на уроках труда вместе с учителем сделали деревянный макет пушки, из которой должен был стрелять литовец, девочки на уроках домоводства шили костюм для героя: белые полотняные штаны и рубаху, учитель музыки и заместитель директора по воспитательной работе помогали подобрать музыкальное сопровождение, часть реквизита предоставил районный Дом пионеров. Благая идея, как по волшебству, вдохновила, захватила и объединила и учеников, и учителей «от мала до велика».

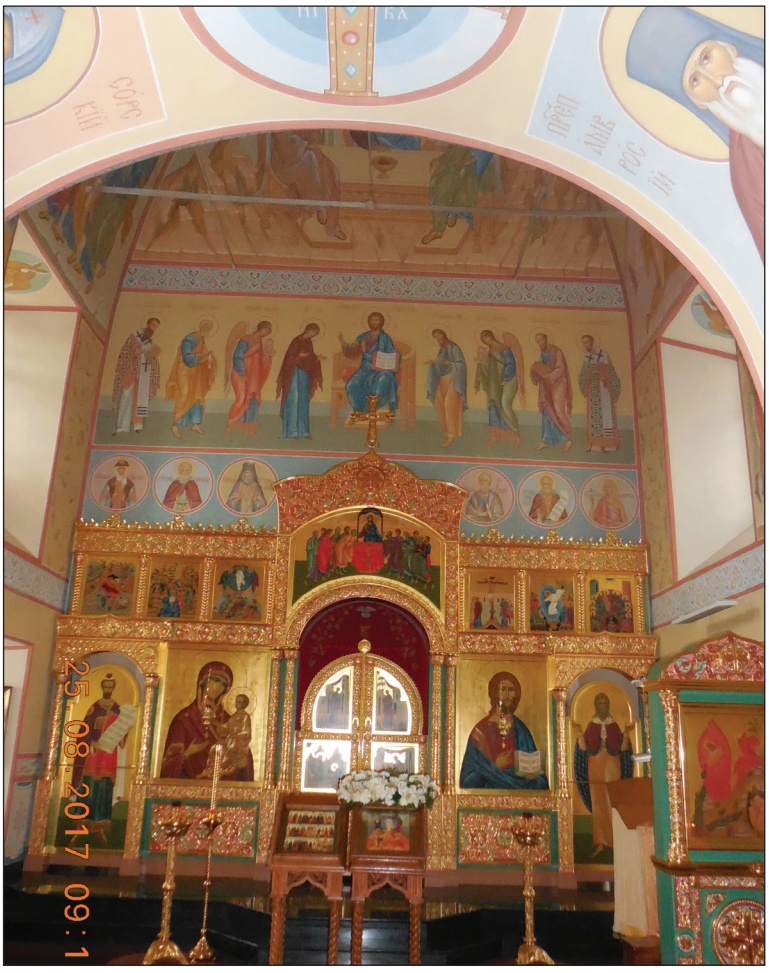
...И вот, наконец, пред взором публики предстал томящийся в темнице нижегородского острога, который в те времена находился на территории кремля, измученный пленом Федя Литвич…после согласия оказать помощь нижегородцам в обмен на свободу его, едва живого, чуть ли не под руки волокут на сцену дружинники Хабара Симского и подводят к пушке. Зал замер…раскат громового «пушечного выстрела» раздается по всему зданию школы и сочетается с эффектной «дымовой завесой»… Ура! Враг в страхе покинул городские стены! Неподдельному ликованию публики в зале, как пять веков назад радости нижегородцам нет конца!

Любопытно, что участие в школьной постановке так проникло в душу «молодых артистов», что переросло в серьезное увлечение театром и для некоторых стало делом жизни. В частности, известный сегодня многим нижегородцам, как артист и режиссер Театра кукол, художественный руководитель Театра кукол в г.Кстово, а также преподаватель нижегородского театрального училища им. Е. Евстигнеева Марат Сабиров, дебютировал на школьной сцене в роли воеводы Хабара Симского и помогал поставить литературно-музыкальную композицию. Тогда в 1996 году интерес к нижегородской истории и куль-

турному наследию объединил для участия в постановке ребят разных национальностей, среди них были и русские, евреи и татары.

Один из вопросов на городских конкурсах юных краеведов традиционно звучит так: «Назовите имя героя, который вначале был врагом и сидел в темнице, а затем спас Н.Новгород. Ответ – Федя Литвич (Литвин), и то, что на месте, где согласно преданию, упало ядро поразившее ногайского мурзу нижегородцы возвели церковь во имя Ильи Пророка, покровителя пушкарей – как показывает опыт, также известен подчас не всем представителям подрастающего поколения….

Хочется верить, что этот храм с пятивековой историей охраняют Высшие силы, которые уберегли его и не дали совсем уничтожить в годы богоборчества. Хотя гонениям подвергались и прихожане, и священнослужители. В начале XX века настоятелем храма был священник Василий Адаменко. Ревностным уставным богослужением, проповедью, внимательной исповедью он привлек в храм много прихожан, так что при храме образовалась сплоченная община. Последний раз он служил в Ильинском храме Всенощную на Знамение Божией Матери 9 декабря 1931 г. Затем был арестован выслан в Красно-Вишерские лагеря, затем в Карагандинский лагерь, находясь в котором организовал библейский кружок, за что 14 ноября 1937 года о. Василий был приговорен к высшей мере наказания и вскоре расстрелян. Сейчас на фасаде храма слева от входа, расположен гранитный мемориальный крест с именами священнослужителей храма, пострадавших в годы лихолетья.



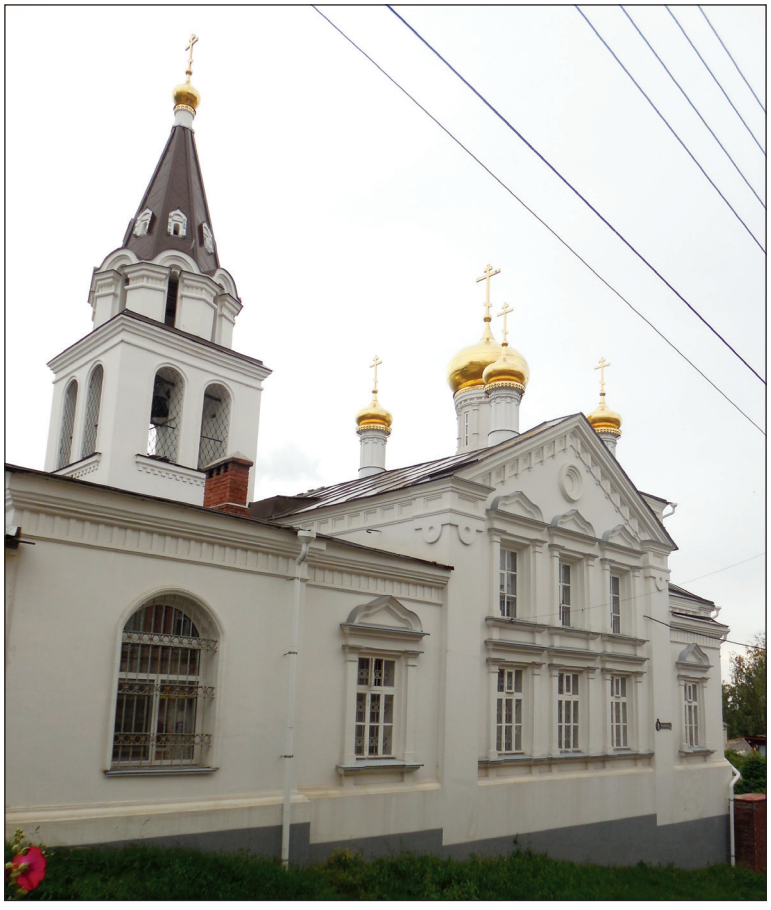
Храм внутри, расписана центральная часть (четверик), фото Шайхутдиновой М.В., 2017г.

К счастью, в наши дни адрес церкви, как и само здание, можно легко найти в любом справочнике: ул. Ильинская, д.9. Несмотря на то, что всего двадцать пять лет назад с первого раза его не смог отыскать даже священник, о.Николай Горбатовский, который был назначен настоятелем.

Описание деревянного храма Ильи Пророка имеется в Нижегородской Сотной Грамоте 1621 года. Согласно ей, церковь была клетского типа, с папертями и колокольней, на которой висело три колокола. Деревянная церковь просуществовала до 1655 года, когда вместо обветшавшего храма был построен новый каменный, «тщанием священника Стефана». Церковь была одноглавой; при ней имелась каменная колокольня. В 1717 году этот храм после Большого пожара 1715 года был возобновлен и вновь освящен и при возобновлении был пристроен с северной стороны трапезный предел во имя св. вмч. Мины Египтянина (освящен в 1722 году). В 1762 году этот храм опять пострадал от пожара и вновь был возобновлен. В таком состоянии здание оставалось до 70-х годов XIX столетия, дав название улице и возвышенности, называемой «Ильинская гора».

Затем перестройка происходила в течение 1875 – 1877 гг. по проекту нижегородского архитектора Н. Кострюкова. Перестройка проходила в два этапа (им соответствуют и два проектных чертежа). В 1875-76 гг. четверик получил 4 малых главы на глухих барабанах по углам; была выстроена новая, расположенная по поперечной оси трапезная; притвор с примыкающей к южной части часовней, а в 1877 году одноапсидный алтарь был заменен новым трехабсидным. Таким образом, от древнего здания остались лишь четверик и колокольня.

Храм оставался действующим до 1932 года, после закрытия началось постепенное его разрушение…



Южный фасад храма 2017 г.

Затем здание храма переоборудовано в цех по изготовлению сухофруктов, а впоследствии здесь разместился сухарный цех хлебозавода № 6.

В 1995 году помещение было передано в пользование православной общине. И на глазах у нижегородцев Храм вновь начал возрождаться…

К настоящему времени произведен капитальный ремонт с полной заменой кровли, заново подведены все коммуникации (отопление, электричество, водопровод, канализация, газ, телефон),

произведены работы по укреплению фундамента храма. Сделано газовое отопление, для чего построено отдельное топочное помещение для газовых котлов. Поставлены купола, в 2004 году заново сооружена колокольня. Ведется внутренняя реконструкция: восстановлен придел с престолом во имя Святых семи отроков Эфесских. Практически завершены все инженерные работы; по выполнению штукатурных работ внутри храма, появилась возможность приступить к росписи стен, уже расписан четверик. Особая гордость – новый пол с утеплением и гранитным покрытием.

Для завершения восстановительной деятельности требуются дорогостоящие противооползневые работы на территории храма, укрепление склона, современное покрытие прилегающей территории брусчаткой.

Как в старые добрые времена люди тянутся к этому легендарному и удивительному месту в надежде обрести покой, защиту, духовность. В храме небольшая, но очень сплоченная община, состоящая из деятельных, душевных и интеллигентных людей. Каждый приходящий сюда, благодаря участию в общем деле восстановления церкви и богослужений, может почувствовать свою необходимость и полезность. На наш взгляд, главное, что руководит людьми в этой подвижнической деятельности – это естественное желание стать лучше, стремление к самосовершенствованию.

Так историческое событие сохранилось и живет в памяти народа в виде замечательного поучительного повествования, а благородная идея – защита отечества от врагов, благодарность Богу за помощь в ратных делах, вновь способствует объединению людей и помогает возрождению духовности.

Постскриптум:

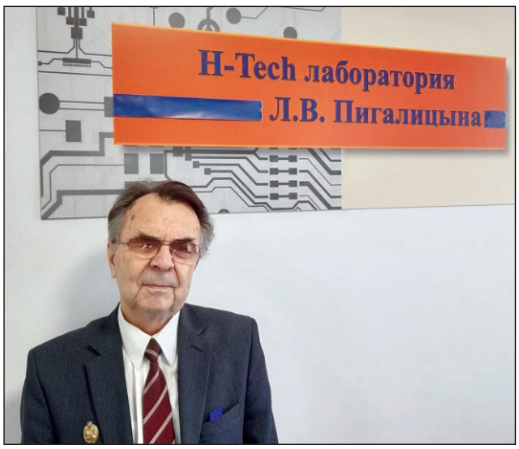
Краеведы до сих пор расходятся во мнениях о достоверности трактовки исторических событий, о которых идет речь в легенде, пересказанной М.И. Мельниковым-Печерским. В частности, в книге Ф.А. Селезнева «История Нижнего Новгорода». Н.Новгород, 2020, с.75-76, высказана точка зрения, подвергающая сомнению вышеупомянутое место гибели предводителя ногайского войска.

К ДНЮ УЧИТЕЛЯ

- Пигалицын Л.В. Учитель и космонавтика
- Березина Т.Ю. Пусть говорит история…
- Квач Н.В. Школьные годы чудесные
- Галай Н.Н. Мои учителя
- Новокрещенова Т.М. «Воспитывала, как своих детей…»

УЧИТЕЛЬ И КОСМОНАВТИКА

Воспоминания члена Федерации Космонавтики РФ, народного учителя РФ, учителя физики и астрономии Пигалицына Л.В.



В далеком детстве я никогда не думал, что в будущем меня с Космосом будет связывать очень многое. А началось это еще в начальной школе. В то время мы жили мы в поселке Новое Доскино Автозаводского района г. Горького. Это был, по сути дела, спальный район Горьковского автозавода. Осенью 1949 года, когда я учился в третьем классе, наша учительница Тамара Ивановна Чумакова свозила нас в Горьковский планетарий. Это было чудо. Меня настолько заинтересовала астрономия, что я решил сделать собственный планетарий. На чердаке нашего дома нашел старый медный круглый самовар. Гвоздями разных диаметров сделал на корпусе отверстия в виде основных созвездий, а вместо трубы для углей вставил керосиновую лампу. В сарае натянул простыню и на ней появлялись практически не сфокусированные созвездия. Но они все-таки были. На них приходили смотреть соседские ребятишки и взрослые. Восторгу не было предела. Жаль, что со временем этот самодельный планетарий куда-то делся. Обещал сделать аналог для музея Горьковского планетария, но пока не сделал. Возможно сделаю со временем.

Следующим толчком к изучению астрономии стали уроки астрономии в 10 классе, которые прекрасно проводила Раиса Георгиевна Дегтева. А какие интересные ночные наблюдения звездного неба мы проводили. Поэтому астрономия стала после физики еще одним из моих любимых предметов.

После окончания школы я поступил учиться на физико-технический факультет Муромского педагогического института. В середине июля 1957 года из областного центра, г. Владимира мы в составе студенческого отряда выехали в Казахстан помогать убирать урожай целинникам. Ехали мы в товарном вагоне, на матрасах с сеном. Настоящая романтика.

Приехали мы в г. Павлодар, а оттуда на машинах в совхоз Береговой Максимо– Горьковского района Павлодарской области Казахской СССР. Работа была разная: девочки, в основном работали на копнителях (это такие прицепы к комбайнам, в которые собиралась солома), а мальчики на различных видах сельскохозяйственной техники. В конце августа я получил трактор «Беларусь» МТЗ– 3 и я, долгое время работал на этом тракторе, возил зерно, силос и многое другое. В сентябре мне дали прицепной комбайн «Сталинец 6». Его таскал

местный тракторист на тракторе С 100. Сначала убирали подсолнечник, а потом пшеницу.

4 октября 1957 года около 2 ночи я остановился – упала роса и косить пшеницу было нельзя. Слез с комбайна, лег под копну соломы и включил транзисторный радиоприемник. Вдруг в динамике раздался голос Ю. Левитана: «Сегодня в Советском Союзе запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Его можно видеть в Северном Казахстане в виде маленькой летящей звездочки». А я тут, как тут – лежу в Северном Казахстане под копной соломы. Небо ясное, облаков нет. Гляжу летит маленькая звездочка. Прикинул в уме время одного оборота (я же физик) и летящий светящийся спутник я видел три раза. Вот так я почти первый встретился с первым искусственным спутником Земли.

За работу на целине мне вручили знак ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель» и Почетную грамоту ЦК КПК Казахстана за подписью второго секретаря ЦК Казахстана Брежнева Леонида Ильича, будущего Генерального секретаря ЦК КПСС.

Более серьезное изучение астрономии было на третьем курсе педагогического института. При изучении курса я получил основное астрономическое образование.

Интересный случай произошел на пятом курсе. В апреле месяце 1961 года мы проходили производственную практику на Горьковском Автозаводе. Мы с однокурсником Юрой Цветовым работали на конвейере по сборке автомобиля «Волга». Привинчивали задние подвески.

А 12 апреля 1961 года в 10 часов утра, с улицы через открытую дверь цеха какой-то мужчина прокричал: «Человек в космосе!». Мы с Юрой тут же побежали на улицу, а там в уличном громкоговорителе раздался голос Ю. Левитана о первом полете человека в космос. Им был Юрий Алексеевич Гагарин. Это был настоящий праздник с радостными слезами на глазах. Так мы стали свидетелями первого полета человека в космос.

С конвейера нас, конечно, выгнали. Представьте – впервые остановился конвейер сборки автомобиля «Волга». Нас наказали – заставили обкатывать только что собранные машины «Волга». Обкатывать было очень интересно. Представляете – с конвейера сходит новая «Волга». В бензобак заливается несколько литров бензина. Ты садишься за руль и поехали на специальных катках на всех режимах. Вначале было здорово, но под конец смены, когда ты обкатаешь около 30 машин – головы разламывается и очень болят руки и ноги.

После этого мы много лет были восторженными свидетелями полетов в космос собак – Лайки, Белки и Стрелки. Фотографирование обратной стороны Луны, выход в открытый космос Алексея Леонова в 1965 году, орбитальные

станции типа «Салют» начатые в 1971 году. Следили за движением Советских «Луноходов» по поверхности «Луны». Кто знал, что через два десятка лет мы будем друзьями с испытателем орбитальной станции «Салют – 7» космонавтом Александром Александровичем Серебровым и водителем советских луноходов Вячеславом Георгиевичем Довганем.

В 1999 году вместе с Леонидом Семеновичем Авербухом и школьниками из 40 лицея Нижнего Новгорода ездили на солнечное затмение во Францию. 12 августа недалеко от города Компьень наблюдали полное солнечное затмение. Это было настоящее непередаваемое чудо!

29 марта 2006 г. принимал участие в экспедиции по изучению полного солнечного затмения на Эльбрусе. Экспедиция была организована Нижегородским ПоЦАКО и Педагогическим университетом. В составе экспедиции были ученые, студенты и любители астрономии из Нижнего Новгорода, Москвы, С-Петербурга, Мурома и др. Отчет об экспедиции на сайте www.fizika-wt.ru

3 апреля 2007 года провел «Мастер-класс» в Московском военном институте радиоэлектроники космических радиотехнических войск в подмосковной Кубинке. Организатор поездки мой друг – водитель советских Луноходов Вячеслав Георгиевич Довгань. Тема «Мастер-класса»: «Теория и практика подключения внешних устройств к портам персонального компьютера – GAME, LPT, COM и USB»

Затем практически каждый год происходили знакомства и дружеские встречи с космонавтами В. Зудовым, В. Ляховым, Ю. Батуриным, Г. Гречко, И. Волком и другими. Неоднократно бывал в «Звездном городке», Центре управления космическими полетами и в корпорации «Энергия» в которой разрабатывались космические корабли.

Дважды с моими учениками я проводил сеансы космической связи с МКС, командиром которой был в обоих случаях космонавт Г.И. Падалко.

Интересное знакомство состоялось с космонавтом Сергеем Ревиным. Мы встретились с ним в тот период, когда он готовился «Звездном городке» для полета в Космос. Во время беседы выяснилось, что он параллельно учится в аспирантуре МГПИ им. Ленина в г. Москве. Когда я у него поинтересовался – зачем космонавту педагогика, то ответил, что в будущем на орбите он хочет продолжить программу «Уроки из космоса» так, как это делал космонавт его наставник А.А. Серебров. Кстати, мне А.А. Серебров подарил три свои видеокассеты «Уроки из космоса», которые я успешно использовал на уроках физики и астрономии. В связи с этим я предложил Сергею Ревину проводить физические эксперименты одновременно в космосе и на Земле. А потом показывать их по телевидению. Естественно, результаты опытов будут отличаться – и закономерно перед детьми возникнет проблема «Почему?». Он согласился,

и мы сейчас работаем над этой проблемой. Дело тормозит то, что наши космонавты летают на станцию МКС редко и выполняют другие функции.

Для того чтобы привлечь учителей физики и астрономии к активной деятельности мы в 2007 году создали Нижегородскую Ассоциацию учителей физики и астрономии. Меня выбрали Президентом ассоциации. Я создал сайт ассоциации, который существует до сих пор – www.aufia-nn.ru. Кроме этого на всероссийской конференции учителей астрономии мы создали Российскую Ассоциацию учителей астрономии во главе которой поставили меня. Н.Н. Гомулина из Москвы создала уникальный сайт Российской ассоциации. В настоящее время обе ассоциации активно функционируют и пользуются авторитетом у учителей.

В 2017 году мы совместно с научным руководителем Нижегородского планетария З,П. Ситковой возродили Нижегородский кружок любителей физики и астрономии (НКЛФА), который был основан в 1888 году. Председателем кружка избрали доктора ф-м наук Беллюстина Н.С., а я вошел в члены правления кружка и создал в нем «Образовательную секцию».

В январе 2020 года меня пригласили в г. Москву на конференцию фонда «Траектория». Там я выступил с лекцией «Система астрономического образования в школе». С ней можно познакомиться на моем канале в Yuotub.

Так что несмотря на преклонные годы, моя астрономическая жизнь продолжается и я, надеюсь, что в будущем стану свидетелем новых астрономических явлений и открытий.

Вот такая оригинальная связь получилась у учителя физики с Космосом.

Познакомиться с моими работами можно на сайтах и площадках:

www.aufia-nn.ru – сайт Нижегородской Ассоциации учителей физики и астрономии.

www.fizika-wt.ru – сайт по физике и вычислительной технике.

www.nrl-nn.ru – сайт музея Нижегородской лаборатории.

Видеоканал на yuotube – «Лев Пигалицын».

Социальные сети: «Одноклассники», «Facebook», «В контакте».

Т.Ю. Березина , завуч школы №177г. Н.Новгород
Фотографии предоставлены Е.А. Копеловичем и М.А. Чириковым

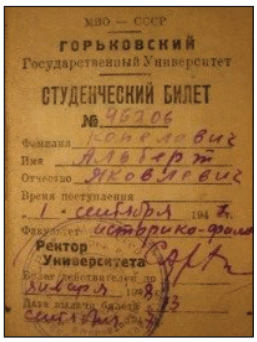
ПУСТЬ ГОВОРИТ ИСТОРИЯ…

«Горький – КОПЕЛОВИЧ» Именно так расписался на рейхстаге в Берлине Альберт Яковлевич Копелович.

В 19 лет он ушел на фронт. Служил в 169-ом батальоне аэродромного обслуживания 4-ой Воздушной армии 2-го Белорусского фронта. А в душе жила мечта работать в школе, преподавать историю. Но пока… пока молодой горьковский парень сам стал творцом истории Великой Победы.

Год 1941-ый. За плечами – средняя школа, работа вожатым и большие планы, которые перечеркнула война. Копелович А.Я. призван в РККА Свердловским РВК города Горький.

Год 42-ой, 43-ий … Альберт Яковлевич – старшина автомобильной роты, замполитрук. Обслуживание самолётов, поддержание аэродромов в постоянной боевой готовности, их маскировка – всё это входило в обязанности старшины Копеловича. Потом была битва под Москвой, было освобождение Польши, был Берлин. Но главное – была мечта о мирной жизни.



А мечты должны сбываться. После войны Альберт Яковлевич заканчивает историко-филологический факультет горьковского университета имени Лобачевского.

Занимался общественной работой, работал учителем, заместителем директора в школе. Ведь в душе Альберт Яковлевич всегда носил воспоминания о годах работы вожатым в пионерском лагере.

Мир шумных девчонок и мальчишек с их вопросами и идеями, мир непростой, но очень интересный – такой виделась работа Альберту Яковлевичу. У него уже была семья. Жена – тоже педагог, в будущем – народный учитель СССР, заслуженный учитель школы РСФСР. Галина Львовна Королёва полностью поддерживала начинания своего мужа.

Так и «родилась» новая школа.

Королева Г.Л.

В начале 1963 года Горисполкомом города Горького было принято решение о строительстве новой школы в рабочем центре Ленинского района. Среди болотистой местности, в окружении двухэтажных домов «народной стройки» в мае 63-го поднялся первый этаж новой школы. В начале июня директором новой школы назначен Копелович Альберт Яковлевич. Здание возводили типичное по тем временам. Но именно Альберт Яковлевич вносил корректировку в планирование прямо по ходу строительства: в школе появляется большой актовый зал, появляются кабинеты ритмики и музыки. В канун 1964 года госкомиссия с оценкой «хорошо» принимает от строителей здание новой школы.

Ключ от школы получает первый директор

1 января 1964 года школа приняла своих учеников. В новые стены вошли ребята из разных школ. Разные навыки и привычки, взгляды и наклонности. Нужно было объединить и увлечь детей, найдя особые направления в работе. На одном из первых педагогических советов, как вспоминают старожилы школы, Альберт Яковлевич предложил: «Давайте возьмем курс на широкое, разностороннее эстетическое воспитание ребят». Многие тогда засомневались: Получится ли? С чего начать? Какой должна быть система этого воспитания? Подобных школ в городе, да и в стране, в те годы не было. Но Альберт Яковлевич не боялся нового, не боялся трудностей. Нашлись и единомышленники.

Первый педагогический состав школы

В школе 177 Ленинского района г. Горького начались два учебных процесса одновременно: общеобразовательный и музыкальный. В школе открылись музыкальные, хоровые и студии изобразительного искусства. Принимали всех. И вот в школе зазвучала музыка: в актовом зале занимался хор, в кабинете ритмики танцевал класс, в спортивном зале шла музыкальная разминка. Особый урок был в этой школе – урок эстетики. Но эстетикой было пронизано и всё пространство школы: у каждого этажа – свой цвет, своё оформление и много цветов (специальные оконные горшки Альберт Яковлевич привёз сам из Сочи). Цветы были даже на перилах лестниц.

Директор проводит экскурсию по школе

Копелович А.Я. показывает кабинет географии

И вот, спустя несколько лет, в горьковскую общеобразовательную школу № 177 поехали педагоги и ученые из других городов и даже стран. Смотрели, изучали, удивлялись. И, уезжая, единодушно говорили: «У вас есть, чему учиться».

Школьный хор выступал в Горьковской консерватории

А Альберт Яковлевич понимал, что нельзя останавливаться, что нужно искать новые формы эстетического воспитания. В школе создаются духовой оркестр, струнный оркестр, музыкально-хоровая студия.

Копелович А.Я. вручает награду хору

В 1969 году школа Копеловича была представлена на ВДНХ по эстетическому воспитанию. 12 учеников и 6 педагогов были награждены серебряной медалью.

О школе писали. Писали о педагогах. И Альберт Яковлевич понимал, что его школа – это то место, где не только учат читать и считать.

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ
В ГОСТЯХ У ШКОЛЬНИКОВ

«Родина слышит, Родина знает...» — поет пятиклассник Коля Родин. Он заметно смущается. Еще бы! Ведь это не просто концерт школьной самодеятельности: в зале вместе с ребятами сидит и Д. Д. Шостакович, автор этой чудесной песни, мужественной и ласковой. С этого вечера Дмитрий Дмитриевич — председатель совета клуба любителей музыки в 177-й школе.

Школа эта — самая новая в Горьком: занятия в ее удобном, просторном и светлом здании начались только после зимних каникул. Клуб — и того моложе. Школьники решили создать его совсем недавно, в дни подготовки к фестивалю. Тогда-то они и послали письмо Дмитрию Дмитриевичу, приглашая его в свою школу.

— Мы любим музыку и хотим о ней много знать, — говорит, приветствуя гостей, ученик 8 класса Володя Колобов.

В плане клуба много интересного: занятия кружков — хоровых, фортепьянного, аккордеонистов; музыкальный лекторий для детей и родителей, встречи с музыкантами и композиторами. Во всем этом школе поможет Горьковская филармония — так обещал ребятам главный дирижер И. В. Гусман.

— Я очень обрадован этим обещанием, — говорит Дмитрий Дмитриевич. — Союз композиторов, конечно, тоже может вашему клубу. Нужно будет, пришлем ноты, пластинки. Позовете — приедем!

В книге почетных посетителей клуба появляется первая запись. Ее сделал Д. Д. Шостакович. Он желает ребятам больших успехов.

Фото Н. Капелюша.

В 1970 году школа вторично представляет на ВДНХ свой опыт работы и получает Диплом Почета.

Гостями школы за эти годы были многие великие люди. В феврале 1964 года школу посетил композитор Д.Д. Шостакович. Ознакомившись с успехами всего педагогического коллектива в музыкальном образовании и эстетическом воспитании школьников, Дмитрий Дмитриевич подарил школе партитуру своей знаменитой 7-й симфонии.

Почетными гостями школы были художники Никифоров, Левицкий, композитор Благовидов. Жена скульптора Сергея Павловича Дуденкова преподнесла в дар школе бюст Чайковского.

Альберт Яковлевич знал, что школа – это семья, а в каждой семье должны быть свои традиции,

которые будут объединять. Такими традициями стали ежегодные фестивали искусств. Это -событие, к которому готовились все: разучивали песни и танцы, мастерили костюмы и декорации. А потом с трепетом ждали решение жюри о том, кто проходит на заключительный концерт. Пожалуй, сегодня в школах не так много мероприятий, которые собирают полные залы учеников всех классов, родителей, педагогов и выпускников разных лет. В школе Альберта Яковлевича одним из таких дней был гала-концерт школьного фестиваля искусств.

Альберт Яковлевич в составе жюри школьного фестиваля искусств

День рождения школы № 177

А еще днем, объединявшим всех в родной школе, было 11 января – День рождения школы. Именно в этот день ежегодно в школе был праздник. В школу возвращались выпускники разных лет. В актовом зале и классах звучали стихи, песни, слова благодарности и воспоминания.

Батуков В.К. подарил сборник своих стихов Альберту Яковлевичу

В 1965 году по инициативе Альберта Яковлевича, фронтовика, ветерана Великой Отечественной войны, школа начала поисковую работу. Школьники собирали материалы о боевом пути и ветеранах 89/160 Белгородско-Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии, которая была сформирована в 1940 году в городе Горьком и первой ушла на фронт в 41-ом. Эту работу в школе вел военно-патриотический клуб «Факел» под руководством заслуженного учителя РСФСР Батукова Виктора Константиновича.

21 мая 1966 года – первая встреча

В 1966 году был открыт музей дивизии и во дворе школы установлен памятник погибшим воинам. В мае 1966 года в школу съехались ветераны дивизии более, чем из двадцати городов Советского Союза на первую встречу.

Пять раз ветераны дивизии со всех уголков нашей страны собирались в стенах школы. Самой многочисленной была встреча в 1980 году, в год 35-летия Победы – приехало 242 ветерана.

Кроме личных встреч, следопыты школьного клуба «Факел» вели переписку с 946 бывшими воинами дивизии.

Альберт Яковлевич понимал, что работа в школе невозможна без патриотического воспитания, но не только словами, а практическими делами: члены военно-патриотического клуба «Факел» побывали на местах боев дивизии, встречались с ветеранами в других городах, своими руками собирали экспонаты для музея.

Фестивали, кружки, встречи с интересными людьми, уютная обстановка и многое другое – всё это выделяло школу Копеловича. И поэтому выпускники приводили в эти стены своих детей и возвращались в нее учителями. За годы работы директором Альберт Яковлевич своим примером воспитал столько педагогов, что можно создать целый педагогический коллектив для новой школы.

Помните: «ГОРЬКИЙ – КОПЕЛОВИЧ»? К этим словам воина-победителя нужно добавить сбывшуюся мечту, и будет то, ради чего жил этот удивительный человек.

«ГОРЬКИЙ – КОПЕЛОВИЧ – ШКОЛА»

Именно так запомнили 177-ю её ученики и педагоги на многие-многие годы.

На пенсии А.Я. Копелович постоянно приходил в школу и щедро делился воспоминаниями, профессиональным и жизненным опытом.

Копелович Альберт Яковлевич, ветеран Великой Отечественной войны, награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Москвы», орденом Трудового Красного Знамени, директор школы № 177 города Горького с 1963 по 1983 год.

Двадцать прекрасных лет. Спасибо, Альберт Яковлевич, за Школу!

Наталья Викторовна Квач

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

Фото 1970 год, город Горький, СССР. Сегодня 2020 год, город Нижний Новгород и Российская Федерация. Прошло 50 лет – целая жизнь, со своими трудностями, потерями и достижениями, и невозможно поверить, что эта девчушка с хвостиками с белыми бантиками – это я, Наташа Артюхина, а рядом мои одноклассники и наша любимая классная руководительница Юлия Михайловна Якуб, её уже с нами нет на этом свете.

Классный руководитель 10-б класса Юлия Михайловна Якуб и ученики на последней линейке.

Не знаю, как для кого, но для меня и детский садик и школа не были, как выражаются некоторые – «тюрьмой». Я с удовольствием ходила и в то, и в другое образовательное учреждение, с любовью воспринимая и взрослых, и детей. Я помню имена своих воспитателей из детского сада: Галина Васильевна и Вера Трофимовна, они мне подарили свою фотографии, когда я уходила из детского сада. На фото очень милые и красивые молодые женщины. Я не была из покладистых детей и мне частенько попадало, но постольку – поскольку это было справедливо, и я осознавала за что стояла в углу или была лишена прогулки, поэтому нисколько не обижалась. Кому понравиться, что из-за меня группа не спала в тихий час или воспитатели в ящике стола, обнаружили целые залежи белого хлеба с маслом – я его не любила, но это так – мелочи детсадовской жизни. Были будни и праздники и много чего интересного.

В первый класс я пошла на Урале в городе Миассе. Свою первую учительницу я помню плохо, она была очень похожа на учительницу из фильма «Первоклассница» Тамару Макарову, даже прическа была такая же. Меня, как дочь учительницы этой же школы посадили с её племянницей, вредной девчонкой, наверное, отличницей. Имя учительницы не запомнила. После переезда в город Горький, откуда были мои родители, пришлось поучиться в нескольких школах, пока, наконец, нас определили в 1966 году в только что выстроенную

новую школу №177, которая находилась рядом с моим домом. Вот эта школа и стал для меня вторым домом. Там мы пропадали с утра и до вечера. Кроме уроков, всяких сборов, собраний были кружки, соревнования, сбор металлолома и макулатуры, весной и осенью – школьный сад – все по силам, интересно и, главное – весело. Никто не перетрудился. Из октябрят нас приняли в пионеры, затем в комсомольцы – это было обычным и почетным делом, этапы взросления отмечались всем коллективом. Ничего плохого в этом не было. Хотя при приёме в комсомол на вопрос одного из членов комиссии: «Полетела ли бы я в космос?», – я категорически ответила, что, – «нет» – так как меня и на качелях выворачивает на изнанку, не то что на ракете было бы. Меня пожурили, но в комсомол приняли, а в 9-ом классе одноклассники выбрали меня комсоргом, что называется – оказали доверие, и я с этим как могла справлялась, собирая членские взносы, организуя классные и внеклассные мероприятия, занималась с отстающими учениками, готовила политинформацию. В школе нас поначалу было четыре класса «А», «Б», «В» и «Г». Я училась в «В».

После восьмого класса нас соединили, тогда эта порочная практика только начиналась. 9«А» сделали физико-математическим, а нас «Б» – гуманитарным. Все перемешались и пришлось привыкать заново, некоторые так и не вписались в новый коллектив и ушли кто в техникум, кто в профтехучилище. Как правило, это были мальчики, и класс стал почти целиком девчоночным. В классе «А» мальчишек было побольше, математиков и физиков, не лириков. Мои две самые коренные подружки ушли в класс «А» – они были отличницами, с Мариной Тегиной мы дружим до сих пор, стали как сёстры.

Хотелось бы рассказать о наших учителях. Таких замечательных и красивых людях. Школу возглавлял директор Альберт Яковлевич Копелович, он её сделал с эстетическим уклоном. По его приглашению к нам приезжали знаменитые артисты, музыканты, композиторы. Был даже Д.Д. Шостакович! В День рождения школы – это после январских каникул, у нас проходил ежегодный фестиваль, к которому готовились все классы, представляя свою концертную программу. Принимали в этом участие почти все ученики, так что к 10 классу выступление на сцене никого не пугало. А эстетику – редкий в те годы в школе предмет, нам преподавал сам Ю. И. Волчек из театрального училища. Мы тогда это воспринимали как само собой разумеющееся явление, и только потом оценили, что за подарок судьбы нам достался. Эрудированный, невероятно обаятельный человек, он вводил нас в мир искусства на само высоком профессиональном уровне, но мы тогда, похоже не очень это понимали.

А вот с литературой, я считаю, нам сначала повезло, а потом не очень, после восьмого класса, в 9 и 10-ом у нас вел предмет преподаватель из педагогического института, не знаю, как он общался со студентами, но к школьно-

му возрасту он был мало приспособлен, и после нашей нежной и трогательной Натальи Фёдоровны Левой, мне на его уроках часто было просто не по себе. Наталья же Федоровна была удивительным человеком. Она не преподавала нам литературу, мы вместе с ней проживали жизнь литературных героев и сопоставляли все, что происходило в литературном произведении с самой жизнью. У неё был чудесный голос и всего «Евгения Онегина» она нам не только прочитала, но и пропела. Мы тогда это тоже мало ценили. Литературу и музыку она любила до самозабвенья и эту любовь старалась привить и нам. И к нерадивым, и к хорошим – покладистым ученикам она всегда относилась ровно и доброжелательно. Вообще, доброжелательность отличала почти всех наших учителей. Как не вспомнить нашего первого учителя истории Виктора Константиновича, который учил нас думать, рассуждать логически и искать причинно-следственные связи в исторических процессах. Сам он писал стихи и иногда нам их читал. В старших классах историю вел сам А.Я. Копелович, который научил нас не только выделять главное, но и конспектировать, что пригодилось всем, кто потом стал учиться в ВУЗе. Математику у нас вела сначала Раиса Георгиевна, а затем Раиса Петровна – последняя попала в Горький после землетрясения в Ташкенте и вскоре от нас уехала снова в родной город. Она была столь яркой личностью, что тоже запомнилась.

Невозможно не сказать о наших классных руководителях. Валентина Ивановна Малахова – Удалова вела нас с 5 по 8 класс. Русская красавица, высокая, статная, невероятно остроумная, с юмором. Она перешла из мединститута в педагогический на естествознание, так как не могла препарировать трупы и резать лягушек, ей их было жалко. Казалось, что все естественные науки она знала в совершенстве, а любовь ко всему живому была у неё в крови. Генетику тогда только вводили в школьное обучение, и она нам старалась раскрыть тайны этой замысловатой науки.

Невозможно не вспомнить нашу учительницу по труду Зинаиду Николаевну Репецкую. Свой урок она преподавала, как самый главный, и постоянно говорила нам: «Девчонки, математиками из вас будут единицы, а жёнами и мамами каждая будет, учитесь дом вести, пригодится». Со слезами я осваивала вязание носков и варежек, зато кофта вязалась легко и с удовольствием. Пироги получились плохо, а вареники отменно, всем классом ели. И хотя я по домоводству училась всего на всего на 4, но в своё время я мужу сшила джинсы, дочке – демисезонное пальто, себе шубу перешивала. Всему нас научила Зинаида Николаевна! Царствие ей небесное и добрая память. Я её как-то встретила уже после школы, и сказала, что выхожу замуж, она спросила: «Есть ли платье?» – выпускные школьные платья и после 8-го класса, и после 10-го я сшила сама. А тут сказала, что пока ещё нет. Зинаида Николаевна предложила

10 – а класс и 10 – б класс

сшить мне свадебный наряд и платье на второй день, а узнав, что я работаю в художественном музее научным сотрудником, сказала, что сошьёт мне и парадный костюм. Вот такая была наша Зинаида Николаевна.

Можно много и с благодарностью рассказывать об учительнице немецкого языка Валентине Георгиевне Чириковой, внучки знаменитого писателя Евгения Чирикова, которая с матерью и сестрой после войны вернулась в СССР. О её знании языка и умении его преподавать можно рассказывать часами.

Степан Титович, фамилию, к сожалению, сейчас не вспомню, он преподавал нам рисование и черчение, для меня это были любимые предметы. И только после школы я узнала, что он по профессии литератор. Степан Титович знал наизусть «Слово о полку Игореве» на древнерусском языке, читал по памяти Пушкина, Лермонтова и многих других поэтов, его знания по литературе

оказались обширными и глубокими. Я к 9 мая по его поручению каждый год красила памятник, который стоял в школьном дворе и этим очень гордилась. Как здорово было бы если бы он нам в 9 и 10 классах преподавал литературу и русский язык, но он оформлял школу, создавал школьный музей, хотя очень хотел быть просто преподавателем литературы, но кроме него никто не мог выполнить эту работу. Школа была, как игрушка, красиво оформленная, чистая и приветливая.

Рассказывать о наших учителях можно очень долго, да простят меня те, коих я сегодня не упомянула, каждый из них нам отдавал всего себя, многое мы воспринимали, как должное и не ценили тогда, что имели.

У меня были школьные друзья и подруги, про Марину Тегину я уже упоминала. Она умница и удивительно бескорыстный человек, до сих пор детям всего своего дома помогает по математике, не случайно она в школе в шахматы всех обыгрывала. В этом году мы планировали встретиться с одноклассниками и обменятся впечатлениями, рассказать о себе, но пока – не судьба. Школьные годы вспоминаю, как самые лучшие в своей жизни благодаря своим учителям и одноклассникам. Считаю, что всем в жизни я обязана школьным учителям, преподавателям Горьковского художественного училища и Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина, низкий им всем поклон.

Выпускница школы №177
Наталья Артюхина (Квач Н.В.)

Н.Н. Галай

МОИ УЧИТЕЛЯ

С учителями мне везло. И в школе, и по жизни вообще. Осенью 1947 г, вместо того, чтобы пойти в школу, я попала в институт педиатрии. Мама с папой решили, что раз я не мальчик, и, следовательно, мне в армию не идти, то в школу я пойду в следующем году, а пока буду маме помогать, занимаясь с сестренкой, которой к этому времени шел уже третий год. Не знаю, у кого как, а мое беззаботное детство, как мне тогда показалось, закончилось как-то уж очень быстро.

В это время мы еще обитали в пристрое к «апартаментам» архиерейского дома с колоннами, спрятавшегося во дворе ГИФТИ по улице Ульянова. На Новую улицу я переехала уже школьницей-второклашкой ученицей школы № 1, что и сейчас гордо стоит на пл. Минина, но уже надстроенная. В мои годы это было 2-х этажное здание с потрясающей чистотой внутри и с еще более потрясающими учителями.

Со школой мне повезло: я попала к лучшей в мире учительнице младших классов того времени! Интеллигентная и доброжелательная, любящая детей и понимающая их, Екатерина Павловна уважительно относилась к нам. Говорили, что она преподавала ещё до революции в Мариинской гимназии.

В послевоенные годы в нашей первой школе еще были уроки танцев и уроки хорошего тона. В перемену, например, следовало ходить спокойно, беседуя с одноклассницами, а при встрече с преподавателем – сделать лёгкий поклон (кажется, он называется «малый книксен»).

В классе учились только девочки, так как это была первая школа – десятилетка. Женская. В то время чётные номера школ с 10-ю классами имели мужские школы, а не чётные – женские. Ещё в те годы были школы-семилетки и даже четырехлетки. Это было время раздельного обучения, когда даже не подразумевал никто, что пройдёт немного времени, и половые проблемы станут коммерческими, и мальчику стать девочкой или наоборот, будет элементарно просто при наличии денежных средств.

В школу мне ходить очень нравилось, а любимым временем в ней была большая перемена, когда нам на парты ставили стакан тёплого молока или какао и вкуснющую маленькую белую-белую булочку с загорелой блестящей корочкой. Ели мы её не торопясь, как учила Екатерина Павловна, кусали маленькими кусочками и запивали глоточком молока. Пережёвывали тщательно, растягивая удовольствие на всю перемену.

На уроках я не помню, чтобы Екатерина Павловна кому-нибудь делала замечания. Она никогда не повышала на нас голос, а только замолкала, и удив-

лённо смотрела на расшалившуюся девочку и обычно говорила что-то вроде: «Леночка! Ты меня удивляешь! Я всегда в учительской говорю, что в нашем классе самые умные, самые воспитанные девочки». Леночка (Ирочка, Машенька и т.д.) тут же становилась примером для подражания своим подругам.

Мы все, её бывшие ученицы, благодарны Екатерине Павловне не только за те знания, что она нам давала сверх программы, но и за умение аналитического мышления, которое она развивала в нас. Она задала нам всем осанку, которую выработала у нас с первого класса, и среди её учениц, уже 75-летних, нет ни одной со сколиозом или с сутулостью. Она, при помощи небольшой палочки, которую вставляла нам между спиной и локтями, вырабатывала нашу осанку, и мы не знали благодаря ей что такое сколиоз или искривление позвоночника.

На всю жизнь мы, ученики первого класса, запомнили добрую, умную, интеллигентную учительницу Екатерину Павловну Дорофееву, которая нас научила, прежде всего, любить свой родной язык, понимать прочитанное и написанное…

Екатерина Павловна учила нас видеть и понимать окружающий мир. И любить его. А ещё она учила нас уважать не только старших, но и самих себя.

Как я уже упоминала, большинство учителей нашей школы №1 ещё преподавали до революции в гимназии, а поэтому и перенесли в наше советское настоящее своё «царское» прошлое. Но это никого не раздражало! И даже уроки танцев и «хорошего тона» мы посещали с большим удовольствием. Первые наши тетрадки были «по трем косым», где мы сначала карандашами, а потом ручкой со знаменитым пером №88 старательно чернилами выводили первые буквы по «технологии» нажим-волосок. Мы учились с удовольствием, а если у кого что-то не получалось, то Екатерина Павловна оставалась с ученицей после уроков и объясняла до тех пор, пока та радостно не сообщала ей, что всё поняла. После уроков нам не хотелось расставаться с любимой учительницей, и мы всей толпой шли её провожать. Однако, всякий раз наша учительница выбирала разный маршрут, но так, что оказывалось, что это она разводила нас по домам.

Одевалась Екатерина Павловна строго: тёмное платье с поясом и белым воротничком и белыми же манжетами, которые она, как и мы, меняла два раза в неделю. Волнистые с проседью волосы всегда были забраны в аккуратный красивый пучок. Впрочем, почти так выглядели все учителя нашей школы № 1. От родителей и соседей по дому мы знали, что многие из них нередко подкармливали своих учеников в годы войны.

Учились мы спокойно, без шума и эксцессов, понемногу обретая чувство собственного достоинства и, одновременно, чувство благодарности всем своим первым учителям.

После войны было много семей, где были дети, но не было кормильца-отца. В этих семьях поселилась бедность. И здесь пришли на помощь учителя: они организовывали любительские благотворительные спектакли или концерты, в которых принимали участие, конечно же, они сами и старшеклассники. Билеты на это действо продавались родителям школьников, а все сборы, шли на помощь нуждающимся. При этом, им не выдавались деньги, а приобретались необходимые вещи – пальто, обувь, форма, книги и т.д. А так как мы все были более или менее одинаково одеты, за исключением школьной формы, которая была одинаковой у всех, то никто и не обращал внимания на ту или иную «благотворительную» вещь. Да и сами такие ученицы (или ученики в мужских школах) не испытывали, мне кажется, морального дискомфорта, потому, что делалось это все очень тактично и без какого-либо шума по этому поводу: вещи просто передавались их родителям, а дети даже не знали источника их появления. Кроме этого, в течение года несколько раз разыгрывалась беспроигрышная лотерея, в которой дети из малообеспеченных семей «выигрывали» всякие нужные для них вещи – спортивные трико, чешки, майки, тетради. Остальным, разумеется, везло меньше, и они получали, в основном, линейки, ручки (деревянные, с пером №88), ластики и закладки для книг. Во второй половине 50-х годов эта традиция сошла «на нет»: народ стал жить значительно лучше.

Однако, после нового, 1949 года, мне пришлось расстаться с любимой учительницей и с не менее любимой школой, так как мы получили квартиру в другой части города, и меня перевели в школу №25.

В новой квартире на Новой улице у нас с сестрой появилась своя комната, а вот с мебелью было сложно. Сориентированные на военное производство предприятия, объяснял нам папа, не могли сразу перестроиться на гражданские товары. Вскоре у нас появился списанный на папиной работе (он работал начальником райплана Ждановского райкома партии, что находился на пл. Свободы) двух-тумбовый письменный стол с зеленым сукном, расцвеченным пятнами чернил, краски и еще непонятно чего. Папа укрепил дверцы и ящики стола, целиком ошкурив его, пропитал олифой. Мама раствором хозяйственного мыла с какими-то добавками, которые ей посоветовали соседки, почти отмыла зеленое сукно, превратив его из «крапчатого» в «мраморное». В те времена иногда на предприятиях и в организациях списывали, отслужившую свой век мебель, и по дешевке продавали ее сотрудникам. Так в нашей новой квартире появились разного дизайна стулья и огромный, черный дермантиновой обшивки, диван с откидными круглыми валиками и полкой, на которую мама поставила пять мраморных слоников (почему-то их должно быть обязательно семь, но два я обменяла на книжку-раскраску еще когда мы жили на Ульянова.).

Я категорически не хотела переходить в другую школу, но в то время ещё не имела права голоса, и мне пришлось расстаться с любимой учительницей и с одноклассницами. Помню, как я первое время убегала в свою родную Первую школу, куда шла рано утром через весь город. Но в итоге всё открылось и я, излив ни одно ведро слёз, оказалась в школе №25.

Как я уже упоминала, в нашей Первой школе в перемену мы ходили спокойно, негромко разговаривая друг с другом, а при встрече с преподавателем, делали лёгкий поклон. Последнее правило сыграло со мной злую шутку в школе №25. На первой своей перемене (ручки под фартучек) я спокойно и чинно прогуливалась по коридору. Кругом крики, вопли, кто-то кого-то бьёт портфелем… И вдруг на встречу идет учительница. Я остановилась и с ужасом думаю: сейчас им достанется всем, родителей вызовут к директору… Но нет: все продолжали шуметь, кричать и вертеться… Когда учительница поравнялась со мной, я, как учили в Первой школе, отвесила ей лёгкий поклон. Её реакция для меня была неожиданной и ошеломляющей! Она схватила меня за ухо, подняла из позиции лёгкого поклона с приседанием и гневно сказала, грозя указательным пальцем перед моим носом: «Чтобы я этого больше никогда не видела!». В годы глубокой молодости я очень быстро усваивала все уроки, особенно преподносимые взрослыми. Поэтому, когда на меня с дразнилками и щипками набросились школьницы, я быстро раскидала их по коридору и сообщила, что так буду делать до тех пор, пока они не перестанут между собой по каждому поводу драться и дёргать друг друга за волосы. Сама не ожидала от себя ничего подобного, но меня неожиданно послушались. Правда, кто-то из них нажаловался завучу, которую все почему-то звали «Жуча». Жуча пригласила маму в школу и поведала о моём «почти фашистском» поведении по отношению к мирным и воспитанным школьницам. Мама, слава Богу, не дала меня в обиду и по поводу моего «фашизма» сделала Жуче видимо такое разъяснение, что ко мне больше не было претензий ни у одного педагога этой школы. Я ничего не могу сказать плохого об учителях этой школы, но первые дни пребывания в её стенах оставили, всё же, какой-то странный осадок.

Впрочем, там была одна великолепная учительница французского языка Наталья Дмитриевна (к сожалению, не могу вспомнить точно её фамилию), с которой мы неоднократно встречались и после окончания школы, когда я уже работала. Она научила меня не только читать западную литературу (это когда я уже училась в школе №19), но и знакомиться с биографией авторов, с исторической ситуацией, в которой они жили и творили. Она познакомила меня и с журналом «Иностранная литература».

Учились мы тогда по-настоящему бесплатно и дарили подарки учителям только на 8 марта и 23 февраля (мужчинам) и, естественно, цветы на 1 сентя-

бря и экзамены. На экзамены старались принести как можно больше сирени, чтобы за ней не видели, как некоторые из нас списывали, пользуясь шпаргалками. А шпаргалки были в широчайшем ассортименте! Некоторые девочки умудрялись писать химическим (написанный им текст при увлажнении приобретал вид чернильного письма) карандашом основные формулы на голых ногах (выше колен). Простым карандашом писали на обратной стороне белых фартуков, лентах, которыми заплетали косы, на руках химическим – от ладошки до локтя с внутренней стороны руки, для чего увеличивали разрез рукава в области крепления манжета. Кто-то делал маленькие «книжицы», которые крепились на резинке вокруг локтя и вытягивались через рукав по мере надобности. Не брезговали и примитивными складушками-гармошками, листочками, фотографиями родственников, на обратной стороне которых были опять же формулы. Но хорошие шпаргалки требовали много времени и мне, например, было легче выучить предмет, чем заниматься кропотливой и нудной работой по изготовлению «шпор», за которые к тому же, могли выгнать с экзамена, что грозило переэкзаменовкой. Впрочем, шпаргалками пользовались далеко не все ученики, а лишь отдельные виртуозы, способные ими пользоваться как фокусник картами и принципиально не желающие заставить себя что-то выучить. Были и «профессионалы», которые сдавали экзамены все годы с помощью шпор, и ни разу не попадались! А экзамены мы начали сдавать с 4-го класса, где было два устных и два письменных экзамена по русскому языку и арифметике.

Наверное, учителя не могли не заметить «старания» списывающих, за которые и ставили в итоге им тройки. Довольны при этом были обе стороны, но ученики больше. Однако, некоторым из них приходилось всё же в каникулы заглядывать в школу, чтобы «подтвердить» полученную тройку, иногда даже авансом. Учителя переживали за нас, знали наши проблемы и пытались помочь по мере возможностей. Даже сейчас, спустя несколько десятков лет, я не могу представить себе, чтобы нас обыскивали перед экзаменом и в обязательном порядке заставляли проходить через рамку металлоискателя. Нас НЕ УНИЖАЛИ! Задача школы была дать нам знания, а не вылавливать шпаргалки и мучить детей и родителей ежедекадными портфолио. Преподаватели всегда знали наши возможности и знали, что некоторые пользуются шпаргалками, а поэтому, наоборот, старались уберечь нас от экзаменационного стресса. Я не могу припомнить случая, чтобы у школы дежурила «Скорая помощь», а ученики умирали бы от нервного срыва на экзамене.

После введения совместной формы обучения я попала в 19-ю школу. Большинство девочек нашего 8-го класса были из «деревянной» школы-семилетки №20 с ул. Студёной. Все женские школы имели обычно нечётные номера,

а вот это деревянное 2-х этажное здание числилось женской школой под № 20. Надо сказать, что девочки были просто замечательными, учились с удовольствием, чему в значительной степени способствовали учителя. Они были великолепными! Знали, как нам тогда казалось, всё и этим «всем» делились с нами. Именно делились, а не заставляли учиться и не вдалбливали нам знания, развивая комплексы.

Например, учительница химии Антонина Трофимовна, начиная урок с опроса, в доверительной форме с лёгкой иронией напоминала нам, что надо бы вспомнить быстренько тему, предыдущего занятия «как всегда, для всех лёгкую». Она вызывала кого-то к доске, ученик отвечал, а когда делал «заминку», Антонина Трофимовна заполняла паузу интересным фактом на данную тему, давая, как бы, маленький, но яркий маячок стоящему у доски. Как правило, все благополучно выплывали из своих «запинок» и радовались тому, что «сами» вышли на правильный ответ. Кроме этого, она с легким юмором предлагала нам «освежить» нашу память, и вспомнить что-то из предыдущих уроков. Это нам так помогло на выпускных экзаменах! Мы брали билет, делали лабораторную работу или решали задачу (в зависимости от того, что было в билете) и шли без подготовки отвечать.

Надо сказать, что в то время на выпускных экзаменах в 4-х, 7-х и 10-х классах присутствовали представители РОНО и других, соответствующих профилю экзамена организаций, которые «строго» следили, чтобы мы не списывали. Кроме того, дежурили и члены родительского комитета, задача которых была обеспечить нам «перекус» – какао и пара бутербродов. Общая обстановка на всех экзаменах была очень доброжелательная: взрослые понимали, что мы волнуемся, и делали все, чтобы мы не нервничали. К нашему счастью, мы тогда и не подозревали, что есть такое страшное слово «стресс», которое может на школьном экзамене (!!!) довести ученика до смертельного обморока. Нас не унижали обысками, как рецидивистов-уголовников… Нас УВАЖАЛИ! И мы, чувствуя со стороны учителей такое отношение к нам, гордились своими учителями.

По русскому языку в то время было много сочинений, причём значительная их часть была на свободные темы. Нас заставляла самостоятельно размышлять над поступками литературных героев Валентина Дмитриевна, которая сейчас бы сказали, давала нам почти провокационные темы типа «Мой Октябрь», «Мой отношение к молодогвардейцам», «Екатерина – луч света в тёмном царстве?» и т.п. Приближались знаменитые 60-е годы и журнал «Юность» потихоньку начинал печатать будущих шестидесятников. Помню, один мальчик в своём сочинении как-то очень не лестно отозвался об Анне Карениной. Два внеклассных часа велась с ним полемика. Кто-то его поддерживал, кто-то осу-

ждал за такое отношение к героине. Особо пылкие даже высказывались, что комсомолец не имеет права так отзываться об одной из любимых героинь самого Льва Толстого. Вот тут мудрая Валентина Дмитриевна преподнесла нам урок настоящей демократии, сказав, что каждый имеет право на своё, личное мнение, которое формируется у человека вначале на уровне семейных взаимоотношений, а затем базируется на глубине полученных школьных знаний. «Для того, чтобы судить кого-то, необходимо, прежде всего, ознакомиться полнее с ситуацией, в которой оказался герой». «Главное понять – говорила она нам – Вы знаете, как переводится с латыни слово «интеллигент» – понимающий! Научитесь понимать, научитесь правильно оценивать поступки». Вот этому «пониманию» она нас и учила. Пониманию и аргументации в спорах.

Математическим корифеем школы был Платон Андреевич Покровский, который тоже учил нас «понимать и разбираться». «Ты, девочка (мальчик), спиши, – наставлял нас Платон – но разберись в ходе решения и пойми задачу (пример и т.д.), чтобы потом решить аналогичную. Тогда ты заработаешь приличную оценку.» (У наших учителей не было в ходу словосочетание «получить оценку» – её надо было заработать.)

По поводу решения нами задач его комментарии были лаконичны: «жизненно», «логично», «красиво», «приемлемо» или «это путь к аварии». Иногда он высказывался не совсем понятно: «авантюрно, но может иметь право на существование». В этом случае оценка сопровождалась знаком минус.

Наше совместное обучение имело свои особенности и отличия от современной системы. Во-первых, мы были до этого разделены на «женские» и «мужские» школы и обучение семиклассников и семиклассниц, какими мы дошли к этому моменту, было нечто вроде «вечеров дружбы», когда в женскую школу приглашались на тематический вечер с танцами мальчики – отличники и хорошисты, и наоборот. Первые полгода для нас это был затянувшейся «вечер дружбы». Учиться старались все – и девочки и мальчики. И все друг в друга влюблялись. Влюблялись и в учителей.

Помню, как в 8-м классе у нас появился учитель истории, который сам только что закончил пединститут – Владимир Васильевич Виноградов, сын известного нижегородского профессора – историка. До этого историю нам преподавала очаровательная Александра Александровна Самко, которую любили все классы без исключения. Нового историка мы встретили, мягко говоря, не совсем дружелюбно. Он сообщил нам на первом же уроке, что на «отлично» знает только Бог (это в пору всеобщего атеизма!), на «хорошо» – институтские преподаватели, на «троечку» – он сам, а мы – делал он логический вывод – не знаем ничего. Мы спорить не стали, а купили рояльные струны, натянули их под партами и нудно – противно стали «играть» похоронный марш, который

с нами разучили наши одноклассницы (-ки), которые учились музыке. Помогали и из параллельных классов. Думали, что историк нажалуется на нас директору, вызовут родителей, и тут мы получим право на «официальный бунт» против нового учителя. Но он жаловаться на нас не стал, нашу музыку игнорировал напрочь, как будто её и не было, а стал нам преподавать историю, основываясь на интересных фактах и событиях. При этом рассказывал то, чего не было в учебнике и так интересно, что мы завели тетради по истории и стали записывать за ним всё, что он нам говорил. Это были наши первые, как потом оказалось, лекции! Вскоре мы подружились с ним, а потом и влюбились всеми старшими классами. Причём наши мальчики снисходительно «поощряли» нас в этом: «учителей надо любить – тогда двоек не будет» – резюмировали они по этому поводу. Вскоре историк стал нашим классным наставником. Летом мы с Владимиром Васильевичем отправлялись в исторические экскурсии по городу и его окрестностям, принимали участие в раскопках под развалинами Зачатьевской башни. Как-то кому-то из нас удалось найти здоровенный медный пятак петровского времени, за который весь класс получил разрешение бесплатно ходить в историко-краеведческий музей (сейчас усадьба Рукавишниковых).

Физик Илья Ефимович Шапиро каждый урок начинал с объяснений. При этом он проводил «первый в жизни эксперимент, результат которого он не знал и сам». Естественно, нам было интересно, и, одновременно, очень хотелось подловить его на промахе. Но вот этого-то нам как раз никогда и не удавалось сделать. Это потом уже мы поняли, что любую «импровизацию» надо хорошо подготовить. Илью Ефимовича мы любили не только за умение преподавать, но и за его порядочность, которую мы проверили неоднократно. Наш школьный двор имел общий забор с немецким кладбищем и находился в двух шагах от кладбищенской церкви Кулибинского парка, приспособленной под кинотеатр «Пионер». Уроки по новой экспериментальной программе у нас в старших классах были сдвоенные, и мы нередко вместо занятий направлялись всем классом в кино. Дневной сеанс тогда стоил 10 копеек, а молочное мороженое – 7 и 9 копеек. Учителя знали о нашей любви к кинематографу, и «вылавливали» нас, прерывая сеанс, примерно так:

– Девятый «В»! Встать! Кто не хочет получить двойку (назывался предмет) быстро в школу.

Обычно двойки получать не хотелось, но иногда, прикинув, какое влияние она окажет на имеющиеся уже оценки и «ценность» кинокартины, кто-то оставался в зале.

Илья Ефимович действовал по-другому. Узнав, что мы сбежали всем классом в кино, он шел туда же. Но не «вытаскивал» нас из зала, а смотрел кино.

После окончания сеанса он с укоризной говорил нам: «Ну что же вы мне не сказали, что такой хороший фильм идет. Мы бы нашли время сходить вместе, а потом и поговорить о нем, а теперь мне придется заниматься с вами после уроков.». Как-то перед началом очередного урока в кабинете физики на доске появилась надпись «Эйля Хаймович – еврей». Мы возмутились: все давно знали об этом, да и он сам никогда не скрывал своей национальности. Но, судя по тому, как изменилось его лицо, когда он вошел в класс, а дежурный еще не успел стереть надпись, мы почувствовали себя оскорбленными тем, кто это сделал. Потом наши мальчики нашли «автора» (им оказался новичок из параллельного класса), заставили его еще раз написать это на доске и слизать языком «что б не повадно было». Это был единственный случай за все время моей учебы во всех трех школах.

Географию у нас преподавала полноватая шатенка, которую все звали Селедка. Почему? Рассказывали, что в годы войны она была «неприлично тощая». На продовольственные карточки в те годы давали такую тощую селедку, что наши соседи на ул.Ульяновой, например, звали ее «килька в обмороке». Вот и прозвали тогда географичку Селедкой. Уроки она вела – заслушаешься! Как будто сама побывала во всех местах, о которых нам так интересно рассказывала. Недаром потом на экзамене мы, взяв билет, отвечали без всякой подготовки!

Чертить и рисовать нас учил Ччтихо. Это тоже не фамилия. Дело в том, что на войне его, как он говорил нам сам, «аккуратно ранило в любопытный орган – нос», порвав ноздрю. Когда мы не в меру шумели на уроке, он обычно говорил нам «тихо, дети », а у него получалось почему-то «ч-чтихо». Это был высокий статный мужчина с длинными нервными пальцами рук, которые могли одной линией не только нарисовать что угодно, но и наложить тени, не отрывая руки. Мы пытались копировать его манеру, но дальше абриса у нас как-то «не шло».

Учились мы хорошо и весело всем классом. И как было плохо нам учиться, если школа была «базовой» или РОНОвской и, согласно экспериментальной программы, у нас были сдвоенные уроки: 2 урока физики, 2 – химии, 2 – литературы или 2 – математики, 2 – иностранного языка, 2 – физкультуры и т.д. Такое расписание было во благо учеников и учителей. Мы ежедневно готовили максимум три предмета, зная, что обязательно вызовут к доске и спросят задание.

Учителям легче было работать с нами: один урок они посвящали опросу или контрольной работе, второй – объяснению и закреплению нового материала с обязательным фронтальным опросом. Это позволяло им работать почти индивидуально с каждым из нас. Учиться было легко и потому, что классы не

были перегружены учениками. В «А» классе было 18 человек; в нашем «В» классе – 19 человек, из которых пятеро окончили школу с медалями – 2 серебренных и 3 золотых! И при этом ни у кого не было никаких репетиторов.

Мы учились сами, и сами готовились к выпускным экзаменам в школе и к вступительным – в ВУЗы по специальным экзаменационным программам, которые можно было купить в любом книжном магазине. Магазинов в городе тогда было значительно больше, чем сейчас и все книги пользовались большим спросом. Надо сказать, что тогда в основном учились там, где хотели. А потом и работали по специальности, используя своё образование. Учились бесплатно, да ещё на дневном отделении получали стипендии. Поэтому и заводы работали. Поэтому и бомжей не было.

Наши учителя, не считаясь со своим временем, устраивали нам дополнительные (бесплатные) занятия, на которых буквально разжёвывали нам тот или иной материал, зачастую используя при этом примеры из жизни, и вкладывали его в извилины нашего мозга. Вкладывали с любовью и особым тщанием, которое на долгие годы запустило работу нашего мозга.

Т.М. Новокрещенова

«ВОСПИТЫВАЛА, КАК СВОИХ ДЕТЕЙ…»

Аделаида Клавдиева Юргинская, учитель русского языка и литературы

Минуло двадцать лет, как мы лишились своего Учителя. Сегодня нам много лет, и значительную часть лет эта женщина была нашей мудрой советчицей, строгой судьей и всегда интересной и оригинальной собеседницей – Аделаида Клавдиевна Юргинская, учитель словесности, наш классный руководитель.

Урок литературы в нашем пятом классе начинался с команды: «Все подняли руки вверх: в правой руке гребешок, в левой – носовой платок». Это была «дрессировка». Если мы отправлялись в театр, а ходили часто, всегда была беседа-инструктаж «Как не надо вести себя в театре».

Мы взрослели, изменялись и темы бесед. Аделаида Клавдиевна приглашала врачей, которые учили нас оказывать первую медицинскую помощь. Собрав отдельно мальчиков и девочек, рассказывала о тайнах подростковой биологии.

В шестом классе организовывала совместные вечера с ее любимыми старшеклассниками. Первые уроки танцев – это тоже ее школа. Если самому маленькому нашему однокласснику не было партнерши, она приводила свою дочь Ярославу.

В выпускном классе, порой начиная урок, спрашивала: «Сегодня будем о жизни или о литературе?»

Из года в год в филармонии мы вместе слушали по абонементам циклы музыкальных и литературных программ, в лектории художественного музея –

Встреча через 25 лет. 1994 г. Фото К. Горячева

Встреча через 30 лет. 1998 г. Фото К. Горячева

историю отечественного и зарубежного искусства, учились писать рецензии на театральные спектакли и фильмы.

Еженедельно нулевым уроком весь класс до выпуска из школы пел хором, а за фортепиано всегда – Аделаида Клавдиевна. Мы и сейчас, собираясь вместе, поем эти песни.

Она воспитывала в нас стремление к лучшему. Мы были лучшим классом в районе, в городе. Почти все получили высшее образование. Есть кандидаты и доктора наук. При сформированной с детства потребности в знаниях продолжаем учиться и сегодня. Вопреки ее желанию некоторые стали педагогами.

Мы выросли и покинули школу. Когда же наши дети «хромали» по русскому языку и литературе, мы вели их к Аделаиде Клавдиевне. Она спрашивала родителя: «Тебе не стыдно?» Но за короткий срок ставила наших детей «на ноги», научив любить эти школьные дисциплины.

9 В класс. Школа № 47 г. Горького 1968 г. В центре – классный руководитель А.К. Юргинская. Рядом В. Капустина, Т. Горячева, Л. Кузьмина, И Рябова, Г. Паслов. В нижнем ряду – Н. Шувалова, И. Белова, Л. Дементьева, Г. Жукова, Т. Сарафанова. Верхний ряд – В. Андреев, В. Гавлин, Т. Новикова, Н. Урлина, Н. Анисимова, А. Золин, Ю. Мягков, Н. Юханов, С. Соломихин, К. Горячев, А. Мосин, В. Варламов, М. Малкин

Ей все было интересно. Она много путешествовала, в ее квартире и на балконе был сад, лучший в районе. Она с удовольствием проживала каждый из отпущенных судьбой дней.

На последней нашей встрече она сказала: « Я воспитывала вас как собственных детей».

Последний звонок закончился весенним ливнем. Под зонтиком вместе с нами наш учитель – А.К. Юргинская. Май 1968 г. Фото К. Горячева

Придя к ней на могилу в Марьину рощу с цветами, кто-то стал надламывать стебли (чтобы не взяли), но остановились. Аделаида Клавдиевна – гордый и независимый человек, ее бы это оскорбило.

Стоя у могилы, мы вспоминали ее слова:

«Самые главные ценности в жизни – любовь и дружба»

«Я хочу, чтобы вы были другу не женихами и невестами, а братьями и сестрами»

Летний поход в Киселиху. Июнь 1968 г. Фото К. Горяева.

Летний поход в Киселиху вместе с Аделаидой Клавдиевной. Июнь 1968 г. Фото Т. Горяевой.

«Будьте всегда вместе со своими детьми, пусть они собираются дома, а не подъездам. Рядом с ними вы всегда будете молоды, как я с вами».

В средние века на Востоке титульные листы некоторых книг имели предупредительную надпись: «Только с Учителем» У нас он был!

Светлая и вечная память Вам, Аделаида Клавдиевна!
Выпускники 10 В класса 1968 года
школы № 47, Нижний Новгород

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

- Михайлов М.М., Шайхутдинова М.В., Чириков М.А.
  Памяти Кессель А.В.
- Толмачева Н.Н. О В.Н. Адриановой
- Шайхутдинова М.В. О Владимире Валентиновиче Медведеве

М.М. Михайлов,
Действительный член общества «Нижегородский краевед»
Автор фото Илья Мясковский

«БАБУШКА НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ» АЛЬБЕРТИНА ВАСИЛЬЕВНА КЕССЕЛЬ

17 декабря 2020 года нижегородское краеведение понесло невосполнимую утрату, после тяжелой болезни на 96-том году жизни скончалась Альбертина Васильевна Кессель.

Альбертина Васильевна Кессель – известный в Нижнем Новгороде человек, посвятивший большую часть своей жизни спасению свидетельств исторического прошлого древнего города, почетный член общества «Нижегородский краевед» и «Старых нижегородцев», член Совета Балакиревского и Пушкинского обществ, долгие годы член Ученых Советов государственных музеев А.М. Горького и Н.А.Добролюбова.

В небольшом городке Тейково, что под Иваново, 6 марта 1925 года на свет появилась Аля Данилова. Семья вскоре переехала в Растяпино, где отец участвовал в строительстве первых объектов будущего города химиков Дзержинска. В тридцатые годы семья перебралась в Горький. Начало ее взрослой самостоятельной жизни протекало далеко от родных мест. Вышла замуж за офицера Красной армии Аркадия Зиновьевича Кесселя, ездила с ним по гарнизонам Восточной Германии и Украины. Родился сын, потом – дочь. Все заботы в течение 12 лет были отданы детям, семье. Когда Кессели вернулись в Горький, их соседом по коммунальной квартире оказался известный филолог и краевед профессор Серафим Андреевич Орлов. Он-то и предложил Альбертине Васильевне работу ответственного секретаря во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. В 1967 году Альбертина Васильевна обрела свою новую стезю -– хранителя и попечителя нашей общей памяти.

Она активно занималась выявлением, изучением и охраной исторического наследия города Горького (Нижнего Новгорода). Роль Альбертины Васильевны Кессель оказалась неоценима в таком деле, как установка монументальных памятников и мемориальных досок в честь выдающихся земляков. Работа это большая и непростая, включающая и поисково-исследовательские задачи, и организационные хлопоты, и сотрудничество с историками, скуль-

пторами, художниками. Она стала другом и сподвижником многих известных нижегородцев: С.Л. Агафонова, И.А. Кирьянова, Ю.А. Адрианова, П.А. Гусева, Ю.Г. Галая и других.

Порой неброская табличка, мимо которой спешат прохожие, имеет свою увлекательную историю. Множество таких историй стали известны благодаря Альбертине Васильевне, занимавшаяся уже в качестве штатного работника городского управления культуры миссией увековечения. Вспоминая о своих «первенцах», А. В. Кессель рассказывала, например, о создании горельефной композиции «В. И. Ленин и нижегородские марксисты». Ей даже пришлось позировать скульптору Л. Ф. Кулаковой, и она навеки запечатлена в образе одной из сестер Невзоровых.

Другая история о доме № 16 по Большой Печерской мемориальный знак появился после того, как историк И. А. Кирьянов обнаружил в архиве интересные сведения. Оказывается, именно по этому адресу жила в Нижнем семья Анненковых – легендарная чета декабриста и его самоотверженной супруги француженки Полины Гебль! А. В. Кессель составила емкий текст, были приглашены скульпторы О. Лисенков и. Коржов. Далее – обычная процедура: поездка в Ленинград, на завод «Монументскульптура», изготовление доски. Ее открытие состоялось 3 июня 1994 года. А позже охотники за цветными металлами пытались бронзовый знак похитить – об их неудачном предприятии до сих пор свидетельствуют трещины в стене.

Дом политкаторжан, дом М. Балакирева, бывшее здание удельной конторы, где управляющим служил В. И. Даль, бывшие номера Деулина, где останавливался А. С. Пушкин – десятки нижегородских зданий и мемориальных мест теперь имеют свой отличительный знак, и наша история дарит нам секреты прошлых лет.

Она передала в ГАСДНО огромный пласт документов и статей, по которым можно проследить историю охраны памятников Нижегородской области с средины 20 века до наших дней.

А.В. Кессель одна из авторов книги-справочника «Памятники истории и культуры г. Горького» (1977 г.), составитель и одна из авторов книги «Памятники истории и культуры Горьковской области» (1987 г.) и «Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие» (2013 г.). За последнюю книгу она была удостоена премии города Нижнего Новгорода в 2014 году.

Альбертина Васильевна активно передавала свои знания подрастающему поколению, она обладала уникальным даром рассказчика и вдохновляла изучать местную историю. Являлась членом жюри городских конкурсов «Ты – Нижегородец» и «Юный экскурсовод», консультантом при написании исследовательских работ школьников в области краеведения и оказывала помощь

при составлении экскурсий по родному краю. Ее подопечные ласково называли ее «бабушкой нижегородского краеведения».

Альбертина Васильевна Кессель останется в нашей памяти неунывающей, необыкновенно позитивной личностью. Восхищает ее истинная любовь к родному краю и его богатой истории, ее созидательная энергия! Ее деятельность – пример подражания для нынешних поколений!

От редакции «Памятных записок»

Шайхутдинова М.В. и Чириков М.А.

Конференция Сахаровские чтения», 2011 г

18 декабря 2020 г. не стало Альбертины Васильевны Кессель…

Очень печальное известие для всех, кто был с ней знаком. А знали ее в нашем городе многие. Прежде всего, как старейшего краеведа. Альбертина Васильевна всегда оставалась знающим и интересным собеседником для тех, кто неравнодушен к истории и культуре Нижнего.

На протяжении более двух десятков лет поддерживала она тесные и дружеские связи с нашим «Обществом старых нижегородцев», нередко сама выступала на собраниях и творческих встречах. Про мемориальные доски, посвященные событиям жизни известных людей в нашем городе, знала практически все.

Не случайно, Михаил Александрович Чириков, когда зашла речь о заметке в нашем журнале, посвященную Альбертине Васильевне, сразу прислал мне несколько фотографий с открытия мемориальной доски на доме №19 по улице Гоголя, где жил его прадед – писатель Е.Н. Чириков.

А я вспомнила ее рассказ о том, как в январе 1990 года открывали мемориальную доску

Фотография связана с открытием мемориальной доски Е.Н. Чирикову на доме№ 19, по ул. Гоголя 4 декабря 2004 года. Альбертина Васильевна была, инициатором открытия таких досок в Нижнем Новгороде. Она выступила с большой речью о связи Чирикова с Горьким и передовыми писателями начала 20 века и подарила большую фотографию участников Телешовских Сред. Эта фотография сейчас находится в экспозиции Литературного музея Е.Н. Чирикова

на доме 214 по пр. Гагарина, где отбывал свою ссылку академик А.Д. Сахаров. Альбертина Васильевна делилась этими воспоминаниями на конференции Сахаровские чтения, посвященной 90-летию ученого, в 2011 году. Кроме прочего, она тогда заметила, что это единственная памятная доска в нашем городе, текст которой не был согласован в Исполкоме, поскольку никак не могли договориться: писать, что находился в ссылке или не писать? Признавать, что без суда сослали куда посчитали нужным и держали тут почти семь лет, уже вроде бы как не хотелось, но не писать про это – значит не соблюсти историческую достоверность…А открытие мемориальной доски уже запланировали к 40-му дню со дня кончины. Так и изготовили, установили и открыли без официального согласования с городскими властями. Уникальный случай, который явился отражением духа своего времени, как тогда говорили, «на волне нарождающейся демократии». Ни до, ни после такого «самоуправства» больше не было.

Бывала она в нашем музее и в последующие годы. Сохранились снимки, где Альбертина Васильевна присутствует на открытии выставки фотографий другого известного краеведа и фотографа Б.С. Извекова. На выставке была представлена подборка фотографий мемориальных досок нашего

Сахаровские чтения 2011 рассказывает о мем доске на доме 214 по пр. Гагарина

А.В. в Музее А.Д. Сахарова рассказывает о мемориальных досках по фотографиям Извекова 09.09.2013

города, посвященных деятелям науки и культуры. Альбертина Васильевна могла, стоя у этих снимков, часами рассказывать, когда и как создавались и открывались эти памятные знаки, кто был художником, кто архитектором, откуда привезли мрамор или гранит, где заказывали отливку из бронзы и т д. Не только школьникам, но и нам взрослым сотрудникам музея было любопытно и поучительно. Кто еще сегодня сможет поделиться с нами такими подробностями?

Отрадно, что в 2013 году увидела свет книга «Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие» А.В. Кессель в соавторстве с Б.С. Извековым, за которую авторы были удостоены премии Нижнего Новгорода.

А в 2007 году – книга «НИЖЕГОРОДСКАЯ ОТЧИНА: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ», руководитель издания Н. Смирнов, главный редактор В. Шамшурин., одна из авторов статей А.В. Кессель, Н. Новгород, 2007 г., изд-во «Литера».

А это значит, что Альбертина Васильевна с ее потрясающими знаниями и рассказами об исторических событиях и о выдающихся людях, чья судьба была связана и оставила свой след на страницах истории нашего с вами Нижнего, будет всегда с нами.

В.Г. Чирикова В. А. Шамшурин и А.В.Кессель

Н.Н. Толмачева

О ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ АНДРИАНОВОЙ

В.Н. Андрианова, 1955г

Второго декабря 2020 года исполнилось бы 100 лет со дня рождения Веры Николаевны Андриановой.

Родилась она в Нижнем Новгороде в семье служащих Андрианова Николая Никаноровича и Клавдии Федоровны. Детство и юность прошли на берегах реки Волги. После окончания средней школы она поступила в Горьковский медицинский институт, откуда в 1942 году по ускоренному выпуску ушла на фронт и была направлена младшим врачом медсанбата 200-й стрелковой Двинской дивизии, где служила до 1945 года. В составе дивизии прошла боевой путь от Старой Руссы до Магденбурга. С 1945 по 1946 год исполняла обязанности главного врача 1-ого демонтажного батальона 3-ей ударной армии в звании капитана медицинской службы. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной Войны 1-ой степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», »За победу в Великой Отечественной войне.»

В сентябре 1946 года Вера Николаевна демобилизовалась и вернулась домой, в Горький. В этом же году начала работать в Горьковском научно-исследовательском кожно-венерологическом институте, где к 1976 году прошла путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора института по науке, стала кандидатом медицинских наук.

С 1976 по 1986 работала заведующей оргметодотделом в Областном кожно-венерологическом диспансере, имела почетное звание «Отличник здравоохранения РСФСР».

5 ноября 1951 года Вера Николаевна вышла замуж за Дмитрия Дмитриевича Елкина, с которым прожила в любви и согласии до его кончины в 2000 году.

Интересы Веры Николаевны Андриановой не ограничивались только профессиональной сферой. Она была легким на подъем и любознательным человеком, объехала с командировками и турпоездками весь СССР от Ледовитого океана до республик Средней Азии, от Прибалтики до Сахалина, а также побывала во многих странах Европы. Ее неизменным спутником был фотоаппа-

рат. Впечатлениями от своих поездок она делилась с друзьями и коллегами, а также выступала с сообщениями в Обществе старых нижегородцев. Вера Николаевна вступила в него в 1985 году, а с 1986 года стала членом редколлегии журнала «Памятные записки». Ее стараниями и усердием журнал был возрожден и стал вновь востребован.

Всю жизнь Веру Николаевну окружали друзья и ученики. В квартире на Ковалихинской часто происходили собрания, творческие вечера, она была организатором и вдохновителем самой разнообразной общественной активности. История, музыка, поэзия, обсуждение литературы-темы для интересных и познавательных дискуссий находились всегда. Многие годы в ее доме не прекращались такие встречи.

Вера Николаевна Андрианова ушла из жизни 8 декабря 2007 года и захоронена на кладбище «Марьина роща» в Нижнем Новгороде.

От редколлегии:

Воспоминания В.Н. Андриановой о своей жизни, о путешествиях, а также о Великой отечественной войне были опубликованы в журналах «Памятные записки ОСН»: том 26 – 1995 г., том 35 – 2010 г, том 40 – 2015 г.

М.В. Шайхутдинова

О ВЛАДИМИРЕ ВАЛЕНТИНОВИЧЕ МЕДВЕДЕВЕ

9 октября 2020 г в Городце мы вспоминали В.В. Медведева. После Литургии в главном храме Федоровского монастыря священник о. Афанасий произнес проповедь в заключение которой, напомнил прихожанам о том, что в этот день год назад скончался о. Владимир – Владимир Валентинович Медведев. Священник поделился с прихожанами своими воспоминаниями о личном общении с этим одаренным, чутким, интеллигентном и очень кротким человеком.

Владимир Медведев родился в Нижнем Новгороде (Горьком) 23 января 1947г., закончил хоровую капеллу мальчиков, затем Музыкальное училище им. Балакирева, работал в нижегородской филармонии.

Владимир Валентинович в последние несколько лет жизни подвизался регентом архиерейского хора Федоровского монастыря, и о.Афанасий вспоминал, что служить с ним было очень удобно и комфортно, поскольку природа одарила о. Владимира потрясающей музыкальностью. Он, прекрасно знающий ход церковной службы, очень мягко и деликатно руководил церковным хором. «В свободное время, после богослужений мы не раз проводили с ним время за хорошей доброй беседой о жизни, мироустройстве, обо всем вокруг. Иногда о. Владимир садился за инструмент и музицировал… и тогда он мало, кому мог бы уступить в быстром и легком подборе любой мелодии», – отмечал о. Афанасий. «Лично мне, – продолжил он, – «известны имена только трех таких замечательных концертмейстеров – один работал с Иосифом Кобзоном, второй – Лев Оганезов и третий – наш Владимир Валентинович».

С архиерейским хором Городецкой епархии на собрании ОСН, Медведев В.В. второй справа. 2018

Хор ОСН в Литературном музее им. Горького, 2011 г.

Мне, как члену Общества старых нижегородцев, было очень приятно слушать такие теплые слова о человеке, которого я знала, как дирижера хора нашего общества. Я никогда сама не пела в этом хоре, но любила посещать собрания, на которых звучали песни в исполнении наших хористов.

Особенными были концертные программы хора в те годы, когда художественным руководителем и дирижером был В.В. Медведев (2003 – 2013). Слушать песни военных лет без слез было невозможно. Мне запомнился один из последних концертов хора в честь ветеранов войны в преддверии 9 мая, который был подготовлен и проведен под руководством Медведева. У хора была традиция исполнять песни по просьбам наших, оставшихся тогда еще в живых ветеранов. У меня до сих пор перед глазами хор, стоящий на сцене Дубового зала Литературного музея им. Горького, звучали «Прощание славянки», «Марш артиллеристов», «Случайный вальс» … и др.

Хор набирался из непрофессионалов, а из любителей петь, ну, разумеется при наличии голоса и музыкального слуха. По воспоминаниям хористов, Владимир Валентинович обладал даром подметить у любителя пения то, что у него особо удается, или в каком произведении его голос будет «смотреться» наиболее выигрышно. И умел помочь очень тактичными, ненавязчивыми, как бы невзначай, подсказками добиться нужного звучания. «И у меня ром сам открывался и голос начинал звучать, и я даже стала солировать», – делилась своим опытом одна из старейших хористок Наталья Сергеевна Банщикова. «Впоследствии с другими руководителями все нарушилось, не стало такого взаимопонимания, умения «вызывать» нужные звуки», и человек замыкался на своих неудачах.

Да, он умел добиваться чужого успеха, поощряя стремление к саморазвитию и любовь к пению даже у непрофессионалов. Вот это и есть настоящий

В Доме ветеранов на юбилее Колодаева , 2016 г.

профессионализм, чтобы даже не имеющий певческого образования любитель начал петь так, что его можно было слушать и просили спеть еще … Этот дар учительства дан немногим.

Кстати, сам Владимир Валентинович, говорил, что для него учителем был его папа. Медведев закончил хоровую капеллу мальчиков, этот опыт вероятно очень помог ему в жизни, возможно встреча с прекрасными педагогами научила его чуткому, бережному и уважительному отношению к окружающим в том числе, и к тем, с кем работаешь, будь то любительский хор или профессиональный архиерейский хор, члены которого имеют специальное и высшее консерваторское образование.

Кроме того, многим запомнился Владимир Медведев, как поэт. Его стихи наш журнал публиковал не раз. Монах о.Симеон, присутствующий на панихиде на кладбище у могилы В.В. Медведева 9 октября, с отрадой вспоминал, что Владимир Валентинович удостоил его подарком – книжечкой своих стихов с авторской дарственной надписью.

В разговорах многие хотели бы поделиться своими воспоминаниями об этом замечательном человеке, оставившим свой по-настоящему неизгладимый добрый след в сердцах людей, в истории Общества старых нижегородцев, в памяти города и горожан. Возможно, еще кто-то из них обратится в нашу редак-

цию с просьбой напечатать мемуары о В.В. Медведеве, мы с удовольствием откликнемся.

Это все люди земли нижегородской, знания о них будут востребованы на все времена.

Слева направо - о. Симеон, о. Афанасий, Роман Парфенычев., певчие, Шайхутдинова М.В. 09.10.2020

Р. Парфенычев и о. Афанасий

О БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКИХ МУЗЕЕВ

- Богомолов И.С. «Что мы могли узнать о «Музее нижегородской интеллигенции» из прессы…»
- Чириков М.А. Тревожный год незабываемых встреч, тщетных надежд и уникальных пополнений
- Шайхутдинова М.В. Эксурсия по сахаровским местам
- Галай Ю.Г. «Всю жизнь работал на других…»
- Богомолов И. Нижегородский технический музей
- Мальцева И.Г. От общественной до общедоступной
- Цирульников А. Три эпизода с участием Сергея Михалкова в Горьком
- Луцкая И.Н. Банковский музей на Большой Покровской
- Новосадов И.Л. История Нижегородского Музея «Холодной Войны» и истории города Горький в 1946-1991 г.г.

«ЧТО МЫ МОГЛИ УЗНАТЬ О «МУЗЕЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» ИЗ ПРЕССЫ…»

Продолжение, начало см. том 42-43 (2017 – 2018), том 44 (2019)

От редколлегии ПЗ:

На страницах нашего журнала И.С. Богомолов знакомит читателей со своей уникальной подборкой публикаций в периодической печати, рассказывающей о прошлом, настоящем и будущем «Музея «Сестер Невзоровых» – «Музея нижегородской интеллигенции» (см. начало ПЗ-42-43, продолжение ПЗ– 44, окончание ПЗ-45).

Мы надеемся, что окончание Вашего знакомства с публикациями о жизни музея, положит начало не менее захватывающему рассказу о том, как сложились судьбы членов этой удивительной нижегородской семьи Невзоровых с потрясающей историей, связанной с историей страны и историей нашего Нижнего Новгорода.

Все проходит…и хочется верить, что пройдет «время закрытых дверей» дома №127 на ул. Горького. В «Музее нижегородской интеллигенции» снова будет людно. Как известно, «интеллигентный человек тот, при котором другие становятся лучше». Извечное стремление к самосовершенствованию снова приведет нижегородцев в это по-домашнему уютное место, где новое знакомство с красивой музыкой, поэзией, искусством, с одаренными и хорошими людьми будет всегда возможным и обязательным.

На страницах периодической печати появятся новые очерки о событиях в стенах «Музея нижегородской интеллигенции», и наши публикации о потомках легендарных в прошлом нижегородских «сестер» станут востребованными.

Подборку публикаций подготовил И.С. Богомолов

ЖУРНАЛ «В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ». 23 ОКТЯБРЯ – 6 НОЯБРЯ 2003 Г. № 12. С. 10-11.

Музей с интеллигентной биографией.

Есть в нашем городе уголок, который с 1833 года практически совсем не изменился. Старенькие деревянные домики стоят посередине лакомого кусочка земли улицы Горького. («Эх, снести бы всю эту рухлядь да построить какой-нибудь торговый дом или элитный жилой массив», – думают молодые нувориши. Да не дают им покончить с этим «закостенелым прошлым» те, кто ещё на полном серьёзе считает, что последнюю частичку истории, быта и жизни наших предков-нижегородцев надо не только сохранять, но и всё более развивать.)

Городской Музей нижегородской интеллигенции XIX века (филиал историко-архитектурного музея), которому в этом году исполнится десять лет, жив и не только не собирается сдаваться на милость современных застройщиков, но имеет далеко идущие планы. Доподлинно известно, что такой музей один на всю Россию. Посещавшие его иностранцы добавляют, что, похоже, и во всём мире он тоже один. Но такие лестные предположения хранительница музея – заслуженный работник культуры Татьяна Николаевна Казанская всерьёз не воспринимает.

Ощущение, что я вернулась на век-полтора назад, настолько захватило меня в этом доме, что по возвращении в свою современную реальность я сначала долго и тщетно пыталась выйти из музея не как все нормальные люди через обычную современную дверь, а через ту самую, «экспонатную», давно заросшую паутиной и заколоченную: ноги почему-то сами повели в направлении этого тёмного и совсем не освещённого места. А потом я всю дорогу от улицы Горького до улицы Костина шла как-то неуверенно, озираясь по сторонам на современно одетых людей и летящие потоком машины.

Уникальность музея именно в том, что он показывает обыкновенный, без прикрас, быт нижегородцев, живших во второй половине XIX века – самой что ни на есть средней прослойки населения. Их называли нижегородской интеллигенцией или разночинцами. Все они были представителями разных профессий, но объединял их высокий уровень образованности, собственной культуры, высокое интеллектуальное трудолюбие. О том, что у нас принято вкладывать в само понятие «интеллигент», мы сейчас рассуждать не будем. Мне лично очень импонирует высказывание о русской интеллигенции П. Д. Боборыкина, прочитанное мной на входе в музей: «Это понятие несёт в себе обострённую до болезненности совестливость, подвижническое служение Отечеству, мяту-

щуюся натуру, порой неумелую в действиях и решениях, бескорыстие и веру в народ».

В доме № 127, где расположен музей, жили когда-то семьи Фивейских – врачей, Невзоровых и Морошкиных – преподавателей. Они принимали очень активное участие в общественной жизни губернии и посвящали массу времени воспитанию детей и самообразованию. Вообще, наш экскурсовод не совсем согласна со званием Нижнего «карман России». Ярмарку и купечество, конечно, со счетов не сбросишь. Но и не отнимешь у Нижнего высокого интеллектуального потенциала. Хоть в XIX веке здесь и не было вузов, наши губернские гимназии считались лучшими в двух учебных округах: Московском и Казанском. Очень славился в то время Александровский дворянский Нижегородский институт, в который постепенно стекались на учебу и сыновья купцов, и сыновья разночинцев.

Но вернёмся к нашей замечательной квартире, где жило несколько поколений семей интеллигентов. Приглушённый свет старомодного светильника всё же позволяет разглядеть каждую деталь интерьера. Вся мебель из одной породы дерева – какой, уже никто не помнит. Уютно, красиво, всё на месте и ничего лишнего – вот, пожалуй, главное. Именно это «ничего лишнего» и отличало обстановку в жилых помещениях нижегородцев-разночинцев. Добавить можно ещё одну отличительную черту не только быта среднего класса, но и вообще того времени: мебель имеет абсолютно конкретное назначение. Диван или стол, поставленный в гостиной, никому бы не пришло в голову поместить в спальную комнату, в детскую или кабинет – там другие столы и диваны.

В правом уголке гостиной (она же использовалась в небогатых семьях под столовую) стоит миниатюрный и очень изысканный столик. Похож на современный журнальный. Но ловкость рук Татьяны Николаевны – и он превращается в ломберный столик, на котором мы видим и следы от мела на ворсистой поверхности, и цветные мелки, покрытые с одной стороны бисером, и, конечно, сами карты. На деньги в таких семьях не играли, в основном – на интерес.

В левом углу – ещё один маленький столик, верхняя часть которого при надобности превращается в поднос с чашками.

Посредине – главный стол с великолепной нарядной скатертью. Это не подмена – та самая скатерть, за которой столько вечеров велись умные беседы и устраивались тихие чаепития. Почему скатерть сохранилась в отличном состоянии? Всё очень просто: на каждую повседневную трапезу вместо неё стелили обычную льняную.

Кстати, мягкая мебель чем-то подобным накрыта и сейчас. Аккуратненькие чехлы с подлокотниками и оборками, сшитые из самой простой белой ткани, снимались только к очень почётным гостям или по праздникам. О том, что эта мебель предназначена именно для гостиной, говорит её миниатюрность.

Диван, конечно, не раскладывался: только сиди на нём и веди приятные разговоры.

Старинное пианино не ушло ещё на пенсию – на специальных вечерах, устраиваемых музеем, звучит его голос.

Только большие настенные часы уже не отбивают каждую половинную четверть, как это было много лет назад, – не нашлись золотые руки, которые смогли бы заставить часы снова «говорить».

Зато этот скромный и строгий буфет говорит о многом. В купеческом доме на его месте стояла бы горка со стеклянными дверками: так хозяин дома смог бы с успехом демонстрировать гостям свою роскошную посуду. В семьях интеллигентов тоже была красивая посуда, но выставлять ее напоказ считалось признаком дурного тона.

Переходим в кабинет главы семейства. Большую часть пространства занимают рабочий стол и кабинетный диван. Последний – вещь уникальная и доподлинная, привезенная из Москвы от родственников хозяев этой квартиры. Диван кожаный, мрачный и очень большой, – видимо, после долгих часов работы хозяин нередко заночёвывал на нем. Стол-секретер (выдвижная часть как бы замаскирована) – это целая история. На первый взгляд кажется, что на нём на одинаковых подставках расставлены абсолютные безделушки. Приглядишься, вслушаешься в неторопливый рассказ Татьяны Николаевны и диву дашься – и здесь каждая вещь на месте. Оказывается, на столе расставлены двенадцать предметов из классического письменного прибора. Положим, стеклянные чернильницы, карандашница, визитница и два под-

Казанская Т.Н. ведет экскурсию

свечника – это понятно. Но зачем этот нож? Всего-то для разрезания страниц в книгах: нередко и разночинцы приобретали такие недорогие экземпляры, хотя это им было не очень свойственно. (Когда-то продавец книжной лавки мог без труда догадаться, для чего его покупателю книга. Так, книги с неразрезанными страницами покупали чаще для красоты, создания интерьера – читать-то их, а значит разрезать, не собирались.) А вот перочистка из жесткого конского волоса: для серьезного и опрятного человека она необходима. Специальная спичечница, благодаря которой коробок не надо брать в руки, просто умиляет. Не обошлось и без специальной пепельницы для трубки и мундштука. Без пояснения я уже не догадалась, чему служит следующая вещица. Это пресс-папье для промакивания чернил. Но уж эта статуэтка собачки – точно красивая, но бесполезная, решила я. И тут не угадала. Довольно увесистая, несмотря на свою миниатюрность, собачка использовалась хозяином в качестве пресса для готовых бумаг (чтобы их не сдуло со стола, чтобы не смахнуть случайно локтем).

У двери кабинета – кресло для больных, называемое Вольтеровским (по имени великого философа, который в течение долгой болезни большую часть времени проводил именно в таком кресле). Оно позволяет больному человеку принять удобное положение полулежа. Под ноги подставляется специальная скамейка.

Наконец мы в девичьей, или женской, комнате. (Можно догадаться, что эта комната могла быть и спальней, но для музея, признается Татьяна Николаевна, такая комната не представляет особенного интереса: в ней бы стояли две «полуторки» и тумбочки. Именно «полуторки», и именно две: даже у страстно любящих супругов были отдельные кровати, а при желании тесного общения доставало и одной.) Здесь тоже есть письменный стол, но как он не похож на тот, массивный и строгий. Это само изящество. Встроенные шкатулки для рукоделия, миниатюрные принадлежности. А вот туалетный столик, – к сожалению, он уже не пахнет парфюмом. Кресло-качалка – вещь, пожалуй, совсем современная: очень уж не хотят люди расставаться с этим замечательным изобретением прошлого. О том, что эта комната принадлежала прекрасной даме, говорят следы её творчества повсюду. Покрывало на кровати называется вязаным, но такое прозаичное название мне не нравится: настолько тонкая, изящная и наверняка трудоёмкая это работа. На стене – картина, шитая шерстью по конгрессу (специальному материалу для вышивания).

Детская, к сожалению, ещё не оформлена. Когда-то ошибочно эта комната считалась кухней. Только спустя годы наши краеведы поняли, что на самом деле эта единственная непроходная комната (сейчас в ней для удобства посетителей сделали проход) предназначалась детям. Так было принято: ребенок не имел лёгкого доступа в покои родителей, в их личную и интимную жизнь.

Прихожая, в которую мы вернулись через детскую, по размерам превосходит гостиную. Если раньше приходили в гости, поясняют мне, то не по одному, а по несколько семей: толкаться и ждать в коридоре, пока другие разденутся, визитёрам не приходилось. Две вешалки имеют каждая своё назначение. Одна – для тяжелых зимних вещей. Вторая – летняя – для зонтов, шляп и тростей. Кстати, трость была у каждого мужчины непременно, и по ней можно было «прочитать» и возраст, и социальный статус гостя: богатые узнавались по золотым, позолоченным резным набалдашникам на трости, молодые щёголи носили с собой тоненькие тросточки-стэк. Плетёные из бамбука скамейка и стул – так называемая венская мебель – очень изящны. Но неужели они выдерживали вес сидящего на них человека? Времена были другими, и дамы были более миниатюрны, чем теперь, считает Казанская (а я бы поспорила).

Всё, увиденное мной, прекрасно. Но где более приземлённые составляющие быта? Где готовили пищу, мыли посуду, где туалет, как отапливали квартиру? Удобства в домах, подобных этому, были примерно такими, как в деревнях: ведро под раковиной, туалет на улице, отопление дровами.

Кухня в музее ещё не оборудована, потому что её, как я уже говорила, изначально перепутали с детской. Лишь потом догадались, что она была в самой дальней, возвышающейся на несколько ступеней части квартиры. В приличных семьях было не принято, чтобы запахи еды распространялись на другие комнаты. Кстати, пищу всегда готовила кухарка, даже в малообеспеченных учительских семьях.

Зато гувернанток в семьях разночинцев не держали никогда – воспитывали детей сами.

Инна Васильчикова

ГАЗЕТА «НИЖЕГОРОДСКИЕ НОВОСТИ». 5 НОЯБРЯ 2003 Г. С. 3.

Очень интеллигентный музей

Мы возле дома № 127 по улице Горького – одной из центральных и оживленных автотранспортных магистралей Нижнего Новгорода. В этом старинном двухэтажном особняке (построен в 1842 году) располагается Музей нижегородской интеллигенции, научные сотрудники которого недавно отметили 10-летний юбилей своей просветительной и воспитательной работы.

Нижний Новгород в XIX веке был не только крупным торговым и промышленным, но и культурным центром России. Здесь плодотворно развивались художественная, театральная и музыкальная культура, а также краеведение.

Было своё понимание деревянного зодчества. Лучшие представители городской интеллигенции способствовали развитию культуры края.

В связи с этим в 1960-е годы прошлого века возникла идея создать музей быта и образа жизни нижегородских подвижников культуры.

Инициатором этого замысла и претворения его в жизнь была одна из первых выпускниц (1951 г.) исторического факультета госуниверситета имени Н.И. Лобачевского Татьяна Николаевна Казанская. Ныне у Заслуженного работника культуры РСФСР за плечами более полувека работы в музейных учреждениях.

Первый шаг по созданию неординарного музея, как вспоминает Т.Казанская, был сделан в 1967 году. Тогда в квартире на втором этаже упомянутого дома была воссоздана часть бытового интерьера нижегородского интеллигента – гостиная-столовая.

– Татьяна Николаевна, почему для создания музея был выбран именно этот дом?

– Выбор сделан не случайно. Во второй половине XIX века между двумя окраинными площадями – Острожной (площадь Свободы) и Ново-Базарной (площадь 1 Мая, позднее пл.Горького) – находилась и окраинная улица Полевая (улица М.Горького). Посередине её и был этот дом, на втором этаже которого жила семья Людмилы Невзоровой, принадлежавшей к разночинной интеллигенции. Глава семьи Павел Иванович Невзоров был преподавателем духовной семинарии (площадь Семинарская, потом Благовещенская, ныне – Минина и Пожарского) и дослужился до звания дворянина. Дочери учились в Мариинском институте благородных девиц (Верхне-Волжская набережная, третий учебный корпус бывшего политехнического института, ныне технического университета), а сын – в Александровском дворянском институте (ныне областная библиотека имени Ленина). Позднее Зинаида, Софья, Августа и Павел Невзоровы принимали участие в революционном движении.

Наш земляк, известный писатель XIX века Пётр Дмитриевич Боборыкин, раскрывая понятие «русская интеллигенция», писал, что оно несёт в себе обостренную до болезненности совестливость, подвижническое служение Отечеству, бескорыстие и веру в народ. – Всё это имело отношение к семье Невзоровых.

А сормовский рабочий-революционер Петр Андреевич Заломов (был прообразом героя романа М.Горького «Мать» Павла Власова) в своих «Воспоминаниях», сопоставляя сестёр Невзоровых с другими интеллигентами, утверждал, что они и есть самые лучшие из интеллигенции.

– После создания части музея было очевидно, что тему экспозиции надо расширять и углублять...

– Вы правы. Кропотливая работа длилась более десяти лет. Было собрано около 700 экспонатов, что позволило полностью воссоздать типичную квартиру нижегородского интеллигента среднего достатка, интерьер которой отличался от мещанского, купеческого и дворянского.

Летом 1979 года обновлённый музей был открыт. С этого времени в нём стала работать экскурсоводом новая сотрудница, историк по образованию Ольга Константиновна Гуляева, а с середины 90-х годов она стала директором музея.

В 1992 году возникла необходимость на основе музея-квартиры нижегородского интеллигента создать музей, посвящённый одному из активных отрядов российской интеллигенции – нижегородской, тем более что в конце XIX века особенно широко развернулась ее общественно-культурная деятельность.

Открытый в 1993 году, он явился единственным в России типологическим музеем разночинной интеллигенции XIX века.

– Недавно в музее побывали гости нашего города из Германии. Ваши впечатления об этой встрече...

– По ходу экскурсии они живо интересовались назначением многих экспонатов. Например, в гостиной-столовой их внимание привлёк ломберный столик (обтянутый зелёным сукном, четырёхугольный, раскладной, для игры в карты), в рабочем кабинете главы семьи – письменный стол с 12 предметами из уральского зеленоватого камня, с ящичками и полочками, а также кресло для инвалидов, а в девичьей комнате – туалетный столик. В просторной прихожей они обратили внимание на большую вешалку для пальто, шуб и на специальную – для шляп, тросточек и зонтиков.

– Каковы основные задачи музея?

– На положительных примерах прошлого мы стремимся привить посетителям, особенно молодежи, «образованность вкуса» – по выражению Н.И. Лобачевского, умение правильно организовать семейный и личный досуг. Люди должны учиться ценить не только материальный достаток дня текущего, но и духовные ценности, беря всё лучшее, что оставило нам прошлое, что было создано руками, умом и душой их предков.

– Ваши планы на ближайшее будущее?

– Есть потребность расширить существующую экспозицию и создать новые музейные залы в рядом расположенных домах, чтобы показать быт чиновников, купцов и мещан.

В связи с этим надо сохранить участок деревянного зодчества, кстати, существующий с 30-х годов XIX века. Это район улиц Горького и Решетниковой (бывшая Акулинина слобода, позднее – Решетникова слобода), а также Гранитного переулка (бывший Петропавловский).

Заманчиво создать здесь музейно-туристический центр «Старый Нижний», где были бы сувенирная лавочка на первом этаже так называемого купеческого дома, русская банька (не только помывочная, но и как лечебница), трактир, каретный дворик с лошадьми, домик по интересам (например, посиделки с хороводами и песнями), существующая церковь Петра и Павла (венчания, крестины), зелёные дворики с берёзками, липами, рябиной, калиной, цветами...

Уверены, что со временем с точки зрения бизнеса затраты на всё это с лихвой окупятся, ведь это будет интересно и познавательно не только нижегородцам, но и российским и иностранным туристам.

В свое время известный писатель Константин Паустовский в автобиографической «Повести о жизни» с волнением писал: «...Нет ничего омерзительнее, чем равнодушие человека к своей стране, к её прошлому, настоящему и будущему, к её языку, быту...» Не будем же уподобляться подобным типам, а постараемся сохранить этот островок старого зодчества в память о прошлом, для настоящего и будущего нашего славного Нижнего.

Беседовал Георгий ФЕДОРОВИЧ.

ГАЗЕТА «НИЖЕГОРОДСКИЕ НОВОСТИ». 19 МАРТА 2004 Г. С. 6.

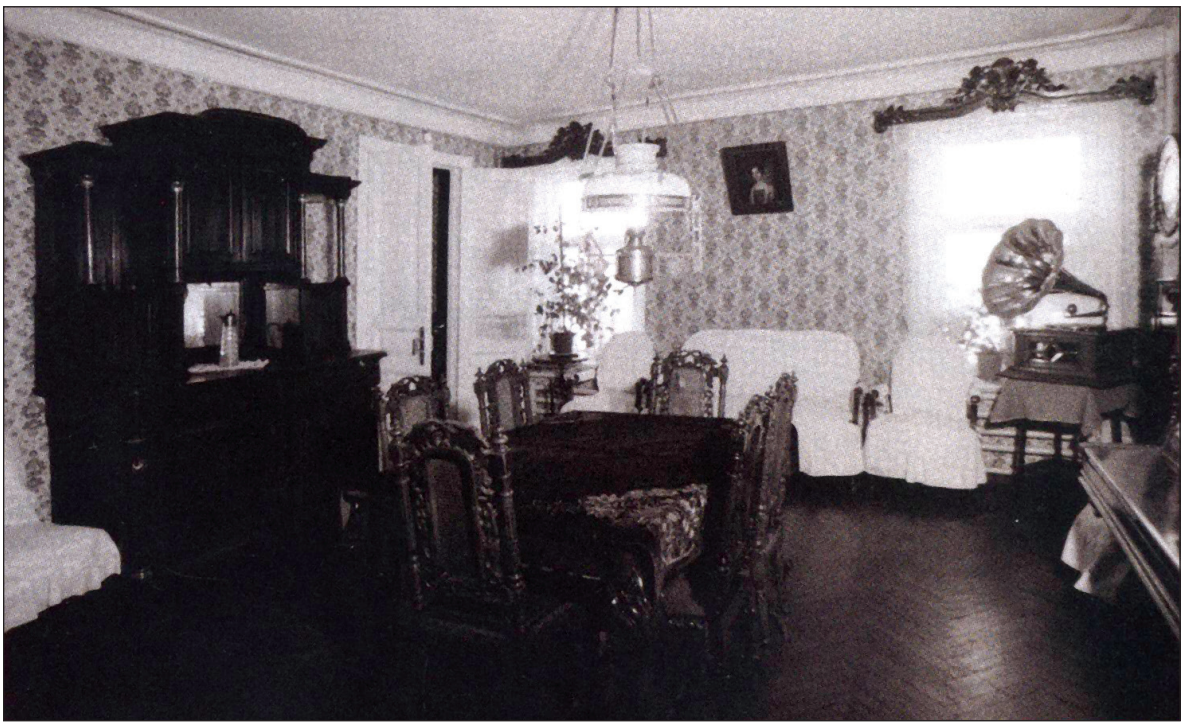
Музей-анклав и туристическая тропа

В этот музей часто заходят с улицы, удивившись названию на табличке у входа: « Музей нижегородской интеллигенции».

А удивление, как известно, начало познания.

И те, кто удивился и сделал навстречу познанию первый шаг, редко бывают разочарованы. Те же, кто сделал первый шаг по деревянной лестнице музея, не бывают разочарованы никогда.

Когда-то в путеводителях по советскому городу Горькому он назывался музеем-квартирой Невзоровых, одним из мест, где в 1900-м году побывал основатель советского государства в России Владимир Ленин, тогда еще молодой социал-демократ Ульянов.



в Музее нижегородской интеллигенции

В годы новейшей истории России – «демократической» – музей чуть не закрыли: с революцией боролись революционными же методами.

Тогда основательнице и бессменной хранительнице музея Татьяне Казанской пришлось искать способы спасения музея и памятника истории – и он обрёл новое название, превратился в музей-квартиру нижегородского разночинца на большой Полевой улице.

Из песни слова не выкинешь, из истории трудно вырвать страницу. Лакуна, оставшаяся после такой варварской операции, всё равно привлекает внимание потомков, даже порой более пристальное, чем событие, которое хотели вычеркнуть из памяти.

За примерами ходить не надо – достаточно посмотреть одну из бесчисленных телепередач, посвящённых историческим темам, или глянуть на полки книжных магазинов, пестрящих бестселлерами из серии «Тайны прошлого».

Грустное признание: дом, по ступенькам которого я поднимаюсь на второй этаж, идя на встречу с его добрым гением Татьяной Казанской, может стать такой же лакуной.

Татьяна Николаевна Казанская, один из старейших работников музеев Нижнего Новгорода, начала создавать свой музей, когда идеологемы были сильнее исторической правды и даже обычной логики.

Была установка: социал-демократы жили бедно, рабочее движение организовывалось в нищете.

Первая обстановка музея семьи Невзоровых, на квартире которых и произошла историческая встреча Ленина с нижегородскими социал-демократами, полностью соответствовала этой идеологеме и, по словам Казанской, была сделана с определёнными историческими и бытовыми отступлениями: голые деревянные стулья, простой стол, дешёвая керосиновая лампа под потолком. Можно представить, насколько «правдиво» она воссоздавала эпоху последних лет XIX века!

О том, как восстанавливались интерьеры, соответствующие реальному быту городских интеллигентов типичного русского города, можно написать роман по рассказам самой Казанской. Но рассказывать, тем более писать, ей некогда – она спасает своё детище, которому грозит гибель.

Современный город агрессивно наступает на маленький островок XIX века – квартал деревянных домов, сердцем и смыслом которого является Дом-музей нижегородской интеллигенции.

В прошлом бои любителей местной истории шли за каждый дом старше полувека.

Сегодня маятник истории качнуло в противоположную сторону – сносить поквартально, отдавая старый город на откуп строительным компаниям.

Уже есть идея перенести музей в другое место, деревянный квартал снести, выстроить на его месте дома с дорогими квартирами и роскошными магазинами.

А ведь есть идея получше. Суть её проста: сохранить островок городской застройки, облагородить его и создать музейно-туристический ансамбль из 17 уцелевших здесь домов. Некоторые из них могли бы превратиться в гостиничный комплекс с воссозданными интерьерами XIX века, типично российскими как экзотика, особенно востребованная иностранными туристами.

Идея родилась три года назад как очередная версия спасения музея-памятника и его исторического окружения. Архивные изыскания Татьяны Николаевны Казанской и специалистов НИП «Этнос» показали перспективность задумки – ведь здания в хорошем состоянии, по документам прослеживается судьба их строителей и первых владельцев (что само по себе уже интересно), квартал сохранил границы 1833 года и объединён чертами типично нижегородской городской деревянной архитектуры. Соседство с бывшим городским кладбищем, ныне парком имени Кулибина, в котором сохранились могилы самого известного русского изобретателя-самоучки, а также бабушки Алексея Максимовича Горького, обязывает.

Буквально через дорогу чудом сохранился ещё один исторический квартал, но это уже другая эпоха – первых советских кооперативов.

В годы, когда нэп набирал силы и в быстро растущем Нижнем Новгороде разразился жилищный кризис, стихийно заселялось всё мало-мальски пригодное под жильё – разорённые церкви и монастыри, лабазы Нижегородской ярмарки...

Жилищно-строительные кооперативные товарищества объединяли тех, кто готов был свои сбережения вложить в постройку квартиры.

Среди учредителей ЖСКТ «Красный просвещенец» было много известных в городе учителей, врачей, писателей и поэтов, но были и рабочие.

К началу 1930-х годов прошлого века на отведенной под застройку территории между улицей Белинского, Тверским проездом и 15-й линией (ныне ул. Ашхабадская) выросли десять двухэтажных четырех-квартирных коттеджей.

Ещё через несколько лет квартал усилиями его жителей превратился в город-сад, буйно цветущий по весне вишневым, жасминовым, сиреневым цветом и радующий летом тенью лип и берез.

А дети, выросшие здесь в особой атмосфере интеллигентского квартала, стали известными врачами, конструкторами, профессорами и педагогами.

В одном из этих домов жил почетный гражданин Нижнего Новгорода архитектор Святослав Агафонов, вернувший городу его историческую святыню – кремль.

Татьяна Николаевна любит называть свой деревянный островок анклавом. Это слово очень точно обозначает сразу несколько смыслов нынешнего существования музейного квартала. Окружённый со всех сторон современной высотной застройкой квартал деревянных двухэтажных домиков с уютными зелеными двориками – это островок русской разночинной культуры, отличи-

тельной чертой которой было бескорыстие – среди такого делового и все меряющего на деньги города XXI века!

Тишина комнат и неспешность бытия интерьеров века, не знавшего ничего быстрее конки...

Если метрополия не борется за свой анклав, он гибнет в окружении недружественных государств, а с ним гибнут стратегические преимущества и становятся напрасными завоевания предков.

Сегодня борьба России за Калининград, например, имеет ведь не только политический и территориальный смыслы, но и глубоко исторический подтекст, что очень чувствует каждый гражданин страны, испытавший унижение развала великой державы.

Иногда в разговорах с Татьяной Николаевной я улавливаю и этот смысл, хотя, как музейщик до мозга костей, она упорно твердит о непреходящей ценности подлинных исторических вещей и зданий и предлагает сохранить осознанно то, что чудом уцелело. И выигрышно показать это туристу на пешеходной туристической тропе, проложенной сквозь два столетия городской истории.

Нижний Новгород богат историческими памятниками. Наш историко-архитектурный музей-заповедник, несмотря на затяжной кризис с реконструкцией главного здания, остаётся одним из богатейших краеведческих музеев России. Экскурсия по его филиалам может превратиться в многодневное путешествие, открывающее многоцветие быта и нравов всех слоев российского общества.

Музей нижегородской интеллигенции смотрится сегодня как неотъемлемая часть этой объёмной и масштабной панорамы эпох. Его нельзя ни перенести, ни лишить исторического окружения без того, чтобы не утратить этой объемности, панорамности. Каким бы шедевральным ни был дом, что вырастет (не дай Бог!) на месте исторического анклава, он будет смотреться невосполнимой лакуной нашей истории. Мы будем все пристальнее искать милые и трогательные в своей беззащитности утраченные следы интеллигентности в облике родного города. Так, может быть, лучше успеть и сохранить, пока эта интеллигентность еще является не историческим фактом, а артефактом нашей жизни?

Елена СТАРИЧЕНКОВА.

ГАЗЕТА «НИЖЕГОРОДСКИЙ РАБОЧИЙ». 9 СЕНТЯБРЯ 2004 Г. С. 1.

Интеллигентов посылают на Щёлоковский хутор

На месте дома-музея собираются построить элитную высотку.

В областном министерстве культуры Музею нижегородской интеллигенции предложили сменить место жительства и расположиться по соседству со старообрядцами. Дом же Невзоровых, как он прежде назывался, намерены

снести и на его месте построить жилой 12-этажный дом с подземной автостоянкой, торговым центром и офисными зданиями.

Вопрос этот, как говорят, не подлежит обсуждению, и это дали понять сотрудникам музея. Доводы, которые те приводят в ответ чиновникам, похоже, никто не слышит.

– Весь квартал, где находится музей, – рассказывает заслуженный деятель культуры РФ Татьяна Казанская, – является подлинной застройкой середины XIX века. Из 15 домов, сохранившихся с прошлого столетия, 13 представляют историческую ценность. Подобных цельных комплексов, где ещё так сохранился колорит позапрошлого столетия, в городе больше нет.

Татьяна Николаевна вынашивала планы по сохранению этого кусочка русской экзотики. И был уже готов проект, как реконструировать исторический квартал, который привлекал бы туристов не меньше кремля. Старые дома было реально превратить в гостиницы, сохранив в них русский дух. Этот дух должны были создавать цирюльни, лавки, трактиры с домашними обедами... В центре Нижнего мог вырасти старинный русский городок. Такие исторические уголки во всём мире берегут...

Теперь на этих планах можно поставить крест, хотя последняя надежда у Татьяны Казанской всё же остаётся: вдруг министр культуры Владимир Седов одумается и не даст будущему застройщику фирме «Капитал-НН» разрушить дом-музей, где всё так бережно хранится.

В главном управлении архитектуры и градостроительства подтвердили информацию, что дома на улице Горького, в том числе и Музей нижегородской интеллигенции, собираются сносить, освободив место под строительство элитного жилого дома с торговым центром и офисными помещениями.

Со всем историческим скарбом «интеллигентам» предстоит переезд на Щёлоковский хутор, где уже есть один музей – деревянного зодчества.

Марина НОВИКОВА.

ГАЗЕТА «ГОРОД И ГОРОЖАНЕ» 6-12 СЕНТЯБРЯ 2005 Г., С. 7.

А может, не будем сливаться с фоном?

Место это совершенно уникальное. Можно видеть, как строили наши предки, берегли, украшали свои дома.

Ставили на полудомок – каменный цокольный этаж, чтобы дерево не гнило. В нижних этажах располагали лавочки и мастерские по рукоделию. Наверху, у чиновников и отставных военных, давали домашние обеды.

Дом почитался как живое существо, с собственным лицом. («Наличники» – значит «на лице».) Можно увидеть, как они жили...

Дом родителей известных революционерок – сестер Невзоровых – стал Музеем нижегородской интеллигенции.

В этом музее и работает заслуженный работник культуры РФ Татьяна Николаевна Казанская, которая рассказала мне о «деревянном анклаве» – так она называет слободку, сравнивая с государством во враждебном окружении. Почему? Да потому что власти планируют смести с лица земли все эти произведения исконно русского деревянного зодчества.

Вторжение уже началось: в центре деревянной слободки стоит современное кирпичное здание, резко диссонируя с окружением. Оно построено на месте сгоревшего дома. Почему он сгорел? Да потому, наверное, что место кому-то приглянулось.

Еще один дом начали разрушать этой весной. Управление архитектуры и градостроительства администрации Нижнего Новгорода направило в министерство культуры Нижегородской области запрос еще в апреле 2002 года о согласовании проектирования жилого комплекса с офисами, магазинами и подземной автостоянкой (заказчик – ЗАО «Капитал НН»), предусматривающий снос исторической застройки. Министерство культуры ответило на этот запрос отказом, так как ранее был утвержден иной вариант, предусматривающий сохранение застройки. После этого и случился пожар.

Краеведы, историки, общественность, даже Нижегородское общество защиты прав человека сражаются за сохранение деревянной слободки. Писали в своё время мэру Лебедеву, потом мэру Булавинову, федеральному инспектору Обозову, министру культуры Седову...

Ответов нет.

НИП «Этнос» провело обследование квартала и подготовило обоснование выделения участка в границах улиц Горького, Решетниковской, переулка Гранитного в качестве историко-культурной заповедной территории. Техническое состояние зданий признано хорошим.

Вот некоторые выводы.

Здание бывшего Сергеевского начального училища (переулок Гранитный, 5) – уникальный образец школьной деревянной постройки конца XIX века.

Седьмой и девятый дома по переулку Гранитному вместе составляют едва ли не единственный для Нижнего пример городской жилой усадьбы, имеют архитектурную ценность.

Дома 129а и 137а по улице Горького – уцелевшие до сего дня (а это само по себе редкость) усадебные флигеля, составляющие к началу XX века характерный глубинный фон для уличной застройки. Это тоже ценные объекты историко-архитектурной среды с характерным для Нижнего того времени декором.

Кроме того, квартал расположен в непосредственной близости к Петропавловской (Всехсвятской) церкви – памятника архитектуры XVIII века. Утрата

исторической застройки оторвёт храм от естественного архитектурно-исторического контекста.

Градостроительные решения должны приниматься на основе режима исторической территории «Старый Нижний Новгород», в которую входит квартал. Необходимо согласование с Министерством культуры РФ.

Но дома ломают безо всяких согласований...

Татьяна Николаевна Казанская предлагает создать в деревянной слободке центр иностранного туризма. Ведь турист отправляется в свое путешествие за экзотикой!

Шикарным отелем иностранца не удивишь.

Значение иностранного туризма для бюджета у нас понимают, иначе не стали бы вкладывать такие деньги в Започаинье.

Программа очень нужная!

Но одной Ильинской слободы для целого города всё-таки маловато. И там каменные дома. А Россия испокон веку славилась деревянным зодчеством.

Деревянная слободка могла бы дополнить и расширить программу посещения иностранных гостей.

Можно создать здесь гостиничный комплекс в русском стиле, с размещением туристов в деревянных домах. Русская печка с лежанкой, светильники «под керосиновые лампы». Никаких саун – русская банька!

На верхних этажах – жилые помещения, на первых можно лавочки открыть, мастерские – те же кружева продавать, вышивку.

Несколько домов использовать под трактир, цирюльню, аптеку, чайную, постоянно действующие – сюда народ и местный пойдёт!

Татьяна Николаевна рассказывала, что в Суздале есть такие дома и в них селят иностранцев. Берут с них 500 долларов за день.

У нас не хуже! Газ, вода, телефон, свет – всё есть.

Казанская – спортсмен-конник в прошлом – предлагает вместо самостийных ржавых гаражей поставить в Гранитном переулке конный двор. Русская тройка, зимой саночки...

Многие города и даже страны живут за счёт иностранного туризма. Почему люди едут в Прагу, Вену, Толедо, Венецию, Таллин? Потому что эти города имеют свое лицо, только им присущие особенности.

Кому интересно стоять в пробках и дышать пылью и смогом? А именно к этому идёт сейчас наш город.

Маленькая Елабуга, в которой всех достопримечательностей – могила и музей Марины Цветаевой, получает от туризма колоссальный доход.

И мы можем!

Почему вообще судьбоносные для города решения принимают люди, как ни крути, временные? Может, завтрашний градоначальник будет лучше пони-

мать значение культурного и исторического наследия для нынешних и будущих поколений – а наследие-то уже будет уничтожено...

Создание центра иностранного туризма в Старом Нижнем не потребует строительства новых зданий, подведения коммуникаций. И не только спасёт исконно русскую архитектуру, но и будет приносить немалую прибыль.

Кстати, этот проект не противоречит генплану: в новых правилах застройки города Н. Новгорода слободка входит в зону Ц 1 (деловой активности), а в перечне разрешённого использования недвижимости для этой зоны присутствует пункт «гостиницы, центры обслуживания туризма».

В деревянном зодчестве живёт сама душа русского народа. Исследователи считают, что именно потому Россия так отличается от Запада: у нас строили дома из тёплого дерева, у них – из холодного камня.

Зачем же нам «причёсываться» под Запад? Обезличиваться, сливаться с фоном? Чтобы наши дети могли уважать свою страну, нам надо ценить искусство предков.

Светлана ГЕЛЛЕРТОВА

ГАЗЕТА «ГОРОД И ГОРОЖАНЕ» 6-12 СЕНТЯБРЯ 2005 Г.,

В ловушке времени

Пытаясь понять проблему, связанную с предполагаемым сносом музея интеллигенции, как можно полнее, я беседовала с работниками турфирм и гостиниц, музейными работниками, просто с горожанами. Единства мнений ни в одной из опрашиваемых групп я не обнаружила.

Многие считают, что районч ик вокруг музея интеллигенции правильнее снести – естественно, вместе с самим музеем.

Какие основания для сноса?

Во-первых, общий вид улицы.

Прозвучало выразительное сравнение.

«Представьте, – сказал мне один, по-моему, вполне интеллигентный собеседник, – рот, в котором прекрасные белые зубы. Неважно, коронки это или настоящие. Они белые. А на одном, как назло переднем, – золотая коронка. Какое впечатление она будет производить? Хотя, между прочим, золотая...»

Во-вторых, основанием для сноса называлась недолговечность деревянных построек: мол, всё равно через сколько-то лет обветшают и придётся сносить. Дерево недолговечно.

В-третьих, высказывалась забота о горожанах по логике: «Реконструкция потребует таких денег, что на них полгорода можно бы заселить в новые квартиры».

Не буду приводить все аргументы – их было много.

Назову последним только одно, меня изумившее.

«Ну, и пусть сносят», – сказал мне выбранный для опроса предприниматель. – Почему мне должно быть жалко, если тем, от кого на самом деле зависит судьба старого города – городской и областной администрации, – ничего не жалко? Вместо города с самобытным лицом сделали безликую морду. Весь старый Нижний выломали. Тьфу! Что жалеть, если от меня ничего не зависит? Только душу вымотаешь...»

Так всё-таки: позорящие город развалюхи или бесценное сокровище ютится на улице Горького?

Кажущийся таким сложным ответ на этот вопрос, по-моему, достаточно прост. Ну, снесём старый город – и что потом?

Только абсолютному идиоту ответ: «будет новый город» – может показаться убедительным.

Что показывать в новом городе?

Нет, я в данном случае даже не про туристов.

Детям и внукам что показывать? На чём, на каких предметах формировать то самое чувство причастности к великому русскому государству, к великому историческому прошлому собственной страны и собственного города, если на месте древнего славного города будут многоэтажные офисы и современные же жилые дома?

На государственном уровне принята программа патриотического воспитания. Только не желающему видеть не видно, что выламываемые дома – часть этой программы. Часть, куда более действенная, чем все вместе взятые лекции на патриотическую тему.

Если идти по пути «выдирания золотого зуба и его замены на белый» (воспользуюсь ярким сравнением моего собеседника) – неизбежно придём к кусанию метафорических локтей: «Уничтожили! Какая невосполнимая утрата! Вот были глупцы! Да теперь-то мы бы...». И далее в том же духе.

Что же касается технической стороны дела...

«Конечно, можно», – пожали плечами все те представители бизнеса, с которыми я консультировалась. Можно всё: и сохранить деревянные дома, и реставрировать их, и открыть в них гостиницы. И пустить по улицам тройки...

Можно всё. Вопрос только в том, как мыслят по этому поводу хозяева.

Хозяева – это те, кто распоряжается землёй. Если они считают, что их задача – получить деньги сейчас и как можно больше, – старые дома неизбежно исчезнут и появятся новые.

Всё на поверхности: ломается старый дом, появляется новый – значит, кто-то получил деньги за то, что кому-то позволил снести и построить. (Ни в коем случае не смею утверждать, что цифра достоверна, но все же назову, какова, как мне сказали, взятка за снесение дома-памятника: от 120 до 150 тысяч долларов.)

Уничтожение старого города – это политика временщиков. В век, когда уже абсолютно ясно, что люди во всём мире зарабатывают деньги в основном для того, чтобы потратить их на счастье увидеть другие страны, другие обычаи, другое, давно прошедшее время, – уничтожать исторический Нижний могут только те, кому до будущего города нет дела.

Спрашивала в турфирмах: да, есть интерес к «кусочкам прошлого». Ещё какой интерес!

Спрашивала в гостиницах «старинного типа» (с восстановленными старинными интерьерами) – да, гости города готовы заплатить за удовольствие пожить в колоритном, своеобразном интерьере. Особенно нравится иностранцам.

Спрашивала юношей и девушек – тех, кто входит в жизнь: нет, им не все равно. Им хочется, чтобы их город сохранил своё наследие!

А музей?

Не знаю. Директор всего областного музея-заповедника, частью которого является Музей нижегородской интеллигенции, В. С. Архангельский уверяет сотрудников, что ничего страшного не происходит. Всё хорошо.

Но в планах развития города, которые печатает газета «Биржа плюс свой дом», ни музея, ни прилегающей к нему историко-культурной зоны нет. Зато есть и всем хорошо виден многоэтажный бизнес-центр, взирающий на окружающую его деревянную «мелкоту» многозначительным взглядом.

При всем желании как тут не вспомнить Козьму Пруткова? «Если, – говорил великий мастер афоризмов, – ты на клетке со слоном увидишь надпись «буйвол» – не верь глазам своим».

Вера РОМАНОВА

ЖУРНАЛ «ВСЯ НЕДВИЖИМОСТЬ – НИЖНИЙ НОВГОРОД», 17-23 ИЮНЯ 2008 Г., С. 38-39.

Музей нижегородской интеллигенции – дом, который воспитывает

Справка. Музей нижегородской интеллигенции (ул. Горького, дом № 127) был создан в 1967 году. Тогда экспозиция была посвящена посещениям Нижнего Новгорода в целом и в частности – этого дома – Владимиром Ульяновым-Лениным. Но во времена перестройки Никита Михалков решил разместить здесь один из своих культурных фондов. Он обратился в органы власти, написав, что в музее ведётся политическая агитация социалистического режима. Чтобы спасти от гибели музей, его решили перепрофилировать. Раньше в этом доме жили представители интеллигенции: семьи Невзоровых, Морошкиных, до них – Фивейских. Недолгое время, в 1899 году, здесь жила Мария Ильинична Ульянова. В 1900 году вместе с Владимиром Ильичом здесь были Анна Ильинична,

нижегородка по рождению, Мария Александровна Ульянова, мать этой большой семьи. Так, с 1993 года музейные работники стали собирать материал о жизни нижегородской интеллигенции. Благо, повод для этого имелся.

Сейчас идёт речь о переносе некоторых исторических памятников из центра города. Под раздачу попал и единственный в России типологический Музей интеллигенции. Его основатель и добрый ангел Татьяна Казанская рассказала нам про историю этого необыкновенного Дома, нравах и обычаях его обитателей.

– Татьяна Николаевна, расскажите историю этого необычного дома.

– Старый Нижний – это то, что нам досталось от прошлого и то, что мы обязаны беречь. Но наша история постоянно, ежечасно разрушается. Красивые индивидуальные деревянные дома принято называть «ветхим фондом», а то и того хуже – «гнилушками».

Сначала в этом доме, 1842 года рождения, была экспозиция, рассказывающая о приезде в наш город Владимира Ульянова. Псевдоним Ленин появился у него в 1902 году, а последний раз он приехал в город в 1900-м. Так что, Ленин у нас в городе не был!

В 1993 году мы сделали в этом доме экспозицию, посвященную жизни нижегородских интеллигентов.

Надо сказать, что прилегающий к дому участок – единственный сохранившийся цельный участок конца XIX века. Здесь жили представители всех сословий: купцов, ремесленников и интеллигентов.

Не стоит забывать, что именно интеллигенты, люди среднего достатка, сделали огромный вклад в развитие культуры и образования – это люди особого воспитания, культуры, духа, знаний, образования и образа жизни. Этот класс не имеет социального сословия. Ни в одном документе не напишут: «сын интеллигента», зато укажут: «сын дворянина» или «купца».

В этом доме жило две семьи – Невзоровых и Морошкиных.

Неправильно говорить, что это музей сестёр Невзоровых. Квартира принадлежала, прежде всего, родителям, правильнее сказать, отцу.

Семья Невзоровых – представители разночинной интеллигенции. Отец преподавал в Духовной семинарии и был разносторонне развитым, начитанным, образованным человеком. Дойдя до седьмой ступени в «Табели о рангах», он получил статус дворянина, но не потомственного, а личного. Тем не менее, его дети имели возможность учиться в нижегородских элитных учебных заведениях. Поэтому все девочки из семьи Невзоровых окончили Институт благородных девиц, а сын – Александровский дворянский Институт (он располагался в здании Областной библиотеки им. Ленина).

Нижегородская губерния не имела высших учебных заведений, но её элитные учебные заведения и губернская гимназия выпускали прекрасно образованных людей. Из их стен вышло много известных учёных, литераторов,

публицистов. Например, в Дворянском институте учился Константин Бестужев-Рюмин. Именно этот человек основал знаменитые «бестужевские курсы» – это было одно из немногих место в России, где женщины могли получить высшее образование.

Дети семьи Невзоровых, как многие представители нижегородской молодежи, также стремились получить высшее образование. Зинаида Павловна и её старшая сестра Софья Павловна закончили «бестужевские курсы», а Августа – высшие медицинские курсы при Казанском университете. Только Ольга не получила высшего образования, так как рано, в 19 лет, вышла замуж за преподавателя Кадетского корпуса Голубцова. А сын закончил Харьковский Университет.

Учились Невзоровы хорошо, с серебряными медалями и аттестатами. Думаю, здесь дело в том, что воспитывались они на примере родителей, заражаясь их необыкновенной трудоспособностью.

– Татьяна Николаевна, проведите нас, пожалуйста, по дому...

– Интерьер разночинного интеллигента скромен, так как доходы интеллигенции всегда были невысокими. Тем не менее, в обстановке, подборе мебели и других деталей интерьера виден художественный вкус.

В доме царила особая атмосфера уюта, спокойствия, она сама по себе воспитывала, заставляла особым образом вести себя. Тут нет посторонних предметов, всё продумано до мелочей. <…>

В музее бывает много людей – туристы, школьники, студенты...

Однажды сотрудники НБД-банка привели состоятельного французского предпринимателя. Он уже объездил большую часть России. Так вот, после экскурсии этот человек сказал: «Я был не в музее, я был Дома». Он понял и ощутил атмосферу домашнего тепла и уюта. В другой раз у нас были в гостях 12-13-летние подростки. И один из них сказал: «Я бы хотел остаться навсегда жить в этой квартире».

Татьяна Николаевна хочет сберечь для будущих поколений дом и его ближайшее окружение, единственное в своём роде. И мы, в свою очередь, верим, что её надежды на сохранность исторических памятников не беспочвенны.

М.А. Чириков

ТРЕВОЖНЫЙ ГОД НЕЗАБЫВАЕМЫХ ВСТРЕЧ, ТЩЕТНЫХ НАДЕЖД И УНИКАЛЬНЫХ ПОПОЛНЕНИЙ

(Литературный музей писателя Е.Н. Чирикова в 2020 году)

Оглядываясь на прошедший страшный ковидный 2020 год, закрывший на месяцы доступ в наш музей всегда желанных школьников, студентов, преподавателей, экскурсионных групп и гостей Нижнего Новгорода, с удивлением обнаруживаю, что в короткие перерывы между запретами гостей музея, литературных встреч и экскурсий по мемориальным местам Е.Н. Чирикова было много, что во время самоизоляции музей активно участвовал в онлайн конференциях и выставках, расширял экспозицию и пополнял свою коллекцию. Продолжалась работа над книгами и научными статьями. Строились планы на будущее. Значит будем жить!

Как итог нашей активной жизни – внесение музея Е.Н. Чирикова в единый реестр литературных музеев России и номинирование на премию Нижнего Новгорода.

На экскурсии 15.02.2020

Что удалось? Прежде всего то, что мы не ушли в глухое подполье и максимально использовали драгоценное время для проведения встреч и экскурсий. До самоизоляции прошли литературные вечера и выставки «Уникальные автографы», «Е.Н. Чириков в Нижнем Новгороде», «Евгений Чириков и нижегородские писатели» в Центральной городской библиотеке и библиотеке им. С. Михалкова Приокского района г. Нижнего Новгорода. Встречи вызвали такой большой интерес, что по их итогам Центральной городской библиотекой г. Нижнего Новгорода было принято решение о создании ресурсного центра Е.Н. Чирикова, в котором за ис-

текший год были собраны тексты всех значительных произведений Е.Н. Чирикова и научных исследований о жизни и творчестве писателя.

ИМЛИ в Музее 26.03.2020

До марта 2020 музей успели посетить группы школьников Автозаводского района. Логическим продолжением детских экскурсий стали сочинения ребят об истории своих семей и их обращение к семейным фотографиям, письмам и рассказам старших членов семьи.

В августе и сентябре музей успели посмотреть гости из Китая (аспиранты МГУ) и научные сотрудники Института мировой литературы (Москва). Выделяю эти две экскурсии отдельно, потому что встречи с филологами, архивистами, исследователями русской литературы вносят в музейное общение атмосферу взаимного интереса к литературному творчеству и русской литературе. Мы вместе анализируем и сопоставляем факты биографий разных писателей, их произведения, из чего часто потом рождаются темы научных исследований и докладов.

В условиях ограничения экскурсий в Высшей школе экономики удалось увеличить число экскурсий по мемориальным местам писателя Е.Н. Чирикова в Нижнем Новгороде и по «Литературному кварталу» улиц Новой и Короленко в рамках фестиваля «ТомСойерФест» при поддержке «Команды800», созданной к 800-летнему юбилею Нижнего Новгорода. В ходе этих экскурсий жители и гости нашего города погружались в атмосферу жизни усадьбы архитектора Лемке, в которой жили В.Г. Короленко, Максим Горький и Евгений Чириков, а гостями были Леонид Андреев, Скиталец, А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.Богданович, Ф.И. Шаляпин… Экскурсии завершались в гостиной сохраненного градозащитниками и восстановленного участниками фестиваля старинного дома вдовы Скворцовой

чтением воспоминаний Е.Н. Чирикова, Скитальца и М. Горького.

Новый экспонат модель бота Св. Павел

Выставка автографов

Вот один из отзывов участников экскурсии Полины Лариной: «Сегодня у нас случилось замечательное путешествие. Именно так: случилось. Потому что это было неожиданно и удивительно: посреди обычного дня с его суетой и повседневными заботами вдруг получилось на пару часов полностью выпасть из окружающей действительности и погрузиться в атмосферу рубежа 19-20 веков, оказаться в окружении таких великих, но, как выяснилось сегодня, очень близких и понятных людей – Е. Чирикова, М. Горького, В. Короленко, Ф. Шаляпина, Л. Андреева, А.Чехова и др. Было интересно, атмосферно, звучали тексты произведений замечательных наших писателей, некогда задававших тон культурной жизни города. Да и не только города. Сегодня они не только прошли перед нами плеядой талантливых литераторов. Сегодня они были просто людьми, увлеченными, страстными, окруженными вниманием близких, погруженными в заботы. Живые люди, легко, силой своего гения, создавшие эпоху!»

Такой же эффект погружения достигается и на экскурсиях по Литературному музею Е.Н. Чирикова. Часто скрещение судеб становится настолько значимым, что оно определяет не только жизнь, но и литературное творчество писателей и поэтов. Так в прошлом году для совместной выставки Литературного музея Е.Н. Чирикова и дома-музея Марины Цветаевой в Москве был взят треугольник взаимоотношений Евгения Николаевича Чирикова, его дочери Людмилы и Марины Ивановны Цветаевой. Получилась большая, научно подготовленная выставка из фондов обоих музеев «Во всем настоящая. Художница Людми-

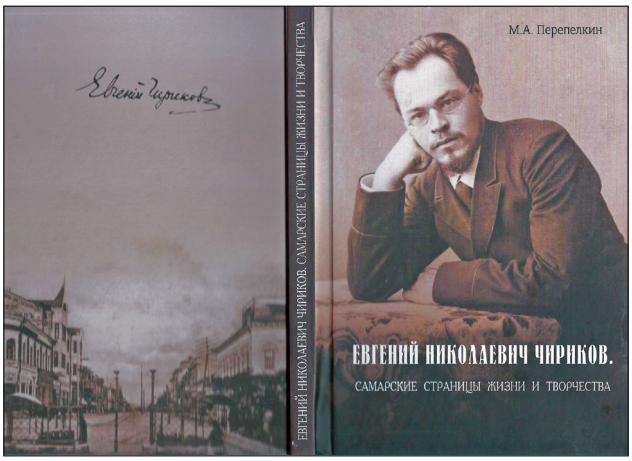
По чириковским местам Нижнего Новгорода

ла Чирикова.». Из нижегородского музея в Москву были доставлены художественные работы Людмилы Чириковой, рукописи ее воспоминаний, личные вещи, фотографии, альбом с автографами ее близких друзей, среди которых С. Рахманинов, С. Коненков, Н. Фешин, дети Льва Николаевича Толстого Илья, Александра и Татьяна, Н.Кошиц и сама Марина Цветаева. Из-за пандемии выставка была переведена в онлайн формат, что обеспечило ее доступность самому широкому кругу посетителей. В рамках работы выставки совместно с Московским государственным университетом был проведен Круглый стол о творчестве Е.Н. Чирикова, собравший ученых Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Минска и Киева. В нем приняли участие потомки писателя в России и США.

Этот Круглый стол стал продолжением большого и вдумчивого разговора о месте Е.Н. Чирикова в истории русской и мировой литературы, начатый в прошлом году сразу на нескольких онлайн-конференциях, посвященных юбилею И.А. Бунина, проблемам славянства в истории и литературе и семейному творчеству и проходивших в Москве и Нижнем Новгороде. В сентябре на международной научной конференции в НИУ Высшая школа экономики был представлен совместный доклад М.А. Чирикова и д.ф.н. В.Г. Зусмана «Е.Н. Чириков и русская Прага 1920-х годов XX века». А в октябре на конференции Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова «Семейное сотворчество – любимому городу» был представлен доклад М.А. Чирикова о кропотливой работе потомков писателя по созданию и развитию Литературного музея Е.Н. Чирикова в Нижнем Новгороде.

Помимо дома-музея Марины Цветаевой продолжалось сотрудничество и с другими музеями России и Беларуси. Так, на основе предоставленных музеем

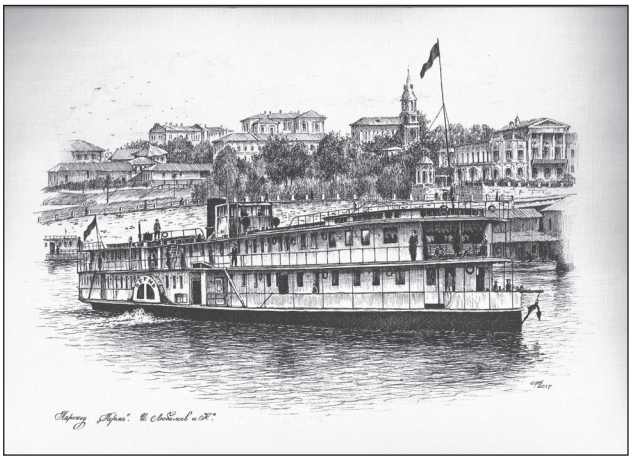
Е.Н. Чирикова архивных материалов прошла виртуальная выставка в Кстовском историко-краеведческом музее «Дачная жизнь конца 19 – начала 20 века». В день рождения Е.Н. Чирикова 5 августа 2020 года государственный Литературный музей А.М. Горького представил на своем сайте презентацию писателя Е.Н. Чирикова и подборку уникальных материалов о дружбе и тесных связях М.Горького и Е.Чирикова в Нижегородский период их жизни и деятельности 1902-1904 гг.



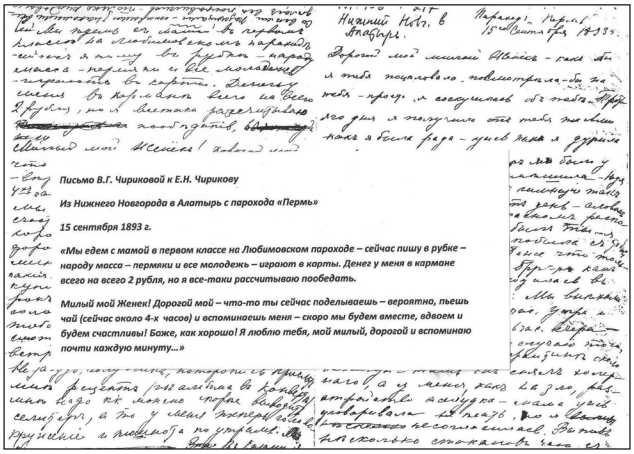
Самарские страницы. Перепелкин обложка

Много надежд нижегородцев связано с сохранившимся в Нижнем Новгороде мемориальным домом писателя на ул. Гоголя,19. В 2020 году дом, имеющий статус объекта культурного наследия регионального значения, был выставлен на продажу. Эта новость вызвала широкий отклик среди общественности Нижнего Новгорода, Москвы, других городов и даже русской диаспоры в США. Пришли письма, в которых авторы предлагали собрать деньги, чтобы частично сократить расходы города на выкуп этого дома для создания в нем дома-музея Е.Н.Чирикова. Но ни Администрация города, ни министерство культуры Нижегородской области никак не прореагировали на народную инициативу и не изъявили желания решать вопрос о создании государственного (муниципального) музея Е.Н. Чирикова. Эта позиция руководства города и области сохраняется на протяжении всех лет существования Литературного музея Е.Н. Чирикова. Поэтому большие надежды на решение проблемы постоянного размещения музея и придания ему статуса филиала Литературного музея города не оправдались. Тщетно поднимался в 2020 году этот вопрос на обществен-

ных слушаниях по развитию туристической зоны «Започаинье», в которую входит дом Е.Н. Чирикова, тщетно писали об этом нижегородские и центральные газеты, посетители музея, ученые и общественные деятели. Вопрос остается открытым.



Пароход Пермь



Письмо В.Г. Чириковой к Е.Н. Чирикову

Из Нижнего Новгорода в Алатырь с парохода «Пермь»

15 сентября 1893 г.

«Мы едем с мамой в первом классе на Любимовском пароходе – сейчас пишу в рубке – народу масса – пермяки и все молодежь – играют в карты. Денег у меня в кармане всего на всего 2 рубля, но я все-таки рассчитываю пообедать.

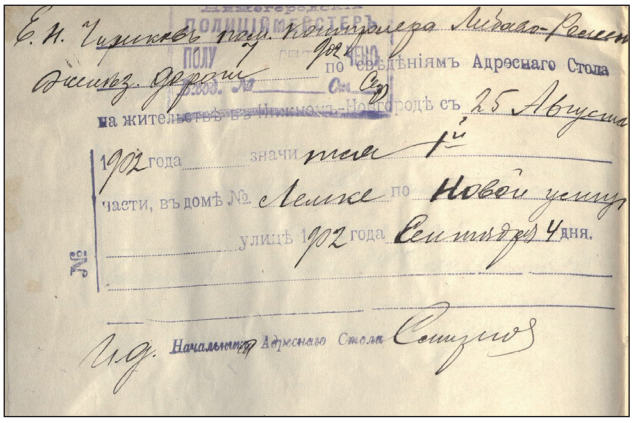
Милый мой Женек! Дорогой мой – что-то ты сейчас поделываешь – вероятно, пьешь чай (сейчас около 4-х часов) и вспоминаешь меня – скоро мы будем вместе, вдвоем и будем счастливы! Боже, как хорошо! Я люблю тебя, мой милый, дорогой и вспоминаю почти каждую минуту...»

Письмо с парохода Пермь

Научно-издательская деятельность музея в 2020 году не была столь активной, как в предыдущий юбилейный год, но ряд изданий стоит отметить и выделить из ряда книг и сборников, вышедших в России и за рубежом и касающихся жизни и творчества Е.Н. Чирикова. Прежде всего, это две книги, подготовленные с непосредственным участием М.А. Чирикова в Петропавловске-Камчатском и Самаре. На Камчатке уже несколько лет интересуются историческим и литературным контекстом вокруг великого русского мореплавателя Алексея Ильича Чирикова. Поэтому музей Е.Н. Чирикова предоставил для освещения этой темы историю дворянского рода Чириковых и биографии ярких представителей этого рода. Итогом этой работы стала книга «Искать, где Азия сошлась с Америкой»(автор-составитель Н.С. Киселева).

Профессор Самарского государственного университета и автор телевизионных фильмов о Е.Н. Чирикове д.ф.н. Михаил Перепелкин подготовил и издал большую монографию «Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества.» (НИУ СГУ, Самара, 2020) с предисловием М.А. Чирикова. В книге использованы письма и фотографии из семейного архива семьи Чириковых. Книга под-

робно и ярко представляет тесную связь Е.Н. Чирикова с Самарским краем, с общественной и литературной жизнью Самары в конце 19 века, а также произведения, написанные беллетристом и публицистом Чириковым в Самаре.



Справка Лемке

В Казани при участии музея Е.Н. Чирикова журналистом и исследователем Е.Н. Чирикова Мариной Подольской в журнале «Казань» (№ 7, 2020) был опубликован большой материал о связи писателя с участниками Студенческой сходки в Казанском университете 1886 года и истории спасения Чириковым-журналистом общественной репутации и профессионального достоинства врача Михаила Клячкина, позволившего талантливому и принципиальному молодому доктору продолжить карьеру медика и стать известным в России врачом. Рассказ Марины Подольской продолжили публикации рассказов Евгения Чирикова «Судьба» и «В лощине меж гор». А музей уже несколько лет ведет активную переписку и с автором этой публикации, и с потомками врача Клячкина, которые проживают ныне в Самаре.

К значимым изданиям 2020 года, посвященным Е.Н. Чирикову, но вышедшим без непосредственного участия музея писателя, можно отнести книгу Елены Соломински «Яков Тейтель. Заступник гонимых» (изд-во «Алетейя», С-Петербург, 2020) с ценным воспоминаниями о Е.Н. Чирикове самарского периода 1894-1896 гг и публикацию статьи М.В. Михайловой и А. Назаровой «Милый Фаныч!» и писем Е.Н. Чирикова к своему другу – поэту А.М. Федорову (ж. «Новый журнал», № 300, Нью-Йорк, 2020 г.).

Эти книги и журналы были переданы авторами материалов в дар Литературному музею Е.Н. Чирикова и пополнили его библиотеку.

Экспозиция музея также претерпела некоторые изменения и пополнилась новыми экспонатами.

В начале 2020 года бутафор Татьяна Харитонова изготовила и передала в дар музею макет декорации к пьесе Е.Н. Чирикова «Колдунья», поставленной в 1909 году в Харькове

известным режиссером Константином Марджановым с Валентиной Чириковой (театральный псевдоним Йолшина) в главной роли. Эти декорации переезжали вместе с труппой Марджанова из города в город и в конце концов осели в Новом театре в Москве, где эта пьеса шла с большим успехом. Теперь у современного зрителя есть возможность заглянуть в декорации и почувствовать атмосферу спектакля столетней давности.

Благодаря найденным архивным материалам о родном брате писателя Алексее Николаевиче Чирикове удалось более подробно и ярко представить его как героя русско-японской и 1 Мировой войны, сопроводив фотографии копиями орденов и медалей, которыми Алексей Чириков был награжден. С литературной точки зрения Алексей Чириков интересен и как главный герой рассказа Е.Н. Чирикова «Дядя Алеша» (сборник «Эхо войны», Московское издательство, 1916 г.).

На основе писем и произведений Е.Н. Чирикова был составлен список волжских пароходов, на борту которых были написаны письма и произведения писателя, или которые сами становились героями его романов, повестей и рассказов. По списку с помощью директора музея Волжского пароходства Г.П. Абаевой была установлена судьба этих пароходов в реальной жизни, найдены их фотографии. С отрывками из писем и художественных текстов автора эти фотографии сформировали в экспозиции музея т.н. «Волжский уголок», посвященный Чирикову как «певцу Волги». Именно так называли критики Евгения Чирикова после выхода в 1916 году его «Волжских сказок» и многочисленных рассказов, посвященных Волге и живущим на ее берегах волгарям. Волжский уголок украсили подлинные детали пароходов: габаритный фонарь, штурвал и судовой колокол (рында), звучащий теперь в память о русском писателе.

У дома, где жил Е.Н. Чириков, ул. Гоголя, 19

Сегодня, оглядываясь на прошедший 2020 год, он уже не кажется таким безнадежно потерянным для культурной жизни нашего города вообще, и Литературного музея Е.Н. Чирикова в частности. Уникальные гости, всероссийские выставки, международные конференции, новые исследования и книги, научные статьи, ценные пополнения музейного фонда… Все это было. Значит музей живет и развивается несмотря ни на что.

М.В. Шайхутдинова

ЭКСКУРСИЯ ПО САХАРОВСКИМ МЕСТАМ

(Путеводитель по выставке в «Музее А.Д. Сахарова» «Никого не оскорбляй»)

«…папа всегда носил в кармане молитвослов, где на первой странице его рукой было написано: «Никого не оскорбляй», то есть не делай никому скорби, печали…
По воспоминаниям Н.Н. Райковской (ур.Сахаровой)

В музее А.Д. Сахарова

В преддверие восьми векового юбилея Нижнего Новгорода любознательные и дотошные краеведы неустанно делают все новые и новые открытия, а в свете этих открытий многие ранее известные факты вновь становятся актуальными, обретая новизну и значимость.

2021 год для нижегородцев особо урожайный на круглые юбилейные даты: 800 лет Нижнему и 100 лет академику А.Д. Сахарову.

В Музее А.Д. Сахарова в прошлом году впервые демонстрировалась выставка фотографий и документов, которая для абсолютного большинства посетителей стала удивлением и открытием, несмотря на то, что на ней были представлены фотографии хорошо знакомых и узнаваемых зданий и памятных мест нашего города.

Эту выставку по праву можно было бы назвать «Экскурсией по сахаровским местам», причем в число заинтересованных экскурсантов можно было бы смело включить и самого Андрея Дмитриевича. Находясь в горьковской ссылке, он писал в книге «Воспоминания»: «К сожалению, я многого очень важного не знаю о моих родителях и других родственниках. Расскажу, что помню, при этом возможны некоторые неточности» (1. с.9) Эти самые «неточности», которые уже правильнее назвать «уточнения», более чем через тридцать лет после окончании горьковской ссылки Сахарова и становятся новыми уникальными крупицами знаний об истории семьи Сахаровых, и истории нашего города, которые любопытны не только ученым-краеведам, но и всем нижегородцам и гостям города со всего мира.

Находясь в стенах музея, каждому предоставляется возможность совершить экскурсию, не покидая одну из комнат мемориальной квартиры, где демонстрируется выставка, составленная из фотографий и документов.

Бывш. ниж. дух. семинария, ныне – пед. Университет

С чего лучше начать экскурсию?

Пожалуй, с площади Минина, где непременно оказывался каждый, кто хоть раз побывал в Нижнем.

Самое внушительное по размерам здание прямо напротив Кремля – здание педагогического института. С правой стороны на небольшой беломраморной доске с бронзовым профилем Добролюбова читаем: «Здесь в здании бывшей нижегородской духовной семинарии с 1848 по 1853 учился революционер-демократ, выдающийся критик Н.А. Добролюбов». К сказанному хочется добавить, что еще здесь учились и прапрадед, и прадед академика А.Д. Сахарова, к тому же прапрадед впоследствии здесь преподавал также, как и его старший сын – Леонид, которого будущий «выдающийся критик» считал одним из любимых учителей. Именно он поддержал юношу в его стремлении продолжать учебу в университете и помог, таким образом, в определении жизненного пути со сменой стези священнослужителя на литературное поприще.

Л.И. Сахаров (1825-1887) на протяжении десяти лет преподавал сельское хозяйство и естественную историю в Нижегородской духовной семинарии. Семинаристы, по преимуществу, приготовлялись к будущей службе сельских священников и потому знакомство с ведением сельскохозяйственных работ было для них не только желательным, но и необходимым. Кроме того, двоюродный прапрадед А.Д. Сахарова был признанным ученым-краеведом своего времени. Чаще всего упоминается его статья «Село Кичанзино в хозяйственном отношении», за которую он в 1851 году был удостоен серебряной медали Вольного экономического общества. Но у него был и целый ряд других достойных исследовательских работ, в том числе и краеведческого содержания. (см. статью Ю.Г. Галая «Всю жизнь работал на других…») Не случайно после его кончины для создания эпитафии, дочь покойного обратилась к именитому нижегородскому краеведу Александру Серафимовичу Гацискому, которому хорошо были известны заслуги Леонида Ивановича Сахарова.

А младший сын Иоана Иосифовича Сахарова – Николай Иванович Сахаров (прадед А.Д.С.) стал сельским священником после окончания семинарии в 1856 году «…посвящен в сан священника в селе Выездная слобода 1856 году декабря 23 дня». Первый приход получил в церкви Смоленской Божьей Матери, женившись на внучке умершего священника…(2.с.77) Перемещен на свя-

щенническое место к Воскресенскому Собору г. Арзамаса 1872 году марта 6 дня».

«…Первый дом Сахаровы приобрели в Выездном в 1860 году и в нем о. Николай открыл свою школу для обучения грамоте крестьянских детей – преподавал он и его жена».

И.Н. Сахаров

В том же 1860 году родился дед Андрея Дмитриевича, открывший впоследствии в 1895 году на своей малой родине первую бесплатную библиотеку, которая спустя сто лет обрела имя своего создателя – Ивана Николаевича Сахарова, здесь в Арзамасской центральной районной библиотеке хранится единственная (!) сохранившаяся книга из закупленных дедом ученого – «Жития святых за июль-месяц» Если бы Андрею Дмитриевичу было суждено вернуться сегодня сюда, то возможно, ему бы дали подержать в руках ту самую книгу, которую когда-то подарил библиотеке его дед.

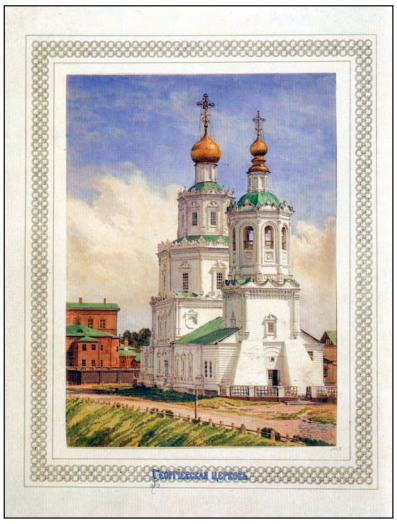
Не преминул он бы и вновь посетить храм Смоленской иконы Божьей матери в р.п. Выездное, в ограде которой покоится дед его прабабушки – Терновский Петр Алексеевич. Любопытно, что стоя у его могилы в 1987 году Андрей Дмитриевич тогда не знал, что это тоже его родственник. В книге «Вольные заметки в родословной Андрея Сахарова» Елена Боннэр пишет: «Мы с Андреем Дмитриевичем были в Выездном в апреле 1987 года, после ссылки, когда возвратились в Горький за вещами <…> мы заглянули внутрь собора, но войти не смогли – было много людей, побродили в ограде, читали фамилии на памятниках, искали Сахаровых. Фамилии «Терновский» Андрей Дмитриевич не знал. Благодаря архивным поискам при написании «Вольных заметок…» стало известно, что «Протоиерей Петр Алексеевич Терновский похоронен

в ограде церкви Смоленской Б.М. р.п.. Выездное. 2018 г, Монумент надгробия на могиле П.А. Терновского

Георгиевская церковь 1936 год,
Разрушение Георгиевской церкви1932 г Фото М. Дмитриев.

в ограде у стены церкви Смоленской Божьей матери…, которая при нем и при его наблюдении была воздвигнута». На памятнике можно прочесть слова: «Здесь покоится иерей Петр Алексеевич Терновский. Родился в 1782 году, скончался в 1856 году, сентября 24 дня. Житие было 74 года, священником был 49 лет». Он трагически погиб, утонув в реке в бурю, когда шел к умирающему для свершения требы».

Уже настоящим нижегородцем становится прадед А.Д. Сахарова, перебираясь в Нижний в 1894 году, куда был переведен из села Выездная слобода старшим священником Георгиевской церкви. До места, где находился этот роскошный по убранству храм, от здания бывшей нижегородской семинарии – рукой подать. Сейчас это улица Верхне-Волжская набережная, а в те времена она носила название Георгиевской по названию храма. На месте дома №2а, где сегодня видим здание бывшей гостиницы «Россия», зачехленная уже второй десяток лет в ожидании то ли ремонта, то ли сноса, и находилась церковь Святого Георгия. Сохранился фотоснимок, сделанный в годы ссылки, где Андрей Дмитриевич стоит у парапета Волжского откоса, приблизительно напротив того места, где стоял храм, настоятелем которого был его прадед Николай Иванович Сахаров. Можно легко себе представить, как спешил он каждый день на службу, проходя мимо семинарии. В 1900 году был избран благочинным Верхе-посадских церквей. Был почетным гражданином Н.Новгорода.



Георгиевская церковь

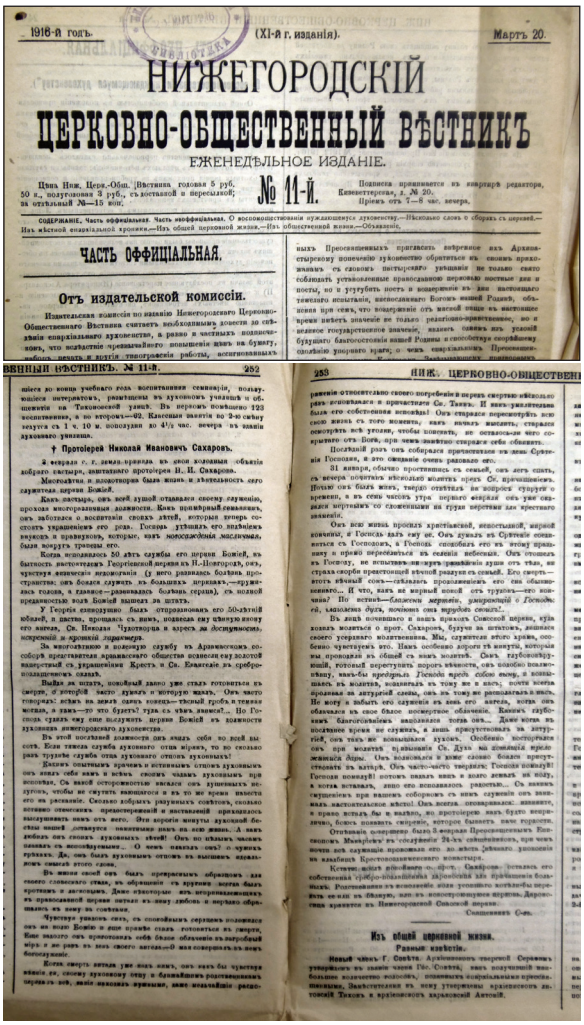
Он скончался 1 февраля 1916 года, о чем можно было узнать из некролога, опубликованного в газете «Нижегородский церковно-общественный вестник» №11 за 1916 год: «3 февраля сего года земля приняла в свои холодные объятия доброго пастыря заштатного протоиерея Н.И.Сахарова.

Многолетна и плодотворна была деятельность сего служителя церкви Божией.

Как пастырь, он всей душой отдавался своему служению, проходя многоразличные должности. Как примерный семьянин, он заботился о воспитании своих детей, которыя теперь стоят украшением его рода. Господь утешил его видением внуков и правнуков, которые как насаждения масличная были вокруг трапезы его. <…>

У Георгия был единодушно отпразднован его 50 летний юбилей, и паства, прощаясь с ним, поднесла ему ценную икону его Ангела св. Николая Чудотворца и адрес за доступность, искренность и кроткий характер.

За многолетнюю и полезную службу в Арзамасском соборе представители арзамасского общества поднесли ему золотой наперстный с украшениями Крест и Св. Евангелие в сребро-позлащенном окладе.



1916-й годъ. (XI-й г. изданія). Мартъ 20.

НИЖЕГОРОДСКІЙ
ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

№ 11-й.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Отъ издательской комиссіи.

Протоіерей Николай Ивановичъ Сахаровъ.

Из общей церковной жизни.

Некролог на смерть Н.И. Сахарова 03.02.1916 г.

Выйдя за штат, покойный давно уже стал готовиться к смерти, о которой часто думал, и которую ждал. Он часто говорил: всем на земле один конец – тесный гроб и темная могила, а там-то что будет? Туда с чем явимся? Но Господь еще сулил ему послужить церкви Божией в должности духовника нижегородского духовенства.

В этой последней должности он явил себя во всей высоте. Если тяжела служба отца духовного мирян, то во сколько раз труднее служба отца духовного отцов духовных!

Каким опытным врачом и истинным отцом духовным он явил себя нам и всем своим чадам духовным при исповеди. С какой осторожностью касался он душевных недугов, чтобы не смутить кающегося и в тоже время навести его на раскаяние. Сколько добрых разумных советов, сколько истинно отеческих предостережений и наставлений приходилось выслушивать нам от него. Эти дорогие минуты духовной беседы нашей останутся памятными нам на всю жизнь. А как любил он своих духовных детей! Он по целым часам плакал с исповедуемыми…О чем плакал он? О чужих грехах. Да, он был духовным отцом в высшем идеальном смысле этого слова.

В жизни своей он был прекрасным образцом для своего словесного стада, в обращении с другими всегда был кротким и ласковым. Даже некоторые из не принадлежащих к православной церкви, питали к нему любовь и нередко обращались к нему за советами.

31 января, обычно простившись с семьей, он лег спать, с вечера прочитав несколько молитв перед Святым причащением. Ночью он был жив, твердо ответил супруге на вопрос о времени, утром в 7 часов утра 1 февраля уже оказался мертвым со сложенными на груди руками для крестного знамения.

Он всю жизнь просил христианской, непостыдной, мирной кончины, и Господь дал ему ее. Он думал в Сретенье соединиться с Богом, а Господь сподобил его к этому празднику и прямо переселиться в селения небесные. Он отошел к Господу, не испытав ни мук разделения души от тела, ни страха скорби предстоящей вечной разлуки с семьей. Его смерть этот вечный сон – сделалась продолжением его сна обыкновенного…И что как не мирный покой от трудов его кончина? По истине – блажени мертвии, умирающий О Господи: ей глаголет дух, почиют от трудов своих!…

В лице почившаго и наш приход Спасской церкви, куда ходил молиться о. прот. Сахаров, будучи за штатом, лишился своего усердного молитвенника. Мы служители этого храма особенно чувствуем это. Нам особенно дороги те минуты, которые мы проводили в общей с ним молитве. Сам глубоко верующий, готовый переступить порог вечности, он подобно псалмопевцу, как бы предзрел Господа пред собою выну, и возвышаясь в молитве, воздвигал к тому же и нас; почти всегда проливая за литургией слезы, он к тому же располагал и нас. Не могу я забыть его служения в день его ангела, когда он облачался в свое белое посмертное облачение. Каким глубоким благоговением наполнялся тогда он. Даже когда в последнее время не служил, а лишь присутствовал за литургией, он также возвышался духом. Особенно восторгался он на молитве на призывание Св. Духа на хотя-

На территории Крестовоздвиженского монастыря. фото Деминой М.

Место захоронения прадеда А.Д. С. 2017 г. фото Деминой М.

щия приложитися дары. Он волновался, и даже словно боялся присутствовать в алтаре. Он часто-часто твердил: Господи помилуй! Господи помилуй! Потом падал ниц и потом долго лежал на полу, а когда вставал лицо его исполнялось радостью…С каким смущением при нашем соборном с ним служении, он занимал настоятельское место! Он всегда оговаривался: извините, я право встал бы и налево, но протоирею как будто неприлично, боюсь показать смирение, которое бывает паче гордости.

Отпевание совершено было 3 февраля Преосвященным Епископом Макарием в сослужении 24 священников, причем почти все служащие провожали его до места вечного упокоения на кладбище Крестовоздвиженского монатыря.

Кстати: после покойного о.прот Сахарова осталась его собственная серебро-позлащенная дароносица для причащения больных. Родственники во исполнение воли усопшего хотели бы передать ее или в бедную, или новостроящуюся церковь. Дароносица хранится в Нижегородской Спасской церкви.

(Прим. ред.– (2. с.78) в этой церкви уже находясь за штатом, в 1912 году о. Николай сам венчал своего внука Бориса Александровича (1890-1961).

Двигаемся в сторону площади Лядова… вот то место, где когда было кладбище на территории ныне восстановленного Крестовоздвиженского монастыря. (прим.ред., начало восстановления 1995 год) Близ алтарной части главного храма единственный крест в память «всех усопших, на сем месте погребенных». Здесь также можно и нужно сделать остановку, если отправились на экскурсию по сахаровским местам. Думается, что сегодня так же поступил бы и Андрей Дмитриевич, ведь это место упокоения его прадеда, прабабушки и двоюродного деда Александра Николаевича Сахарова, который после окончания Московского университета много лет работал врачом в нижегородских больницах.

Кстати, в списке имен некрополя Крестовоздвиженского монастыря указано только имя «Сахаров Александр Николаевич, доктор +30.04.1905» (3. с. 47), а в родословной схеме в книге Е.Б. «Вольные заметки…» только дата его рождения 1857 г, а теперь мы можем дополнить и родословную схему датой смерти А. Н. Сахарова и сведениями о месте его упокоения. А также внести дополнение в работу С. Смирнова благодаря сведениям из некролога о месте

упокоения прадеда А.Д. С. и прабабушки, которая, судя по всему, была захоронена в той же ограде. «Он скончался 1 февраля 1916 года, она – в конце того же или начале следующего года» (2. с. 78)). И дополнить список некрополя – двумя именами Сахаровых – Николая Ивановича (1837– 1916) и Александры Алексеевны (1839-1916). А Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна, в 1987 году пытались отыскать погосты Сахаровых в Выездном…, а они, оказывается, все годы ссылки были рядом (!)

1980 г. напротив того места,где стояла Георгиевская церковь

По счастью, прадед Андрея Дмитриевича не дожил до разрушения великолепной Георгиевской церкви. Вот как написано об этом событии в кратком путеводителе по старому городу «Церкви нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие» Л. Смирновой и Т. Званцевой (4. с.7). «В Нижнем Новгороде есть место, освященное именем Георгия Всеволодовича. Это часть площади Минина и Верхневолжской набережной (Откоса) – там, где сейчас памятник Чкалову и гостиница «Россия». Здесь самая популярная «смотровая площадка» Нижнего Новгорода: погожими вечерами, в воскресные дни, да и в любое время сюда приходят люди, непременно приводят гостей Нижнего, чтобы они могли полюбоваться красотой заволжских просторов. Но, к сожалению, мало кто знает о том, что именно здесь наши предки хранили память об основателе Нижнего. Пройдя от памятника к гостинице, вы подойдете к месту, где стояла церковь святого Георгия Победоносца. В народе ее звали золотой: по свидетельству нижегородского историка Храмцовского летняя (холодная, неотапливаемая) часть храма изнутри была «вся облита золотом». Своей красотой церковь сделала бы честь любому современному городу. Ее взорвали в начале 1930-х годов, несмотря на протесты верующих и интеллигенции. Обстоятельства уничтожения церкви иначе, как подлыми не назовешь: взрыв был произведен в ночь, когда депутация защитников храма отправилась за правдой в Москву. Видимо еще люди верили, что тогдашней Москве ее можно было найти». «Постояв у чугунной ограды набережной, попытайтесь представить себе, что нет гостиницы «Россия», а здесь, как прежде стоит Георгиевская церковь, увенчанная золотыми крестами. Что о ней известно? Одна из полусотни православных церквей, украшавших наш город в начале XX века. История церкви Св. Георгия восходит к 15 или 16 векам. В 1702 году нижегородский (гость) купец Иван Пушник построена месте обветшавшей церкви то здание, которое вы видите на фото. Н.Храмцовский предпола-

гает, что Иван Пушник – отец бургомистра Пушникова, который «удостоился принимать в 1722 году в своем доме, как гостя Петра Великого». Архитектуру церкви относили к флорентийской школе. Пятиярусный иконостас в византийском стиле определен Храмцовским, как великолепный, сплошь вызолоченный червонным золотом. В этом храме хранились особо ценные иконы. Любили нижегородцы икону Одигитрии Смоленской Божьей матери старинного письма, которая славилась чудотворениями: к ней приходили с молитвами в болезнях и горе…Чтили и резную икону Иерусалимской Божьей матери. В главном алтаре церкви находилась старинная икона Георгия Победоносца. Среди ценностей храма – изображение распятия Христова, шесть старинных икон, пожертвованных Пушником, серебряные сосуды. Несколько старинных Евангелий, серебряная одежда и таинственный для нас Антиминс 1701 года. все это разграблено, уничтожено, продано, предано, и в конце концов, – взорвано летом 1932 года. Многочисленные жалобы и протесты работников художественного музея и представителей интеллигенции были оставлены без внимания. Лишь наркомпрос РСФСР направил в адрес горсовета разъяснение: «Ввиду того, что Вами получено разрешение на снос здания б. Георгиевской церкви, построенной в конце XVII века и относящейся к 1-ой категории памятников материальной культуры, отразившей в себе высшее достижение строительного мастерства и художественной обработки как в архитектурных деталях, так и во внутреннем убранстве, рекомендуем перед сносом произвести фотофиксацию». (4,с.10)

В наши дни в вездесущем интернете из любой точки мира можно обнаружить запечатленные моменты этой печальной фиксации. Но, поскольку мы на экскурсии в Нижнем, то лучше проследовать по адресу ул. Пискунова, дом 9. Здесь 21 сентября 1992 года был открыт Русский музей фотографии. На сайте музея можно прочесть, что это самый молодой музей нашего города, но он всего на один год младше музея А.Д. Сахарова. Но самое обидное, что он был создан уже после окончания горьковской ссылки, и о возможном посещении его академиком Сахаровым можно говорить только с местоимением «если бы». Потому что здесь хранятся снимки, сделанные другим всемирно-известным деятелем – фотографом М.П. Дмитриевым, и в том числе снимки той самой «рекомендованной фотофиксации», запечатлевшие трехдневное разрушение церкви, настоятелем которой с 1894 по 1906 год был прадед А.Д. Сахарова.

В семейном архиве семьи Сахаровых сохранились фотоснимки Ивана Николаевича Сахарова – деда ученого, а также Александры Алексеевны Терновской– прабабушки А.Д. С. на фирменных паспарту мастерской Дмитриева. Значит они тут бывали и пользовались услугами фотомастера. Кстати, при музее вновь работает фотомастерская, где каждый может запечатлеть свое совре-

менное обличие. К сожалению, не сохранена традиция непременного использования фирменных паспарту. Для того, чтобы члены нескольких поколений нижегородских семейств могли свидетельствовать преемственность поколений и верность традиции пользоваться услугами одного мастера или одной мастерской. А ведь, «если бы» А.Д. Сахаров, посетив Русский музей фотографии, сделал снимок на память, мог бы говорить, что здесь еще у самого Дмитриева снимались его прадед и дед …

Совершая пешую экскурсионную прогулку по Нижнему, мало кто сумеет пройти мимо хотя бы одного из трех филиалов Музея А.М. Горького. Сотрудники этого музея также могли бы «похвастаться» наличием в фондовой коллекции предметов, имеющих отношение к семейным корням рода Сахаровых. В частности, здесь хранится фотодокумент (и также благодаря нижегородскому фотографу М.П. Дмитриеву и его фотосалону), позволяющий достоверно говорить о близком знакомстве двоюродной бабушки академика Сахарова – Надежды Николаевны Райковской (ур. Сахаровой) с А.М. Горьким и Е.П. Пешковой, которая судя по документу – надписи рукой писателя на паспарту, являлась одним из членов «Пятой елочной комиссии 1904 г.» по организации Рождественских елок для детей бедноты в нашем городе.

Много раз упоминал Андрей Дмитриевич в своих «Воспоминаниях» (1) и в «Дневниках» (5) о посещении в годы ссылки дома №11 на ул. Короленко, где жила семья Хайновских. И этот адрес мы тоже можем считать одним из сахаровских мест нашего города, с ним связаны свои памятные события и истории.

Есть учреждение культуры «Музей А.Д. Сахарова» по проспекту Гагарина, 214, частью которого стала мемориальная квартира, в которой почти семь лет ссылки провел академик Сахаров и Е.Г. Боннэр. В сквере рядом с домом в декабре 2014 года в канун 25-летия со дня кончины, был открыт памятник Сахарову. Именем академика Сахарова названа, наконец, и одна из улиц города.

А.Д.Сахаров считал себя коренным москвичом, но и не подозревал, насколько тесно история жизни его предков связана с Нижним Новгородом, и мы сегодня с гордостью можем называть его нашим земляком, нижегородцем.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей специалиста по экспозиционно – выставочной деятельности Музея А.Д. Сахарова М.Г. Демину, и к.и.н. асс. каф. зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Лобачевского А.А. Сорокина)

Список ллитературы

1. А.Д. Сахаров «Воспоминания», Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019.

2. Е.Г. Боннэр «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова», М.: «Права человека», 1996

3. С.А. Смирнов «Крестовоздвиженский женский монастырь в истории Нижнего Новгорода. 650 летие основания и 200-летие переноса на Московский тракт. Н.Н., 2015

4. Л.М. Смирнова, Т.П. Званцева «Церкви нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие. Краткий путеводитель по старому городу», Н.Н., 1991

5. А.Д. Сахаров. Е.Г. Боннэр «Дневники», роман-документ. М.: «Время», в 3-х томах, 2006

От редколлегии:

Предлагаем Вашему вниманию статью Юрия Григорьевича Галая, опубликованную им в 1991 году в газете «Нижегородская ярмарка». В тот год широко отмечался 70– летний юбилей академика А.Д. Сахарова. В нашем городе был открыт Музей А.Д. Сахарова, и квартира, где он жил в годы ссылки с Е.Г. Боннэр стала мемориальной. Спустя три десятилетия в преддверии векового юбилея нашего земляка – всемирно-известного ученого, общественного деятеля и гуманиста, эта работа обретает особую актуальность. …Если бы брат прадеда А.Д. Сахарова жил в одно с нами время, то возможно, и журнал «Памятные записки» стал одним из изданий, где можно было бы познакомиться с работами Л.И. Сахарова, поскольку краеведение также было в сфере его интересов. А может быть, наш раздел «К Дню учителя» пополнился бы рассказом о своем учителе от самого Н.А. Добролюбова.

«…Некролог на смерть Леонида Ивановича был опубликован в «Биржевом листке» и перепечатан в «Нижегородском вестнике». Его в горьковской библиотеке в 1983 году нашел Феликс Красавин (мой друг детства – один из двух горьковчан, которым КГБ временами разрешал навещать нас). Андрей Дмитриевич хотел поместить некролог в приложении к «Воспоминаниям», но передумал, сказал, что непрямая линия». (Е.Г. Боннэр «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова», М.,: «Права человека», 1996, с. 75)

Ю.Г. Галай

«ВСЮ ЖИЗНЬ РАБОТАЛ НА ДРУГИХ…»

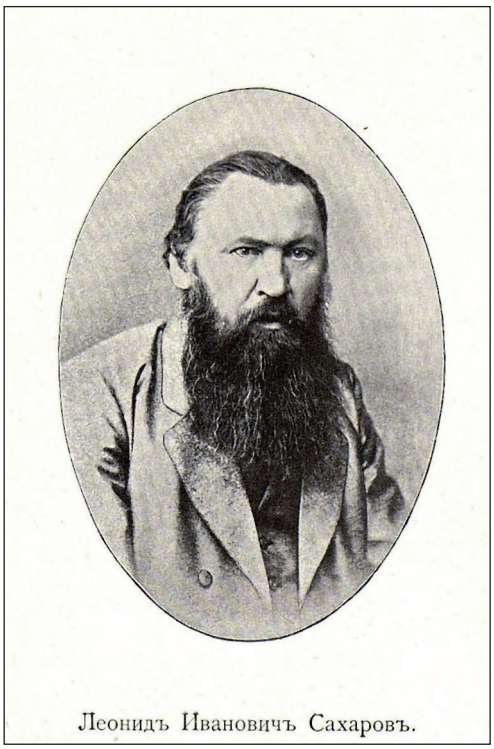
(газета «Нижегородская ярмарка», №30, 1991 г., с. 6)

За последнее время в местной прессе появился ряд публикаций, посвященных нижегородским корням академика А.Д. Сахарова. Писалось о прадеде, деде и других родственниках отечественного гуманиста. Упоминался и Леонид Иванович Сахаров – брат прадеда ученого.

Имя Леонида Ивановича давно и хорошо известно биографам Н.А. Добролюбова, как одного из любимых семинарских преподавателей. В частности, по общему мнению исследователей, именно он поддержал стремление юноши продолжить дальнейшее образование.

Леонид Иванович Сахаров родился 10 марта 1825 года в Арзамасе, в семье священника, впоследствии протоиерея арзамасского Воскресенского собора. Жизненный путь мальчика из такой семьи был предопределен и складывался тогда стандартно – поприще священнослужителя. Так начался он и для Леони-

да, который в девятилетнем возрасте поступил в низшее отделение Нижегородского духовного училища, а затем в том же году определен в тоже отделение, но уже семинарии. Через девять лет, в августе 1843 года, как лучший выпускник учебного заведения, он был послан в только что открывшуюся Горыгорецкую земледельческую школу, по окончании полного курса оной, в 1846 году вернулся в Нижегородскую духовную семинарию и был зачислен на должность преподавателя сельского хозяйства и естественной истории в высших двух классах – философском и богословском.


Леонидъ Ивановичъ Сахаровъ.

Следует сказать, что тогда в семинариях преподаванию сельского хозяйства стали уделять большое внимание. Это было связано с тем, что семинаристы, по преимуществу, приготовлялись к будущей службе сельских священнослужителей и потому знакомство с ведением сельскохозяйственных работ было желательным.

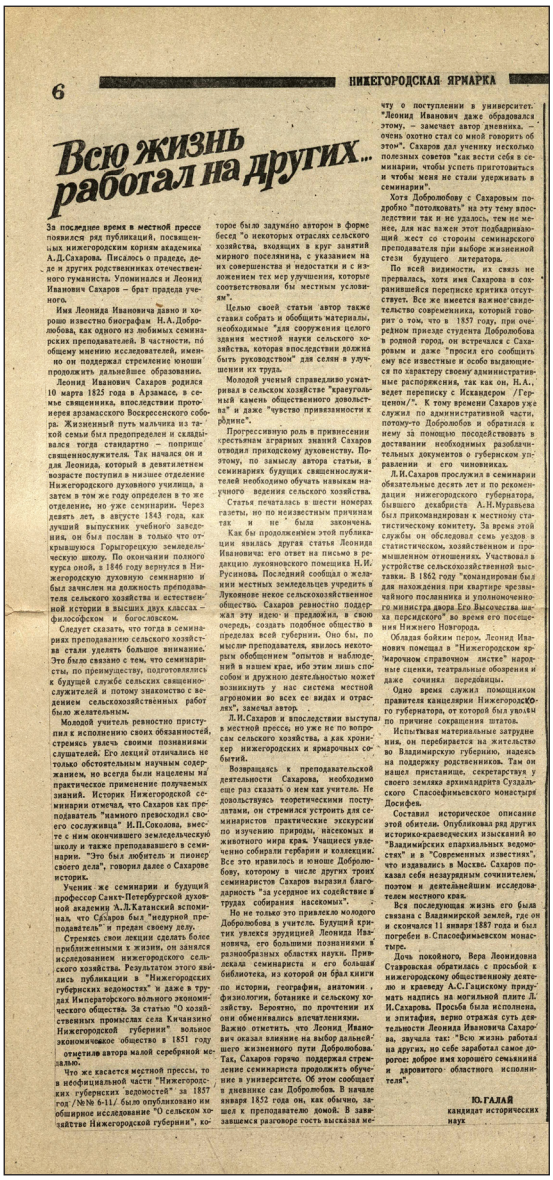
Молодой учитель ревностно приступил к исполнению своих обязанностей, стремясь увлечь своими познаниями слушателей. Его лекции отличались не только обстоятельным научным содержанием, но всегда были нацелены на практическое применение получаемых знаний.

Историк Нижегородской семинарии отмечал, что Л.И. Сахаров, как преподаватель «намного превосходил своего сослуживца» И.П. Соколова, вместе с ним окончившего земледельческую школу и также преподававшего в семинарии. «Это был любитель и пионер своего дела», говорил далее о Сахарове историк.

Ученик же семинарии и будущий профессор Санк-Петербургской духовной академии А.Л. Катанский вспоминал, что Сахаров был «недурной преподаватель» и предан своему делу.

Стремясь свои лекции сделать более приближенными к жизни, он занялся исследованиями нижегородского сельского хозяйства. Результатом этого явились публикации в «Нижегородских губернских ведомостях» и даже в трудах Императорского вольного экономического общества. За статью «О хозяйственных промыслах села Кичанзино Нижегородской губернии» вольное экономическое общество в 1851 году отметило автора малой серебряной медалью.

Что же касается местной прессы, то в неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» за 1857 год (№№6-11) было опубликовано им



6 НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА

Всю жизнь работал на других...

За последнее время в местной прессе появился ряд публикаций, посвященных нижегородским корням академика А.Д.Сахарова. Писалось о прадеде, деде и других родственниках отечественного гуманиста. Упоминался и Леонид Иванович Сахаров – брат прадеда ученого.

Имя Леонида Ивановича давно и хорошо известно биографам Н.А.Добролюбова, как одного из любимых семинарских преподавателей. В частности, по общему мнению исследователей, именно он поддержал стремление юноши продолжить дальнейшее образование.

Леонид Иванович Сахаров родился 10 марта 1825 года в Арзамасе, в семье священника, впоследствии протоиерея арзамасского Воскресенского собора. Жизненный путь мальчика из такой семьи был предопределен и складывался тогда стандартно – поприще священнослужителя. Так начался он и для Леонида, который в девятилетнем возрасте поступил в низшее отделение Нижегородского духовного училища, а затем в том же году определен в то же отделение, но уже семинарии. Через девять лет, в августе 1843 года, как лучший выпускник учебного заведения, он был послан в только что открывшуюся Горыгорецкую земледельческую школу. По окончании полного курса оной, в 1846 году вернулся в Нижегородскую духовную семинарию и был зачислен на должность преподавателя сельского хозяйства и естественной истории в высших двух классах – философском и богословском.

Следует сказать, что тогда в семинариях преподаванию сельского хозяйства стали уделять большое внимание. Это было связано с тем, что семинаристы, по преимуществу, подготовлялись к будущей службе сельских священнослужителей и потому знакомство с ведением сельскохозяйственных работ было желательным.

Молодой учитель ревностно приступил к исполнению своих обязанностей, стремясь увлечь своими познаниями слушателей. Его лекций отличались не только обстоятельным научным содержанием, но всегда были нацелены на практическое применение получаемых знаний. Историк Нижегородской семинарии отмечал, что Сахаров как преподаватель "намного превосходил своего сослуживца" И.П.Соколова, вместе с ним окончившего земледельческую школу и также преподававшего в семинарии. "Это был любитель и пионер своего дела", говорил далее о Сахарове историк.

Ученик же семинарии и будущий профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.Л.Катанский вспоминал, что Сахаров был "ретортной преподаватель" и предан своему делу.

Стремясь сделать лекции более приближенными к жизни, он занялся исследованием нижегородского сельского хозяйства. Результатом этого явились публикации в "Нижегородских губернских ведомостях" и даже в трудах Императорского вольного экономического общества. За статью "О хозяйственных промыслах села Кичмазино Нижегородской губернии" вольное экономическое общество в 1851 году отметило автора малой серебряной медалью.

Что же касается местной прессы, то в неофициальной части "Нижегородских губернских ведомостей" за 1857 год /№№ 6-11/ было опубликовано им обширное исследование "О сельском хозяйстве Нижегородской губернии", которое было задумано автором в форме бесед "о некоторых отраслях сельского хозяйства, входящих в круг занятий мирного поселянина, с указанием на их совершенства и недостатки и с изложением тех мер улучшения, которые соответствовали бы местным условиям".

Целью своей статьи автор также ставил собрать и обобщить материалы, необходимые "для сооружения целого здания местной науки сельского хозяйства, которая впоследствии должна быть руководством" для селян в улучшении их труда.

Молодой ученый справедливо усматривал в сельском хозяйстве "краеугольный камень общественного довольства" и даже "чувство привязанности к родине".

Прогрессивную роль в привнесении крестьянам аграрных знаний Сахаров отводил приходскому духовенству. Поэтому, по замыслу автора статьи, в семинариях будущих священнослужителей необходимо обучать навыкам научного ведения сельского хозяйства.

Статья печаталась в шести номерах газеты, но по неизвестным причинам так и не была закончена.

Как бы продолжением этой публикации явилась другая статья Леонида Ивановича: его ответ на письмо в редакцию лукояновского помещика Н.И. Русинова. Последний сообщал о желании местных земледельцев учредить в Лукоянове некое сельскохозяйственное общество. Сахаров ревностно поддержал эту идею и предложил, в свою очередь, создать подобное общество в пределах всей губернии. Оно бы, по мысли преподавателя, явилось некоторым обобщением "опытов и наблюдений в нашем крае, ибо этим лишь способом и дружною деятельностью может возникнуть у нас система местной агрономии во всех ее видах и отраслях", замечал автор.

Л.И.Сахаров и впоследствии выступал в местной прессе, но уже не по вопросам сельского хозяйства, а как хроникер нижегородских и ярмарочных событий.

Возвращаясь к преподавательской деятельности Сахарова, необходимо еще раз сказать о нем как учителе. Не довольствуясь теоретическими постулатами, он стремился устроить для семинаристов практические экскурсии по изучению природы, насекомых и животного мира края. Учащиеся увлеченно собирали гербарии и коллекции. Все это нравилось и юному Добролюбову, которому в числе других троих семинаристов Сахаров выразил благодарность "за усердное их содействие в трудах собирания насекомых".

Но не только это привлекло молодого Добролюбова в учителе. Будущий критик увлекся эрудицией Леонида Ивановича, его большими познаниями в разнообразных областях наук. Привлекала семинариста и его большая библиотека, из которой он брал книги по истории, географии, анатомии, физиологии, ботанике и сельскому хозяйству. Вероятно, по прочтении их они обменивались впечатлениями.

Важно отметить, что Леонид Иванович оказал влияние на выбор дальнейшего жизненного пути Добролюбова. Так, Сахаров горячо поддержал стремление семинариста продолжить обучение в университете. Об этом сообщает в дневнике сам Добролюбов. В начале января 1852 года он, как обычно, зашел к преподавателю домой. В завязавшемся разговоре гость высказал мечту о поступлении в университет. "Леонид Иванович даже обрадовался этому, – замечает автор дневника. – очень охотно стал со мной говорить об этом". Сахаров дал ученику несколько полезных советов "как вести себя в семинарии, чтобы успеть приготовиться и чтобы меня не стали удерживать в семинарии".

Хотя Добролюбову с Сахаровым подробно "потолковать" на эту тему впоследствии так и не удалось, тем не менее, для нас важен этот подбадривающий жест со стороны семинарского преподавателя при выборе жизненной стези будущего литератора.

По всей видимости, их связь не прервалась, хотя имя Сахарова в сохранившейся переписке критика отсутствует. Все же имеется важное свидетельство современника, который говорит о том, что в 1857 году, при очередном приезде студента Добролюбова в родной город, он встречался с Сахаровым и даже "просил его сообщить ему все известные и особо выдающиеся по характеру своему административные распоряжения, так как он, Н.А., ведет переписку с Исхандером /Герценом/". К тому времени Сахаров уже служил по административной части, потому-то Добролюбов и обратился к нему за помощью посодействовать в доставании необходимых разоблачительных документов о губернском управлении и его чиновниках.

Л.И.Сахаров прослужил в семинарии обязательные десять лет и по рекомендации нижегородского губернатора, бывшего декабриста А.Н.Муравьева был прикомандирован к местному статистическому комитету. За время этой службы он обследовал семь уездов в статистическом, хозяйственном и промышленном отношениях. Участвовал в устройстве сельскохозяйственной выставки. В 1862 году "командирован был для нахождения при квартире чрезвычайного посланника и уполномоченного министра двора Его Высочества шаха персидского" во время его посещения Нижнего Новгорода.

Обладая бойким пером, Леонид Иванович помещал в "Нижегородском ярмарочном справочном листке" народные сцены, театральные обозрения и даже сочинял передовицы.

Одно время служил помощником правителя канцелярии Нижегородского губернатора, от которой был уволен по причине сокращения штатов.

Испытывая материальные затруднения, он перебирается на жительство во Владимирскую губернию, надеясь на поддержку родственников. Там он нашел пристанище, секретарствуя у своего земляка архимандрита Суздальского Спасоефимьевского монастыря Досифея.

Составил историческое описание этой обители. Опубликовал ряд других историко-краеведческих изысканий во "Владимирских епархиальных ведомостях" и в "Современных известиях", что издавались в Москве. Сахаров показал себя незаурядным сочинителем, поэтом и деятельнейшим исследователем местного края.

Вся последующая жизнь его была связана с Владимирской землей, где он и скончался 11 января 1887 года и был погребен в Спасоефимьевском монастыре.

Дочь покойного, Вера Леонидовна Ставровская обратилась с просьбой к нижегородскому общественному деятелю и краеведу А.С.Гацискому придумать надпись на могильной плите Л.И.Сахарова. Просьба была исполнена, и эпитафия, верно отражая суть деятельности Леонида Ивановича Сахарова, звучала так: "Всю жизнь работал на других, но себе заработал самое дорогое: доброе имя хорошего семьянина и даровитого областного исполнителя".

Ю.ГАЛАЙ
кандидат исторических наук

Вся последующая жизнь его была связана с Владимирской землей, где он и скончался 11 января 1887 года и был погребен в Спасоефимьевском монастыре.

Дочь покойного, Вера Леонидовна Ставровская обратилась с просьбой к нижегородскому общественному деятелю и краеведу А.С.Гацискому придумать надпись на могильной плите Л.И.Сахарова. Просьба была исполнена, и эпитафия, верно отражая суть деятельности Леонида Ивановича Сахарова, звучала так: "Всю жизнь работал на других, но себе заработал самое дорогое: доброе имя хорошего семьянина и даровитого областного исполнителя".

Ю.ГАЛАЙ
кандидат исторических наук

преподавателя, явилось некоторым обобщением «опытов и наблюдений в нашем крае, ибо этим лишь способом и дружною деятельностью может возникнуть у нас система местной агрономии во всех ее видах и отраслях», замечал автор.

Л.И. Сахаров и впоследствии выступал в местной прессе, но уже не по вопросам сельского хозяйства, а как хроникер нижегородских и ярмарочных событий.

Возвращаясь к преподавательской деятельности Сахарова, необходимо еще раз сказать о нем, как о учителе. Не довольствуясь теоретическими постулатами, он стремился устроить для семинаристов практические экскурсии по изучению природы, насекомых и животного мира края. Учащиеся увлеченно собирали гербарии и коллекции. Все это нравилось и юноше Добролюбову, которому в числе других троих семинаристов Сахаров выразил «благодарность за усердное их содействие в трудах собирания насекомых».

Но не только это привлекло молодого Добролюбова в учителе. Будущий критик увлекся эрудицией Леонида Ивановича, его большими познаниями в различных областях науки. Привлекала семинариста и его большая библиотека, из которой он брал книги по истории, географии, анатомии, физиологии, ботанике и сельскому хозяйству. Вероятно, по прочтении их они обменивались впечатлениями. Важно отметить, что Леонид Иванович оказал влияние на выбор дальнейшего жизненного пути Добролюбова.

Так, Сахаров горячо поддержал стремление семинариста продолжать обучение в университете. Об этом сообщает в дневнике сам Добролюбов. В начале января 1852 года он, как обычно, зашел к преподавателю домой. В завязавшемся разговоре, гость высказал мечту о поступлении в университет. «Леонид Иванович даже обрадовался этому – замечает автор дневника, – очень охотно стал со мной говорить об этом». Сахаров дал ученику несколько полезных советов, «как себя вести в семинарии, чтобы успеть приготовиться, и чтобы меня не стали удерживать в семинарии».

Хотя Добролюбову с Сахаровым подробно «потолковать» на эту тему впоследствии так и не удалось, тем не менее, для нас важен этот подбадривающий жест со стороны семинарского преподавателя при выборе жизненной стези будущего литератора. По всей видимости, их связь не прерывалась, хотя имя Сахарова в сохранившейся переписке критика отсутствует. Все же имеется важное свидетельство современника, который говорит о том, что в 1857 году, при очередном приезде студента Добролюбова в родной город, он встречался с Сахаровым и даже «просил сообщим ему все известные и особо выдающиеся по характеру своему административные распоряжения, так как он, Н.А. ведет переписку с Искандером (Герценом)».

К тому времени Сахаров уже служил по административной части, потому-то Добролюбов и обратился к нему за помощью посодействовать в доставании необходимых разоблачительных документов о губернском управлении и его чиновниках.

Л.И. Сахаров прослужил в семинарии обязательные десять лет и по рекомендации нижегородского губернатора, бывшего декабриста А.Н. Муравьева был прикомандирован к местному статистическому комитету. За время этой службы он обследовал семь уездов в статистическом, хозяйственном и промышленном отношениях. Участвовал в устройстве сельскохозяйственной выставки. В 1862 году «командирован был для нахождения при квартире чрезвычайного посланника и уполномоченного министра двора Его Высочества шаха персидского» во время его посещения Нижнего Новгорода.

Обладая бойким пером, Леонид Иванович помещал в «Нижегородском ярмарочном справочном листке» народные сценки, театральные обозрения, и даже сочинял передовицы.

Одно время служил помощником правителя канцелярии Нижегородского губернатора, от которого был уволен по причине сокращения штатов.

Испытывая материальные затруднения, он перебирается на жительство во Владимирскую губернию, надеясь на поддержку родственников. Там же он нашел пристанище, секретарствуя у своего земляка архимандрита Суздальского Спасоефимьевского монастыря Досифея.

Составил историческое описание этой обители. Опубликовал ряд других историко-краеведческих изысканий во «Владимирских епархиальных ведомостях» и в «Современных известиях», что издавались в Москве. Сахаров показал себя незаурядным сочинителем, поэтом и дальнейшим исследователем местного края.

Вся последующая жизнь его была связана с Владимирской землей, где он и скончался 11 января 1887 года и был погребен в Спасоефимьевском монастыре.

Дочь покойного, Вера Леонидовна Ставровская, обратилась с просьбой к нижегородскому общественному деятелю и краеведу А.С. Гацисскому придумать надпись на могильной плите Л. И. Сахарова. Просьба была исполнена и эпитафия, верно отражавшая путь деятельности Леонида Ивановича Сахарова, звучала так: «Всю жизнь работал на других, но себе заработал самое дорогое: доброе имя хорошего семьянина и даровитого областного исполнителя».

Иван Богомолов

НИЖЕГОРОДСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Есть в Нижнем Новгороде необычный музей. С мая 2014 года он размещается на центральной пешеходной Большой Покровской улице. Только чтобы попасть в него, нужно зайти с торца стеклянного дома №43 (известный по магазину «Художественные промыслы») и подняться по лестнице на 3-й этаж. За старинными чугунными дверями с замками вековой давности скрывается немало интересного...

За прошедшие 6 лет музей пережил множество знаменательных событий. Изначально полностью частный, в январе 2016 года он получил огромную поддержку от города – стал одним из филиалов Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ). И ровно через четыре года, в январе 2020 г., он закрылся на грандиозную реконструкцию, которая продолжается до сих пор...

Основатель и руководитель музея Вячеслав Викторович Хуртин занимается приобретением старинной техники ещё с начала «лихих 90-х», когда рухнула великая держава – СССР, а вместе с ней – и вся привычная жизнь. Приходили в упадок некогда могучие заводы, сдавалось в металлолом или просто на свалку ценнейшее долговечное оборудование. Что мог противопоставить этому молодой предприниматель, сам владелец завода «Гидротермаль» по выпуску теплового оборудования? Правильно: по силам и возможностям приобретать и восстанавливать то, что ещё можно было сохранить. Шло время. Тесно ста-

ло многочисленным вещам в хозяйских помещениях. А выставки? Участвуя в них, кочуя по городам, предметы ветшали и ломались. Выход – открыть свой постоянный музей – дался очень трудно...

Хотя реконструкция ещё не завершилась, мы вполне можем прогуляться по обновлённому залу и составить себе комплексное представление о собранных вещах. Впервые за столько лет наметились чёткие тематические блоки. Начнём по порядку.

Испокон веку Нижегородчина славилась своими ремёслами и промыслами. Да, прямо над Техническим расположен музей истории художественных промыслов Нижегородской области. Однако у Хуртина другая задумка – показать повседневные, самые обычные вещи, изготовленные кустарным образом. Поэтому здесь основное внимание уделено станкам и инструментам. Они служили для обработки древесины, получения нити и ткани, а также работе с металлом. Кому такое оборудование неинтересно, найдут здесь же выразительные резные наличники и лобовые доски (украшение старинной заброшенной избы), керженский ботник (небольшая лодка, которой пользовались жители рек Ветлуги и Керженца), тарантас и сани (их объединяет то, что сидения возницы сплетены из лозы и напоминают корзину).

С середины XIX века в Нижегородском крае начинает активно развиваться крупная промышленность. Поэтому далее показываются фабричные станки для обработки металла и обрезной типографский пресс (с его помощью получали ровные края страниц книги или журнала).

Далее предметы можно условно объединить бытовым назначением. Так, на письменном столе стоит стереоскоп конца XIX века с видовой объёмной фотографией того же времени. Так что 3-D технологии отнюдь не новинка по своей сути. Здесь же приводит в трепет и ужас ножная зубосверлильная машина 1870 гг. с плевательницей и, напротив, вызывает улыбку ледовый холодильник 1914 г. Очень скромных (по нынешним меркам) размеров, тогда он мог быть только у богачей.

Невозможно пройти равнодушно мимо огромного водолаза. Его 100-килограммовое снаряжение очень внушительного вида, как ни странно, использовалось для небольших погружений (до 25 метров). Не позволяла герметичность соединения шлема с собственно резиновым костюмом.

Особой гордостью Технического музея является работающая старинная музыкальная механическая аппаратура – от музыкальной шкатулки и шарманки до фонографа и граммофона. На первых двух звук кодируется штырьками – получается механический музыкальный инструмент. Во втором случае перед нами – уже первая механическая звукозапись на валиках и пластинках. Подробнее обо всём этом музыкальном мире рассказывается на отдельной экскурсии.

Фото Богомолова И.С., 2020 г.

Завершается музей транспортной темой. У нас можно увидеть вживую почти все вехи развития велосипеда – от «костотряса» до «Прогресса». Всего насчитывается 8 моделей, среди которых – два деревянных образца начала XX века. Отдельно можно полюбоваться конными экипажами. Это лёгкие повозки, которые, кстати, могли ездить и зимой. Для этого колёса заменяли на лыжи – они совсем недавно появились в музее. Один из экспонатов буквально удалось спасти от исчезновения – это один из первых советских тракторов «Фордзон-Путиловец» 1920-х гг. Он долгое время стоял под открытым небом в музее деревянного зодчества «Щёлоковский хутор» и постепенно разрушался от коррозии. Но благодаря тому, что трактор официально ни в каких музейных документах не значится как экспонат, его и удалось без волокиты передать Техническому музею и восстановить силами работников «Гидротермали».

Напомню, что сейчас Технический музей так и находится на реконструкции. На том же 3-м этаже ему выделили новые площади. Надеемся, что в обозримом будущем нас ожидают новые открытия удивительного мира старинной техники. Сотрудники музея будут рады всем нижегородцам, а также гостям города готовым к участию в подобных открытиях.

И.Г. Мальцева
заведующая библиотекой им. С.В. Михалкова

ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДО ОБЩЕДОСТУПНОЙ

Наша библиотека создана на общественных началах в мае 1964 года и является первой в стране, носящей имя Сергея Владимировича Михалкова.

Группа общественников, пенсионеров-энтузиастов во главе с бывшим фронтовиком Кузнецовым Борисом Васильевичем, решили создать библиотеку. Приокский райисполком выделил двухкомнатную квартиру в цокольной части дома 12 на ул. Сурикова. К моменту открытия в библиотеке насчитывалось 450 экземпляров книг, принесенных местными жителями, к которым с просьбой обратились организаторы. Они так же писали письма в районные, городские, вузовские библиотеки с просьбой помочь книгами новой читальне. Большую помощь в организации библиотеки, на тот момент, оказала центральная библиотека Приокского района.

Библиотека обслуживала детей и взрослых, работала 4 дня в неделю с 17.00 до 19.00. В те годы она была настолько востребована, что по подсчетам устроителей за вечер ее посещали около 50-и человек. Книги выдавали дежурные библиотекари.

При библиотеке был создан Совет, который обратился к писателю С.В. Михалкову с просьбой дать свое согласие на то, чтобы библиотека носила его имя, на что поэт дал свое личное разрешение.

Первой заведующей библиотекой на общественных началах была Людмила Николаевна Бугрова. В годы ее работы совершенствовалось библиотечное обслуживание читателей, формировался книжный фонд, развивалось сотрудничество с детскими клубами микрорайона. Только за один первый год библиотечный фонд вырос до двух тысяч экземпляров!

Через пять лет, в 1969 году библиотека принята на гос.бюджет и получила статус государственной детской библиотеки.

В мае 1974 года библиотека торжественно отметила своё десятилетие, а в декабре 1982 года библиотека переехала на улицу Гжатскую. Она разместилась снова в цокольной части, на этот раз девятиэтажного дома на площади 250 кв. м.

В тот период библиотека активно работает с детскими клубами, в ребячьей среде особой популярностью пользовались недели детской книги.

В 2008 году библиотека вновь становится новоселом, на этот раз в помещении, выделенном администрацией Приокского района по адресу: Анкудиновское шоссе, д.30, где и расположена по сей день.

Самый юный читатель библиотеки дарит цветы С.В. Михалкову

Первая заведующая Бугрова Л.Н.

С.В. Михалков в библиотеке 26.02.1967

В гостиной Михалкова

На абонементе библиотекарь В.В. Краюшкина

Актив библиотеки

Библиотечный совет

5 мая 2009 года в торжественной обстановке филиал был открыт для читателей после капитального ремонта.

В марте 2010 года библиотеке присвоен статус общедоступной, то есть «доступной» не только для детей, но и для взрослых. Таким образом, библиотека им. Михалкова за полвека прошла путь от организованной на общественных началах маленькой читальни до крупной городской библиотеки, читателем которой может стать каждый нижегородец.

Особая гордость библиотеки – это «музейный уголок», такие есть не в каждой. Вниманию читателей и посетителей в читальном зале представлены несколько витрин с личными вещами С.В. Михалкова, подаренные вдовой Сергея Владимировича Субботиной – Михалковой Юлией Валерьевной. Здесь же подарки от Российского Фонда Культуры, который является давним партнером и добрым другом библиотеки имени С.В. Михалкова.

Одной из первых в дар библиотеке прислала свою книгу «Кладовая памяти» и Наталья Петровна Кончаловская, жена Сергея Владимировича и внучка великого русского живописца В. И. Сурикова. Эту книгу известная детская писательница, поэтесса и переводчица подписала: «В библиотеку имени моего мужа на улице имени моего деда!»

Сергей Владимирович Михалков поддерживал тесную связь с библиотекой. Приезжая в наш город, он трижды посещал библиотеку: в феврале 1967 года, в июне 1968 года и в августе 1974 года. Юные читатели и взрослые с радостью встречали своего любимого писателя: читали ему стихи, рассказывали о работе и делах библиотеки. За первые пять лет существования народной библиотеки на общественных началах С. В. Михалков подарил ей около 400 ценных книг.

В марте 2013 года библиотека приняла активное участие в многочисленных мероприятиях, посвященных столетию писателя.

В апреле 2014 года проведен литературный районный Конкурс чтецов «Ну, давайте скажем в рифму!», посвященный творчеству С.В. Михалкова. В Конкурсе приняли участие школьники Приокского района – 41 юный декламатор! Победитель конкурса принял участие в международном гала-концерте победителей международного конкурса чтецов «Ты в дальнюю дорогу бери с собой друзей…», который состоялся 1 июня 2014 года в г. Ульяновске.

В октябре 2014 года состоялось празднование 50-летнего юбилея библиотеки, при поддержке Российского фонда Культуры.

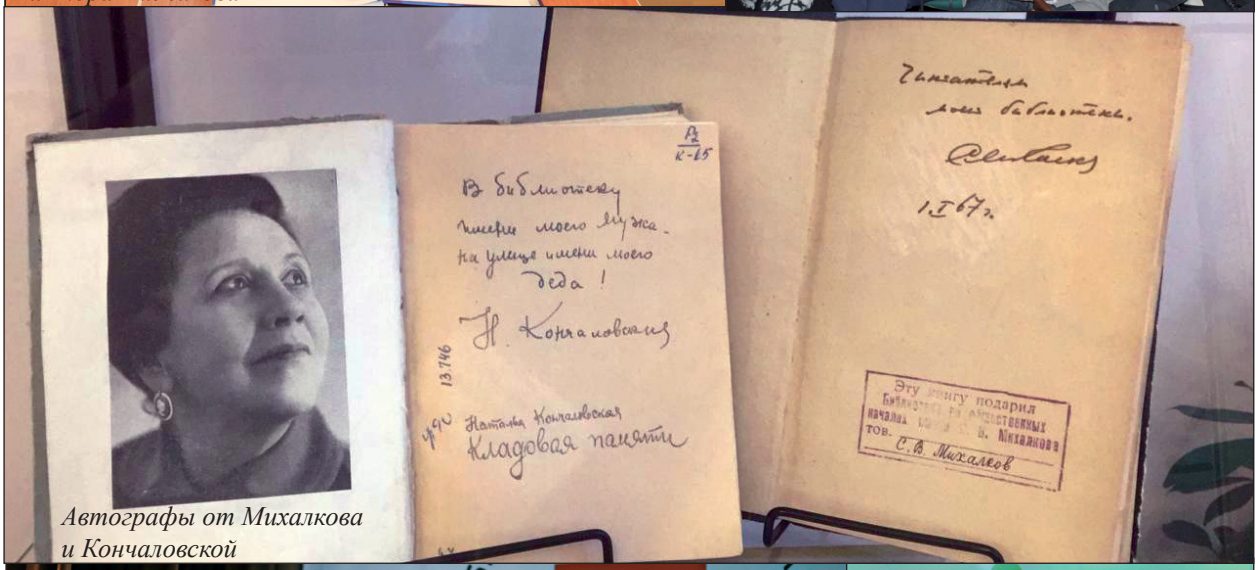
В 2019 году был реализован проект «Первой библиотеке имени С.В. Михалкова – 55 лет!»

В рамках проекта было проведено: 15 мероприятий, в которых приняли участие около двух тысяч человек; два творческих конкурса – 191 участник,

На память о встрече - Ю. В.Субботина-Михалкова

Поздравления от внука писателя - Е. А, Кончаловского

Автограф от художника -иллюстратора Виктора Чижикова



Автографы от Михалкова и Кончаловской

На сцене - легендарный дядя Степа

6 книжных выставок, на которых было представлено 245 изданий, и множество других встреч и акций.

Летом 2019 года в преддверии 55-летнего юбилея была открыта гостиная Михалкова, где проводятся встречи с писателями, громкие чтения, мастер-классы.

А в витрине нашего «музейного уголка» заняли свое почетное место подарки от содружества библиотек, носящих имя Михалкова, которое сложилось в 2013 году в Калининграде на I Международном форуме библиотек имени С.В. Михалкова.

Сейчас содружество насчитывает 19 библиотек, которые ежедневно встречают своих читателей, как в России, так и за рубежом.

В настоящее время в библиотеке реализуется проект «Человек через призму мирового искусства». В рамках проекта проходят различные мероприятия: встречи, посвященные творчеству современных живописцев, музыкальные вечера, виртуальные экскурсии, моноспектакли, музейные тематические и персональные выставки художников, творческие встречи с деятелями культуры и искусства. Филиал сотрудничает с Русским музеем фотографии, литературным музеем им. М. Горького, музеем А. Сахарова, культурологами, писателями, искусствоведами, музыкантами.

Наша библиотека с гордостью носит имя С.В. Михалкова. В своих произведениях он выступает, как первый учитель жизни. У Михалкова за мягкой, веселой шуткой, за самым смешным положением, в которое попадают его герои – неистощимый оптимизм и добрая, мудрая поддержка наставника, совет старшего товарища, которые всем необходимы.

Сотрудники библиотеки имени С.В. Михалкова всегда открыты для общения и готовы к сотрудничеству. Позвонить в библиотеку можно по телефону 8(831)431-25-14, написать по электронной почте: mikhalkovalib@prioklib.ru, или на сайт МКУК ЦБС Приокского района http://prioklib.ru. Еще больше новостей на странице библиотеки на сайте ВКонтакте: https://vk.com/michalkovlib.

От редакции:

В нашей стране и за рубежом функционирует 19 библиотек им. С.В. Михалкова. Наша – нижегородская, в этом ряду самая первая!

Она, можно сказать, ровесница нашего общества и нашего журнала «Памятные записки». Была задумана и создана на общественных началах, что было в духе того времени, когда людям было не свойственно сидеть, сложа руки, дожидаясь «милости от природы», они были неудержимы в стремлении преобразить к лучшему окружающий мир. Так же, как и наша общественная организация – «Общество старых нижегородцев» и наш ежегодный альманах, она живет и будет жить, и служить на радость горожанам.

Заведующая библиотекой им. С. В. Михалкова Мальцева И.Г., и Е.А. Кончаловский

Ценный экспонат - любимая чашка С.В. Михалкова для какао

От руководства города нас поздравил Беагон Р.Я. дир департамента Культуры, второй справа

Слева направо - Цирулева О.А., Е.Кончаловский, Лавринович Л.С. 2019 г.

Наградной кубок

Александр Цирульников

ТРИ ЭПИЗОДА С УЧАСТИЕМ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА В ГОРЬКОМ

С Сергеем Михалковым и Борисом Школовским. Михалков гадает у меня по руке. 1966 год.

« Михалков-хиромант»

В 1966 году Сергей Владимирович Михалков приезжал в Горький с группой авторов сатирического журнала «Фитиль». И почему-то вместе с ними был и Виктор Борисович Шкловский. Встреча с горьковчанами происходила в зале Дома политического просвещения, который тогда располагался на улице Ульянова, там, где сейчас находится Хоровая капелла мальчиков.

По окончании этого мероприятия я увез Сергея Владимировича и Виктора Борисовича на студийном УАЗике на телевидение для интервью в информационной программе «Горьковские новости». Тогда у нас видеозаписи еще не существовало, и все эфиры были, как теперь говорят, прямые.

В павильоне, мы сели за столиком и ждали, когда дикторы нам передадут слово. И вдруг Сергей Владимирович спросил Шкловского: «Вы умеете гадать по руке?», тот удивился вопросу и, улыбнувшись, ответил, что не умеет. «А я умею, – сказал Михалков, – Саша, дайте мне вашу руку!» Признаюсь, не помню, что он мне тогда нагадал, но на память об этом «гадании» осталась фотография, оперативно снятая тогда нашим телеоператором Робертом Богдановым.

Сразу после передачи Шкловского увезли на какую-то встречу с читателями. А Михалков попросил меня проводить его в ТЮЗ. Видимо, машины на ТВ не оказалось и пошли с ним пешком с улицы Белинского на Грузинскую. Помню, был холодный зимний вечер, мы шли плохо освещенной вечерней улице Костина, и Сергей Владимирович острил, что это сюжет для «Фитиля». В пути расспрашивал меня, какие его пьесы идут в горьковских театрах, и говорил, что собирается предложить новую работу ТЮЗу.

Вспоминаю удивление главного режиссера ТЮЗа Виктора Львовича Витальева, когда по моей просьбе его вызвали из зрительного зала, где шел спектакль, и представил ему неожиданно оказавшегося в театре Михалкова. Витальев стал приглашать его к себе в кабинет, чтобы угостить чаем. На что Михалков ответил: «Чай мы только что пили на телевидении, поэтому лучше посмотрим, как играют ваши артисты, а чай попьем после спектакля…»

В зрительный зал я не пошел и попрощался с Михалковым в фойе.

«Не солоно хлебавший»

Помню еще один неожиданный эпизод с Михалковым на этот раз на Московском вокзале. Он тогда приезжал в Горький и выступал перед писателями как председатель правления Союза писателей РСФСР. Это был небольшой отчет в процессе подготовке к предстоящему писательскому съезду.

На наш вопрос, собирается ли Сергей Владимирович выдвигать свою кандидатуру на пост Председателя Союза писателей РСФСР, который занимал уже несколько сроков подряд, слегка заикаясь, ответил-

– Конечно! Обязательно! И знаете почему – надо беречь деньги из бюджета писателей России! Смотрите сами – у меня квартира в центре Москвы есть, дача в Подмосковье есть, машина своя и служебная есть, книги выходят вне очередей во всех престижных издательствах, литературные премии и госнаграды в избытке…

И хитро посмотрел в зал – «А если изберете не меня, а кого-то другого – так ему же все это понадобиться сначала. А, как я уже говорил, бюджет Союза писателей надо беречь и средства экономить…Выводы за вами…»

Поздним вечером этого дня я приехал на вокзал, чтобы отправить коробку с готовым репортажем в Москву для программы «Время» поездом «Нижегородец». И вдруг вижу, как по центральному залу почти бегом передвигаются Сергей Михалков и наш поэт-юморист Михаил Сточик, он был тогда председателем местного литфонда и провожал Михалкова в Москву. Я подошел к Михаилу Яковлевичу и тихо спросил, что у них с Михалковым за суета. Тот засмеялся:

– Классик голоден, мы надеялись поужинать в здешнем ресторане, а он закрыт. Придется отправлять его в Москву не солоно хлебавшим.

– Ладно уж, сэкономим литфонду деньги, перетерплю, завтра дома поем, -подвел итог неудачной попытке поужинать Сергей Владимирович.

Через месяц на Съезде писателей РСФСР С.В. Михалкова вновь избрали Председателем Союза…

« Дефицит в дефиците»

Не помню, по какому поводу мы снимали на конвейере в цехе сборки легковых машин. Было это, по-моему, году в 1976, в преддверии XXУ съезда КПСС. Наверное, все-таки снимали репортаж потому, что «Волга-ГАЗ 24-10» была аттестована на Знак качества.

Вообще это увлекательное зрелище, когда, казалось бы, из ничего рождается автомобиль. И, чтобы это увидеть, надо пройти конвейер из конца в конец. Понаблюдать за каждой операцией, которую выполняют слесари-сборщики на непрерывно двигающемся транспортере, уставленном машинами. Стадия готовности наступает тогда, когда, сверкнув фарами и издав, словно крик новорожденного, громкий сигнал, символически заправленная горючим «Волга» с первым шофером за рулем скатывается с медленно ползущей ленты на металлический пол цеха и своим ходом отправляется на площадку готовых автомобилей.

Съемка была в самом разгаре, когда мы заметили, как вдоль конвейера идут два знакомых человека. Один из них был Федор Михайлович Воронин, секретарь парткома автозавода, а второй – Сергей Владимирович Михалков.

Воронин по пути рассказывал Михалкову, какие операции выполняются на том или другом участке. Михалков слушал, но при этом с неподдельным интересом заглядывал в большие металлические контейнеры с деталями, которые стояли по ходу сборки. Чего только в каждом из них не было – подшипники, втулки, резиновые прокладки, отдельные небольшие узлы в сборе… Время от времени на автокары подвозили новые запчасти и выгружали их в эти прожорливые ящики.

– Федор Михайлович, – как всегда, заикаясь, радовался Михалков, – я совершенно теряю дар речи от этого пиршества дефицита! Можно, я кое-какой мелочью поживлюсь…

И стал вынимать из ящиков те же подшипники, втулки, прокладки и запихивать в карманы своей дубленки.

– Сергей Владимирович, давайте сделаем так, – предложил Воронин, – вы сейчас составите список, что нужно, и мы все это упакуем и подарим вам по-

сле обеда. Смотрите, все эти детали масляные, вы же себе дубленку испачкаете… А дубленка же – дефицит!

Михалков рассмеялся:

– Федор Михайлович, мне новую дубленку в Москве купить легче и проще, чем вот эту копеечную втулку. Поэтому не беспокойтесь о дубленке… А за списочек спасибо, я вам его сейчас составлю…

Ирина Николаевна Луцкая,
главный эксперт Управления по связям с общественностью
Волго-Вятского ГУ Банка России

БАНКОВСКИЙ МУЗЕЙ НА БОЛЬШОЙ ПОКРОВСКОЙ

На центральной улице Нижнего Новгорода – Большой Покровской – расположена архитектурная визитная карточка города. Это ансамбль, построенный по проекту архитектора В.А. Покровского в 1911–1913 гг., для Государственного банка. Он вызывает неизменный интерес посетителей и представляет собой один из важнейших экскурсионных объектов. Немаловажное значение имеет тот факт, что 17 мая 1913 года в рамках программы торжественных мероприятий к 300 летию царствования дома Романовых Нижегородское отделение Государственного банка посетил Николай II. Сегодня входящим в состав комплекса зданиям присвоен статус памятников регионального и федерального значения. Сохранивший свой первозданный облик и интерьеры архитектурный ансамбль сегодня, как и 107 лет назад, остается банковским. В нем располагается Волго-Вятское главное управление Центрального банка Российской Федерации.

Уже 22 года в главном корпусе находится музей. Все это время он служит просветительским целям, повышая уровень знаний нижегородцев и гостей города в области финансовой истории и культуры.

Фото Б.С. Извекова

Основной формой музейной коммуникации остается постоянная экспозиция, ориентированная на посетителей разного уровня подготовки. Через музейные предметы осуществляется историко финансовое просвещение, передаются факты, суждения и отношения к ним.

Музейно экспозиционный фонд Главного управления включает в себя основной и научно вспомогательный фонды. Среди хранящегося немало действительно интересных предметов. Это банковские документы, фотографии и личные вещи банковских служащих, собрание монет и бумажных денежных знаков XVIII–XXI вв., сейф Сущевского завода начала XX в., образцы счетной техники и кассового оборудования. Неизменный интерес у экскурсантов вызывает экспозиционный комплекс «кабинет управляющего» с личными вещами управляющего Нижегородским отделением Государственного банка в 1909–1917 гг. Н.П. Полянского. К примеру, можно увидеть один из редких экспонатов – головной убор от парадного мундира. Он представляет собой двууголку черного цвета с петлицей и пуговицей малого размера, а также кокардой в виде розетки из трех кругов муаровой ленты черного, оранжевого и белого цветов. Кокарда всегда считалась важным элементом форменной одежды, указывавшим на государственную принадлежность. Такую шляпу не носили в повседневной жизни, она хранилась для торжественных случаев. А на рабочем столе Н.П. Полянского находилась его личная именная печать. Ещё её называют сухой рельефной выжимной печатью. Её действие заключается в сдавливании бумажного носителя, в результате чего остается рельефный оттиск, соответствующий изображению на клише. Сухая печать применялась не только для дополнительной защиты документов, но и можно было поставить тиснение на договоре, заверяя его подлинность, или на визитных карточках.

В 2020 году музей пополнился специально изготовленными копиями музейных предметов. Это копии подносного блюда и солонки от шести нижегородских частных банков для поднесения хлеба и соли во время парадного обеда в честь открытия здания Нижегородского отделения Государственного банка 19 мая 1913 года. Сейчас эти уникальные свидетели истории хранятся в фондах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В последние годы деятельность музея вышла далеко за рамки существующей в небольшом помещении экспозиции, поэтому музейное пространство постоянно расширяется. Размещение выставочных витрин в общедоступном пространстве холлов главного корпуса позволило обеспечить доступ к музейным материалам для большего количества посетителей. На сегодняшний день вне стен выставочного зала действуют как постоянные выставки – «История денег», «Строительство ансамбля Государственного банка в Нижнем Новгоро-

де», так и временные. Всего за время существования МЭФ организовано более 60 временных тематических выставок, посвященных событиям и личностям в банковской истории.

Особенностью работы МЭФ является то, что находится он на территории режимного объекта и, соответственно, есть ряд требований и особенностей пропускной системы и оформления документов.

Экскурсии для сторонних организаций проводятся в определенные дни недели по предварительной записи, на безвозмездной основе. Заявки от организованных групп граждан РФ принимаются заранее. В целях безопасности доступ в назначенное время осуществляется по предъявлению документа, удостоверяющего личность. Такой, несколько усложненный в отличие от привычных музеев, порядок доступа при грамотной организации в целом не вызывает неудобств у желающих посетить музей и уникальное здание с вековой историей.

Учитывая, что аудитория музея самая разнообразная: по возрасту, уровню подготовки, профессиональным и личным предпочтениям, экскурсии проводятся адресно. С этой целью сотрудниками МЭФ на постоянной основе разрабатываются разноплановые экскурсионные маршруты, тематические экскурсии и музейные игры (экскурсия «Честь и достоинство служащего Государственного банка», обзорная экскурсия «Строительство ансамбля Государственного банка в Нижнем Новгороде», тематическая экскурсия «По страницам истории Государственного банка», занятие «История российских денег», музейная игра для школьников «Карманные деньги», викторина «От полушки до полтинника»).

Одной из форм работы с массовым посетителем является организация дней открытых дверей. С 1998 года традиционно мероприятие проводится в мае, а с 2016 года, когда эта практика стала общероссийской, – ещё и осенью. Экскурсии по музею и зданию проводятся по предварительной записи. Ежегодно количество посетителей увеличивается, поэтому в последнее время практикуется подготовка экскурсоводов волонтеров из числа сотрудников.

За годы проведения дней открытых дверей десятки тысяч посетителей смогли восхититься творением российских мастеров, познакомиться с историей и традициями главного банка страны.

В 2020 году в связи со сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой не представлялось возможным провести дни открытых дверей в традиционном формате. Однако все желающие смогли совершить онлайн путешествие по зданию банка – ссылка на видеотур была размещена на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации, а после проведения дня открытых дверей – на различных интернет ресурсах.

Таким образом, все посетители, независимо от возраста и образования, имеют возможность в доступной форме познакомиться с историческим прошлым главного банка страны и увидеть новые грани деятельности современного Банка России. Знакомство с историей ведомства стало одной из важных составляющих финансового просвещения.

Сегодня Банком России особое внимание уделяется этой сфере. Опыт многих стран показывает, что от уровня грамотности в финансовых вопросах зависит не только материальное благополучие граждан, но и социальная стабильность. Начальным этапом этой работы становится информирование граждан о деятельности банковского сектора и финансовых рынков региона и страны. И в этой связи работа МЭФ Волго-Вятского ГУ Банка России приобретает еще большую важность.

Разработан ряд просветительских проектов по этому направлению, и ни один из них не обходится без участия музея. Реализуются такие проекты как на территории Главного управления, так и на внешних площадках. Мероприятия, организованные совместно с вузами, школами, библиотеками, благотворительными и пенсионными организациями, стали востребованными:

1. Участие в акции «Ночь музеев» в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

2. Просветительский проект «Финансовая весна» в Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина.

3. «Исторический банковский ликбез»: просветительские мероприятия в центральных библиотеках области.

4. Совместные конкурсы детских творческих работ с областной детской библиотекой «Приключения монеты», «Банк талантов».

5. «Банк историй»: совместный просветительский проект с Нижегородским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником.

Музей Волго-Вятского ГУ Банка России организует временные выставки на площадках партнеров. Тематические выставки уже проходили в историческом парке «Россия – моя история», Русском музее фотографии, Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке им. В.И. Ленина, Нижегородском театре Комедія, Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Экспозиции рассказывают о самых разных темах и событиях – банковской архитектуре, истории денег, памятных монетах, посвященных спорту, театру, историческим датам.

Сегодня основными задачами Музейно-экспозиционного фонда являются преемственность и популяризация лучших банковских традиций, укрепление позитивного имиджа, продвижение корпоративных ценностей Банка России и финансовое просвещение.

В силу своих особенностей МЭФ Волго-Вятского ГУ Банка России не в полной мере включен в музейную жизнь Нижнего Новгорода. Однако историческое здание привлекает внимание нижегородцев и гостей города. Увидев его удивительные интерьеры, узнав страницы его истории, посетители начинают интересоваться деятельностью людей, служивших и служащих в этом учреждении. Музей открыт для сотрудничества и готов к коммуникации и взаимодействию с музейными, культурными и учебными учреждениями, общественными организациями и частными коллекционерами.

фото Извекова Б.С. 2010 г.

Илья Леонидович Новосадов
Директор Нижегородского Музея «Холодной Войны» и истории города Горький в 1946-1991 г.г.

ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО МУЗЕЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И ИСТОРИИ ГОРОДА ГОРЬКИЙ В 1946-1991 ГГ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Начало рассказа о нашем музее можно прочесть в томе №44 журнала «Памятные записки Общества старых нижегородцев» (2019 год).

Как и планировалось тогда, в 2019-м, по согласованию с руководством Нижегородского отделения Российского Военно-исторического общества, Нижегородский Музей «Холодной Войны» открыл свои двери в Домике Петра Первого, на улице Почаинская, дом 27. Это один из древнейших архитектурных памятников каменной жилой застройки Нижнего Новгорода – палаты купца Чатыгина. Предположительно именно здесь впервые останавливался Петр I во время своего приезда в Нижний Новгород. Построен он, предположительно, в 1680-е годы, во время массовой застройки Нижнего Новгорода. Стены здания были возведены из белого большемерного кирпича, дом украшен декоративными украшениями и профильными деталями. Белокаменные палаты внутри здания представляли собой строение с комнатами (горницами) с сомкнутыми сводами.

Официальное открытие прошло 1 октября. Транспортировку экспонатов и оборудования, монтаж выставок и расстановку всех музейных предметов коллектив Музея начал ещё в мае 2019 года. Нам тогда даже удалось поучаствовать де-факто в ставшей уже традиционной для нас Всемирной акции «Ночь Музеев–2019», проходившей 18 мая, и, хотя никакого анонса мы не публиковали, люди всё равно пришли к нам и стали свидетелями открытия нашего Музея на новой площадке. Конечно, тогда до полноценного открытия было ещё достаточно далеко, оста-

Демонстрация экспонатов для юных патриотов в Музее А.Д. Сахарова

валось много работы по расстановке и монтажу экспозиций, но посетителям наш энтузиазм и планы весьма понравились; многие из присутствующих просили сообщить, когда будет официальное открытие, и обещали посетить нас ещё раз. Намечалась большая совместная со РВИО работа. К осени 2019 года членами РВИО числились И.Л. Новосадов, А.Г. Радьков, О.Н. Кононова, А.С. Кулагин и другие сотрудники Музея.

в Учебно-методическом центре по ГОЧС Ниж. обл. им. маршала Чуйкова

Но все планы перечеркнула трагическая гибель председателя Нижегородского отделения Российского военно-исторического общества, Олега Игоревича Казаринова в ночь на 13 июля 2019 года. До конца сентября планы по открытию были законсервированы.

Как бы то ни было, жизнь не стоит на месте, и на совместном собрании Нижегородского отделения РВИО и нашего Музея, прошедшем в начале октября, было принято решение об открытии Центра военно-патриотического воспитания на базе «Дома Петра Первого». В состав Центра входил собственно наш Музей с несколькими специально разработанными новыми выставками, руководство Нижегородского отделения Российского Военно-исторического общества, а также созданный городской Военно-исторический Лекторий, где предполагалось проводить семинары, лекции и чтения по военной истории нашей Родины, презентации книг и монографий и многое другое. На новом месте мы уже официально стартовали с дебютной выставкой «История Холодной Войны», где собраны все наши экспонаты за почти 20 лет нашей научно-исторической работы.

На сезон осени-2019– весны-2020 для туристов и новых гостей Музея были созданы новые тематические выставки: «Закрытый город Горький», «Бункеры «Холодной Войны», «На пороге Третьей Мировой», «Техника и вооружение Советской Армии», «История русского противогаза», «История Гражданской обороны СССР» и «Быт советского гражданина».

Накануне, в сентябре 2019 года я со своим коллегой, А.Г. Радьковым поступили на магистратуру Института Международных отношений и мировой истории ННГУ им Лобачевского по специальности «Зарубежное регионоведение». Желание учиться и заниматься наукой в лучшем, по моему мнению, ВУЗе города дало силы и возможности поступить в Университет и открыть для научной работы нашего Музея новую, уже профессиональную страницу.

Первыми посетителями Музея и Лектория на новом месте стали наши коллеги по ИМОМИ ННГУ им. Лобачевского, магистранты 1-го года обучения направления «Зарубежное регионоведение» во главе с заведующим кафедрой, профессором Александром Алексеевичем Корниловым, посетившие наш Музей 7 октября.

Я со своими коллегами рассказал студентам об экспонатах, представленных в помещениях нашего музея. Через описание вещественных источников была показана новейшая история международных отношений и таких региональных конфликтов, как Афганский и Ближневосточный. Студенты увидели своими глазами и потрогали произведенные в СССР образцы стрелкового оружия, макеты минного и артиллерийского вооружения и боеприпасов, системы связи, различные средства защиты от оружия массового поражения. По отзывам, опубликованным на официальном ресурсе кафедры Зарубежного регионоведения в социальной сети «ВКонтакте», наш музей «уникален».

Впоследствии, в октябре 2019 года во вновь открытый Музей приходили несколько делегаций студентов; так, к примеру, 30 октября нас посетили студенты ИМОМИ направления подготовки «Международный и деловой туризм» во главе со своим преподавателем, кандидатом исторических наук, доцентом Кузиной Натальей Владимировной. Для этих ребят посещение нашего Музея стало ещё и своеобразной практикой, встречей по обмену опытом, так как среди прочего студенты данного направления изучают музейное дело, историю и экскурсоведение, и, возможно, по окончании альма-матер, займут рабочие места в различных музеях нашего города и страны.

Но, увы, безупречно выстроенным планам по музеефикации Домика Петра I и совместной работе с РВИО после трагического ухода из жизни О.И. Казаринова не суждено было сбыться. Слишком многое зависело от этого замечательного человека и патриота. Дальнейшая совместная деятельность по эксплуатации Домика Петра I стала со временем нерентабельной, здание требовало довольно больших капиталовложений для своей нормальной эксплуатации, несоразмерных с небольшими поначалу доходами от деятельности Музея. К тому же, поскольку здание име-

На Б. Печерской, экскурсию проводит А.Г. Радьков

И.Л. Новосадов и И.А. Продан

ет большую историческую и архитектурную ценность, это накладывает определённые рамки в правилах его эксплуатации, не самым лучшим образом отражающиеся на музеефикации и создании новых форм выставок, к примеру, невозможность размещения плакатов, стендов и исторических агитационных материалах непосредственной на стенах помещений. Поэтому к началу 2020 года было принято решение о демонтаже экспозиции и переезда Музея по запасникам и частным хранилищам до лучших времён. 16 февраля 2020 года весь личный состав Музея принимал участие в вывозе экспонатов, оборудования и техники, меньше, чем за один день всё было перевезено. Домик Петра I остался очередной славной страницей в истории нашего Музея.

Я и мои коллеги не унывали; мы знали, что это место, так или иначе, было временной базой Музея и впереди ещё много новых выставок, много свершений и побед.

Своё пятилетие 23 февраля 2020 года мы традиционно отметили у наших уважаемых коллег из Музея А.Д. Сахарова новой выставкой «Боевыми дорогами Афгана» и лекцией «Эта война изменила мир», посвященными 31-й годовщине вывода советских войск из Афганистана. На выставке были представлены новые экспонаты, в частности, новые макеты инженерного вооружения и боеприпасов Советской Армии, а также макеты ручных противотанковых гранат. Традиционно была рассказана история их создания, производства и боевого применения в различных конфликтах, в частности, на Афганской войне. Аудитория выставки и лекции была более чем обширная, присутствовали члены «Общества старых нижегородцев», а также посетители, пришедшие по анонсам. Вспоминая эту очередную совместную выставку, хочется выразить

слова благодарности за помощь в её организации замечательным сотрудникам Музея А.Д. Сахарова, нашим коллегам и соратникам.

Не останавливаясь на достигнутом и имея цель и далее заниматься военно-патриотической работой и увековечиванием памяти наших бойцов, не вернувшихся из Афганистана, мы провели 25 февраля аналогичную выставку под названием «На защите Отечества» в Центральной районной библиотеке им. Т.Г. Шевченко.

Планов на 2020 год было много, в первую очередь потому, что это был год 75-летия Великой Победы, объявленный нашим Президентом Годом памяти и славы. Планировались также и традиционные выставки, посвящённые годовщине Чернобыльской трагедии и истории Горьковской атомной станции, и порядка полутора десятков новых мероприятий. Но 11 марта Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии нового коронавируса, мир стал стремительно меняться, опустели улицы многих городов мира, ковид пришёл и в Нижний Новгород… Музеи, как и большинство других учреждений, оказались закрыты. Тогда ещё никто не знал, что будет дальше, все напряженно следили за сводками, напоминавшие фронтовые…

Но опять я с сотоварищи решили не опускать руки и всерьёз поднять научную работу, благо, свободного времени для этого оказалось более, чем достаточно.

Итоги научно-исследовательской и краеведческой деятельности 2020 года были очень плодотворными. Вкратце скажу, что была завершена работа над своей книгой заместителя директора нашего Музея, А.Г. Радькова «Хроника работы Нижегородского уголовно – сыскного отделения 1894 – 1909 годов по заметкам в периодической печати», продолжавшаяся в течение нескольких лет. Также Андрей Георгиевич закончил работу над несколькими новыми статьями, часть которых была опубликована в профильных изданиях. Были получены из печати две монографии, «Нижегородская полиция в период Российской Империи» и «Нижегородская (Горьковская) милиция в 1917-1945 г.г. Организация и деятельность

Лето 2020 экскурсия по городу, в центре А.Г. Радьков и И.П. Новосадов

Готовимся к новоселью в Музее истории Приокского района январь 2021

по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», соавтором которых также является А.Г. Радьков.

На сайте Общественной Палаты Нижнего Новгорода вышел Сборник материалов I-II научных конференций «Национальное единство и его роль в Победе в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.)» «Один народ – одна Победа!», в создании которого поучаствовал и я, создавая оригинал-макет, осуществляя вёрстку и дизайн сборника. В сборнике издана моя статья о вкладе народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне, а также вкратце рассказано о боевых буднях дедушки и бабушки автора, освобождавших Белоруссию от немецкой оккупации в годы Великой Отечественной Войны. Почти одновременно выходят Сборник научных статей по материалам Международной научно-практическая конференции 15 декабря 2019 года «Актуальные вопросы состояния и развития детско-юношеского и спортивно-оздоровительного туризма» и 44-й том журнала «Памятные записки» общественной организации ветеранов Нижнего Новгорода «Общество старых нижегородцев, в которых опубликована моя летопись нашего Музея. Параллельно мной было написано несколько профильных статей по истории техники гражданской обороны, химических войск и защиты от оружия массового поражения. Продолжается работа над моей книгой «История войсковых частей и соединений города Горького в послевоенный период». В ней будут представлены материалы по истории создания, боевому пути, местах дислокации, участию в боевых действиях и современному состоянию войсковых частей и соединений, дислоцировавшихся на Нижегородской земле с послевоенного времени по начало 2000-х годов. Описана история практически каждого формирования. Книга проходит корректуру и скоро будет отправлена рецензентам. Работа над данной книгой велась в течение нескольких лет, было использовано множество уникальных источников. Надеюсь закончить работы и опубликовать её к 800-летию родного Нижнего Новгорода. Также я продолжаю работу над книгой под рабочим названием «Подземный Нижний: история убежищ гражданской обороны города Горького».

С августа нашим музеем были анонсированы новые городские экскурсии. В частности, как экскурсовод о себе заявил мой заместитель по научной работе, А.Г. Радьков. Его новая экскурсия по материалам его книги «По следам

громких преступлений» с интересом встречена нижегородцами и гостями города и собирала немало посетителей. Мною кроме уже имеющихся городских авторских экскурсий «Тайны Почайны», «История штолен Александровского сада» и «История Московско-Казанской железной дороги и Окского склона» и других, были разработаны новые, в частности: «За Железным Занавесом», «Прогулки с дозиметром или популярно о радиации», «История одного бункера» и другие.

Необыкновенным выдался год 2020-й и в плане пополнения фондов Музея. За период с мая по декабрь фонды пополнились более чем не 1450 единиц хранения, были закуплены и приняты в дар множество уникальных приборов, образцов оборудования, макетов оружия и боеприпасов и элементов экипировки, амуниции, и обмундирования. Была сформирована моя личная коллекция военной формы, повествующая об истории и эволюции советского и российского мундира с послевоенных лет по наши дни, а это более полутора сотен предметов! Также за это время было отреставрировано около 70 % имеющихся в запасниках экспонатов.

Благоприятным стал 2020-й год и в плане сотрудничества. В частности, 18 декабря Нижегородский Музей «Холодной Войны» и Учебно-методический центр по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям Нижегородской области имени маршала Советского Союза В.И. Чуйкова официально заключили двухстороннее Соглашение о совместной деятельности. Соглашением предусматривается совместная военно – патриотическая и музейно-выставочная

Экскурсия Тайны Почаинского оврага,
Рассказ об истории штольни Лыковой дамбы.

Франгмент экспозиции 2021 г.

работа, научно – практическая и методическая деятельность, пропаганда начальных знаний в области гражданской обороны и подготовке граждан по основам начальной военной службы. Также мы начинаем совместную историко – исследовательскую работу по истории развития системы Гражданской обороны в городе Горьком (Нижнем Новгороде) начиная с эпохи «Холодной Войны» по настоящее время. Возглавляет УМЦ профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, участник ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС в 1986-1987 гг. полковник Продан Игорь Алексеевич, замечательный человек и настоящий патриот. С ним, а также с сотрудниками Музея МПВО-ГО-РСЧС, который входит в состав Центра мы быстро наши общий язык, по моему мнению, в первую очередь потому, что у нас очень похожая миссия, система ценностей и взглядов. На 2021 год уже запланированы совместные мероприятия.

Наконец, понимая, что Музею, нашему фонду хранения и его экспонатам нужен новый дом и новые выставки, я поднимаю вопрос о выделении нам помещения. Об этом мной было написано несколько писем, в частности, губернатору Нижегородской области Г.С. Никитину и директору департамента культуры Нижнего Новгорода Р.Я. Беагону. Выбирая место для будущих экспозиций, мы обратили внимание на Музей Приокского района, который с 2017 года присоединен к библиотечной системе Приокского района в качестве краеведческого отдела ЦРБ им. Т.Г. Шевченко. С ЦБС Приокского района мы работаем не первый год, проводя на их площадках военно-исторические выставки, а также прочие совместные мероприятия военно-исторического характера – Вахты памяти, чтения, Уроки мужества и т.д. К тому же, основные экспозиции музея посвящены оборонной промышленности района, а образцы продукции данных предприятий есть и в фондах нашего Музея. Начав переговоры в октябре 2020 года, мы пришли к совместному решению о сотрудничестве. Первым шагом к этому стала договорённость об открытии в Музее Приокского района нескольких постоянных выставок Нижегородского Музея «Холодной Войны». Нас включили в План работы на 2021 год, год 800-летия Нижнего Новгорода. И вот, наконец, 17 декабря мы перевезли первую крупную партию экспонатов.

Все оставшиеся дни декабря и начало января 2021 года в музее кипела работа над монтажом новых экспозиций, расстановкой экспонатов и подключением оборудования, ведь новые выставки будут ещё более интерактивными, большая часть экспонатов являются действующими.

Открытие Музея на новой площадке планируется в 20-х числах января 2021 года.

Этот краткий очерк я хочу, как и предыдущую часть, завершить на описании переезда и скорого открытия, как очередную славную страницу нашей скромной музейной истории. Надеемся, что на новом месте наш Музей принесёт намного больше пользы всем – горожанам, гостям нашего города и страны, нашим сотрудникам и коллегам, а главное – подрастающему поколению, тем, кто скоро вырастет и станет будущим нашей Родины. Наша задача – помочь нашей молодёжи вырасти настоящими патриотами, любить свою Родину и уважительно относиться к своей родной Истории, знать и помнить её, а также понимать, какие уроки она преподаёт и какие из них стоит делать выводы. Что будет дальше – покажет время. А мы традиционно будем работать на благо исторической науки, стараться для наших сограждан и гостей нашего города и страны делать историю ближе, интереснее и познавательнее.

,

ТАМ ЗА ГОРИЗОНТОМ

- Залесский Л.Б. Тёплый остров

Лев Залесский

ТЁПЛЫЙ ОСТРОВ

«Кипр– остров, на котором Афродита материализовалась из пены морской, располагает к себе сразу. Остров расположен в восточной части Средиземного моря. Здесь самый здоровый (сухой средиземноморский) климат. Отдых здесь спокоен и беззаботен.

Пляжи – в числе самых чистых в Европе. Наиболее популярны Айя-Напа, Лимасол, Ларнака и Пафос. Ларнака – курорт эконом-класса. Турист для каждого киприота – самый желанный гость».

Всё это из официальных источников и отзывов.

Надо проверить!

Это первое соображение.

Октябрь в Нижнем… То слякоть и дождь, то заморозки. Солнце не показывается, наверно, трудится где-то в другом месте. Перебираю воспоминания о прошедшем лете. А ведь не удалось ни разу искупаться: то времени не хватало, то погоды! Неужели так и год пройдёт без этого удовольствия?

И это второе соображение.

Вывод: надо что-то предпринять.

Кончилось бронированием места в гостинице Маккензи в Ларнаке на острове Кипр.

Аэропорт «Стригино» в 2 часа ночи ничем не огорчил, и в 4 часа наш Boing-737 взмыл в небо.

Итак, Ларнака. Географические координаты:

Широта: 34°55′22″ с.ш., Долгота: 33°37′23″ в.д.,

Высота над уровнем моря: 9 м.

Солнечно. 24°. Около 8 утра. Гигантский терминал с движущейся лентой траволатора. Представители «Библиоглобуса» приветливо встречают около багажного конвейера и дальше до выхода. Едем в микроавтобусе 15-20 минут среди цветущих кустарников и деревьев, мимо солёного озера слева и ограды аэропорта справа к стоящим рядом отелям «Маккензи» и «Фламинго». И здесь всё цветёт и благоухает. Это южная окраина Ларнаки. Пляж и море – рядом, через дорогу от входа в отели. На reception приветливая русскоговорящая Полина предлагает положить багаж и пойти позавтракать. Завтрак – шведский стол с широким ассортиментом горячих и холодных блюд, молочного, овощей, фруктов, соков. Есть кулер с холодной питьевой водой и соками.

Буквально в 50 метрах – знаменитый, м.б., лучший в Ларнаке, пляж Маккензи, чистый, с мягким мелким бархатистым сероватым песком. Морская вода прозрачна, горько-солёная и ласковая – 27°. Бонусом к восхитительному пейзажу из разных точек горизонта появляются, растут в размерах и пролетают низко-низко над головой самолёты всех типов и расцветок.

Знаменитая Афинская набережная

Этот день посвящаем знакомству с городом: выходим в центр на Афинскую набережную и Финикудес, обходим крепость, посещаем мечеть Кебир Джами (были весьма приветливо встречены, несмотря на плотную массу отправляющих обряды мусульман). Афинская набережная – парадная витрина Ларнаки, с люксовыми отелями и пальмовой аллеей с одной стороны и пляжем Финикудес – с другой. Киоски с сувенирами, напитками, сладостями, скамейки, уличные артисты, фланирующая толпа отдыхающих всех возрастов, цветов кожи, степени раздетости. И шум роскошных автомобилей и голосов со всех континентов. Явно немало и наших соотечественников. В конце набережной расположена гавань, которая здесь называется «марина», – для яхт и прогулочных судов.

Вечером созвонились с землячкой. Непростой. Наталья Владимировна (далее НВ) –исключительно энергичный и эффективный менеджер в сфере высшего образования, о которой хорошо наслышаны в городе и с благодарностью вспоминают тысячи её бывших сотрудников и выпускников. По счастливой случайности она оказалась в это время тоже здесь. Сейчас она не работает и имеет возможность навещать этот райский остров. НВ предложила провести завтрашний день вместе, благодаря чему мы подробно познакомились с окрестностями Ларнаки. Домик, куда мы приехали, находится в деревне Периволиа в 20 км от Ларнаки.

Перед въездом в деревню шлагбаум. Триста метров мимо похожих 2-3-этажных кирпичных белых домов, и мы у цели. Хозяйка предлагает кофе, даёт время переодеться в купальный вариант и везёт на пляж Fankon. Благоустроенный пляж с «грибками» и лежаками, хорошим входом в море, богатой растительностью со стороны суши. В 13 часов обед за большим столом в дворике дома

НВ под навесом. Бутылка вкуснейшего местного вина, зелень, мясное горячее. После обеда колесим по окрестностям, плотно застроенным поселениями с интересными древними сооружениями. В памяти остаётся церковь св. Ирен IV века в деревне Ангелоктисти.

Вечером – прогулка по набережной Ларнаки, опять купаемся и решаем делать это ежедневно рано утром перед завтраком и вечером, когда спадает жара.

На следующий день продолжаем знакомиться с окрестностями на побережье в сторону Лимасола. Дорога с безукоризненным покрытием и внятной информацией на греческом и английском языках то выбегает на берег, то ныряет в очередную деревню, то прорезает степные участки и сады. Самая дальняя точка поездки – Зиги в 40 км от Ларнаки. Путеводитель называет Зиги аутентичной кипрской деревней, а ещё «рыбным раем на острове», в чём мы однозначно убедились.

Типичная кипрская деревня

Деревня значительно больше, чем Периволиа: несколько магазинов, здание администрации, своя православная церковь, гавань с десятками судёнышек разных калибров, аккуратные газоны, цветущие деревья и кустарники.

Но главный центр притяжения – рыбная таверна: площадка с десятками столов под навесом, на самом берегу моря. Упомянутый рыбный рай НВ представила в виде рыбного мезе.

Мезе – это одна из достопримечательностей Кипра. Это не одно блюдо, а не менее десятка тарелок, чашек, ваз и корзинок, подаваемых в несколько этапов. В них оказались морепродукты в кляре или фритюре (кальмары, осьминоги и креветки); жульен из мидий и крабов; рыба жареная, отварная, запеченная; соусы: хумус, тахини, дзадзики; фрукты, сладости, хлеб собственной выпечки. Недоеденное мезе, которое при всём нашем старании осталось на тарелках, мы забрали с собой в принесенном официантом красивом контейнере.

Другую «экспедицию» по изучению окрестностей Ларнаки мы предприняли пешком. С крыши нашего отеля открывается завораживающая панорама на море на востоке, аэродром и озеро на юге и далёкие горы с ветрогенерато-

рами на западе. Так вот, достаточно известное Солёное озеро и было целью пешего похода.

Рыбная таверна в Зиги

Его ближний край находится всего в полутора километрах от нашего отеля. А дальше по его западному берегу идем сначала по тротуару вдоль шоссе к аэропорту, мимо смотровой вышки и по ответвлению от шоссе к знаменитой мечети Хала Султан Текке. Это около пяти километров от ближнего к отелю края озера. Эта мечеть – четвёртая по значимости в мусульманском мире. Вот она – мечеть за ажурной оградой с калиткой и табличкой, указывающей часы, когда мечеть открыта для посещения. Обходим её вокруг, любуемся архитектурой, обустройством территории, растительностью на берегу озера, собираем для дома соль на прибрежной части.

При нас только закраины озера у берега были покрыты бледно-розовой солью. А в более жаркое время корка соли покрывает всю площадь озера. Местами у самой кромки есть мощёная дорожка, есть площадки для шашлыков и скамейки. Со смотровой вышки у дальнего берега удаётся рассмотреть полтора десятка фламинго. Говорят, зимой их собирается много тысяч.

Не пора ли углубиться в центр острова, в горы?

Белоснежный комфортабельный пятидесятиместный автобус отправляется из центра, от Финикудес. Начинается экскурсия в сторону горного массива Тродос. Первый большой населённый пункт – столица Кипра Никосия. «Зелёной линией» – границей разграничения Кипра с захваченной в 1974 году Турцией территорией – она разделена надвое. Наш путь проходит по её южной окраине. Видны широкие проспекты, современные здания, обильное озеленение.

Из информации экскурсовода Алексиса.

Республика Кипр на южной, греческой части острова провозглашена в 2004 году. Она входит в ЕС, но не входит ни в НАТО, ни в зону Шенгена.

Площадь острова 10,7 тыс. км2, из них 18% – турецкая часть, 2,7% занято британскими военными базами.

Население греческой территории составляет 930 тыс. жителей. На 90% это православные христиане. На турецкой части – 180 тысяч. Постоянно проживает на греческой части 50 тыс. россиян. Реально число россиян достигает 300 тыс. на греческой части и 60 тыс. человек на турецкой.

Численность жителей главных городов: Никосии – 280 тыс. чел., Лимасола – 120 тыс. чел., Ларнаки – 80 тыс. чел.

Энергоресурсы: отопления нет в принципе. Горячую воду получают за счёт бочек ёмкостью 420 л на крышах домов. Вода поступает из горных водохранилищ, но дополняют её опреснительные заводы. Широко распространены солнечные батареи на крышах.

Растительность острова своеобразна: она представлена тремя тысячами видов, из которых 128 – эндемики. Лес занимает 17% территории. На острове 20 видов сосен, золотой дуб, клубничное дерево, кипрский кедр. Британцами ввезены платаны и эвкалипты.

Из животного мира интересны муфлоны, 3 вида зайцев, 8 видов змей.

Экономика:

Характерная зарплата – 900 евро, пенсия – 300 евро. При этом авиадиспетчеры получают €174 тыс. в год, президент – € 163 тыс., врачи – €114 тыс.

Цена говядины – €10, яблок – €2.

Обучение в школе бесплатное, занимает 12 лет. На острове два университета – классический и технический.

Медицина платная, страховая, за неё платят €30 в месяц. Лекарства для пенсионеров продаются по льготной цене. Продолжительность жизни – 80 лет.

Злаковых собирают 3 урожая в год; лимонов 3 урожая; апельсинов – 4 урожая. Растут также мандарины, помело, манго, грейпфруты, яблоки, груши, сливы, инжир, гранат, бананы и хурма. Высоко оценивают знатоки качество здешних арбузов, причём цитрусовые и цветущие деревья и кустарники растут везде, включая обочины дорог. Особым лакомством являются плоды рожкового дерева. Его стручки – это любимые конфеты, которые употребляют с чаем, прямо сорвав с дерева.

Мечеть на берегу Солёного озера

В горах выращивают и картофель, причём клубни бывают величиной с голову. Овощами Кипр обеспечивает

себя полностью. Это томаты, артишоки, перец, цуккини, фасоль, капуста.

У памятника архиепископу Макариосу III

После Никосии шоссе набирает высоту. Из окна автобуса видны карьеры по добыче зелёной породы с селенитом и купритом для получения меди.

Крутыми серпантинами автобус карабкается вверх. Дух захватывает от красоты горных озёр, разноцветных домиков, прилепившихся на почти отвесных склонах над ними, цветущих кустарников на обочинах шоссе, тонущих в дымке далёких вершин.

В местечке Трони фотографируем памятник первому президенту Кипра Архиепископу Макариосу III. Видна в 18 километрах высшая точка массива – гора Олимп 1862 м. А вдали на вершине 1852 м – британская база.

На уровне 1100 м в самом богатом священном монастыре Кипра Киккос (1131 год) сегодня братия насчитывает 100 насельников. Он расположен в потрясающе красивом природном окружении с невероятно чистым воздухом. За свою историю он пережил немало: разрушался врагами и временем и горел. Последний пожар случился в 1831 году; он уничтожил многое, но оставил нетронутой знаменитую икону Девы Марии, которая чудесным образом осталась невредимой. Очень сильное впечатление оставляют фрески церкви и мозаика внутренних зданий и помещений с историческими библейскими сюжетами. Это действительно нереально красиво – каждый образ выложен цветной мозаикой и уже с расстояния нескольких метров кажется, что они выполнены кистью художника, а не кусочками стекла или маленькими каменными осколками.

В популярной церкви Богоматери Киккской плотный поток туристов медленно движется вдоль иконостаса к хранящейся здесь на протяжении многих веков чудотворной иконе Богородицы, верхняя часть которой прикрыта бархатным пологом.

Причудливыми серпантинами спускаемся до уровня 1000 м, в посёлок Продромос. Здесь значительно прохладнее, чем на побережье: электронный термометр показывает 17°.

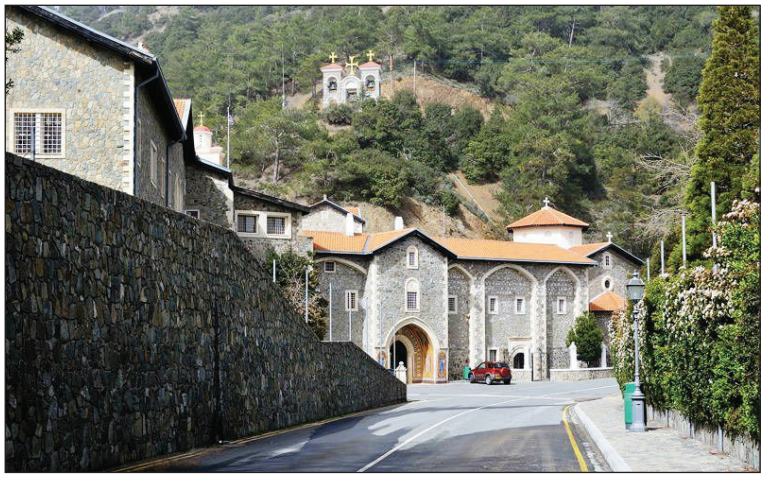
Ниже расположен пояс виноградников и фруктовых садов. В местечке Омодос посещаем монастырь Честного Креста в километре от стоянки автобуса. Дорога к нему довольно круто спускается и выложена плоскими каменными плитами. Монастырь – один из древнейших на острове. Главные святыни монастыря: частица Животворящего Креста, фрагмент Уз Христовых, мощи святителя Николая Чудотворца и Иоанна Крестителя, апостолов, святых и великомучениц.

Само местечко тоже даёт представление о традициях и занятиях жителей горного Кипра. Здесь обширный рынок, предлагающий фрукты, разные вкусности, выпечку, сувениры.

И памятный финал поездки – Пляж Афродиты в 33 км от Пафоса. Не слишком комфортный, каменистый, тесно зажатый скалами, практически выполняющими функцию переодевалок. Здесь, по легенде, Афродита явилась из пены около куполообразной скалы в 150 метрах от берега, вокруг которой, опять же по поверью, рекомендуется проплыть, чтобы омолодиться на целых 10 лет.

Рекомендация полностью выполнена.

До Лимасола 30 км. С автомагистрали виден современный город. В нем наибольшее из всех населённых пунктов количество россиян – 35 тыс.чел.



Монастырь Киккос

Для полноты представления об острове не хватает морской прогулки.

Комфортабельный микроавтобус от дверей отеля везёт в гавань Ларнаки.

На двухпалубном судне – оживлённый нарядный люд. Маршрут проложен вдоль берегов на восток, мимо Айя-Напы, Фамагусты и до Протараса. На барной стойке – чай, кофе, сладости и фрукты, а в камбузе на нижней палубе готовится горячий обед.

Ведущая путевую информацию объявляет: под нами – затонувший корабль Зенобия. Наше судно бросает якорь, пассажиры устремляются в голубую стихию: кто – по трапу, а кто и прыжком с палубы. Таких остановок с купанием было ещё две: в Голубой лагуне и у пляжей и скал Айя- Напы.

Лагуна не ради рекламы названа «Голубой». Я видел много берегов и морей, но такой прозрачной и ярко-голубой воды, как у берегов Кипра, не видел никогда!

Берега тоже не могут оставить равнодушным. Сначала открывается панорамный вид на Ларнаку с пляжами, пальмовой аллеей и белыми дворцами люксовых отелей. Ближе к Айя-Напе к воде подступают скалы, обрывистый скальный берег изобилует гротами и пещерами, на вытянутом юго-восточном мысу, где наш корабль поворачивает на север, к небу тянутся мачты английских радаров.

В Голубой лагуне

После обеда на барном прилавке появляются бутылки с белым и красным вином и местной 45-градусной «самогонкой» – зиванией. И так оживлённая публика становится ещё веселее и подвижнее, учится танцевать «Сиртаки».

У берега Протараса пассажиров перевозят на берег моторным катамараном, который проделал с нами весь путь на буксире. Протарас находится рядом с границей – «Зелёной линией». Во время турецкой агрессии 1974 года по требованию оккупантов был освобождён от проживающих престижный квартал комфортабельных многоэтажных домов. До сих пор этот квартал города окружен колючей проволокой и безлюден.

На причале нас ждёт тот же микроавтобус и доставляет к отелю.

Пребывание на острове подходит к концу. Осталось решить две задачи: познакомиться с «тыловой» по отношению к морю частью Ларнаки и закупить для дома подарки подлинно кипрского производства. Знающие люди подсказали, что свежие аутентично кипрские товары надо покупать в «Агротисе». Что это и где, пока не ясно. Печёт солнце. В поисках универсама местных продуктов с набережной после крепости сворачиваем в глубину внутренних кварталов. И сразу попадаем в переплетение узких кривых улочек, запруженных лавками и машинами, с узенькими тротуарами и шумом базара. Периодически задаем встречным вопрос: как найти Агротис? Большинство не знает или не понимает, некоторые неуверенно показывают направление. Выходим на Церковь Святого Лазаря IX века, осматриваем главный зал и подвал с каменным саркофагом. И то, и другое производит несколько мрачное впечатление: полутемно и тускло. После часа блужданий, наконец, нашли Агротис, там нам дали русскоговорящую работницу.

Ассортимент действительно широкий и интересный. Купили для дома то, что планировалось.

Что можно сказать в заключение: Если в октябре хотите недалеко от дома купаться в голубом море с температурой 27°, а на берегу гулять среди цветущих деревьев и улыбающихся людей со всех концов мира, вам – туда, на остров Кипр.

В ЛЕСАХ И НА ГОРАХ

- Мининзон И.Л. Рассказы об усадьбах

И.Л. Мининзон
научный сотрудник Ботанического сада ННГУ им. Лобачевского,
действительный член Русского Географического Общества
и Русского Ботанического Общества, краевед.

РАССКАЗЫ ОБ УСАДЬБАХ

Фермер.

Лет двадцать тому назад вместе с группой студентов оказался я на берегах живописнейших Святых озер, что в окрестностях села Пустошь А…ского района нашей области.

Разместив студентов в пустовавшей по случаю летних каникул деревенской школе– девятилетке, я пошел в сельскую администрацию отметить командировку и там-то, на окраине села увидел огороженный новым штакетником большой участок земли.

Часть территории была занята под строительство особняка, часть отведена под плантации картофеля, кукурузы и овощей, а на остальной части паслись три коровы. Среди них расхаживал с видом победителя коренастый мужчина в галифе, заправленных в добротные яловые сапоги.

В сельской администрации я осведомился об этом человеке.

– О, это личность прямо легендарная! Это наш первый фермер Лобов Федор Николаевич, – ответил мне глава администрации. – У нас, когда пришла директива организовать фермерские хозяйства, он откликнулся первым. Мы ему землю выделили в пожизненное наследуемое владение, телок он в колхозе купил, кроликов, кур завел, землю распахал. Ну, а сенной покос мы ему отвели в пойме нашей реки Сережати.

– Жаль только, что кроме Федора Николаевича никто больше в фермеры не идет! Больно консервативный у нас народ! – вздохнул сельский мэр, ставя на мое командировочное удостоверение круглую печать.

Я заинтересовался фермером и решил заглянуть к нему на усадьбу. Встретил меня Федор Николаевич радушно, угостил парным молоком и повел осматривать свои владения. Дело у него было поставлено образцово: все вскопано, везде посевы, нигде ни сорняка, ни мусора, что на деревенском подворье большая редкость.

– Одному вам не управиться с таким хозяйством, где помощников берете? – поинтересовался я.

– Прошу соседей, никто не откажет. Тем более отблагодарить не забываю. Вот, весной этого года договора заключил со школой и детским садом, поставляю им мясо, молоко, яйца – пусть побалуются детишки. А шкурки

кроликов я выделываю и раз в месяц в райцентр увожу, сдаю в кооператив меховщиков. Все овощи свои и навоз завозить не надо – одним словом, безотходное хозяйство.

…Разговор наш закончился тем, что Лобов пообещал и для нас поставлять ежедневно по пол-литра молока, и по яичку на человека, и по одному кролику, и по ведру картошки на всю нашу группу. Мы заключили договор по всей форме, и я передал Федору Николаевичу пачку ассигнаций из суммы, выделенной университетом на питание нашей небольшой экспедиции.

Так мы прожили в Пустоши три недели, изучая богатый растительный мир окрестностей этого, доселе неизвестного нашим ботаникам села. Дел было невпроворот и лишь перед самым отъездом я смог выбрать время побродить по селу.

– Эй, наука! – крикнули мне мужики, сидящие на завалинке одного из домов. – Подойди, поговори с народом!

Я подошел, поздоровался и подробно ответил на вопросы, которыми меня закидала честная компания. Кстати и я осведомился о фермере Лобове.

Местные жители его не жаловали, называли куркулем, отзывались о нем враждебно, а один ледащий мужичонка, оказавшийся колхозным электриком, даже пообещал пустить ему при случае красного петуха.

– Чем же вы недовольны? – изумился я. – Он же ваших детей и внуков в школе и детском саду кормит!

– Так у него же дочь воспитателем в детском саду, а жена в школе завучем. Переводят сами себе казенные деньги. Кормят детей неплохо, да ведь и раньше, когда колхоз продукты поставлял, было не хуже и ценой подешевле. А зять его у нас главным механиком – попробуй, откажись, когда попросит для тестя поле вспахать, или привезти чего. Их тут целое гнездо понаехало! У зятя сестра – секретарь сельсовета, а её муж – участковый у нас, – сообщил мне старик с орденом Трудового Красного Знамени на лацкане старомодного потрепанного пиджака.

– Так вы бесплатно на них работаете?! – изумился я.

– Почему же бесплатно? Платит он хорошо. Вот Сереге, за то, что он привез тракторную тележку с сеном с его покоса, бутылку дал и сотню в придачу.

– Так чем же вы недовольны?! – изумился я. – Он же, как я подсчитал, пятьдесят человек кормит!

– А ты подсчитал, сколько людей его кормят?! Откуда он деньги взял на дом, на телок и прочее? Он же военный пенсионер! Сюда с капиталом приехал и здесь такую пенсию получает, что нам и не снилась! Теперь понял? Мы его своим трудом содержали, защитника Отечества, чтобы он на военном складе тридцать лет пузо отращивал и налево имущество сплавлял, и теперь содер-

жим его, военного пенсионера, да еще школьные и детсадовские деньги ему перечисляем.

… Еще через два года я опять приехал сюда со студентами и сразу же зашел к фермеру. На усадьбе его появилась новая постройка – ларек, около которого толпился народ. На витрине набор вин, сигарет, жвачки и тому подобных товаров.

Хозяин встретил меня радушно.

– Вот, расширяем сферу деятельности, обеспечиваем село товарами повседневного спроса.

– А не боитесь конкуренции с сельмагом?

– Не боюсь. Я ведь психологию русского мужика хорошо знаю. Товар мой всегда нужен, а деньги не во всякое время у народа есть: в колхозе с зарплатой задерживают. Я и в долг товар отпущу и натурой возьму. Тем и забиваю конкурента.

Я стал договариваться о питании студентов, и тут мой собеседник поморщился:

– Понимаете, боюсь вас подвести. Ведь мне приходится теперь разрываться между сельским хозяйством и торговлей. К тому же кроликов я больше не держу – экономически невыгодно.

– Но, впрочем, – продолжал он, – так и быть, прокормлю вас, даже постараюсь разнообразить ваш стол. Давайте-ка заключим договор...

… Теперь каждое утро мои девушки приносили самые разнообразные и неожиданные продукты – то ведро молока, то полное лукошко яиц, то часть бараньей туши, которую пришлось заготовить впрок, благо погода стояла прохладная, а в пустовавшей школе, где мы опять разместились, был погреб, то несколько банок заморской тушенки, то зелень. А однажды притащили целое ведро пакетов с голландским армейским пищевым концентратом…

Перед возвращением в город я зашел в сельскую администрацию отметить убытие и завел разговор о Лобове со знакомым мне стариком с орденом.

– Да, предприниматель, – усмехнулся старик, – он скоро все тут у нас скупит! Зарплату в колхозе дают со скрипом, так он за водку все берет – и яйца, и лук, и укроп; сосед мой ему недавно четверть бараньей туши отрубил. Да еще где-то раздобыл кучу пакетов с армейским концентратом, не то из Германии, не то из Америки. Гуманитарную помощь, наверное, где-то по дешевке скупил.

Я вспомнил наше теперешнее меню…

… И снова Пустошь – еще спустя год. Усадьбу Лобова я не сразу узнал: часть построек снесена, а земля заросла сорняками. На мой вопрос о Федоре Николаевиче его дочь, молодая располневшая женщина, ответила, что «папа в своем супермаркете принимает товар».

Я пошел к сельмагу и на фронтоне его увидел новую вывеску «Сельский супермаркет «Отрада Пустоши». У входа я увидел Лобова, покрикивавшего на мужиков, таскавших ящики. Увидев меня, Федор Николаевич широко улыбнулся и подошел с протянутой рукой.

– С благополучным прибытием, господин натуралист! Вот, полюбуйтесь, на открытом аукционе сельмаг купил!

– А не рискованно ли по нынешним временам? – засомневался я. – Мне сказали, что колхоз на грани банкротства и уже полгода зарплату не платят.

– А у меня прямой товарооборот налажен! Я ведь теперь не только торговец, но и заготовитель. Поставляю в райцентр и даже в ваш Нижний все, чем богата наша русская природа: и муравьиные яйца, и ягоды, и грибы, и лекарственные травы. Мужики, бабы, и даже дети все это сдают, а я им – нужный товар, да еще и денег приплачиваю. Могу и в долг дать. И мне прибыль, и им хорошо – не надо в колхозе горбатиться.

– Да, горбатиться! Через таких как ты, Федор, у нас и поля зарастают, и в лесах все подчистую выметено.

Я обернулся и узнал старика с орденом.

– А, это ты, Бычков! – прохрипел Федор Николаевич, – все воду в селе мутишь, народ против меня настраиваешь. Смотри, домутишься, орденоносец …! – закончил он фразу грубым ругательством.

Вечером, с помощью Бычкова, я нашел семью, с которой договорился о питании моих студентов. Цены, вне всякого ожидания, оказались вполне для нас приемлемыми.

Голубок и голубка.

В это садоводческое товарищество, расположенное неподалеку от села Ягодное Богородского района, я забрел знойным августом 1993 года. Был я мучим жаждой, а от сельчан узнал, что в товариществе этом пробурена артезианская скважина с превосходной водой. Вода и в самом деле оказалась вкуснейшей, сладкой, как говорили в старину.

Напившись вволю и наполнив фляжку, я пошел бродить по садоводческому товариществу, ибо одно из направлений моей научной деятельности – изучение культурной и сорной флоры. И вот, гуляя по товариществу и гербаризируя культурную и сорную флору, я увидел совершенно необычную картину для этого времени года: молодые мужчина и женщина перекапывали участок. Были они оба коренастые, крепкие и чем-то неуловимо похожие друг на друга, как обыкновенно бывает с супругами.

– Не рановато ли осеннюю перекопку начинаете? – осведомился я.

– А мы только что этот участок взяли и целину поднимаем, – чуть не в унисон ответили супруги. – Прежний хозяин порядком запустил его.

Так я познакомился с этой симпатичной чертой Голубевых.

Были они людьми энергичными, предприимчивыми, но без большого достатка. Капиталов их хватило лишь на покупку земельного участка и фургончика, несколько побольше автобуса ПАЗ.

– Понимаете, Илья Львович, – говорил мне муж, Гоша, – мы деньги на квартиру копили, а теперь видим – того гляди нас из нашего института «Квант» уволят по сокращению штатов, и так все время зарплату задерживают.

– А ведь наша специальность, микроэлектроника, никому теперь не нужна, – продолжала жена, Галя. – Вот мы и решили осесть на землю. Ведь мы живем в институтском общежитии, знаете, гостиничного типа. Уволят нас, – где жить? А так какое-никакое жилье, а имеется!

Над обустройством жилья они работали не покладая рук весь август и сентябрь, после того, как посадили привезенные мной из Ботанического сада саженцы черноплодной рябины, черной смородины, малины и крыжовника.

В начале октября, когда я прибыл в эти края на последнюю в этом году ботаническую экскурсию, я зашел опять к чете Голубевых и опять не с пустыми руками: привез им рассаду садовой земляники, пакетики семян листовой капусты, посевного латука и кресс – салата, растений, легко дичающих и не нуждающихся, поэтому, в ежегодном посеве. Моим подаркам супруги обрадовались и пригласили отобедать, чем бог послал.

На сей раз господь послал им борщ с мясом, гречневую кашу и на десерт – бутылку вина.

– Пейте, ешьте, не стесняйтесь! – говорили супруги. – Вы у нас единственный гость на новоселье!

Я сидел и с любопытством осматривал оборудованный для жилья фургон. На него была навешена двускатная крыша, ко входу приделано крыльцо, вокруг шла завалинка. Внутри фургона в противоположных углах стояло по одноконфорочной чугунной печке, обложенных кирпичами. Были там супружеская кровать, шифоньер, стол, три табуретки и тумбочка. Вдоль стен шли полки с посудой и книгами. Через свежевымытые четыре окошка – иллюминатора врывался солнечный свет. Неподалеку стояло уже три жердевых сарая и навес с поленницей дров.

– Сейчас у нас все продукты пока покупные, а приезжайте через год – все свое будет! – убеждали меня супруги.

Я недоверчиво покачивал головой. Не верилось мне, что в наше время двое интеллигентов способны полностью замкнуться на своем участке. Времена доктора Живаго, думалось мне, давным-давно прошли…

…На следующий год мне удалось приехать в эти края лишь в середине июля. Зайдя на участок Голубевых, я был поражен его видом: все вскопано, ни сорняка. Из одного жердевого сарая доносилось блеяние коз, в другом угадывались копошащиеся кролики. Кроме сараев на участке стояла хибарка с трубой. Вместо прежнего крыльца ко входу были пристроены обширные сени, на ступеньках которых, свернувшись калачиком, подремывал серый полосатый кот. Топилась печка – прачка, у которой копошилась Галя. На веревке между двух столбов под навесом Гоша развешивал выстиранное и выполосканное белье.

Моему появлению супруги обрадовались, попросили только подождать с полчаса.

Через полчаса я уже сидел за столом рядом с супругами и уписывал тушеную крольчатину, запивая козьим молоком. Рядом на тумбочке примостился кот, деликатно поедавший кусочки мяса.

– Пушок у нас как член семьи, всю зиму с нами провел, – пояснила Галя, подавая своему любимцу очередной кусочек.

– Так вы что, зимовали в этом фургоне?! – изумился я.

– Совершенно верно, – ответил мне Гоша. – В ноябре нас уволили по сокращению штатов, мы свое имущество собрали и сюда перевезли, а заодно и Пушочка, он в нашем общежитии в коридоре как бездомный жил. Мы тут же в нашем товариществе сторожами устроились. Платят правда мало, но на жизнь нам хватает. Весной в деревне коз и кроликов по дешевке у одного алкоголика купили, теперь и мясо, и молоко свои. Галя вот учится шерсть прясть и вязать. Заодно и проблема удобрений решена.

– Гоша в одном нашем сарае баню оборудовал, в ней по субботам мылись. Печка-прачка у нас есть, так что и со стиркой все в порядке, – дополнила рассказ мужа Галя. – Вы приезжайте к нам опять на годовщину новоселья в первую субботу октября.

В первую субботу октября я прибыл на годовщину новоселья. В хозяйстве Голубевых появилась еще симпатичная дворняжка, лежавшая на крылечке рядом с Пушком и радостно приветствовавшая меня вилянием хвоста. Праздничный обед был великолепен. Ни до, ни после я не едал такой картофельной запеканки с крольчатиной. На десерт была подана наливка из черной смородины. Кот на тумбочке и собака на табуретке сидели за столом на равных с нами и чинно уписывали вместе со всеми за обе щеки.

– Ешьте, пейте, – угощали меня хозяева. – Ведь теперь все продукты у нас свои. В сельмаге мы только спички, мыло, хлеб, соль и сахар покупаем. Теперь мы за оградой дополнительно участок под картошку расчистили, сделали запасы на зиму. Сена кроликам и козам напасли. А Пушок и Волчок их от мышей и крыс охраняют.

Я сидел, смотрел на супругов, довольных, раскрасневшихся и, все-таки, задал мучивший меня вопрос:

– А признайтесь, молодые люди, все-таки скучно так жить, без общества, без радио, без газет, без телевизора…

– А нам скучать некогда! – ответила Галя. – Мы весь день в работе. А вечером, перед сном читаем друг – другу русскую классику. И знаете, Пушок и Волчок так нас внимательно слушают!

– Если телевизор смотреть, радио слушать и газеты читать, то жить не захочется! – подхватил Гоша. – Кругом война, разборки, забастовки… а мы здесь сами по себе и живем в покое…

Помните, как у Высоцкого:

– Мы сидим, читаем Пушкина,

А кругом космическая мгла!

– Голубок, налей мне наливки, – прервала его Галя.

– Сейчас, голубка, – ответил Гоша, наливая ей в стакан.

Я смотрел на эту идиллию и умилялся. В такие минуты обыкновенно вспоминаются поэтические строки про любовь, супружескую верность, про то, что с милым рай и в шалаше и т.д. и т.п.

Но странное дело! Ничего подобного мне на ум не шло!

А вертелось у меня на языке глупейшее четверостишие Козьмы Пруткова:

«– Муж и жена

как две голубки жили…

– А есть ли у тебя

с наливкою бутыли?!»

Зеленая стена.

Нашему брату, провинциальному ботанику пробиться в столичные научные журналы невероятно трудно. Каждая такая публикация – праздник не только для самого автора, но и для его коллег. Вот почему, когда в 1995 г. у меня с соавторами вышла статья в «Ботаническом журнале», посвященная распространению карантинного сорняка амброзии, мне позвонил молодой ботаник Сергей Степанович В., поздравил с публикацией и сообщил, что карантинные растения амброзию, циклахену и борщевик Сосновского он видел в окрестностях садоводческого товарищества «Друг природы», что у станции Петряевка. Я взял в Ботаническом саду направление и отправился туда.

В садоводческом товариществе меня, как человека «... изучающего сорные растения и меры борьбы с ними» встретили доброжелательно и председатель, Виктор Николаевич Ш., молодой полнеющий мужчина с аккуратной короткой

бородкой, вызвался меня сопровождать, и мы пошли по главной улице садового массива.

Мне повезло: уже через несколько шагов я увидел мощный куст циклахены. Я бросился к нему, срезал цветущий побег и положил к себе в ботаническую папку.

– Редкостный и опасный сорняк южной России! – провозгласил я.

На лице Виктора Николаевича я увидел изумление:

– И в самом деле? А у нас Виктор Пантелеевич его выращивает, этот чернощир, как он его называет.

– Так, может быть, этот ваш Виктор Пантелеевич и амброзию, и борщевик Сосновского выращивает? – спросил я председателя, кивнув в сторону великолепных экземпляров, росших на обочине.

– Это какой такой борщевик Сосновского? Грузинский тмин, что ли? – спросил у меня Виктор Николаевич.

– Странный вы какой-то специалист, – продолжал он. – Интересные, необычные растения вы зачислили в сорняки. Я сейчас сведу вас к Виктору Пантелеевичу, и мы с ним разберемся, что вы за ботаник! – с явной угрозой закончил он.

– Что я за ботаник, разобралось еще в восемьдесят первом году Всесоюзное Ботаническое общество, избрав меня действительным членом, – спокойно ответил я, – а вот кто такой Виктор Пантелеевич, распространяющий опасные карантинные сорняки, разобраться стоит. Я не смогу, подключу карантинную инспекцию, а понадобится – прокуратуру.

Кониза

Циклахена

Амброзия

Председатель быстро сник.

Между тем мы подходили к дальнему углу садового массива, к участку за номером 666, огороженному невысоким штакетником. На калитке была прибита эмалированная дощечка с надписью «А. П. П-ев, ветеран Автозавода».

Мы отворили калитку и вошли на участок. Он был освоен давно, судя по старым и уже разваливающимся яблоням, но очень запущен: кусты не прорежены, всюду сорняки и бурьян, среди которого виднелись североамериканские тонколучник и кониза, включенные в Черную книгу Средней России. Я призадумался…

Участок вплотную примыкал к забору садоводческого товарищества и у забора возвышалась шеренга каких-то мощных растений ярко-зеленого цвета. Что это были за растения, я разглядеть не успел, поскольку из домика вышел хозяин и пригласил нас в гости.

В домике была лишь одна комната с необычным для такого строения внутренним убранством. Во-первых, стены были увешаны фотопортретами, приглядевшись к которым, я узнал всех наших известных борцов за демократию и права человека. Во-вторых, там был старинный книжный шкаф, заполненный отнюдь не книгами по садоводству и огородничеству, а трудами, в основном, самиздатовскими, тех лиц, фотопортреты которых красовались на стене рядом.

Вытащив с разрешения хозяина одну из книжек, я прочел на заглавном листе дарственную надпись: «Моему дорогому соратнику по борьбе за права человека и товарищу по отсидке Виктору П. на память о зловещих семидесятых». Далее стояла подпись автора книжки.

Тонколучник

Череда

Борщевик

Между тем на столе уже кипел электрический самовар, стояли заварной чайник и чашки, а на блюдце – горка печенья. За чаем, чувствуя себя уже уверенней, я представился хозяину и объяснил цель моего прибытия.

– И, кстати, Виктор Пантелеевич, кто такой этот А.П. П-ев на дощечке у калитки?

– Ах, вот Вы о чем, – рассмеялся хозяин. – Это мой старший брат Саша, ныне покойный.

– Ведь вот как судьба решает, – продолжал он. – Брат мой был старый партиец, орденоносец, передовик и все такое прочее, а я с его точки зрения, – отщепенец. А все-таки свой сад он мне отказал.

– Жаль только, – со вздохом продолжал он, – руки до него не доходят, деятельность по защите свободы и гласности много времени отнимает. Единственное что успел – посадить свои редкости. Семена их мне каждый год товарищи по заключению и соратники из-за рубежа присылают. Идемте, я покажу свою коллекцию.

Мы вышли из домика и подошли к той самой зеленой стене у дальней ограды; приблизившись к ней вплотную, я остановился и оцепенел от изумления.

И было от чего!

Передо мной на прекрасно ухоженной почве возвышались в три шеренги, как николаевские солдаты «на смотру», карантинные сорняки, те же амброзия, циклахена и борщевик Сосновского. Лужайка же перед ними вся была заполнена тонколучником, конизой, мелкоцветковой недотрогой и чередой олиственной из их же компании.

Я невольно отшатнулся.

– Виктор Пантелеевич, – возопил я, – Да это же опасные сорняки! Зачем они вам?!

Реакция хозяина была для меня совершенно неожиданной. Я ожидал чего угодно: взрыва возмущения, замешательства, каких-то оправданий, но не здорового, оглушительного хохота.

– Ха-ха-ха! – грохотал он. – А вы чего ожидали?! Чтобы я стал выращивать пошлые картошку и капусту?! Я всю жизнь шел против рутины, обыденщины, шел наперекор официально предписанным доктринам и выращивать тривиальные овощи не намерен!

– Но ведь это же опасные сорняки, – сказал я.

– Это с точки зрения вашей застойной, тоталитарной науки мои растения – сорняки, а я уверен, пройдет время и их признают ценными. Меня тоже всю жизнь считали сорняком общества, старались извести. Да не вышло! Правы в конце–концов оказались я и мои товарищи!

– Ну хорошо, хорошо, – пошел я на попятный, – вы только не рекламируйте свои растения, пожалуйста.

Виктор Пантелеевич презрительно усмехнулся.

– Я всегда боролся за гласность и открытость и не мне их бояться. Этой осенью я собираюсь выставить свои растения на Автозаводской выставке даров природы.

– Не может быть! – вырвалось у меня. – Ни за что не поверю, что вы решитесь выставить там карантинные сорняки!

...Я оказался прав. Выставить своих питомцев Виктор Пантелеевич все же не осмелился...

Зуб мудрости.

Собирая материалы для моей книжки о флоре города, вышедшей в свет в 2004 году, решил я посетить места, доселе вниманием ботаников не пользующиеся – самый центр исторической части города.

Свернув с Покровки в Холодный переулок, с него – на Звездинку, а оттуда еще на боковые улочки и переулки, набрел я на чудом сохранившуюся усадьбу. За штакетником стоял аккуратный кирпичный домик с мезонином, рядом – добротный сарай и все это – в окружении цветущего сада!

Я нажал кнопку рядом с калиткой и стал ждать. Первой откликнулась собака: громадный белый сенбернар вылез из будки и, повернув в мою сторону голову, строго посмотрел на меня. Вторым обратил на меня внимание большой рыжий кот, спрыгнувший с крыши сарая. Он подошел к калитке, встал на задние лапы и раскрыл пасть, демонстрируя острые клыки. Вслед за тем из домика вышел пожилой мужчина в полувоенном костюме и строго спросил:

– Вам кого?

– Вас! – ответил я, просовывая через калитку свою книжечку действительного члена Географического общества СССР.

Хозяин дома надел очки, посмотрел книжечку, потом на меня и отворил калитку.

– Милости прошу! Позвольте рекомендоваться: Зубов, Платон Григорьевич! Чем могу?

Тут я тоже принял соответствующую позу и отрапортовал:

– Честь имею представиться: действительный член Русского Географического общества такой-то! Находясь на ботанико-географической экскурсии в старой части города и узрев вашу замечательную усадьбу, полную ботанических редкостей, счел долгом засвидетельствовать свое уважение!

Платон Григорьевич улыбнулся и пригласил меня пройти посмотреть его сад. Когда мы проходили мимо собачьей будки, сенбернар протянул мне лапу.

Я осторожно пожал лапу.

Потом ко мне подошел кот и, встав на задние лапы, вцепился когтями мне в голень.

Я погладил кота по спинке.

Платон Григорьевич, с умилением наблюдавший эту сцену, промолвил:

– Ну, вот вы и познакомились с Сеней и Рыськой, моими приятелями и сожителями. Кроме них, у меня никого в Горьком нет!

Сад Зубова оказался и вправду богат редкостями. Здесь росло три вида слив, пять видов яблонь, виноград, абрикос, актинидия, лимонник, плодоносящая мускусная земляника и шелковица. У калитки же росли разнообразнейшие декоративные кустарники, одних спирей было шесть видов!

– Ну что же, Платон Григорьевич, – заявил я под конец экскурсии, – сад у вас действительно уникальный, тем более, как вы говорите, он был заложен еще дедом до революции. Но скажите, ради бога, как вам удалось сохранить все это богатство?

– Видите ли, это наша наследственная усадьба, вернее – ее часть. Моему деду, инспектору гимназии с девятьсот первого года принадлежал вот этот соседний деревянный двухэтажный дом, а тот дом, где я теперь живу, – это его флигель, то есть дом в глубине двора. Во флигеле мы и жили, а в двухэтажный дом квартирантов пускали. А в начале восемнадцатого дедушка красивый жест сделал: двухэтажный дом и при нем сад в ведение местного Совета передал, об этом еще «Нижегородская коммуна» писала. Нас и не тронули, тем более что и при новой власти дедушка продолжал учительствовать. Родители мои умерли, дочь с сыном со своими семьями в Москве живут, а я здесь свой век с двумя приятелями коротаю.

Весной следующего года я опять оказался в этой части города и забрел на знакомую усадьбу. Перемены оказались поразительными. Старый Зубовский деревянный дом был сломан, а на месте окружавшего его садика зиял котлован. Сам переулочек, в глубине которого располагался кирпичный домик Зубова, был перекопан траншеей, на дне которой уже лежали трубы.

Кое-как перебравшись через траншею, я постучал в знакомую мне калитку. Именно постучал, ибо звонок с проводом был вырван с корнем. Встретили меня все трое приветливо: Платон Григорьевич горячо пожал руку, Сеня подал лапу, а Рыська в порыве энтузиазма вцепился когтями мне в брюки.

– Вас, кажется, скоро снесут? – осведомился я. – А как же вы будете без сада? А как же вы и ваши приятели в однокомнатной квартире, – ведь больше вам не дадут, – втроем уживетесь?!

Платон Григорьевич усмехнулся.

– Меня уже пять лет сносят, а я и не горюю, потому как ничего они со мной не сделают! Домик этот до самой моей смерти стоять будет, а после в него моя дочь переберется, она сюда из Москвы воротиться собирается.

– Власть, Илья Львович, у нас, конечно, твердая, – продолжал он, – да только и мы не лыком шиты! Я вот уже сколько лет районную администрацию за нос вожу, тысячи причин нахожу, чтобы отсюда не переезжать – и все вполне легально! Приходит ко мне участковый, предупреждает, что котлован рядом копать начнут и траншеей переулочек мой перероют, а я говорю «Пожалуйста!»

Предупреждают, что электричество, водопровод, газ и телефон отключат, а я говорю «Ради бога! Меньше платить придется! Теперь только за одну земельную ренту и налог за строение вносить деньги нужно будет!». Электричеством я не пользуюсь, радио не слушаю, а по телефону ни с кем не говорю. Еду же я готовлю на керосинке, да еще керосиновая лампа у меня есть и к ним целая бочка керосина в сарае; зимой готовлю на печи, а для дров я с развалин каждый день бревнышки и доски притаскиваю, не успеваю распиливать.– И он показал мне новую поленницу.– А колодец у меня свой, потайной, его еще мой отец в девятьсот тридцатом году выкопал, сруб у него из лиственничных плах, сто лет простоит.

– А на прошлой неделе умора была, – продолжал он, – подъезжают среди бела дня к траншее милицейский УАЗ и большой грузовик, вылезают оттуда участковый, жилищный инспектор и четверо бугаев.

– Собирай вещи, мы их тебе, как ветерану войны сейчас бесплатно погрузим, на новую квартиру неподалеку перевезем и там все расставим.

Смотрю, они у траншеи засуетились, доски со стройки тащат. Да только траншея широкая, доски тонкие, прогибаются, никак нельзя с грузом перебираться. Покрутились они и назад уехали.

А на следующий день, смотрю, строители мост через траншею строят. А я поздно вечером, как строители ушли, через траншею по мостику перебрался, полил ту сторону из бутылки керосином и поджег, а сам вернулся и лег спать. Утром просыпаюсь от крика. Выхожу на крыльцо, смотрю – стоит на той стороне траншеи та же самая компания, а мостик до половины обгорел и в траншею свалился.

– Зубов, – кричат, – не знаешь, кто поджег?

– Мальчишки, наверное. Они тут костер на пустыре жгли.

– Ты бы в милицию позвонил!

– Здрасте! – отвечаю. – У меня же телефон оборван!

– Покрутились они и уехали ни с чем. Они думают, что я здесь как в осаде живу. Дудки! Я потайной ход через забор на задах сделал, где детский сад. Раз в неделю выхожу в магазин за продуктами.

…В начале осени я опять наведался к Платону Григорьевичу и опять застал разительные перемены. На домике рядом с телевизионной антенной гордо реял триколор. Над крыльцом был прибит российский герб, а пониже его герб Нижегородской области и личный герб Зубова. Этот последний представлял собой варяжский щит, разделенный андреевским крестом на четыре багряных поля. На верхнем поле под пятиконечной звездой была изображена Дмитриевская башня Нижегородского кремля, на нижнем поле – восходящее солнце, на боковых полях – скрещенные шпаги и развернутая книга. Под щитом девиз – «Честь – Родине!» Тут же на отделанной под мрамор доске красовалась выведенная золотом надпись, из коей следовало, что владельцем дома является потомственный русский дворянин, российской гвардии полковник и кавалер П.Г. Зубов.

Я крикнул хозяина, и вот он в сопровождении двух четвероногих питомцев подошел ко мне.

– Да вы что, не знаете, разве, что моя усадьба теперь памятник культуры – «Классическая городская дворянская усадьба начала XX века»?! Теперь она под охраной местных властей находится. О ней еще доклад на краеведческих чтениях делали.

Я вошел вслед за хозяином в дом и поразился переменам. В зальце, где раньше стояла мебель из пресловутой ДВП, теперь был старинный огромный круглый стол, бюро, десяток венских стульев; в одном углу стояла этажерка, на которой я заметил комплект журнала «Нива» за 1912 год, а в другом углу на столике помещался несколько помятый, но

Со стены строго и вместе с тем благожелательно на меня смотрел государь император Николай Александрович в скромном мундире армейского полковника.

– Помилуйте, Платон Григорьевич! – возопил я. – Вы что, на старости лет монархистом сделались?! Я, конечно, поздравляю вас, усадьбу вы отстояли, но изменить своим убеждениям…Вы же сами говорили мне, что всю войну комиссарили и демобилизовались в пятьдесят шестом году с должности начальника политотдела корпуса…

– Не торопитесь, не торопитесь, дорогой Илья Львович, осуждать старика. Вы лучше послушайте, что я вам расскажу. Дом соседний еще не достроили, жильцов из других домов я еще не всех уговорил окружить меня гаражами, как вдруг является ко мне очень прилично одетый молодой человек с белым эмалевым крестиком в лацкане пиджака и спрашивает:

– Вы будете потомственный русский дворянин Платон Григорьевич Зубов?

– Я, – отвечаю, – а в чем дело?

А он мне объясняет, что у нас в Нижнем Новгороде организовалось соответствующее местное общество и оно разыскивает потомков нижегородских дворян.

Разговорились мы с ним, и он посетовал, что помещение они никак не найдут. Всего, говорит, пятнадцать человек, а собраться негде. Я ему и предложил: собирайтесь мол, у меня. Послезавтра, говорю, пусть правление общества приходит и осмотрит помещение.

Обещал он правление привести, а я за работу принялся. Всю старую мебель из сараев и других помещений в залу затащил, самовар до блеска натер, портрет царя с чердака достал, обтер и лаком покрыл.

Пришло через два дня правление этого общества, на портрет посмотрело и умилилось аж до слез! Так что выходит, я портрет этот по примеру брата моего деда вывесил. Он им свой старый дом на Солдатской улице от черносотенцев прикрывал, когда в девятьсот пятом году после побоища на Острожной площади у нас молодежь пряталась. Идемте, я вас в свой кабинет провожу, там у меня другой портрет висит. Своих новых знакомцев я туда, понятное дело, не пускаю…

Кабинет Платона Григорьевича был небольшой, но уютный. Стоял там прямо перед окном огромный двух-тумбовый письменный стол, а на нем пишущая машинка «Олимпия» с очередным листом мемуаров. Справа от стола располагался диван, слева – шифоньер и книжный шкаф. Сквозь стеклянные дверцы шкафа виднелись корешки сочинений классиков марксизма – ленинизма, среди которых позолотой выделялось роскошное издание «Вопросов ленинизма» И.В. Сталина. Сам же генералиссимус в парадном мундире и лакированных сапогах, скрестив руки на животе, сурово и хмуро глядел на меня с портрета над письменным столом.

– Ну, Платон Григорьевич, ну вы и даете! – только и мог выговорить я от изумления. – Не сочтите за грубый каламбур, но вы – настоящий зуб мудрости!

– На сравнение не обижаюсь. Зуб – я и есть зуб! Пусть попробуют меня с насиженного места вырвать – себе дороже обойдется! Верно, приятели? – обратился он к коту и собаке.

При этих словах хозяина Рыська прыгнул ему на подставленные руки, а Сеня, зайдя сзади, встал на дыбы во весь свой богатырский рост и положил голову и лапы на плечи отставного полковника. Я пожал Зубову руку, пожал Рыське и Сене лапы, тепло попрощался и отправился восвояси.

ТВОРЧЕСКАЯ ГОСТИНАЯ

- Жизнь и хобби. К 75-летию со дня рождения Ю.Г. Галая

ЖИЗНЬ И ХОББИ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.Г. ГАЛАЯ

В 2020 году известному нижегородскому краеведу исполнилось бы 75 лет. К этому событию близкие ученого подготовили и издали иллюстрированный альбом, рассказывающий о его увлечении живописью. Тираж всего 10 экземпляров. Увидеть и подержать в руках это редкое издание почти не представляется возможным, поэтому наш журнал с разрешения издателей знакомит читателей с некоторыми материалами из этого альбома.

«О Ю.Г. Галае очень трудно говорить в прошедшем времени. Его внезапный уход был ударом для всех, кто его знал. Прошло время, но люди, которые с ним когда-либо встречались, помнят его доброжелательность, его открытость, его эрудицию, готовность оказать любую помощь в рамках своих возможностей… Помнят его «фирменную» улыбку…

Галай Юрий Григорьевич родился 11 сентября 1945 в деревне Черная Маза Лысковского района Горьковской области. Первые годы своей жизни он провел среди деревенских друзей, с которыми учился в школе, где и закончил четыре класса. Затем его детство и юность проходили в Макарьеве, «около Макарьевского монастыря» – как обычно шутил он.

Юрий Григорьевич очень любил свою малую Родину, гордился ее древней историей, которая не только определила его будущую профессию, но и сформировала его главное хобби – краеведение, его любовь к природе и в великой русской реке Волге. Он с большой теплотой всегда вспоминал этот период своей жизни…» <…>

«Макарьевские дубы», масло .1962 г.

«Юрий Григорьевич давно мечтал, оказавшись в Москве, походить по ее музеям. Вот что он пишет об этом в своих воспоминаниях. «Приехав в столицу, я, конечно же, в первую очередь побежал в Третьяковку… Помню, как устало присел перед суриковской «Боярыней Морозовой», и вдруг явственно услышал колокольный звон, крик улюлюкающей толпы, скрип полозьев саней, на которой везли боярыню.

Такое было потрясающее впечатление от этой картины! Накупив на оставшиеся деньги книг по искусству, вернулся в Макарьев» (из книги воспоминаний «Все, что помнится»). В Макарьеве, под впечатлением картин Третьяковки, он делает первые карандашные рисунки и акварели, которые, к сожалению, не все сохранились». <…>

«ул. Гражданская. Макарьево». масло 1962 г.

«Развивал любовь к чтению и книге также и своеобразный кружок, возникший благодаря родителям друзей – одноклассников – Миши Гомозова и Кости Кордо. Собираясь у одного из друзей, они знакомились с русской, советской и зарубежной литературой. Родители друзей (матери и отцы) работали преподавателями в Зооветтехникуме, располагавшемся тогда в стенах Макарьевского монастыря. Семья Кордо, например, приглашала всю троицу в гости, и старший Кордо читал наизусть неизвестного им и полузапрещенного Зощенко. Ребятам было удивительно слушать этого, незаурядного своей оригинальной подачей материала, писателя, которого тогда «не проходили» в школе. В то время Ю.Г. Галай увлекался поэтом Надсоном и, конечно же, А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым, Сергеем Есениным, который был почти запрещен, и книги его стихов трудно было достать.

«река Черная Маза у деревни Черная Маза» масло. 1961 г.

В Макарьеве произошло его знакомство и с художниками – Степано-

вым и Фоминым, у которых он и его приятель Женя Любимов стали брать уроки рисования и живописи. Интересно, что Фомин в свое время учился у Николая Фешина в Казанской художественной школе, который после эмиграции в 20-е годы в США приобрел там мировую известность. Об этих встречах лучше он скажет сам. «Я познакомился с местным художником Иваном Степановичем Степановым, который до войны закончил Пензенское художественное училище, а в Макарьеве работал оформителем на лесопильном заводе. У них с супругой детей не было, и я прижился в этой семье как родной. Почти каждый день или вечер я проводил у них. От Ивана Степановича я много узнал о художниках и русских поэтах, и полюбил их. Стал собирать художественные открытки, которых впоследствии скопилось довольно прилично. До сих пор жалею, что их не сохранил, т.к. среди них были произведения малоизвестных художников, которые редко издавались».

«Молодая березка осенью». масло, 1961 г.

«Осенние дубы». Макарьево 1963 г.

«Мама поощряла его увлечения живописью и даже заказала по почте этюдник. В долгожданной посылке из Ленинграда было все: небольшой аккуратный этюдник, с палитрой, кистями и полностью набитый масляными красками. И всего за 20 рублей! Радость юного художника была безмерной. Он приобрел стульчик и почти каждый день стал пропадать на этюдах. Особенно любил писать природу. Он с упоением бродил по осеннему лесу, и писал, писал этюды. Вот что он пишет об этом периоде. «Я так увлекся рисованием, что буквально бредил им. Так хотелось стать художником. По окончании восьмого класса, по

«Стог сена», масло 1962 г.

«Банька в дер. Черная Маза». масло. 1961 г.

совету моего наставника, я решил поступать в Пензенское художественное училище. Был неопытным: приехал туда без хорошей бумаги. Живопись кое-как сдал, но, когда перешли к рисунку, начались мои мучения. … Поклялся вернуться на следующий год, намереваясь подучиться и попытаться поступить еще раз. Но, вернувшись домой, успокоился: подумал, что хорошего художника из меня не получится. В запасе была история, которую я также страстно любил.» (из книги воспоминаний «Все, что помнится») <…>

«На его эскизах дубы и другие деревья смотрятся молодыми и сильными с сочной зеленью листвы. Кажется, что тут всегда лето, теплое и радостное. Наверное, такое настроение было у 16-17 – летнего мальчишки, когда он с восторгом писал эти этюды красками, полученными из Ленинграда…»

«Осень. Макарьево».1962 г.

ВЕХИ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ

1974 г. окончил историко-филологический факультет ННГУ им.Н.Лобачевского. и поступил на работу в ВШМ МВД СССР; начал работать над кандидатской диссертацией и публиковать работы по краеведению.

«Мои березы» не закончена. Масло 1961 г.

1980 г. защита кандидатской диссертации на тему «Влияние администрации на судебную реформу 1864 года» в Минском государственном университете, руководитель – профессор .И.В.Оржеховский, гл. оппонент – академик П.А.Занчковский

1980 г. в период проведения Олимпиады в Москве был руководителем группы слушателей ВШМ МВ СССР по охране общественного порядка

«Золото осени. Близ села Макарьево».1961 г.

30 ноября 1989 года на учредительной конференции Нижегородского краеведческого общества предложил для утверждения проект устава общества «Нижегородский краевед». Выпустил монографию «Хранить истории следы»

С 1980-х годов начал передавать в дар НГОУНБ редкие и ценные издания и книги с автографами. Передал во Всесоюзную библиотеку им. Ленина в Москве более 200 экземпляров редких, ценных и рукописных книг, в т.ч. молитвенник с холщевыми страницами. (личный фонд № 865); более 50 редких книг передал в библиотеку им.Салтыкова-Щедрина, г. Ленинград.

После ухода из жизни Ю.Г. Галая вышли его книги

Галай, Ю. Г. Нижегородская полиция в XVIII – начале XX века монография / Ю. Г. Галай. – Нижний Новгород: НПА, 2012. – 247 с.

Городецкий край в записках краеведов: [сборник статей]. – Вып. 2: к 70-летию Ю. Г. Галая / [авт. ст. Ю. Г. Галай; авт. вступ. и заключительной ст. Н.Н. Галай]. – Городец: [Растр-НН], 2014. – 147 с.

Галай, Ю. Г. Храня истории следы: [сборник статей] / Ю. Г. Галай. – Нижний Новгород: Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2014. – Т. 1. – 510 с.

Известный неизвестный Галай, руководитель проекта архимандрит Тихон (Затекин), составитель Н.Н.Галай, Нижний Новгород: Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2016, – 351 с.

А.В.Беляков, Ю.Г.Галай, А.Н.Лушин, Нижегородская полиция в период Российской империи, монография Ю.Г.Галая, Нижний Новгород НА МВД Р , 2017 Премия Министерства внутренних дел РФ за лучшее научно-исследовательские (творческие)работы, посвященные 300-летию российской полиции, Приказ МВД РФ №1135 л\с от 07 ноября 2018 года

Ю.Г.Галай Избранные труды, Издательство «Юрлитинформ» Москва, 2019, – 615 с.

Галай Ю.Г. Все, что помнится, К 75-летию со дня рождения Ю.Г.Галая, Нижний Новгород, Издательство «Кварц», 2019, – 95 с.

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

- Чириков М.А. Подарки к юбилею писателя Евгения Николаевича Чирикова

М.А. Чириков

ПОДАРКИ К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧИРИКОВА

Продолжение. Начало см. т 44 (2019), с.271-281

В 2019 году писателю, драматургу, публицисту и общественному деятелю конца 19-начала 20 века Евгению Николаевичу Чирикову исполнилось 155 лет. <…>

И на многочисленных встречах о жизни и творческой деятельности писателя из зала звучал один и тот же вопрос «Где можно найти и купить книги Евгения Николаевича Чирикова?» Поэтому к этому юбилею мы бросили основные силы и средства не только на развитие Литературного музея Е.Н. Чирикова, но и на издание его произведений.

Часть 2 «Детские радости и горести»

Мечта собрать воедино все детские произведения Евгения Николаевича Чирикова была давно. Удивительно, что их издавали отдельными книжечками даже тогда, когда имя их автора – писателя-эмигранта было под запретом. Дети с упоением читали его рассказы «Коля и Колька», «Рыжий», «Дуняшка», «Бродячий мальчик»… В начале 90-х годов прошлого века сказки Чирикова «Белая роза», «Приключения маленького путешественника» и рассказ «Хаврюша» вошли в сборники «Русская детская классика» серии «Всемирная детская библиотека», хрестоматию для младших классов «Родное слово» и в православный альманах для детей «Искра любви».

В 2000 году вышел академический сборник произведений Е.Н.Чирикова «Зверь из бездны», в который были включены несколько детских рассказов, сказок и повесть «Моя жизнь». Редактором-составителем сборника была доктор филологических наук, профессор МГУ Мария Викторовна Михайлова. Она практически открыла современному читателю Чирикова как детского писателя. В своем предисловии к этому изданию она писала:

«Лучшие рассказы Чирикова о детях, несомненно, могут быть поставлены в один ряд с чеховскими «Ванькой Жуковым», «Степью», «Детворой», короленковской повестью «В дурном обществе», рассказом Д.В. Григоровича «Гуттаперчивый мальчик», детскими произведениями А.И. Куприна, И.С. Шмелева и других русских писателей конца XIX – начала XX вв.

Можно даже привести доказательство, что «вина» за избрание писателем интеллигенции как объекта изображения лежит в какой-то степени на той же критике. Когда один из своих первых рассказов – рассказ о детях «Ран-

ние сходы» (1892) писатель послал в «Русскую мысль», руководитель журнала В.М.Лавров ему ответил так: «Написано с несомненным дарованием, но мы не можем занимать наших читателей героями такого возраста. Сделайте Ваших героев более взрослыми и тогда милости просим!» Просьба выглядела несколько странной, тем более, что автор уже зарекомендовал себя в писательских кругах как знаток детской психологии, и самое первое произведение молодого автора, с которым он вступил в литературу, тоже было посвящено судьбе ребенка. Это был рассказ «Рыжий», появившийся в газете «Волжский вестник», в январе 1886 г.,– сентиментальная история мальчугана, погибшего от холода и голода. (Мотивы этого произведения в усложненном виде можно обнаружить в повести «Бродячий мальчик», этой эпопее детской жизни брошенного ребенка.) Все это свидетельствовало о том, что Чириков намеревался стать детским писателем.»

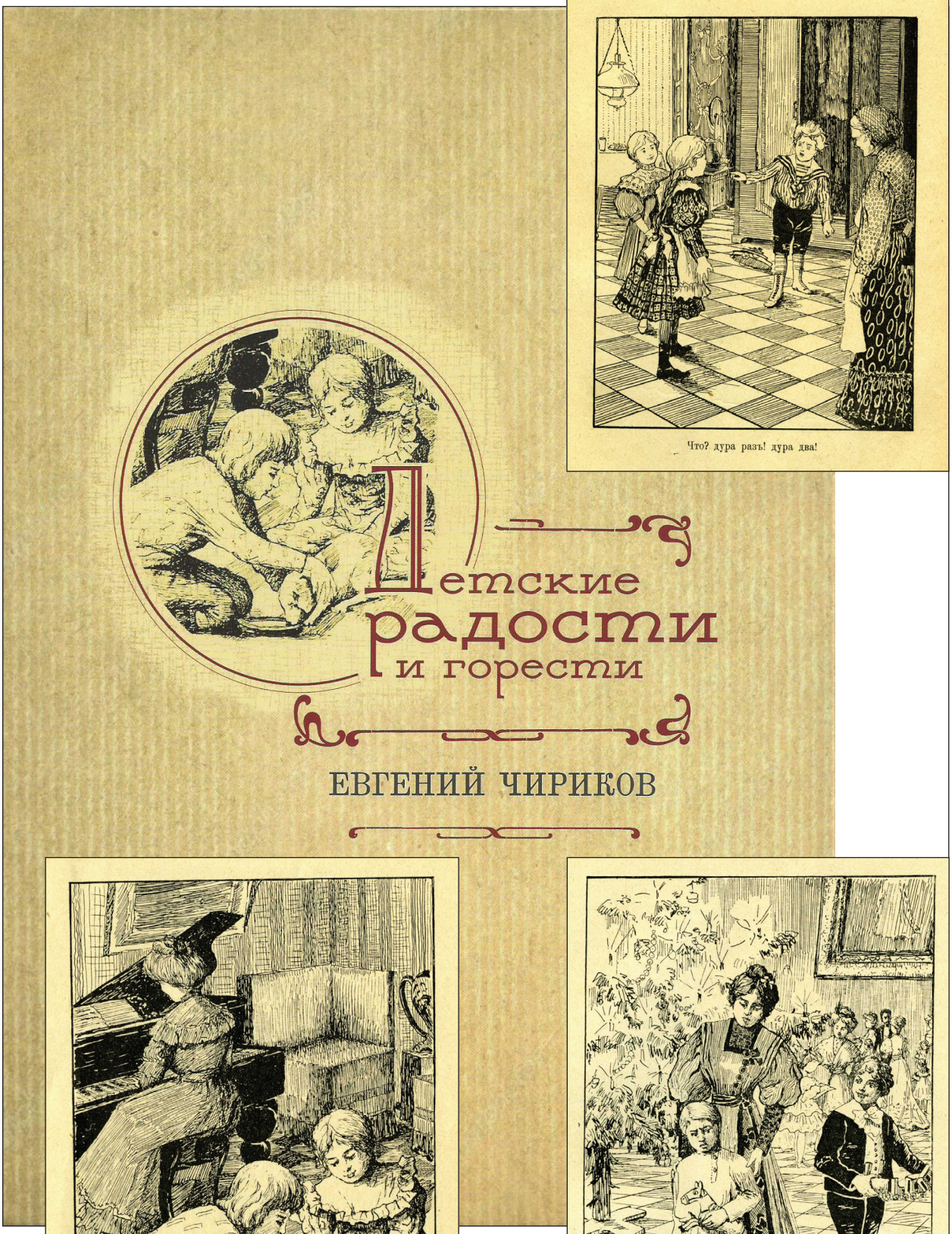
Анализируя творчество Е.Н. Чирикова для детей Михайлова констатирует:

«У Чирикова мир взрослых и детей часто разделен непроходимой пропастью. В одной из его пьес сказочный персонаж произносит: «Люди в очках и с книгами <...>. Они прогнали нас с родины... Это чародеи, перед которыми пропадают все тайны гор, лесов и морей...».

«Люди в очках и с книгами» – это злые волшебники взрослые. А подлинные чародеи – дети, сохраняющие наивное, неиспорченное восприятие вещей в их первозданной ценности, живущие по законам своего волшебного царства – страны детства. Для взрослых Хаврюша – это просто поросенок, а значит, и возможность насладиться вкусной и сытной едой. Для маленьких героев одноименного рассказа (1908) – это существо со своими интересами, пристрастиями, привычками, с забавным хвостиком-закорючкой и носиком-пятачком. И спасение Хаврюши от кухаркиного ножа вырастает в целую героическую эпопею освобождения и защиты беспомощного, страдающего, слабого... В ход идут все средства – лесть, увещевание, беззлобный обман, молитва. Но все оказывается тщетно. На столе – жаркое из поросенка с гречневой кашей, в душе у мальчиков – пустота и отчаяние.

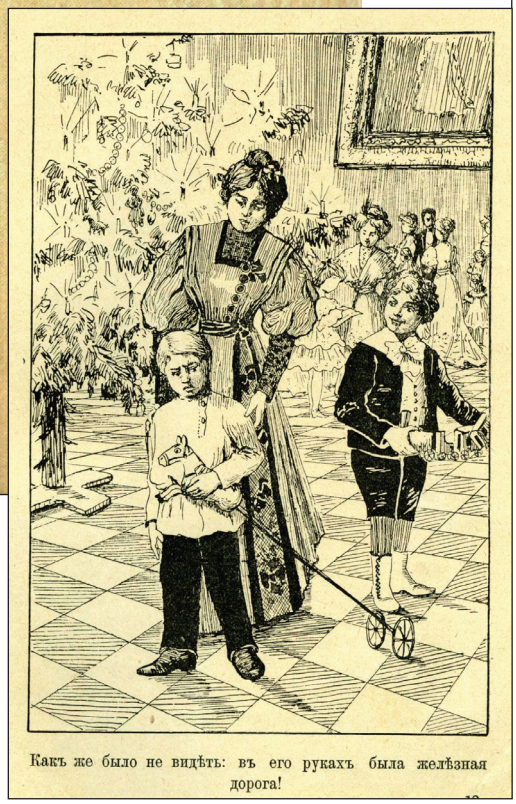
Так взрослые, сами того, возможно, не подозревая, сохранял всего-навсего отработанный порядок вещей, нарушают изначальное нравственное равновесие детской души, лишают ребенка веры в справедливость, согласно которой и поросенок обязательно обладает «душой», и о нем можно тосковать и печалиться.

Поэтому животные, так же как и дети, способны играть роль нравственного ориентира в произведениях писателя. История, рассказанная в «Моей жизни» (1905) имеет неожиданное начало: «Отца своего я не помню, но отлично помню мать. Она была рослая и красивая блондинка с карими глазами... Впечатление



Что? дура разъ! дура два!

Я крѣпко сжалъ зубы, задыхался и фыркалъ, пока, наконецъ, не попалъ лапой въ блюдечко и не опрокинулъ его...


Какъ же было не видѣть: въ его рукахъ была желѣзная дорога!

такое, будто речь идет о бедном подкидыше или внебрачном ребенке. И только когда мы узнаем, что у красавицы-матери – пушистый хвост и ошейник, мы поймем, что герой «Моей жизни» -– щенок, который вскоре превратится в отличную охотничью собаку по кличке Верный... Этот пес вполне оправдает свое имя, одарив преданной дружбой кухарку Прасковью и ее сына Ваню, став товарищем игр господских детей Мити и Кати, выполняя охотничьи задания их старшего брата Миши. Он станет последним утешением для умирающего на цепи старого пса Руслана и приятелем живущего в сарае поросенка. Но такая преданность, верность, высокая, подлинная, как это ни странно прозвучит, «человечность» никак не вознаградятся: после болезни потерявшего обоняние Верного, по сути, выбрасывают на улицу. И ему не остается ничего другого, как искать новых хозяев, которых он – о, счастье! – находит. Пес оказывается в деревне, на природе, которую умеет любить и тонко чувствовать. Верному доступны те чувства, что испокон веку считались исключительно достоянием людей – доверчивость, восхищение красотой мира, способность к любви, благородство, постоянство. Но людьми они почти утрачены. Ведь от Верного отказывается не только охотник Миша, который не может теперь использовать его по назначению, не только барыня, всегда предпочитавшая ему завистливого Бобика, но и Катя, и Митя. Пожалуй, только Прасковья испытывает к нему чувство жалости, да она и сама пришлась, как видно, «не ко двору» и тоже должна искать себе новое пристанище.

Чириковский «животный эпос» существенно дополнил создаваемые другими авторами в это же время картины естественно-природной жизни. Как тут не вспомнить «Каштанку» и «Белолобого» Чехова, купринского «Изумруда», «Серую Шейку» Мамина – Сибиряка! Пронизывающая эти произведения трогательная интонация сопричастности всему живому, сопереживание его бедам и несчастьям призвана была возбудить в человеке чувство ответственности за подаренное Богом окружающее великолепие, такое хрупкое и ранимое в своей первозданности, существенную часть которого составляют братья наши меньшие.

Конфликт совести с «бессовестной» средой вырастает как столкновение детского незамутненного мировосприятия и логически выверенного расчета взрослых. Эту извращенную иерархию ценностей Чириков рисует в рассказе «Лошадка», в котором главный приз рождественской елки – железная дорога – в обход всяких правил достается краснощекому самоуверенному мальчику, очевидно, отпрыску какого-то важного лица, а сынишка акцизного чиновника должен довольствоваться палкой с головой лошади и колесиком вместо хвоста. Этот механизированный символ, призванный заменить живую лошадь, становится символом бездушного мира, в котором вынуждены существовать дети.

«В царстве сказок» – это воплощение детской мечты, символ нетронутой страны детства, самого таинственного, заповедного места на свете, приблизительно того самого, которое Пришвин называл страной без имени, «без территории». Чирикову удалось достичь в этом произведении поразительного сплава мира западноевропейской сказочной культуры (карлики-рудокопы, прекрасные волшебницы, причудливые замки, необыкновенные великаны, сладкозвучные арфы, мраморные пещеры) с славянским фольклором, главными действующими лицами которого являются зеленоглазые русалки, Баба-Яга с костяной ногой, похожий на обыкновенного мужика Леший и колдуньи Улыба и Смехунья. Многое взято писателем из русских народных сказок. « Некоторое Царство-Государство», куда отправляется герой, очень напоминает и Белогорье, и страну Муравию, и остров Буян, стоящий на Море– Окияне, то бишь на Розовом Озере. Это та самая райская страна, где вечная радость и вечная весна. И очень по-русски звучит название деревни – «Веселенькая». И как в народной сказке, туда можно попасть, лишь преодолев массу препятствий, переплыв водные преграды, превратившиеся под пером писателя в реку Ненависти. Но одновременно это и занимающая высокую ступень в детской иерархии ценностей страна сладостей: в ведрах сахарных гор прячутся шоколадные ковриги, рассыпана разноцветная карамель, леденцовые жилы ждут разработки и совершенно запросто растет обсыпанная сахарной пудрой клюква, а заливных орехов видимо-невидимо.

Детское восприятие у Чирикова здесь максимально приближено к народному мироощущению. Маленький путешественник особенно остро чувствует Добро и Зло, их вечное противостояние, чутко реагирует на несправедливость, обиду и предательство. Но все же главным критерием отношения ребенка к миру, по убеждению писателя, всегда остается нравственное чувство.

По Чирикову, детское сознание всегда способно более точно угадывать то, что скрыто от скептического и рационального взгляда взрослого. Взрослые не верят в чудо, ребенок не только верит, но и создает его. Оно является ему в виде чудесной и таинственной страны с розовым озером, белоснежными лебедями, синим замком с серебряной крышей, перламутровыми горами с золотыми вершинами... Эта страна мечты необыкновенно красочна, упоительно привлекательна. Она так не похожа на Привычные картины, обступающие нас ежечасно. Но Чириков убежден, что такое же великолепие окружающего мира будет открываться непредубежденному взгляду каждого, если только он найдет в себе силы освободиться от привычных стереотипов восприятия, житейской суетливости, если его сердце исполнится любовью ко всему живому.»

Прекрасное знание М.В. Михайловой детских произведений Е.Н. Чирикова и прочувствованность ею детских героев писателя побудило меня обратиться

именно к ней с просьбой стать редактором-составителем большого сборника детских произведений. Мария Викторовна согласилась сделать это бесплатно и взяла к себе в помощники еще одного исследователя творчества Е.Н. Чирикова кандидата филологических наук (защитила диссертацию по творчеству Чирикова), преподавателя МГУ Анастасию Викторовну Назарову. Вместе они составили сборник из рассказов, повестей, сказок и пьесы «Лесные тайны», который разделили на четыре части: 1. Сказочное путешествие, 2. Сказки о животных, 3. Детские радости и 4. Детские слезы с общим названием «Детские радости и горести.» К книге ими было написано научное предисловие «Евгений Чириков – поэт страны детства», которое предназначено в первую очередь для взрослых – родителей, учителей литературы и литературоведов.

Подготовить книгу к печати взялся петербургский издатель Ильдар Маматов, известный своим инновационным подходом к книгам и туристической издательской продукции, сочетающей в себе печатное слово и электронные носители информации. В результате книга сохраняет старые традиции в виде текстов и иллюстраций, перенесенных из дореволюционных изданий детских произведений Е.Н. Чирикова, и использует новые технологии в виде QR-кодов, позволяющих считывать современными айфонами аудиозаписи с моим чтением рассказов автора.

Книга получилась объемной и интеллигентной. Под интеллигентностью я понимаю то, что она не кричит ядовитыми яркими красками и уродливыми изображениями героев, а мягкими красками и образами реальных детей в одежде и обстановке начала 20 века просто просится в руки и располагает к неспешному прочтению и последующему рассуждению и осмыслению содержания и поступков героев.

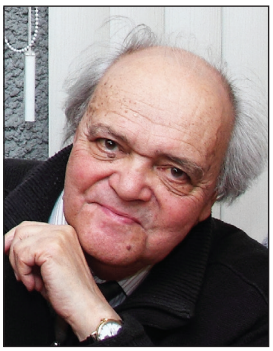
Из-за жестких государственных требований к детской книге по формату, шрифту и бумаге книга получилась дорогой. Но тут на помощь к нам пришла нижегородская компания «Салют-27» в лице её генерального директора Александра Александровича Быкадорова, которая выделила деньги на первые 100 экземпляров книги.

Книга сразу вызвала интерес читателей. Заявки на покупку книги пришли не только из Нижнего Новгорода, но и Москвы, Петербурга, Архангельска, Тюмени, Владимира.

Хочется надеяться, что это только начало и прелюдия будущего полноценного тиража, который позволит поставить книгу на полки книжных магазинов по всей России.

А нижегородцам в этом отношении повезло. Все три юбилейных издания к 155-летию Е.Н. Чирикова теперь есть во всех центральных библиотеках города и области.

НАШИ АВТОРЫ


Цирульников А.М.

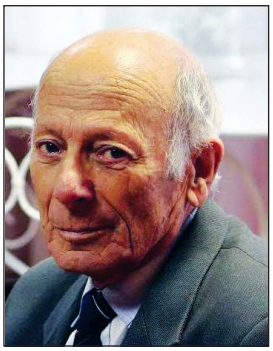
Шайхутдинова М.В.

Березина Т.Ю.

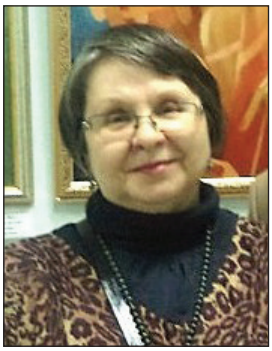
Богомолов И.С.

Галай Н.Н.

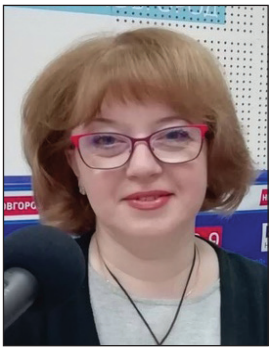
Дебихина Н.И.

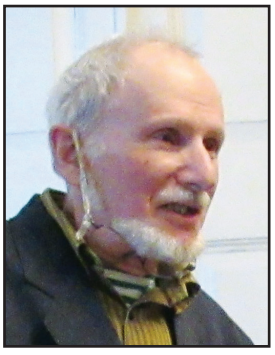

Залесский Л.Б.

Извеков Б.С.


Квач Н.В.

Луцкая И.Н.


Мальцева И.Г.


Мининзон И.Л.

НАШИ АВТОРЫ

Михайлов М.М.

Новокрещенова Т.М.

Новосадов И.Л.

Пигалицын Л.В.

Семенова Т.Е.

Толмачева Н.Н.

Шкуркин М.П.

Хроматов В.Е.

Харламов В.А.

Чириков М.А.